

МАРКО ВОВЧОКЪ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

САРАТОВЪ.

Изданіе книжнаго магазина «Саратовскаго Дневника».

1896.

Дозволено цензурой. С.-Петербургъ, 20 августа 1886 года.

САРАТОВЪ.
Типографія Н. П. Штерцеръ и К^о.

РАЗСКАЗЫ

ИЗЪ

УКРАИНСКАГО БЫТА.

ТРИ ДОЛИ.

I.

Родилась я въ слободѣ, Пятигорьѣ. Можетъ, слышали, если случалось проѣзжать слободскія стороны, да и навѣрное слышали, что тамъ, недалеко отъ насъ, набожная старушка вырыла пещеры въ мѣловой горѣ. Тридцать, или сорокъ лѣтъ трудилась она—неисходимыя пещеры ископала! Слухъ идетъ межъ людей, что была она женщина немощная, слабая, но духомъ сильная. Святая память осталась по ней.

Какъ выйти изъ этихъ пещеръ, да стать по солнцу,—заблѣютъ передъ вами все горы, да горы мѣловыя, высокія, крутыя. А межъ тѣми горами журчитъ узкая, глубокая и прозрачная рѣчка. Быстро бѣжитъ она, словно сердится, до самаго поемнаго луга, а тамъ тихо и широко разливается по лугу; и далѣе, тихо, какъ серебряная лента, вьется подъ лѣсами; а еще дальше гдѣ-то пропадаетъ въ густыхъ высокихъ камышахъ.

Слобода наша стоитъ надъ самымъ разливомъ, на пяти горахъ мѣловыхъ. Въ былыя, смутныя времена селились повыше, чтобъ укрыться отъ нечаяннаго набѣга врага-татарина; сверху издалека завидишь—и уйти, и схорониться успѣешь. Горы тѣ мѣстами заросли густыми садами. Межъ бѣлыхъ хатокъ, въ зелени, смотришь,—вишня въ цвѣту какъ

въ молокъ стоитъ, или стройный тополь шелеститъ пахучими листьями; а тамъ надъ воротами густая, непроглядная груша раскинулась наметомъ; по берегу кусты калины, какъ руками, сплелись и потянулись вдоль; нагнулись вербы; тѣснится и лѣзетъ изъ земли густая лоза. На скатахъ къ водѣ пышные огороды разрослись. Тамъ-то зелени всякой, тамъ-то цвѣтовъ! А тропинокъ!—и къ рѣчкѣ по воду, и къ со-сѣдкѣ, и къ другой. И все это исходили, истоптали легкія ножки дѣвичьи.

Наша хата стояла на самой маковкѣ горы. Просторно и далеко вокругъ видно... Часто впадаютъ мнѣ на умъ молодые года: когда что было и какъ было... Выйду, бывало, сяду на заваленкѣ, и долго прислушиваюсь... Вечеръ тихій; солнышко уходитъ за гору; вода, словно пламя, заблеститъ и потухнетъ понемногу. У каждой хаты шумъ и говоръ слышенъ; а тамъ тучка пыли подвигается къ селу, стадо идетъ съ поля; а тамъ, вдали, пѣсни поютъ; а за рѣчкою кузнецъ куетъ... Вотъ ужъ и небо меркнетъ; темнѣетъ и затихаетъ земля; умолкаетъ все... тихо засверкали золотыя звѣздочки; взошелъ ясный мѣсяцъ; а въ водѣ трепещутъ другія звѣзды, другой всходитъ мѣсяцъ; защебеталъ соловей... откликнулся другой...

Отца, матери я не запомню; еще въ пеленкахъ осталась сиротой. Принялъ меня къ себѣ и пріютилъ мой родственникъ, Павло Булахъ. Зажиточный онъ былъ хозяинъ. Шесть паръ воловъ, да два плуга пахали у него; довольно было и сѣнокосовъ своихъ, и у людей бралъ. Временами хаживалъ на Донъ; не каждый годъ, а такъ, когда ему вздумается, какъ-будто кто погонитъ его туда. Навезетъ, бывало, разной рыбы соленой для продажи, а то и даромъ раздаетъ, лишь бы себѣ въ запасъ осталось. Выгода ему не велика была, а пожалуй и убытокъ; только онъ сильно любилъ ходить въ дорогу, еще отецъ его чумаковалъ и, бывало, бралъ его съ собой; онъ тогда и пристрастился къ чумачеству, и теперь отъ дому до Дону, какъ по саду у себя прогуливался. Вотъ, какъ воротится домой, да еще и веселый:

„Жинка! а вѣдь криница-то *) въ степи, что подлѣ Робленыхъ могилъ, совсѣмъ засыпалась“.

Жена хоть и не знаетъ, не вѣдаетъ, какая тамъ криница, а пожалѣетъ: „Жаль, скажетъ, кринички“!

— А когда мы съ покойнымъ отцомъ хаживали, какая вода тамъ была чистая,—какъ слеза!

Да и начнетъ рассказывать, какъ-то бывало встарь, и какъ теперь.

Жена у него—душа, не человѣкъ была; такая тихая, привѣтливая. Я отъ роду не слыхала отъ нея слова горькаго, да и лицо у нея такое было, что вотъ точно она изъ Божьяго дома только воротилась. Ужъ сѣдинки пробивались въ головѣ, а женщина еще красивая была, величавая, какъ лебедь бѣлая.

Хозяинъ хоть и добрый человѣкъ былъ, да нрава жестокаго. Онъ очень любилъ жену и дочь, но не любилъ, чтобъ ему перечили; и не говори ему, и не спрашивай, и не совѣтуй, когда что сказалъ. Въ хозяйствѣ ли, въ дѣлѣ ли какомъ, онъ самъ себѣ судья: самъ размыслить и порѣшить, а женѣ только скажетъ, если надо. Она-жъ всегда съ нимъ согласится, и въ голову ей не войдетъ, чтобъ могло быть иначе: все свято, что онъ сказалъ.

Была у нихъ дочка Катря. Эта не въ мать уродилась—пылкая, вострая дѣвушка, трудно ей было кориться отцу нравному. Бывало, какъ сведетъ онъ вмѣстѣ черныя брови, какъ сожметъ тонкія губы, да сверкнетъ чернымъ глазомъ, мы съ матерью чуть дышимъ... А Катря не боится ничего! Она спрашивать, да разспрашивать, да спорить съ нимъ, и не уймется, пока онъ не вскрикнетъ: „годи“! **)—такимъ голосомъ, что самый отражный человѣкъ на свѣтѣ приумолкнетъ. Послѣ того еще долго у Катри горитъ личико, и слезы дрожать на глазахъ.

Катря была красавица. Какъ нарядится, бывало,—одна дочь у отца, ничего не жалѣли—запаска наилучшая, плахта

---

*) Колодезь.

**) „Полно“!

шелковая, какъ писаная; платокъ повяжетъ легонькій съ золотыми цвѣтами, съ золотой каймой, и цвѣточекъ прибегаетъ къ лицу, особенный; корсетъ зеленый, какъ весенняя трава, изъ хорошаго сукна. Коса у нея была такая, что косниковъ не надо—только голубую ленту, или красную вплететь,—чуть не до земли; ожерелье дорогое и на немъ дукачъ *) съ камнями. Башмачки на высокихъ каблуккахъ; сорочка тоненькая, сплошь мелко вышитая... Войдетъ, бывало, гдѣ гостей полна хата—всѣ умолкнуть, на нее заглядятся; а она словно маковъ цвѣтъ! Она и улыбнется всѣмъ, и застыдится... А какая веселая и живая была!

Родни у насъ довольно: тотъ женится, та замужъ идетъ,—межъ своими навеселишься. Одѣвается она, бывало, на свадьбу, или на вечерницы—такъ все въ рукахъ ея и кипитъ,—въ-мигъ готова. Перетянется поясомъ—тоненькая-тоненькая! И куда-бъ она ни пошла, никто ея не перепугаетъ, никто не перепоеетъ ея соловьиного голоса.

А весною? Настаетъ весенняя пора,—съ кровель закаетъ вода, побѣгутъ ручейки съ горъ, стаетъ снѣгъ въ садикахъ, взломаетъ ледъ на рѣкѣ, солнышко грѣетъ изъ-за теплыхъ тучекъ, вѣтерокъ теплый, да какой-то дремливый пахнетъ,—дышишь, не надышишься; Катря первая запѣла веснянку, идетъ по селу, поетъ, и выкликаетъ подругъ на улицу; и всѣ ея слушаются; да кто бы и не послушался Катри?—всякій готовъ ея волю выполнить. Богъ вѣсть, есть что-то такое въ этихъ пылкихъ, огневыхъ людяхъ. Съ подругами она, бывало, сколько разъ на день и расхохочется, и разсердится на нихъ, и снова обнимется.

Ахъ жизнь, жизнь молодая, плывешь ты по внешней водѣ!

Но вотъ и весна,—веселая, какъ праздникъ. Небо голубое, чистое; вездѣ вода блеститъ; распускаются рощи; сады убираются цвѣтами;—сколько свѣжести и запаха! Вечеромъ соловей затаится въ густомъ кленѣ и льетъ оттуда свои звонкія пѣсни; кукушка кукуетъ на высокой березѣ—и

*) Большая золотая монета.

странно тебя трогаетъ это и унылое и беззаботное куку— куку! гудятъ пчелы въ воздухѣ; мелькаютъ бѣлые мотыльки надъ молодой травкой, жуки спуютъ и суетятся въ воздухѣ... Какой-то шумъ, какой-то гулъ изъ-подъ земли, и съ неба, и отъ воды! Дожидаемся вечера, а вечеромъ идемъ на высокій курганъ—что могилой у насъ называется. Чуть свѣтять острые рога молодого мѣсяца; вездѣ тихо; только мы поемъ, да гдѣ-то мельница шумить, да вода плещетъ въ берега тихонько.

А въ праздникъ, бывало, проснемся ранехонько, идемъ въ церковь, словно тучка разноцвѣтная плыветъ по степи; тамъ стоимъ смиренхонько, какъ свѣчки. Воротились, обѣдали—не обѣдали, опять всѣ вмѣстѣ снова; Катрю слышно больше всѣхъ; „Куда-жъ, голубушки? „На могилу пойдемъ“?— „Нѣтъ, въ лѣсъ по цвѣты“!—„А лучше въ степь, сестрицы, на козацкое раздолье“! „И тамъ хорошо!“ „Тамъ еще лучше!“ „Тамъ еще веселѣ!“

Тамъ, и тамъ—и вездѣ весело, и вездѣ хорошо! И какъ веселый рой, дѣвушки посыпали за село; и пѣсни, и хохотъ несутся далеко...

Молодые лѣта—золотое время! Что ни задумалъ, все тебѣ по силамъ, все отрадно; не то старый человѣкъ,—онъ, какъ будто, въ тучу вошелъ...

II.

Была у насъ сосѣдка, вдова Пилипиха,—хозяйка на все село извѣстная. На хату ея посмотришь—что за хата! огороды полны всего; садъ панскій; сколько полей, степи сѣнокосной! тамъ и баштанъ и пасѣка,—чего тамъ у нея не было! А сама изъ себя дородная, высокая, смуглая женщина, и, какъ будто, солнышкомъ прижжена, волосы какъ уголь; одѣвалась она въ красный очипокъ *) и въ зеленую кофту. Сапоги сафьянные, красные или желтые; широкіе бѣлые рукава размахиваются, и рассказываетъ она всюду точно богатая теща у бѣднаго зятя.

---

*, Головной уборъ.

Пилипиha была давняя подруга и пріятельница нашей матери: жили онѣ межъ собой хорошо, какъ слѣдуетъ въ сосѣдствѣ, и любили другъ друга.

Не долюбливалъ только нашъ отецъ вдовы за то, что она такая неговорчивая, своеумка, все, какъ и онъ, по-своему любила. Не очень жаловала и вдова его: рыбакъ рыбака видѣлъ издалека.

Что, бывало, отецъ ни устроить въ хозяйствѣ, что ни придумаетъ, мать похвалится вдовѣ—вдова все осудить. Хоть иной разъ въ глаза прямо не скажетъ, такъ вздохнетъ тяжело и головой покачаетъ... Совсѣмъ не по ней было, что мать такъ угождаетъ старому мужу, такъ его слушается. Чудно ей это казалось, недостойно. Придетъ, бывало, къ намъ Пилипиha,—а старика дома нѣтъ,—сейчасъ начнетъ словцо, другое закидывать,—воду, какъ говорится, мутить: „мужъ, дескать, хозяинъ въ полѣ, а жена госпожа въ домѣ; не милое житье съ тѣми мужьями, что весь домъ пляши по ихъ дудкѣ. Это какъ хрѣнъ коренастый: гдѣ ужъ разрастется, ничего тамъ добраго не поѣшь. Не медъ пьется съ такими: лихое житье“!

— А какъ же не лихое, отвѣчаетъ мать вдовѣ. Сохранилъ насъ Богъ, пусть и нашихъ дѣтокъ соблюдетъ!

— Еще твой-то не нравный, голубка! Еще твое-то житье просторное! Куда какъ легонько живется!

— Вотъ тебѣ разъ! За что меня дарите такимъ горемъ, что у меня отъ роду его не бывало? Да меня мужъ никогда и словомъ не обидѣлъ.

— Что-жъ, что все молчить? Говорять, и палачъ не говорливъ, а голову ему нипочемъ отсѣчь. Молчить!—Это молчаніе камнемъ на душѣ лежитъ. Онъ васъ этимъ молчаньемъ подъ ноги топчетъ! Онъ у васъ ни совѣту, ни привѣту не ищетъ: обходится съ вами, какъ панъ съ подданными!

— Что это вы, сосѣдушка, что вы! Можетъ, онъ и крутъ немножко, и-своенравенъ уродился, да за то онъ разумный у насъ; намъ хорошо за нимъ; спасибо ему...

— Да, ты бы, бѣдняжка, кажись, и врагу своему спасибо сказала! Ужъ видно ты одна такая у Господа Бога!...

Меня бы онъ такъ не обошелъ! Я бы ему свое доказала! Увидѣлъ бы онъ!

— Ну, полно же, полно, мое серденько, ублажаетъ ее мать:—не годится мнѣ такія рѣчи слушать...

— А я для чего говорю? Для чего, думаешь, какъ не по дружбѣ? Мнѣ то какая тутъ бѣда! Говорю, любятебя, жалѣючи... Ты какъ ребенокъ, своей бѣды не понимаешь; не видишь ея, и на здоровье тебѣ!

И такъ, видите, любя и жалѣючи ее, бѣду ей и указываетъ, отъ полноты сердца, по всей правдѣ своей. И въ самомъ дѣлѣ желала добра вдова и о благѣ хлопотала. Вдовѣ казалось, что отъ горя нельзя не отбиваться руками; что хоть и не отобьешься, такъ боемъ въ волю натѣшишься. И то отрада. Не то чтобъ вдова ужъ очень не переносила старика нашего,—напротивъ: какъ придетъ, бывало, да его дома нѣтъ, то, какъ-будто, ей досадно, даже очень досадно станетъ: тогда у насъ и на огородѣ непорядокъ, и въ полѣ что-то плохо у нея, и зимы она ждетъ холодной, лютой... А какъ нашъ отецъ тутъ, она глядитъ бодро, все тогда ей по сердцу и мы ей точно милѣе станемъ.

Какъ сошлись, такъ и начнутъ, бывало, одинъ другого колоть и язвить словами и взглядами.

— Э, говоритъ нашъ батько:—э, пани сосѣдка! я бы васъ полковникомъ поставилъ. То другимъ молодежи сѣять макъ, да садить морковь, а вамъ,—вамъ, право-слово, атамановать!

А самъ, говоря, какъ-то сбоку, лукаво на нее глядитъ, такъ что гордаи вдова покраснѣетъ и гнѣвные очи потупить въ землю, собираясь съ мыслями для отвѣта.

— Это все шутки и прибаутки, панъ-сосѣдъ, а вы мнѣ скажите какое-нибудь разумное слово.

— Извините за разумное—не наша статья. На мѣсто его примите правдивое, почтенная сосѣдушка!

И снова Пилипиha покраснѣетъ.

А какъ вспомнить, бывало, своего мужа покойника,—она же часто любила вспоминать его,—„вотъ былъ чело-

вѣкъ“! и вздохнуть тяжело и очи свои быстрыя уставить въ одно мѣсто... „Теперь его душенька въ раю“!

— Благодаря вамъ, сосѣдушка, отзовется отецъ.

Она такъ и вспыхнетъ, и кручину о покойникѣ позабудетъ.

— Мнѣ благодаря? схватится за это слово.

А отецъ спокойно и лукаво:

— Да, говорю, что вы ему вымолили мѣстечко въ раю.

И всегда, какъ ни сойдутся вмѣстѣ, такъ и пошли одинъ другого колоть, кажется, и ласковыми словами. Иногда случалось, шпилька близко къ сердцу придетъ, такъ что Пилипиha и не вытерпѣть, разгнѣвается и уйдетъ, поднявъ высоко гордую голову. Но это не надолго: не замедлитъ опять насъ провѣдать, и вновь также точно и споры, и вспышка. Настоящей ссоры никогда не было.

У вдовы была дочка Маруся, наша подруга и ровестница намъ: добрая, тихая такая, и собою хороша такъ, что нельзя описать. Лицо кругленькое, глаза ясные, брови бархатистыя, ротикъ словно вишня, такая статная и высокая, голосъ нѣжный: бывало заговорить, такъ, кажется, и ласкаетъ тебя. И ужъ такъ тиха была, словно печалится о чемъ-то. Никогда она сильно не разгорится румянцемъ, какъ Катря наша; не вскрикнетъ, не бросится къ тебѣ, не заплачетъ громко, не станетъ танцовать до упаду, не разсердится до ссоры. Не истомленная веселостью, не измученная горемъ—ясна она была, какъ заря утренняя.

Мы съ Катрей очень любили Марусю; какъ только свободная минута—мы прямо къ ней: „здравствуй! что подѣлываешь, сестрица?“—хоть вдовы-то мы и боялись немножко. Катря не робкаго десятка, да и та смутится, бывало, передъ темнымъ взглядомъ Пилипиhi.

Заходили мы къ Марусѣ и въ рабочую пору,—соскучишься, тамъ чтобъ словечко наскоро перекинуть,—а тутъ и встрѣтитъ тебя сама Пилипиha и станетъ передъ тобою, точно ледяная стѣна.

— А что, голубка, должно быть у васъ конецъ работъ?

— Нѣтъ, я только къ Марусѣ прибѣжала на минуточку, провѣдать...

— Спасибо, милая, спасибо; насъ пока еще милуетъ Господь!

И такъ, будто ласково, приметъ, а смотришь—выгнать изъ хаты только тѣмъ, что станетъ передъ тобою и въ глаза тебѣ посмотреть.

Пилипиha была мать упрямая, непреклонная. Какъ осуждала она мужей гордыхъ, своенравныхъ, такъ еще хуже, говорила, видѣть дурную хозяйку въ семьѣ: „Семью свою хозяйкѣ надо держать, какъ макъ въ горсти, а не удержишь, все разсыпется и по вѣтру пойдетъ“. Она такъ и дѣлала, какъ говорила. Пошлетъ-ли куда свою дочку, бывало, гулять-ли пустить, дочка у нея не опоздаетъ, не замѣшкается. А когда наша Катря гдѣ нибудь загостится, да мать удивляется: „что это дочки нѣтъ“?—вдова покачаетъ головой и глаза прищурить такъ лукаво...

Намъ съ Катрей житье было вольное: отцу некогда было за нами глядѣть—работаемъ-ли мы, или гуляемъ; а мать... у матери, бывало, отпросимся, когда и куда захотимъ. Опоздаемъ, то она за насъ и работы наши подѣлаетъ; только спросить насъ: а что, весело-ли погуляли?—Бывало, въ досужный часъ хотѣлось бы намъ и Марусю съ собой увести, да Марусю не пускаютъ.

Мutila Пилипиha у насъ въ хатѣ, а наша Катря точно такъ же у нея.

— Житье твое, Маруся, житье! заговаривала Катря, разсердась.

А Маруся:

— Что-жъ мое житье?

— Да что! ты не живешь, а горюешь! Тебѣ ни выйти, ни пожелать ничего нельзя... Ты живешь хуже наймички!

— Да это тебѣ такъ кажется, Катря, а мнѣ, дочери...

— Разсказывай! Я тебѣ повѣрю, что ты все по своей волѣ, да по охотѣ дѣлаешь ей угодное: сказки! Знаемъ мы эту охоту, да волю...

— Иногда и погрощу, а все-жъ мнѣ лучше угодить ей.

— Такая угада свела бы въ гробъ меня! Еще отдадутъ тебя замужъ за какого-нибудь увальня стараго — вотъ увидишь! Попомни мое слово, коли не отдадутъ! Охъ, Марусенька моя милая, моя любимая! бѣдная твоя головка!

— Вотъ! смѣясь говоритъ Маруся:—ты, Катря, заживо меня оплакиваешь.

А Катря и сама ужъ улыбается:

— Такъ, такъ, говоритъ она:—знай же меня, настоящую свою подруженьку!

— Катря! спросила я ее:—а если тебя отецъ отдастъ за того стараго увальня, какъ ты пророчишь?...

— Да развѣ я пойду? Я никогда не пошла бы!

— А если отецъ приневолитъ?

— Меня! меня приневолитъ? вскрикнула и покраснѣла до самыхъ волосъ:—я и сама батькова дочка—въ него какъ разъ!

— Ну, ну, берегись! говоримъ.

— Вы часто меня бѣдою страшаете, какъ волкомъ! Можетъ она и есть гдѣ въ бору, а можетъ и нѣтъ ея... Теперь у меня то горе, что нельзя мнѣ слова по правдѣ промолвить при отцѣ; только соберусь, хочу—всѣ мигаютъ на меня, всѣ головами трясутъ—поневолѣ языкъ прикусишь. Да когда-нибудь таки я съ отцомъ потолкую, переговорю!

А мы очень боялись ея смѣлаго разговора. Ужъ какъ, бывало, мать свою Катрю уговариваетъ, какъ ее упрасиваетъ!

— Сердце мое! не будь ты опрометчива, почитай отца! Не оскорби ты его словомъ или взглядомъ неосторожнымъ! Слушай его смирнехонько!

Катря и общается и забожится матери; а только отецъ что-нибудь не по ней сдѣлаетъ,—или не велитъ покупать на ярмаркѣ нарядовъ лишнихъ, или не дастъ воза поѣхать куда-нибудь,—Катря позабудетъ обѣщаніе: „Я скажу отцу, мама! Я еще отца спрошу, мама“! И бѣгаетъ по хатѣ раскрас-

нѣвшиись и со слезами на глазахъ... Мать, бывало, ее за руку, да поскорѣй изъ хаты уведетъ.

А она очень мать любила: для матери все стерпитъ, во всемъ послушается.

III.

Одинъ нашъ родственникъ отдавалъ дочь замужъ. Человѣкъ богатый, свадьбу пышную справлялъ. И мы готовились на ту свадьбу втроемъ съ Марусей. Еще задолго до свадьбы начали забѣгать къ намъ дѣвушки, то одна, то другая. Узнали мы все начистую, что много было создано гостей, чуть не со всего свѣта; и откуда сватовья, и съ кѣмъ понаѣдутъ.

Молодую выдавали въ другое село, отъ нашего недалеко, въ Любчики. Оттуда, рассказывали, всѣ міромъ нагрянутъ; тамъ будутъ и дѣвушки, и козаки, и вся молодежь. Село большое. Развѣ не дожилъ бы кто до свадьбы, то съ кладбища не придетъ, увѣряли насъ. Только и разговору было, что про ту свадьбу, что будетъ она такая и такая, и ни вѣсть какая.

А главное, слухъ прошелъ, что будетъ какой-то родичъ молодого—козакъ. Чайченко; да такой-то хорошій, такой-то пригожій, что никто и не видалъ такого молодца: ни рассказать, ни описать нельзя!

— А кто изъ васъ его видѣлъ, дѣвушки? спрашиваетъ Катря.

— Олена Чугуівна видѣла, какъ изъ церкви шла: и теперь, что вспомнить, то вздохнетъ!

— Да и Маруся, кажется, его видѣла?

— Маруся, вскрикнула Катря:—ты видѣла козака Чайченка? ну, что? каковъ? молчишь? Когда же это ты его видѣла?

— Какъ была съ матерью на свадьбѣ у кумы, въ Любчикахъ, тогда и видѣла, отвѣтила Маруся.

— Ну что—и вправду хорошъ? А какіе у него глаза?

— Онъ черноволосый, смуглый.

— Разговаривалъ съ тобою? Что онъ говорилъ? При-

вѣтливъ? Вѣрно гордый? Къ кому тамъ онъ, въ Любчикахъ, больше лнеть? посыпались вопросы.

— Да Богъ съ нимъ! перестаньте ужъ! говорить Маруся.

— Расскажи же, Расскажи, почему не рассказать?

Окружили всѣ ее, уцѣпились и не пускаютъ.

— Что-жъ мнѣ рассказывать?

— Какой тотъ Чайченко? Скажи, разговорчивъ ли, по крайней мѣрѣ? Привѣтливъ? Обходителенъ?

— Онъ обходителенъ и не очень разговорчивъ.

— Ну, ужъ вѣрно гордый?

— Не знаю.

Распросамъ не было конца: каждой отвѣтъ—на всѣ стороны по словечку—и то устанешь.

Маруся, кажется, оттого и поспѣшила уйти домой.

Ну, что будешь дѣлать съ этимъ Чайченкомъ: онъ у всѣхъ дѣвушекъ на мысли и на языкѣ. Одна провѣдала, что у него есть старушка-мать, другая навѣрное узнала, что онъ хочетъ поселиться въ Любчикахъ. Даже разузнали, какую хату они тамъ съ матушкой покупаютъ; а Пинчуковна вылетѣла на улицу, какъ воробей изъ подъ крыши: „Чайченка Яковомъ зовутъ“! Да что ужъ тутъ!—провѣдано, какой и перстень у него на рукѣ... Ни одна безъ вѣрныхъ вѣстей не осталась.

— Ну, ужъ смотрите, не перехвалите черезъ край, смѣется Катря подругамъ:—славы бубны за горами!

— Да вотъ ужъ и свадьба не далеко; увидимъ сокола залетнаго.

— Дай вамъ Богъ! А то ужъ, право, досадно слушать: только и разговору, что про него; хоть бы ужъ скорѣе повидали, да затихли.

Вотъ ужъ зовутъ на дѣвичникъ, просятъ на свадьбу... Мы нарядныя, въ цвѣтахъ, бѣжимъ, смѣемся. Маруся одна что-то задумчива.

Мы же съ Катрей шутимъ,—все таки объ этомъ Чайченкѣ толкуемъ, что можетъ онъ такой, что однимъ взглядомъ дѣвушекъ побиваетъ.

— Отчего-жъ Маруся наша такъ задумалась? Маруся! да каковъ же Чайченко? Скажи, чтобъ намъ узнать его сразу, говорить Катря:—ты точно для себя одной его бережешь.

— Да что-жъ сказать мнѣ?

— Да каковъ тотъ славный Чайченко?

— Молодой, черноволосый.

— Только и всего? смѣется ей Катря:—ну мало ли на бѣломъ свѣтѣ молодыхъ, черноволосыхъ! Какъ же его межъ ними признать? Какъ на бѣду всѣ любчевскіе молодые хлопцы черноволосые. Да можетъ у него во лбу мѣсяцъ, а на затылкѣ звѣзда?

Подходимъ; людей-людей! и на улицѣ, и вокругъ хаты—негдѣ иголки воткнуть. Кое-какъ мы пробрались, вошли въ хату. Тутъ все наши дѣвушки; здороваемся, другъ дружку спрашиваемъ... Съ молодой словечко перемолвили, пожелали ей всего, всего на свѣтѣ, чего, можетъ, для людей у Бога и не припасено! Стариковъ - хозяевъ попривѣтствовали. А тутъ заиграла музыка; дѣвушекъ, словно цвѣтовъ, посыпало во дворъ, а во дворѣ паробки стояли какъ стѣна. И сколько ихъ тамъ было,—однихъ стороннихъ, чужихъ!—куда ни обернешься, все на тебя незнакомые глаза блестятъ.

„Гдѣ же тотъ Чайченко“? думаю. „Гдѣ тотъ невиданный, неслыханный“?

Да и гляжу изподтишка кругомъ, не узнаю-ли я его межъ другими.

— Боже мой! прошептала, точно испуганная, Катря подлѣ меня.

Оглядываюсь—она стоитъ, вотъ словно какъ бы шель человекъ, не думалъ, не гадалъ ничего, да вдругъ надъ пропастью очутился. Такъ она стояла, такъ глядѣла и, кажется, бѣдненькая, не видѣла вокругъ свѣта Божьяго. Я себѣ посмотрѣла въ ту сторону. Между паробками, какъ кленъ межъ осинникомъ, стоялъ высокій, статный, чернобровый козакъ, въ темной свиткѣ, краснымъ поясомъ перетянутый. Заглядѣлась и я на него! Опомнившись немножко, спрашиваю:

— Не знаешь ли, Катря, кто это такой?

— Богъ его знает!

— Не Чайченко-ли?

— Нѣтъ... а можетъ... не знаю...

— Что за красота! Что за паробокъ! шепчуть со всѣхъ сторонъ дивчата.

Зрячи онѣ на такія дива очень!

Я къ Марусѣ. Она задумалась, смотритъ въ землю.

— Маруся! кто это вонъ тамъ стоитъ? Чайченко?

— Да, онѣ, говорить.

— Ну, вправду орелъ! вотъ молодецъ!

Маруся только взглянула въ ту сторону, гдѣ онѣ стоялъ.

— Или тебѣ не нравится? спрашиваю.

— Хорошъ, промолвила Маруся тихо.

— А Катря, кажись, совсѣмъ заколдована: хоть въ могилу зарывай!

Маруся взглянула на меня строго и рѣшительно, точно старая ворожея, и вымолвила:

— Ты любовью не шути!

— Да посмотри же, шепчу ей, какая она стала: будто сама не своя.

Взяла ее за руку и повернула къ Катрѣ.

— Катря! зову ее, а она какъ сожметъ меня за руку: „идеть, идеть! прямо къ намъ!“ шепчетъ мнѣ, а сама какъ рыбка въ сѣти, не знаетъ куда дѣться.

Чайченко остановился противъ Катри, позвалъ ее танцовать. И она—эта смѣлая огонь-дѣвушка, какъ въ испугѣ, поблѣднѣла, не выступаетъ своей ловкой поступью, а какъ осужденная идетъ за нимъ.

— Маруся! замѣчаешь? говорю я, а Маруся только вслѣдъ имъ смотреть своимъ тихимъ и задумчивымъ взглядомъ.

Едва Чайченко оставилъ Катрю, всѣ дѣвушки такъ и прильнули къ ней:

— А что, шепчуть онѣ: „знаешь-ли, съ кѣмъ ты танцевала? Это Чайченко! Яковъ Чайченко! Что-жъ молчишь? Не по нраву что-ли? Или сильно понравился?

— Да я порядкомъ и не разглядѣла, отвѣчаетъ Катря, оглядываясь кругомъ, точно въ дикой пущѣ очутилась.

Иныя простушки и повѣрили ей:

— Да смотри же хорошенько, такого красавца еще и на свѣтѣ нѣтъ!

А другія изъ-подлобья на Катрю посматривали.

А свадьба, какъ рѣчка весной, разгулялась: танцы, припѣвы, музыка, бубны, поздравленія, говоръ людской—столбомъ въ небо идутъ! Чайченко со всѣми танцоваль. Бралъ и меня, и Марусю: какая попадется ему на глаза, ту онъ и беретъ.

— Онъ насъ ни во что ставитъ, обижались инныя дѣвушки—беретъ танцовать и въ очи не взглянетъ!

— Да онъ еще не оглядѣлся! за что нападать на него! заступились другія.

Межъ танцами зашла рѣчь у молодежи: хорошо ли на богатой жениться?

— Хорошо, если взять любую да милую, отозвался Чайченко.

— Отчего тебѣ и не взять! отвѣтилъ ему Грицько Лепехъ, о которомъ шла молва, что онъ тайно любилъ теперешнюю молодую,—тебя обидой не опозорятъ,—ты самъ богатъ.

— Богатъ на заплаты, да частыя слезы! промолвилъ пѣснею Чайченко, улыбаясь.

Заиграла музыка, снова танцы, разгулъ; Чайченко танцуетъ больше всѣхъ. Правду-ли онъ сказалъ, или только пошутилъ—кто его пойметъ?

Мы всѣ переглянулись. Много дѣвушекъ примолкло и призадумалось.

Заря уже загоралась, когда мы возвращались домой. Маруся и Катря ни слова не проронили. Я заговорю,—нѣтъ! да!—отвѣтитъ Маруся,—ну, у нея всегда мысли бродятъ гдѣ-то въ тучахъ, а Катря такъ и совсѣмъ не даетъ отвѣта. То вдругъ быстро пойдетъ, опередитъ насъ, то отстанетъ и задумается... Тутъ догнали насъ паробки и Чайченко между ними. Поклонились намъ, доброй ночи поже-

лали, и Чайченко сказалъ: „доброй ночи!“ Какой у него голосокъ дивный! и распознаешь его, и услышишь всюду, хоть бы при колокольномъ звонѣ. А Катря наша? Гдѣ же прежнія ея шутки, ея прежняя рѣзвость? Она едва-едва слышно отвѣтила паробкамъ: „добрая ночь“.

Воротились мы домой. Катря печальна и взволнована. Тревожится, поглядываетъ на нее мать:

— Здорова-ли ты, дочка моя?

— Здорова, говорить, мама.

IV.

Черезъ недѣлю послѣ той свадьбы были у насъ молодые, просили насъ къ себѣ въ Любчики; мы и поѣхали всей семьей. Поѣхала и Пилипиха съ Марусей. Катря еще съ вечера приготовила свой нарядъ; проснулась до свѣта; да и спала-ли она? не знаю; скорѣй—нѣтъ.

А мнѣ все такіе чудные сны снились въ ту ночь! Видѣла я, будто, выходимъ мы съ Катрею и Марусею на какую-то большую дорогу, что по степямъ далеко тянется; а на степяхъ и по дорогѣ стоять, красуются все Чайченки, какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга. Катря меня будить; я ей рассказываю. Какъ же она встревожилась!

— А что это значитъ? Какъ ты думаешь? стала приставать ко мнѣ.

— Это вѣдь воскресный сонъ: если до обѣда не оправдается, то и ждать нечего, отвѣчаю ей.

— Боже мой! Боже мой, какой странный сонъ! повторяетъ она:—Что же будетъ?

Заря занялась, и день заблѣлъ. Сидимъ мы съ ней у окошечка. Она долго расчесывала и ладненько заплетала свои волосы, мягкіе, густые и длинные. Ярко вспыхивалъ румянецъ на ея лицѣ, а лицо было блѣдно. Разсвѣло. Вошли мать и отецъ въ нашу свѣтлицу; они думали, что мы спимъ еще. Начали собираться. Рано выѣхали.

— Катря, спрашиваю:—увидимъ-ли мы тамъ Чайченка?

— Не знаю, отвѣтила она и отвернулась.

— А хотѣла-бы увидѣть?

Не слышитъ.

— Катря! повторяю,—желала бы его увидѣть?

Она какъ-будто хотѣла усмѣхнуться, да не усмѣхнулась, а разсердилась.

— Опостылѣли мнѣ шутки, проговорила.

Во всю дорогу, о чемъ ни заведу рѣчь,—не вяжется разговоръ: она то хвалить что-нибудь ужъ черезчуръ, то корить безъ милости; все у нея выходитъ или слишкомъ хорошо, или совсѣмъ дурно. Вотъ пріѣхали мы и въ Любчики; у молодыхъ сѣѣхалась еще только одна родня, и пріятели близкіе; въ хатѣ было просторно. Перваго увидали мы Чайченка. Сидѣлъ онъ противъ самыхъ дверей. Старые люди разговаривали; мы трое съ Марусей, поклонившись, сѣли въ сторонѣ. Тихонько пересказала я Марусѣ свой сонъ.

— Не чудо-ли? спрашиваю.

— У Бога все чудеса! отвѣтила она и задумалась.

Между родственниками молодого сидѣла старушка, въ темномъ платкѣ и въ черной кофтѣ—бѣленькая, чистенькая, небольшого росту; говорила она приличныя свадьбы веселыя рѣчи, а взглядъ ея былъ грустный. Она часто посматривала на Чайченка, а потомъ, невзначай будто, на насъ. Сама рѣдко начинала разговоръ, какъ старушки любятъ; а если кто обращался къ ней,—она такъ ласково, съ такимъ участіемъ отвѣчала, точно приголубить хотѣла. Слышимъ—кто-то сказалъ сбоку: „то Чайченкова мать“.

Вотъ наступила и обѣденная пора. Что-то мой сонъ—такъ-себѣ, какъ туманъ расходится!

Потомъ люди со всѣхъ сторонъ, словно пчелы въ улей, стали собираться къ хатѣ. Слышенъ смѣхъ подходящихъ дѣвушекъ еще на другой улицѣ, говоръ пришедшихъ.

— А что, панове, пора и за музыку! говоритъ хозяинъ,—повеселите мой убогій уголокъ. Прошу, добрые молодцы, и вы, красавицы, пріударить, чтобъ было чѣмъ вспоминать молодые года!

Уже долго танцевали; а Чайченко все сидѣлъ, да смот-

рѣлъ на окружающихъ. Но вотъ мать его подошла къ нему и, наклонивъ къ себѣ его кудрявую голову, что-то прошептала ему... Послѣ того онъ всталъ и пошелъ танцевать. Взялъ прежде Катрю, потомъ Марусю, потомъ меня, а потомъ и другихъ дѣвушекъ—всѣхъ подрядъ, не глядя никому въ глаза.

Мнѣ случилось какъ-то сидѣть подлѣ него. Можетъ заговорить? думаю. Погляжу на него: гдѣ ужъ такому заговорить со мной!

— Какъ много здѣсь гостей, начала я сама разговоръ.

Онъ оглянулся на меня; потомъ поглядѣлъ по хатѣ:

— Да, очемъ много, отвѣтилъ.

— Хорошее село Любчики, веселое. Вы еще недалеко тутъ?

— Недавно.

Мнѣ хотѣлось спросить, останутся-ли они жить здѣсь.

— Здѣсь люди все добрые, привѣтливые, говорю я; вы вѣрно съ ними не разстанетесь?

— Да, говорить онъ:—мы сюда на житье переходимъ; поселимся здѣсь, припишемся къ любчевскимъ.

У меня даже въ глазахъ просвѣтлѣло, когда я услышала отвѣтъ его.

— Здѣсь будетъ пріятно вамъ жить.

— Гдѣ ни жить, такъ жить, отвѣтилъ.

Пріѣхали мы домой. Катря все смутная ходитъ, какъ птичка съ опущенными крылышками. Мать снова глядитъ на нее пристально.

— Не больна ли ты? спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, мама, я здорова.

Прошло мѣсяца два. Мы не просыпали обѣдни въ Любчикахъ, частенько ходили полемъ въ любчевскую церковь; а послѣ обѣдни заходили къ родственникамъ; а родственники просили насъ хлѣбъ-соль раздѣлить вмѣстѣ. Послѣ обѣда не вдругъ же бѣжать домой, какъ-будто мы только и приходили затѣмъ, чтобъ поѣсть, да попить. Сидимъ и разговариваемъ, ходимъ гулять по селу, встрѣчаемся съ знакомыми

дѣвушками,—и Чайченка, бывало, тоже случай столкнетъ съ нами, и онъ поздравствуется.

Чайченкова мать купила въ Любчикахъ хату и звали они нашу семью и Пилипиху съ Марусей на освященіе. Было много и другихъ гостей. Чайченко у себя дома не казался веселѣй, не былъ разговорчивѣй, чѣмъ въ людяхъ. А мать его со всѣми была очень привѣтлива. Насъ старушка долго не пускала: „да вы рѣдкіе гости: да когда еще мы увидимся?“ Возвращались мы поздно домой; она сама насъ проводила за свою леваду; идетъ близко Катри и говорить тихо: „освятили хату, да еслибъ въ хату такую пташечку, чтобъ походила на тебя: чтобы и пѣла, и глядѣла такъ“!— Катрю, какъ огнемъ, обдало; вспыхнула она и, на глазахъ блеснули слезы. Никто этихъ словъ не слыхалъ, кромѣ Катри и меня. Я отдалилась отъ нихъ, шепнула Марусѣ объ этомъ: мы не таились межъ собой ни въ чемъ.

Маруся только спросила: ты хорошо слышала?

Ну, съ этого времени затосковала наша веселая Катря. Не разъ я своими глазами видѣла, какъ она думаетъ-думаетъ, да вдругъ и обольется горючими слезами. Или ни вѣсть съ чего, съ какого веселаго дива, обрадуется: тогда поетъ, усмѣхается, краснѣетъ. Какъ я ни заходила около нея, какъ я ни заговаривала, нѣтъ! все она сторонится да хоронится отъ меня. Ни мнѣ, ни Марусѣ ничего не повѣряетъ. И ужъ вовсе не та съ нами, что прежде была когда-то: все она теперь сама съ собою, съ своими мыслями. Отраднѣй ей одной. Теперь ужъ сама не проронитъ слова и другихъ ей не мило слушать.

Стала она въ лѣсъ ходить. Возлѣ насъ, за рѣчкой, лѣсъ густой, темныя пущи: она все туда. Разъ я подстергла, что она пробирается туда, да и себѣ за нею слѣдомъ. Въ самую лѣсную гущину, тамъ гдѣ липы, и рябины, и кудрявые дубы переплелись вѣтвями надъ холодною криницею, забралась она, да и сидитъ, склонивши голову. Только что я показалась, она вскочила, нахмурилась. Я съ нею, было, заговорила: „полно! полно! довольно!“ промолвила: „У меня голова болитъ!“ Походили мы вмѣстѣ съ нею по лѣсу,

послушали какъ листья шумять, какъ вода журчитъ, да и домой пришли.

Наконецъ, Катря стала такою уже недотрогою, что Боже упаси! Ничего не могли у нея спросить, ни о чемъ не смѣй заговорить. Пусть бы скрывала и таила свои мысли, а то и на „здорово живешь“ не отвѣчаетъ, и на „Боже помогай“ въ претензіяхъ...

Я со скуки къ Марусѣ, а Маруся тоже, Богъ ее знаетъ, стала еще тише, нежели была. Все только шьетъ да вышиваетъ, и тоже все въ какихъ-то мысляхъ... Никакого совѣту, мало утѣхи и отъ Маруси.

То, бывало, насъ три вмѣстѣ неразлучныя, веселыя, не наговоримся; а то разошлись, что кукушки въ лѣсу...

Въ одно воскресенье было очень скучно мнѣ. Катри нѣтъ дома, я и пошла къ Марусѣ. Прихожу—она въ хатѣ одна. Старой Пилипихи не было дома.

— Здравствуй, моя зоречка туманная, говорю ей:—отчего ты одна дома?

— Да мама въ гости ушла.

— А ты куда? все дома? Ужъ не болитъ-ли у тебя головка, какъ у нашей Катри? говорю. У дѣвушекъ когда сердце заболитъ, тотчасъ свернуть на голову!

— Мнѣ-таки нездоровится, промолвила Маруся.

Я, приглядѣвшись хорошенько къ ней, вскрикнула да же,—такъ она похудѣла, поблѣднѣла.

— Что это ты, сестрица, говорю ей, какъ измѣнилась: это ни на что не похоже! Отчего у тебя такіе печальные глаза?

— Можетъ оттого, что нездоровится, отвѣчала. А что Катря дѣлаетъ?

— Да Катри давно дома нѣтъ. Должно быть, по лѣсу сама мается; взяла же привычку! Ужъ и мать замѣчаетъ, ужъ спрашивала Катрю и меня на исповѣдь брала. А что я скажу? Отецъ поглядываетъ часто на нее: вотъ какъ онъ спросить!

Разсказываю я долго, передаю свое горе Марусѣ, а она

сидить со мною рядышком и слушаетъ, а сама словца не проронить, какъ-будто такъ оно у нея дорого, какъ добрая доля.

— Боже мой! и что это за лихо негаданое на голову! И ты, Маруся, ужъ не такая стала, какъ была прежде!

Вотъ такъ сидимъ съ Марусею, а на дворѣ темнѣетъ, какъ вдругъ вбѣгаетъ Катря. Вбѣжала, обняла Марусю, поцѣловала меня,—да такъ все это огнево—и сѣла около насъ. Молчали мы всѣ долго.

— Ну, прощай же, Маруся, говорю, доброй ночи тебѣ—пора домой; тамъ матери помочь нужно, убрать хозяйство. А ты не пойдешь, Катря? Ужъ скоро спать будутъ ложиться.

— Химочка, голубка! Маруся, радость моя! Охъ, я не могу спать! Я люблю, люблю... Чайченка!

— Да развѣ мы не знаемъ! весело ей отвѣчаю. Экая новость намъ великая!

А Маруся такъ важно ее спросила:

— Въ самомъ-ли дѣлѣ полюбила? Точно-ли?

— Зачѣмъ ты меня такъ спрашиваешь, Маруся? Я его люблю!

— Да вѣрно ли? крѣпко-ли? навсегда-ли? подумай!

— Боже мой, Боже мой! вскрикнула Катря: Да какъ я его увидѣла, такъ полюбила навсегда! Я съ той свадьбы несчастной пропадаю! Только ты не замѣчала, а всѣ дивчата надо мной смѣются...

— Нѣтъ, говорить Маруся:—я замѣчала, да думала, это такъ, думала, забудешь...

— Забуду! забуду, когда глаза закрою навѣки!

— Ну, дай тебѣ Богъ счастье! промолвила Маруся.

— Дай тебѣ Богъ, Катря, говорю я.

Катря бросилась насъ обнимать, а слезы такія горячія упали мнѣ на шею.

— Ахъ, стала тогда раздумывать Катря:—любить ли онъ меня, хоть сотую часть, какъ я его люблю? Можетъ, насмѣется? Какъ вы думаете, сестрицы родныя, будетъ ли онъ меня любить? Любить ли?

— Едва ли ты не лучше насъ про то знаешь, милая; ты, кажись, его недавно видѣла? Были разговоры? Были уговоры? Ты, вижу, какъ будто вновь на свѣтъ народилась. Признайся же и намъ о своемъ счастьѣ.

— Ахъ, видѣла! Я его видѣла! говоритъ она. Я была въ лѣсу, пошла и пошла очень далеко, туда, подъ любчиковскія левады. Шла себѣ, вдругъ слышу: „Здравствуйте!“ Глянула—онъ!—не вѣрю глазамъ... Не моя ли дума это ежедневная, ежечасная стала передо мною? А онъ что-то все говоритъ мнѣ, а я ничего сразу въ толкъ не возьму; только этотъ голосъ такъ сладко и страшно мнѣ слышать...

— Что-жъ онъ тебѣ говорилъ?

— Спрашивалъ, отчего зашла я такъ далеко... отчего не весела...

— Что-жъ ты ему сказала? все спрашиваю я, а Маруся только слушаетъ.

— Такъ зашла, гуляю, говорю ему:—и я весела... Спрашивалъ, скоро ли мы будемъ въ Любчикахъ... говорилъ еще что-то,—да, что въ Красномъ церковъ сгорѣла; что онъ былъ на ярмаркѣ, вотъ когда мы въ Любчики ходили въ церковъ, а его не было. Говорилъ, что скучно жить на свѣтѣ, что тоска его одолеваетъ... и проводилъ меня до самаго нашего забора... шелъ все рядышкомъ со мной... Ахъ, спасибо тебѣ, вечеръ темный, и тебѣ, доля моя счастливая! А Яковенко уже рушники взялъ у Ганны; на той недѣлѣ свадьба... спрашивалъ, будемъ ли мы...

— Вотъ еще надо готовиться къ новой свадьбѣ въ Любчики. Тамъ немножко пріударимъ, Маруся, и мы съ тобою, говорю я.

— Еще не знаю, отвѣчаетъ Маруся: — какъ матери угодно.

— А тебя-то не манить? Развѣ ты не попросишься!

— Да видно будетъ—устроится.

— Ты чего-то не весела, Маруся, говорю ей, ты о чемъ то грустишь! Не пойдешь съ нами?

А Катря тогда:

— Грустить Маруся? о чемъ Маруся груститъ?

— Голубка моя, говоритъ Маруся миѣ:—я не грущу, а если-бы и была печаль на сердцѣ, такъ люди не разгонять!...

— Только тотъ разгонитъ, кого любишь; только тотъ утѣшитъ и развеселитъ! отозвалась Катря.

— Полюбимъ-ка мы кого-нибудь, Маруся, говорю въ шутку.

Маруся ничего не отвѣтила, посмотрѣла въ это время въ окно.

— Счастлива будешь! сказала Катря.

— Да ну-же, Маруся, полюбимъ-ка!

— Не шути! отвѣтила она тихо.

Услышали мы голосъ Пилипихи. Простились и пошли съ Катрею домой. Какая она ласковая въ этотъ вечеръ была! Я такую еще отъ роду ея не видала.

V.

Катря ходила въ Любчики къ роднѣ, будто бы заполочи занять. Воротилась домой—лица на ней нѣтъ; такъ что отецъ, взглянувши на нее, спросилъ, гдѣ она была? и зачѣмъ?—„Если ты такая швея искусная, такъ старайся, чтобъ не занимать по чужимъ селамъ. Кажись, найдется на что заполочи купить“.

Послѣ этихъ словъ отецъ вышелъ изъ хаты, закуривши трубку.

— Что съ тобою, дочка моя? тревожится, допрашиваетъ мать. Ты вошла въ хату бѣлая, какъ бѣлочекъ... Что съ тобой, дитя мое родное?

— Ничего, мама, ничего.

— Гдѣ ужъ тамъ ничего! Сокрушаешь ты меня, родная!

Пришла Пилипиха съ Марусею. Мать съ старухою завели разговоръ, а мы, дѣвушки, поскорѣе въ садъ.

— Что же, Катря? спрашиваю.

— Сегодня вечеромъ онъ будетъ, придетъ ко миѣ.

— Какъ же тебѣ выйти къ нему? Отецъ какъ разѣ дознается.

— Такъ что-жъ? мнѣ не выйти? Я не выйду къ нему? Пусть слышитъ отецъ, пусть знаетъ мать, всѣ на свѣтѣ,—я къ нему выйду!

— Ну, если отецъ услышитъ, то впрямь не пустить, говорю,—что-жъ ты сдѣлаешь? Что ни дѣлай, а надо будетъ остаться.

— Я не останусь! я пойду!... Чего ты на меня напала, недобрая?

— Я тебя остерегаю, сестрица; гдѣ же я нападаю на тебя! Я правду говорю...

— Не надо мнѣ твоего остереженья, не надо мнѣ твоей правды! Не нужны мнѣ совѣтники! Я вижу, что ты мнѣ не прямая подруга; ты мнѣ помочь не хочешь—я и сама все сдѣлаю!

— Рано ты разгнѣвалась на меня, сестрица; я и въ совѣтѣ, я и въ помощи равно тебѣ подругою стану, что бы со мной ни было, если такъ ужъ тому надо быть.

Тогда она меня давай цѣловать, обнимать, ласкать и приголубливать.

Начали мы уговариваться, какъ отворить дверь и какъ ей выйти.

— Правда, Маруся, мы ловко придумали? спрашиваемъ у Маруси.

Она ничего не говорила и ни о чемъ не спрашивала,—сидѣла себѣ тихо, какъ на могилкѣ.

— Да, отвѣтила.

Катря разсказала тутъ все, какъ она въ Любчикахъ была.

— Его мать сама меня кликнула, когда я шла по улицѣ мимо ихъ; такая ласковая, спрашивала—не сватаетъ ли кто меня? не нравится ли кто мнѣ? А онъ все поодаль стоитъ, не подходитъ... такъ мнѣ горько стало! Я говорю, что въ эту осень замужъ пойду. Какъ я сказала, она даже вскрикнула: неужто!

— Чему вы дивитесь, матушка? спросилъ онъ, подходя къ намъ.

— Да вотъ она, голубка моя, говорить, что осенью замужъ пойдетъ!

Я прощаюсь съ нею—она вздохнула тяжело и говорить: „хороша, да не наша“. Я вышла—слезы меня душатъ... Иду, ноги не слушаются, все тише и тише... остановилась—погляжу хоть на ихъ хату! Вижу, онъ выходитъ изъ воротъ и... идетъ слѣдомъ... Я скорѣе своею дорогой, а что-то за плечи, будто, взяло, гнететъ къ землѣ, подкашиваетъ ноги... Слышу близко его шаги, ничего не вижу передъ собою, какъ-будто на сердцѣ моемъ кто ступаетъ... Поровнялся: „Такъ поздравлять васъ съ нынѣшнею осенью? Такъ правда?“ спрашиваетъ. Голубки мои! если я сама помню, какъ я ему во всемъ призналась, что я его одного люблю на всемъ свѣтѣ, то умри я! Долго говорить нельзя было: все знакомые люди проходили по улицѣ; онъ сказалъ, что ко мнѣ придетъ вечеромъ... придетъ дослушать меня...

Какъ только наши уснули, я выпустила Катрю изъ хаты, а сама сѣла, чтобъ сонъ не клонилъ; да мнѣ и не хотѣлось спать. Сажу да жду. Скучно, томительно было это дожиданье—просто смерть! Нѣтъ ея, нѣтъ, да и нѣтъ!

Какъ она мѣшкаетъ! думаю: хорошо ей тамъ, такъ она и забыла про меня! А каково мнѣ тутъ ждать? Каждую минуту бояться, что дознаются и, пожалуй, сгонять меня со двора... Такие-то люди на свѣтѣ!

Пришло на мысль мнѣ все сиротство мое, что не помню я голоса своей матери, добраго взгляда отца, какъ другіе слышать и видать по всякъ часъ; что живу я въ чужой семьѣ, изъ милости: угождаю я—хорошо, а что не такъ, скажутъ: поди прочь. А свои дѣти и не угождаютъ и не слушаютъ, а ихъ любятъ, какъ душу, нѣжатъ, голубятъ; что никто меня крѣпко, нѣжно не любитъ, никто меня отъ всей души не ласкаетъ, не лелѣетъ,—и такъ сотворилось тогда со мною, что за что я прежде Бога хвалила да благодарила, теперь изъ за того самаго я проливала горькія слезы; до

чего мнѣ прежде и нужды не было, такъ теперь захотѣлось того! такъ на что-то надо стало!...

Плача да горюя подняла голову—какъ все грустно, сумрачно смотреть на меня! А въ окно ужъ разсвѣтъ синѣетъ.

Осмотрѣлась, очнулась, да и самой мнѣ чудно стало, чего это я и по чемъ такъ сильно затужила? Развѣ я не знала Катри? Развѣ не знала, что она до свѣту замѣшкаетъ—да и кто бы, любя, спѣшилъ со свиданія! И развѣ я сего дня только осиротѣла? Или вотъ сейчасъ бѣдна стала? Все это было горе старое, бѣда давняя, неисправимая! Усмѣхнулась я сама надъ собой, да и вышла на встрѣчу Катрѣ за ворота. За воротами еще долгонько ждала, пока она прибѣжала. Прибѣжала веселая.

— А что, насмотрѣлась? наговоришься?

— Все я ему сказала, все... Какъ же я люблю его, сестрица! Господи! какъ я его люблю!

— А онъ что говорилъ?

— Спрашиваетъ, очень ли я люблю его... Онъ придетъ завтра... Я его завтра буду ждать!

Съ того времени стали они каждый вечеръ видѣться.

Случалось иногда, и я, провожая Катрю, увижу его въ темнотѣ—стоитъ какъ яворъ! Въ воскресенье или въ праздникъ какой пойдемъ, бывало, вдвоемъ, будто погулять, въ тихое утро,—а тутъ и онъ на-встрѣчу, и всегда какой-то грустный.

Я спросила однажды Катрю:

— Вы съ нимъ никогда не ссоритесь?

А Катря:

— Богъ съ тобой! перекрестись! Съ нимъ ссориться?

— Отчего же онъ все будто невеселъ? говорю.

— Такой всегда, сказала она, и задумалась, и мигомъ сама опечалилась... Ты грустенъ? спрашиваю его:—отчего, милый, ты грустенъ? А онъ мнѣ: „На свѣтѣ больше печали, чѣмъ радости“. Что ты говоришь, мое сердце! Да когда я знаю, что ты меня любишь, я забыла, что печаль живетъ на свѣтѣ! „Это“, говоритъ, „Богъ такъ даетъ только дѣвушкамъ, да пѣвчимъ пташкамъ“. Такой онъ, сестрица! И го-

ворить грустно, и ласкает грустно, а за то мнѣ онъ еще любимѣй, еще милѣй!

Мать примѣтила, что дѣется что-то такое особенное, и ну допрашивать Катрю,—она и призналась во всемъ своей доброй мамѣ. А мать печально покачала головой.

— Пришла и твоя пора, дочка! Смотри-жъ, Катря, это на весь вѣкъ! Гляди кого выбираешь. А разглядишь—пусть тебя Матерь Божія благословитъ и поможетъ тебѣ!

Отецъ никогда ничего не спрашивалъ. Догадывался ли онъ, нѣтъ ли, мы того не знали. Раза два утромъ, онъ какъ-то пристально на насъ поглядывалъ. А даромъ онъ, бывало, не глянетъ лишній разъ. Часто Катря разговорится, сидя со мной,—какая у нея свадьба будетъ, какъ я въ гости приду къ ней съ Марусею, да что за житье ея будетъ чудесное, а войдетъ въ хату отецъ, мы и всполошимся: одна вскочить, другая ищетъ чего-то за печкою, третья иголку потеряетъ. Отецъ сядетъ, опершись локтями на колѣни, и глядитъ быстрыми, проникающими глазами. „А въ какомъ углу пожаръ въ хатѣ“? скажетъ онъ:—дескать, вижу вашу суету, не скроешься отъ меня.

Мы такъ и окаменѣемъ. Начнетъ онъ про хозяйство говорить матери, что вотъ за то или за то надо бы приняться сейчасъ, чтобы не ушло. Мы ужъ тутъ такъ горячо и дружно за ту работу примемся, что Боже нашъ!

Чего бы, кажись, бояться? Мы были увѣрены, что онъ приметъ ласково сватовъ Чайченка;—Чайченко богатъ и молодъ, да если еще и дочери любъ? Чайченко съ людьми хорошо живетъ—чего же тутъ опасаться? А все-таки страшно, какъ глянетъ онъ на насъ какъ-то неласково, все-таки боязно. А мать для дочки втихомолку старается. Вижу, гдѣ встрѣтятся съ Чайчихою, садятся рядышкомъ и разговариваютъ тихохонько, близехонько, душевно. А прощаются, такъ ужъ такъ обнимаются крѣпко! Придетъ-ли къ намъ Чайчиха во вторникъ, ужъ въ среду мать къ Чайчихѣ идетъ. Чайчиха опять не замедлитъ провѣдать насъ, мать не останется въ долгу; лишь праздникъ какой, ужъ и здравствуются наши старушки, и цѣлуются.

Катря призналась намъ съ Марусею, что Яковъ будетъ ее сватать осенью. Мать съ Пилипихой совѣтуется; рассказала ей все, что дочка по нраву пришлась Чайченку, что это хорошіе люди,—съ ними жить не нажитья.

— Дай Боже счастья! говорить Пилипиха.

— Охъ, голубка моя, я не знаю еще какъ мужъ согласится! Кажись, нечего-бы ему и не соглашаться. Женихъ такой, что хоть кому подѣ пару; а все я боюсь...

— А ты мать, или нѣтъ, своей дочери? Ужъ ты, право, сердце мое, баба настоящая! Начни онъ прихотничать, такъ ты и руки опустишь, пускай, дескать, гинетъ счастье моего дитяти, лишь бы старый мой успокоился!

Какъ услышала вдова, что мать отца боится за сватанье, она бодро взялась помогать: покою, ни отдыху не даетъ! „Что изъ того, что ты головою раскачиваешь? Доброе дѣло, говоришь,—доводи же его до конца“! Да и отдохнуть не даетъ, подговариваетъ: „скорѣй! скорѣй, скорѣй“! Бывало, ей Богу, даже за рукава трясетъ, чтобъ скорѣй.

Начала мать подходить такъ и сякъ къ старику, начала про Чайчиху рѣчь вести, что хорошую знакомую себѣ нажила; хвалить ее, да кстати и молодого ея сына:

— Что это за паробокъ хорошій, работникъ какой, на все удалый! Это матери не то что сынъ, а милость Божія!

— Я не знаю, каковъ онъ въ работѣ, говорить отецъ, а что въ танцахъ, такъ искусенъ: вертитъ дѣвушками, какъ мухами.

— А что-жъ, мое серденько, если веселаго нрава, то весело съ нимъ и жить будетъ, кому Господь судить. Самъ не будетъ печалиться и женѣ не дастъ.

— Не всякую печаль танцоръ растанцуетъ! отвѣтилъ отецъ.

Вотъ мать въ другой разъ опять подбирается хвалить Чайченка: и сякой и такой, и красивый и умица. Отецъ пристально посмотритъ ей въ глаза.

— Что это ты расхваливаешь его, точно зятя?

— Когда Божія воля, да твое согласіе, мой другъ! отвѣтила ему мать тихо и да такъ-то убѣдительно!

Мы съ Катрею сидимъ, недохнемъ. Старикъ поглядѣлъ на жену, взглянулъ и на дочь.

— Не ищи дочери пары, старуха, сказалъ онъ, я уже самъ ей нашелъ,—повремените до осени.

Мать глядь на дочку, а она точно мертвая. Всплеснула мать руками.

— За кого же ты отдать ее хочешь?

— Это ужъ мнѣ знать.

Да и вышелъ изъ хаты.

— Полно, дочка! полно, дитя мое! уговариваетъ мать Катрю:—не печаль своего сердца, пташечка моя милая! полно! Я для тебя на все пойду,—я еще поклонюсь отцу твоему, я буду его за тебя просить.

— Идите же, мама мояродная, просите сейчасъ! Идите же, моя святая, идите!

— Нельзя же такъ, дитя, хуже будетъ — погоди немножко!

— Ахъ мама! мама! да каково же ожидать?

Мы стали ее уговаривать. Да когда же кто уговорить молодую, нетерпѣливую печаль разумнымъ, холоднымъ словомъ? Катря слушаетъ, обливаясь слезами, да знай свое: „идите, идите сейчасъ!“

— Катря, серденько, говорю и я, ты видишь, отецъ не спокоенъ; попробуй теперь кто просить его—крикнетъ: „годи!“ тогда убирайся навѣрное и въ другой разъ навѣрное не проси!

— Горе мнѣ! горе мнѣ! плачетъ она. Хорошо, подожду. Какъ тяжело! Или это смерть моя приходитъ? Надо еще ждать... Когда-жъ это будетъ? Когда? Скажите, мама!

— А вотъ тотчасъ послѣ обѣда. Вы съ Химою выйдите изъ хаты, я тогда ему и скажу... Я тогда скажу и попрошу... Для своего дитяти и голову на плаху кладутъ, а я бы, останавливаться стала! Не убивайся же, моя дочка, не губи свое здоровье, серденько...

— Я буду ждать, проговорила Катря, я буду терпѣть!

VI.

А ждала она такъ, какъ вотъ пойманныя птички въ клѣткѣ сидятъ: что некуда ужъ летѣть, то бьются въ затворѣ.

За обѣдомъ отецъ точно не замѣчалъ, какъ мать блѣднѣла, какая и Катря заплаканная—сидѣлъ такъ спокойно, какъ и вчера.

Послѣ обѣда мы съ Катрей сейчасъ вышли изъ хаты, стали рядомъ подъ дверьми.

Долго въ хатѣ было тихо.

— Другъ мой! заговорила мать:—нашу Катрю хотятъ сватать.

— Такъ что-жъ! Пусть сватаютъ, въ этомъ обиды нѣту.

— Молодой Чайченко хочетъ сватать... Какая твоя воля будетъ?

— Я за Чайченка не отдамъ.

Въ силу я оторвала Катрю отъ дверей: „Катря! Катря! все пропадетъ“!

Она задрожала и снова стала неподвижно подъ дверями. Слушаетъ.

— Дитяти очень онъ полюбился, упраскиваетъ мать: пусть она у насъ счастлива будетъ!

— Я не на то дочь выростилъ, сказалъ грозно отецъ,—что-бъ отдать ее за перваго бродягу, который приглянется ей!

— Чѣмъ же они не люди? И добрые, и зажиточные; всѣ ихъ въ почетѣ имѣютъ.

— За что въ почетѣ? Развѣ за то, что пришли они невѣдомо для чего, да и поселились въ чужомъ селѣ?

— Знали бы люди, если-бы что худое водилось за ними, была бы слава нехорошая; а то всякъ почитаетъ ихъ. Ты самъ прежде къ нимъ заходилъ.

— Я по всѣмъ битымъ дорогамъ толкаюсь—на всякихъ людей набредешь, на такихъ, что и въ ворота свои никогда-бъ не впустишь.

— Подумай, мой сердечный, чтобъ дитя наше не сгубило свое здоровье... она у насъ одна... Послушай ты меня...

— Полно!

Катря какъ вскрикнетъ, какъ бросится къ двери. Я ее схватила, не пускаю, прошу.

— Что тамъ? спрашиваетъ отецъ.

Изъ хаты выбѣжала мать.

— Да это мы идемъ по воду, отвѣчаю я громко.

Скорѣй коромысло на плечи, а Катрю за собой за рукавъ тащу; мать себѣ просить уйти, уйти скорѣй.

— Обожди, Катренька, говорю, немного, можетъ отецъ еще умилюстивится, онъ вѣдь тебя любить—жалѣеть.

Катря какъ накинется на меня!

— Куда ты меня тащишь? Чего ты отъ меня хочешь?

Я и сама испугалась.

— Богъ съ тобою, говорю, помысли хорошенько! я тебѣ добра совѣтую.

Она залилась слезами.

— Если-бы я хоть увидѣла его, Хима! Пойдемъ скорѣй въ лѣсъ—онъ сегодня въ лѣсу, рубить тамъ деревья.

— Итти, такъ итти, говорю:—не плачь только.

Она отерла рукавомъ глаза, спрятали мы ведра и коромысло около рва въ бурьянѣ, и побѣжали къ лѣсу.

До лѣсу посмотрѣть и близко, да не вдругъ перепрыгнешь: разумному человѣку ходьбы на добрый часъ, а мы перебѣжали не переводя духу.

Слышимъ, топоръ стучить по деревьямъ и доносится голосъ къ намъ—кто-то пѣсню поетъ.

— Это онъ! узнала Катря сразу.

Тутъ мы его обѣ и завидѣли издалека.

Ужъ тогда осень наступала; листья красные, желтые, оторвавшись отъ вѣтви, трепетали въ воздухѣ, словно не рѣшались сразу упасть на землю, какъ бы знали, что упадутъ навѣки. Лѣсъ такой звучный, да прозрачный сталъ! Богъ знаетъ гдѣ слышно каждый окликъ; запахъ въ лѣсу особенный, не тотъ, что лѣтомъ, а свѣжесть такая... и увяданье такое...

Мы его видимъ, а онъ насъ еще не замѣтилъ—поетъ. Катря приостановилась.

— Что это онъ такое поеть? спросила она, будто испугавшись. Что такое онъ поеть?

— Послушаемъ, говорю ей, подойдемъ ближе.

— Погоди! погоди! шепчетъ мнѣ.

Стала за кустъ и слушаетъ; слушаю и я.

Чайченко обрубливалъ вѣтки съ упавшаго дерева; вокругъ него много было такихъ же срубленныхъ деревьевъ; выглядывали только одни свѣжіе пеньки; солнышко свѣтило ярко въ эту прорубь, окруженную деревьями. Онъ небрежно и тяжело ударялъ своимъ свѣтлымъ топоромъ и тихо, печально пѣлъ.

Вотъ какая была его пѣсня: пѣлъ онъ, что любилъ когда-то горячо, искренно и вѣрно, а ему неожиданная измѣна была платой за любовь,—и что ужъ вѣкъ быть ему несчастнымъ. Любятъ его другія,—да до другихъ ужъ сердце не лежитъ—и ни къ кому ужъ не прильнетъ оно:

„Хоть яка ласкова, яка чорнобрива
Та не буде така, якъ першая мила“.

— Какія это ты пѣсни поешь? вскрикнула Катря, будто сама себя не помня.

Онъ вздрогнулъ, быстро вскочилъ, бросилъ топоръ и взялъ Катрю за руку; опять выпустилъ ея руку и опять топоръ взялъ.

— Спасибо, говорить, спасибо, что ты пришла, а я не надѣялся.

— Боже мой! какую ты печальную пѣсню пѣлъ! Какую это ты милую вспоминалъ? Была ужъ вѣрно *первая*, а я *другая*?

Онъ какъ будто смѣшался немного.

— Лучше, отговаривается, ты приласкай меня, пташка моя!

Она облилась яркимъ румянцемъ, услышавши ласковое слово его—прочъ всѣ сомнѣнія; горе далеко улетѣло отъ нея.

— О, я знаю, что ты меня вѣрно любишь, я только пошутила,—прости мнѣ, милый мой.

Вдругъ опять слезы навернулись на глаза:

— А зачѣмъ ты печальную такую пѣсню поешь! Скажи мнѣ, часто ли ты поешь ее? Зачѣмъ?

Тогда я вышла изъ-за куста, говорю:

— Ты ужъ забыла, голубка воркливая, зачѣмъ бѣжала сюда? А намъ некогда, помни.

— Горе мое! несчастье мое! вскрикнула Катря.

— Что такое? спрашиваетъ Чайченко, поклонившись мнѣ.

Мы всѣ уцѣлись на лежащемъ деревѣ.

— Отецъ не хочетъ меня отдать за тебя!

— Есть другой зять на примѣтѣ? Кто такой? спрашиваетъ онъ.

Дивно мнѣ стало, что онъ спросилъ про это такъ ни весело, ни грустно, ни тревожно, ни спокойно: вотъ словно онъ за хлѣбъ-соль благодарить!

— Кого-то нашелъ отецъ на мое горе, сказала Катря, заплакавши.

— Ужъ зять нареченный есть! говорить Чайченко. Вотъ оно какъ! Лучшаго нашли! значить изъ сухой криницы нечего воду черпать!

Вѣрно ему досадно стало, что онъ какъ бы униженъ остался... Сжалъ губы, голову гордо поднялъ и блеснулъ глазами въ стороны... но досаду тотчасъ затаилъ въ себѣ, и, будто спокойный, приподнялся съ мѣста не спѣша.

— А ты же что думаешь? спрашиваетъ Катрю. Ты что рѣшаешь?

— На что спрашиваешь! на что мое сердце рѣжешь? отвѣчаетъ Катря.

— Да кто васъ знаетъ! васъ не разберешь! проговорилъ Чайченко горько:—полюбите утромъ, забудете вечеромъ!

Заплакала Катря какъ дитя, опустивши голову въшитый рукавъ.

А я только покачала на него головою: „какъ, молъ, такъ обижать горемычную“?

Онъ взялъ тогда ее за руку.

— Не плачь, милое дитя. Твое еще не ушло счастье и радость. Ты еще молода, тебя еще твоя доля ждетъ.

— Какъ? безъ тебя? Такъ и ты иную полюбишь? Будешь съ нею счастливъ?

— Мнѣ не было отъ роду счастья, такъ и не будетъ до вѣку!

Всталъ...

— Прощай... будь здорова! Счастлива!

— Да что это вы? говорю я:—сядьте, посовѣтуйтесь, какъ тутъ быть, чѣмъ помочь? Можетъ и не за что будетъ на таланъ свой плакаться. Садитесь!

Послушно они около меня усѣлись. Онъ глядѣлъ внизъ печально, угрюмо... А она точно въ лѣсу заблудилась, всѣ дороги потеряла,—все только смотреть на него, да ближе лънеть къ нему...

Вотъ и стали мы совѣтоваться.

— Не надо наскучать отцу слезами, говорю. Не для чего теперъ къ нему и приступать.

Чайченко молчить, сложивши руки.

— Я отцу въ ноги упаду, хвалится Катря въ отвѣтъ на мое мудрое наставленье. Если не отдастъ онъ меня за тебя—я умру!

— Ты и въ ноги падать погоди, говорю ей, и умирать не спѣши. Можетъ и такъ дѣло уладится, только не трогай отца: ты его знаешь, пусть онъ самъ немного уговорится.

— Да какъ же это? и не знать—мнѣ жить ли, или въ могилу итти? Ждать, да и только? Охъ, горе мое тяжкое!

— А ты какъ думала, сестрица? Житье людское таково и есть! терпи да жди, надѣйся да уповай!

— А подь-часъ и надежду брось, да живи такъ, какъ живется! прибавилъ Чайченко.

Умѣлъ, видите, молодецъ утѣшить!

— Не надо терять надежды никогда, я ему говорю, всѣ мы живемъ надеждою. Разумный человѣкъ надежды никогда не теряетъ. И хорошо, и надо надѣяться живши на свѣтѣ!

— Пока не измѣнять, примащиваетъ онъ словечко.

А Катря приклонила голову къ его плечу и говоритъ:

— Такъ это я-то тебѣ измѣню?

На это милое словечко и онъ усмѣхнулся.

— Однако, намъ пора домой, напоминаю, чтобъ не нажить еще бѣды.

— Иди Химочка, голубушка! говоритъ Катря. Я вотъ только два словечка ему скажу,—я тебя догоню!

А сама меня выводитъ на дорожку. Я пошла.

Коротки два словечка, что и говорить! я съ добрый часъ ждала ее, вышедши изъ лѣсу! Да ужъ спасибо, что пришла она, немножечко поспокойнѣй и повеселѣй.

Прибѣжали къ колодцу, зачерпнули воды, да скорѣй домой. А тутъ отецъ навстрѣчу:

— Что это далеко такъ отошелъ колодезь? спрашиваетъ. Въ которомъ воду брали?

— Да мы еще и погуляли немного, отвѣчаю ему.

Онъ поглядѣлъ мнѣ въ глаза и глянулъ на дочь... а у нея слезы ручьями струятся:

— Батюшка! промолвила она.

А онъ какъ будто не видитъ и не слышитъ ничего—поворотился и ушелъ.

VII.

Время идетъ, да идетъ смутно,—мы ждемъ лучшаго: бѣдуемъ да сомнѣваемся. Отецъ ни слова про Чайченка.

А Пилипиха такую бурю подняла передъ матерью, когда узнала отцово рѣшеніе!

— Какъ? говорить, какъ? Ты не родная развѣ мать своему дѣтищу? Не ты ли страдала, не ты ли взростила ее? Тебѣ не вольно отдать дитя свое за того, кто ей милъ? Пусть бы у меня попробовалъ этотъ звѣрь отнять счастье рожденья моего! Пусть бы попробовалъ отстранить меня отъ моего дѣтища! Я мать! Вольно мнѣ ее отдать за кого мнѣ угодно, хоть за пана, хоть за наймита,—за того, кто мнѣ по праву!

Даже поссорилась съ нашею матерью и долго къ намъ не ходила.

А въ селѣ свадьба за свадьбой; приходятъ и насъ просить.

Гдѣ-жъ тутъ веселье на умъ поидеть! Мы съ Катрєю, какъ говорятъ, въ лѣсъ смотримъ. Однако ходимъ на свадьбы—надежда, видите, такая, что тамъ Чайченка встрѣтимъ.

Въ эту осень и отецъ какъ-то отъ свадебъ не отказывался—на каждой бывалъ.

Замѣтно,—Чайченко сталъ больше къ Катрѣ лѣзть. То, бывало, она его высматриваетъ со всѣхъ сторонъ, а то ужъ онъ ее самъ ищетъ глазами между дѣвушками; а какъ видитъ тутъ отца, то еще пуще ухаживаетъ за нею, точно наперекоръ старому...

„Голубъ мой! думаю: „Этого тебѣ не одолѣть: напрасный трудъ“!

Отецъ ничего-себѣ, только глядитъ,—не на Чайченка,—а черезъ его голову...

А Чайчиха и наша мать сидятъ, точно тѣ голубки си-зя, когда ихъ гнѣздышко разоряютъ.

На одной свадьбѣ отваженъ былъ Чайченко,—ужъ черезчуръ отваженъ: не отходить отъ Катри ни шагу. Мать сильно потревожилась, забыла и молодыхъ привѣтствовать.

Отецъ прежде всѣхъ гостей собрался домой и намъ велѣлъ итти. А тутъ самое веселье, танцы.

Пошли мы домой. Идетъ Катря, потихоньку плачетъ.

— Не плачь, серденько! Хуже, какъ замѣтитъ! уговариваю шопотомъ. Какая отъ слезъ помощь?

— Такъ что-жъ! Я плачу, а я счастлива, до смерти счастлива! Онъ меня любитъ, и я его люблю, и буду любить всю жизнь мою! Пусть знаетъ батько: хоть горюю, а все же я счастлива! Пусть и то знаетъ! Пускай хоть гѣшитъ, хоть гнѣвается, мнѣ все равно...

— Катря, лучше будетъ, если отца не гнѣвить. Лучше, если-бъ Яковъ бережно съ отцомъ обходился. А то что за счастье, если отецъ не умилюстивится? Посмотри, какая мать

печальная, мучится за тебя. Не льни ты такъ къ нему—и дѣвушки будутъ надъ тобою смѣяться.

— Пускай смѣются—я его люблю... Я счастлива!

— А какъ отецъ раздразжится, да больше не пуститъ тебя на свадьбы ходить, гдѣ тогда съ нимъ увидишься? За-мѣчаешь, утромъ старикъ ужъ запрещаетъ за порогъ ступить, вечеромъ самъ двери замыкаетъ...

— А я таки счастлива, проговорила. Ей Богу, счастлива!

И залилась еще пущими слезами.

Вотъ черезъ короткое время опять насъ на свадьбу просятъ. Можетъ отецъ и не пустилъ бы, такъ нельзя—родня. Идемъ туда всѣ вмѣстѣ, да словно тѣсны намъ улицы стали, идемъ одинъ за однимъ, втихомолку. Приходимъ. Глядь-глядь по хатѣ, по свѣтлицѣ, по всѣмъ уголкамъ—нѣтъ Чайченка.

— Еще рано, еще придетъ! говоритъ Катря.

Ждемъ-пождемъ—нѣтъ! Уже поздно вошла старая Чайчиха. Катря только ее завидѣла, ужъ очутилась подлѣ матери: знаетъ, что Чайчиха ея не минетъ. Но Чайчиха не разглядѣла, что-ли, и сѣла поодаль одна. Наша мать сама къ ней пробралась, поздоровалась, да и сѣла рядкомъ. Сидятъ молча. И Чайчиха, и мать, обѣ беспокойны.

Примѣчаю, онѣ обѣ будто и хотятъ другъ другу о чемъ то разказать, да не рѣшаются, желаютъ говорить, да не сберутся съ мыслями.

А Катря такъ и горитъ вся отъ нетерпѣнія. Наша мать знаетъ то и чувствуетъ, глядитъ на Чайчиху жалостно какъ-то, а Чайчиха вглядывается въ свой рукавъ, не подымаетъ глазъ.

— Какія теперъ сукна, говоритъ, ткутъ некрѣпкія, милая, не то, что прежде!

— Отчего онъ не пришелъ? Отчего? вымолвила Катря не дожидаячи распросовъ матери, ни рассказовъ Чайчихи.

У самой изъ глазъ такъ искры и сыплются... Глядитъ смѣло, стоитъ такъ прямо...

— Катря! говоритъ ей потихоньку мать, испугавшись;— въ своемъ ли ты умѣ? Кстати ли тебѣ спрашивать?

А Катря и не слышитъ.

— Отчего онъ не пришелъ? Отчего его нѣтъ?

— Не знаю, не знаю, краса моя! отвѣчаетъ Чайчиха. Онъ сказалъ мнѣ, что будетъ, а вотъ и нѣту... Вѣрно, какая помѣха... Я его спрошу... Я тебѣ скажу тогда...

И такъ-то ужъ Чайчиха въ словахъ мѣшается, да путается! и заминается, и перескакиваетъ съ слова на слово, какъ сорока съ вѣтки на вѣтку,—чтобы это такое значило? Наконецъ, говорить, что Яковъ ждетъ какого-то человѣка, пойдутъ вмѣстѣ глядѣть воловъ, которые по случаю продаются; потому, вѣрно, онъ и не пришелъ. Недолго она и сидѣла,—поторопилась домой.

Не видно и не слышно Чайченка, какъ вода унесла! Мать его приходила: и то она говорила, что онъ нездоровъ, то—дома его нѣту. Сама старушка такая печальная, какъ тѣнь мается, а Катрю уговариваетъ:

— Не печалься, дитя мое, не горюй! Перейдетъ лихой часъ, все недоброе, дастъ Богъ, тучей перенесется и повѣнчается! То-то я бы счастлива была, если-бы ты, солнышко мое, освѣтила мою хату сумрачную. Я вижу, ты любишь его; за то тебя люблю, какъ родную доченьку.

Мать тоже Катрю уговариваетъ да утѣшаетъ:

Лучше, дочка, что Яковъ не попадается пока батькѣ на глаза: батько не раздражается, а тамъ, со временемъ, Богъ дастъ, онъ и смилуется.

— Да пусть я на него хоть взгляну! молить Катря. Пусть бы онъ хоть вдалекѣ прошелъ,—чтобъ издали его видѣть!

— Погоди, погоди! нельзя! отговаривается Чайчиха.

— Погоди, погоди! нельзя! просить мать.

Однажды отецъ вошелъ въ хату веселый.

— Не будетъ ли снѣгу, говорить, такія бѣлыя тучи все небо застилаютъ.

Мать, глядя на него, и сама смѣлѣе стала.

— Далеко-ли, другъ мой, ходилъ? Что тамъ на селѣ слышно?

— Что слышно? А нашу Катрю сватаютъ.

Тою вѣстью всѣхъ насъ переполошилъ: кто сидѣлъ—вскочилъ; кто стоялъ—схоронился въ уголокъ.

— Кого же намъ Господь посылаетъ? спрашиваетъ мать чуть слышно.

Катря смертно побѣлѣла.

— Старый Шелягъ сватаетъ за своего сына, за Дмитра. Это женихъ, хоть бы кому! Не дери-голова какой-нибудь, не пройдоха, не звѣздочетъ. Хозяинъ изъ дѣда въ прадѣда; изъ серебрянаго кубка гостей подчуетъ.

— Что съ тѣхъ кубковъ, когда полны слезъ! сказала мать.

— Гмъ!

— Больше ничего и не сказалъ отецъ, только поглядѣлъ на нее пристально. Она отвернулася, слезы потихоньку утерла.

— Я бы себѣ лучшаго зятя самъ не искалъ, отозвался снова отецъ, надвинулъ шапку да и вышелъ изъ хаты.

Мать все въ умѣ перебрала и всякую мысль оплакала: что дѣлать? какъ быть?

Катря такъ даже руки ломаетъ!

Какъ на горе, Чайчиха не провѣдаетъ насъ. И Пилипиха сердится. Некому намъ совѣта дать, не съ кѣмъ намъ горемъ подѣлиться. А милый нашъ какъ солнышко зашло, нѣтъ и нѣтъ его!

Однажды мать начала склонять Катрю:

— Покорись отцу, дочка! Что-жъ дѣлать, дитя мое, когда такая твоя доля!

— И вы ужъ туда-жъ, мама! Охъ, горе мое! несчастье мое! убивается Катря,

— Мое милое дитя! Кого же бѣда въ свѣтѣ минуетъ? Живши, отъ лиха не уйдешь, каждый свое отбудетъ... Что же, если отецъ отъ тебя отречется, а тотъ, можетъ, тоже отчуждается...

— Онъ отчуждается? Яковъ? Можетъ, и я его заброшу, а? Да и засмѣялась.

Хотѣла я ей тогда сказать, что ужъ и теперь немножко походить на то, какъ будто онъ чуждается, да жалко мнѣ ее стало... И мать ничего больше объ этомъ не помянула, только вздохнула тяжеленько, да стала опять упрасивать:

— Покорись, дочка, отцу! покорись!

Какъ мать передъ нею ни плакала, она все одно:

— Или я умру, или за нимъ буду!

Давно уже не видали мы Марусю, то за своею бѣдою, то потому, что Пилипиha не ходила къ намъ; изъ-за Катри-жъ и вышло это, изъ за того сватанья.

— Подемъ, говорю Катрѣ, къ Марусѣ,—за тѣмъ горемъ да за распрями и Маруся точно пряталась,—почти не выходила изъ дому. Что намъ за дѣло, говорю, что старики не въ ладу; мы съ нею втроемъ посовѣтуемся.

Пришли. Маруся сидитъ, шьетъ. Вдовы не было дома.

— Маруся! Маруся! говорить Катря:—Я пришла къ тебѣ посовѣтоваться, горе заглушить; да знаю, что и ты меня осудишь, какъ слушаешь!

— Сядь, Катря, Расскажи!

— Отецъ меня за него не отдаетъ! За нелюба, за богача меня прочить! А я, Маруся, хотъ и отца и матери не пожалѣю для него: брошу имъ все богатство ихъ! На что оно мнѣ! На что мнѣ все! Пусть онъ слово скажетъ: я за нимъ на край свѣта пойду! Пойду и не оглянусь ни разу! Оставайся все! и роскоши и достатки,—пусть инымъ служить! Не надо мнѣ,—лишь бы жить вмѣстѣ съ нимъ!

Маруся отвѣтила, не поднимая глазъ:

— Боже васъ благослови и помощи вамъ!

— Маруся!—я просто изумилась ей: вотъ тебѣ и покорная Маруся! Каковъ совѣтъ даетъ: и благословляетъ, и разрѣшаетъ!

— Сестрица моя! святая душа! обнимаетъ ее Катря:—Ты меня не осуждаешь, не будешь чуждаться меня?

— За что? тихо спрашиваетъ Маруся:—ты вѣдь его любишь?

— Ахъ, люблю его, такъ что и не вымолвлю! больше

чѣмъ жизнь свою! А на меня всѣ нападаютъ, хотятъ, чтобы я его покинула... Маруся! если-бы ты любила?

— Я бы не покинула.

Я слышу и не вѣрю сама себѣ.

— Маруся, ты ли это говориши? Что, если бы твоя мать услышала?

— А что-жъ? Если бы я любила, такъ мнѣ бы ничего не было тогда страшнаго, и никого бы я не боялась, только того, кого бы любила.

— Ахъ, какою ты меня радостью подарила, добрая моя! благодарить, цѣлуетъ ее Катря: Ты мое сердце развеселила! Ужъ очень мнѣ тяжело было! Хотя и не послушаюсь чужихъ горькихъ рѣчей, да больно ихъ слушать! Кажись, въ тѣхъ людяхъ души нѣтъ! Спасибо тебѣ, отрада моя!

Маруся ей улыбнулась.

— Не за что благодарить, промолвила она:—я только тебѣ правду свою сказала...

Въ первое же воскресенье послѣ того къ намъ наѣхали сваты Шеляговы. Принимаютъ ихъ, подчуютъ. Мать благодарить за честь, перемогаючи свою тоску и кручину, а отецъ говорить:

— Я себѣ лучшаго зятя и не пожелаю. А гдѣ Катря? Кликнули Катрю.

— Катря, говорю ей тихо, обдумай хорошенько!

Она будто и не слышитъ. Идетъ черезъ сѣни, бѣла, что твой платокъ. А смѣла, непоколебима—хоть въ огонь!

Вошла въ хату и глядитъ, не мигнетъ, на отца.

Отецъ, кажись, тоже поблѣднѣлъ немного, взглянувъ на нее:

— Пойдешь, спрашиваетъ, дочка моя, за Дмитра Шеляга?

Да спрашиваетъ какъ-то и ласково, и грозно.

— Не пойду! отвѣтила Катря, вотъ какъ-будто пѣсню пропѣла.

Поклонились сваты, и гордо пошли потихоньку изъ хаты.

Мы не шевельнемся, Катря стоитъ...
Отецъ слова не промолвилъ и вышелъ.

VIII.

Мать плачетъ, не осушаетъ глазъ. Старикъ молчитъ, не поминаетъ про сватанье, словно насъ не видитъ передъ собою; кто изъ насъ войдетъ, онъ не взглянетъ; кто заговорить,—какъ бы кошка мяукнула: не къ нему, дескать, дѣло.

А Чайченка нѣтъ и нѣтъ! И матери его не видно.

Катрю однажды едва удержала мать—хотѣла бѣжать въ Любчики.

— Если ты меня не слушаешься, дочка, то Богъ съ тобою! дѣлай тогда какъ знаешь, а я ужъ отца не стану просить.

— Хорошо, мама! бросьте меня, покиньте, забудьте, только пустите меня къ нему!

— Нѣтъ, не пушу, дочка! Я на порогъ передъ тобою стану, не пушу. Не годится!

— Я отъ васъ уйду, или утоплюсь, мама... Я такъ жить не въ-силахъ!

Я побѣжала, пересказала все Марусѣ.

— Умирать хочешь, какъ же онъ останется?—пришла, спрашиваетъ ее Маруся. Ты за своимъ горемъ не видишь горя другого. Ты такъ не носись съ своею печалью. Каково *ему* теперь, ты не подумашь... Ты ради *его* потерпи все, все выдержи, пока отца умолишь!

— Да если бы я хоть увидала его, хоть глянула на него, хоть одно слово услышала! Пусть онъ меня въ огонь пошлетъ, я пойду... Но его нѣтъ до сихъ поръ. Отчего? Или онъ покинетъ меня?

— Если нейдетъ, значить такъ надо, Катря: а ты жди, продолжаетъ Маруся;—а если тебѣ надо что ему сказать сейчасъ, не медля, передай черезъ меня: я схожу къ нимъ.

— Ты сходишь? А мать тебя не пуститъ?

— Пойду, не хлопочи. Говори, что ему передать?

— Скажи ему, что я пропадаю, что живая гину... что умру, если...

— И на что это говорить ему? Лучше пусть услышит, что ты его вѣрно любишь, что будешь его ждать, будешь отца упрасивать...

— Пусть онъ услышитъ, какую я муку терплю! Скажи ему, чтобъ онъ все бросилъ, чтобъ пришелъ меня провѣдать... Отецъ не узнаетъ... а хоть и узнаетъ, горче ужъ не будетъ!

— На что такъ говорить, Катря?—опять Маруся уговариваетъ:—развѣ ему и такъ не тяжело?

— Ахъ, скажи-же хоть, что я такъ люблю, что не могу дышать безъ него ни одной минутки...

И начала снова тоже самое; извѣстно, какъ дѣвушки любовь свою передаютъ...

— Въ тотъ же день Маруся и говорить вдовѣ: „Пойду я, мама, въ Любчики“. Пилипиха очень удивилась, однако „иди“, говорить. И когда уже Маруся выходила изъ дверей, она спросила:

— Зачѣмъ тебѣ въ Любчики?

— Пойду, мама, такъ, погуляю.

— Иди, дочка.

Сама за нею вышла, до воротъ проводила, да только тутъ опомнилась и вслѣдъ Марусѣ крикнула:

— Не долго мѣшкай, Маруся!

А Катря вышла изъ-за угла и проводила Марусю далеко за село, и тутъ же осталась дожидать ее. Подошла и я къ ней и виѣстѣ ждали и дождали.

Только Катря завидѣла Марусю, бѣжить къ ней.

— А что, сестрица? Видѣла? Будетъ онъ? Что сказалъ?

— Надо тебѣ еще погодить, Катря, отвѣтила Маруся.

— Нѣтъ ужъ силъ моихъ ждать! Такъ онъ не придетъ? Зачѣмъ же ты ходила? Что-жъ мѣшаетъ ему притти? Что онъ сказалъ?

— Онъ что-то такой печальный! говорить Маруся.

— Печальный? вскрикнула Катря. Ненаглядный мой! (а сама слезами такъ и облилася)! И онъ печалится, какъ и я!

Я къ нему сама пойду. Пойду, хоть пускай живьемъ зарюють въ землю! Я пойду!

— Онъ велѣлъ, чтобъ ты не приходила.

— Не приходила? Какъ это не приходила? Ты вѣрно не дослышала! Вѣрно сказалъ, чтобъ приходила! Нельзя сказать: „не приходи“, когда любишь: не станеть духу! Хотя-бы за то смертью грозили! Развѣ я могла бы ему теперь сказать: не приходи!

— Нѣтъ, просилъ тебя не приходить, Катря. А ты, если его любишь, такъ послушайся.

— Конечно, слушаюсь.

И долго она послѣ этихъ словъ сидѣла надъ дорогою и плакала.

Я примѣчаю, Маруся что-то какъ будто не все сказала: то глаза опустить, то что-то призадумается—видно у нея мысли такъ и ходять по головкѣ.

Пришли мы домой. Я уллучила часокъ, тихонько побѣжала къ ней одна.

— Маруся! говорю, что-то мнѣ не вѣрится: Богъ его знаетъ того Чайченка!

— Какъ это? спрашиваетъ она.

— Не любить онъ истинно Катрю! Не правду-ли я говорю, скажи?

— Да я не знаю, Хима, отвѣчаетъ она, раздумывая.

— А я такъ знаю, что ты не все Катрѣ пересказала! Вѣдь не все?

— Нѣтъ, не все.

— Вотъ видишь. Зачѣмъ же отъ меня скрыть?

— Да я ничего не крою. Я, что тамъ слыхала, не утаила ни слова, а то, знаешь, мои мысли...

— Да хоть и твои! Расскажи-ка ихъ, свои-то мысли!

— Видишь, какъ я туда пришла, меня встрѣтила мать его, да грустная такая, едва ступаетъ. А когда сказала я, зачѣмъ пришла,—у ней только выкатилась слеза, одна, словно послѣдняя. Ничего не отвѣчала она на мои слова, только вздыхала. Вошелъ и Чайченко въ хату... Вѣрно онъ въ большихъ думахъ и заботахъ, Хима: такъ поблекъ въ лицѣ...

Я говорю, что меня Катря прислала, и показалось мнѣ,— можетъ только показалось,—что онъ не обрадовался, когда услышалъ о Катрѣ... Не говорить мнѣ ничего, не спрашиваетъ. Тогда я ужъ сама все пересказала, и что Катря хотѣла къ нимъ придти; а онъ быстро перебилъ рѣчь мою: „пускай не приходитъ, скажите, пожалуйста, скажите!“—попрощался со мною и вышелъ.

— А старуха? спрашиваю.

— Я немного постояла, да хочу домой итти, а она мнѣ говоритъ со слезами: „ласточка моя! велика печаль у меня на сердцѣ; да можетъ еще надъ нами судьба сжалится! Скажи ты Катрѣ, чтобы она не сокрушалась такъ, можетъ еще все переменится на добро“. Я съ тѣмъ и ушла домой.

— Что тамъ у нихъ за тайности такія? Что-то кажись не хорошо. Не сказать-ли о всемъ этомъ Катрѣ?

— Да что жъ мы ей скажемъ? Нечего говорить, когда сами порядкомъ не знаемъ.

— Да я уже знаю, что Чайченко не любить ея. Я и скажу, что Чайченко не любить,—пусть же она сама о томъ вѣдаетъ. Когда нибудь правду узнаетъ, такъ пусть лучше теперь. Скажу ей, да и кончено! Она сразу не повѣритъ мнѣ; повѣривши не проститъ, можетъ, мнѣ этой услуги; да что дѣлать? По мнѣ—горькая правда лучше сладкой неправды. И лучше и здоровѣе, хотя не всѣмъ такъ кажется.

Думала я и передумывала долгонько: „нѣтъ, таки скажу ей!“ Я такой часокъ подстерегла, что она наплакалась ужъ вдоволь и, истомленная, тихо сидѣла.

— Катря, говорю я, вѣрно-ли ты знаешь, что Яковъ тебя крѣпко любить?

Она взглянула на меня, какъ на глупаго ребенка, и усмѣхнулась.

— А что (говорю таки ей), если онъ тебя покинетъ?

Она еще веселѣе усмѣхнулась.

— Ты еще ничего не смыслишь, говорить.

— Можетъ, лучше тебя смыслю; со стороны все виднѣй.

Припоминаю ей: мало-ли мы такихъ знаемъ, что любили, да и разлюбили; что покинули, да еще и насмѣялись;

что иные ищутъ любви, такъ-себѣ, для забавы; а есть и такіе, что вотъ какъ добиваются той любви, а для чего? для того, чтобъ потомъ бросить, чтобъ куда ни шла несчастная—слезами дорогу поливала.... Все житейское ей выставлю, какъ на ладонкѣ, перебираю по ниточкѣ. Куда! и не говори ей! понапрасну свою мудрость хлопотливую трачу! Когда кто кого любитъ, то, извѣстное дѣло, что любимый наилучшій въ свѣтѣ, и все, что отъ него, все добро. Кажется, что онъ не можетъ поступать, какъ другіе люди,—не ладно, а такая мысль, что дѣлай только люди по его, то все отлично пойдетъ. То другіе, дескать, худо или неумѣло поступали, а мой... А развѣ былъ когда, а развѣ есть гдѣ такой, какъ мой? Расскажу ей про измѣну какую, она отвѣчаетъ: „никогда бы въ жизни не полюбила я такого паробка“.

— Жаль, что твой Яковъ нейдетъ къ намъ и не хочетъ, чтобы ты приходила. Почему хотъ мать его не навѣдается? Почему это?

— Это онъ знаетъ... онъ мнѣ скажетъ...

Я тогда и говорить, и доводить полно: даромъ слова теряю. Когда-бъ она хотя разсердилась, а то принимаетъ мои слова такъ, будто я ей говорю, что Чайченко птица, а не паробокъ—и надо мною еще смѣется: ничего-то ты, говорить, не разумѣешь!

Въ хатѣ нашей, словно въ тюрьмѣ, грустно стало; отецъ ходитъ сумрачный, какъ дозорный; мать плачетъ потихоньку, Катря не видитъ материной печали за своею.

— Мама! прошу я, успокойтесь хотъ немного. Или вы Катрѣ не потакайте, или ужъ не плачьте!

— Вамъ добро на свѣтѣ, вотъ такимъ, скорымъ! отвѣтитъ она грустно:—вы какъ разъ себѣ порѣшили: такъ тому и быть! да такъ напрямикъ и идете; а я, горемычная, я не знаю, что мнѣ дѣлать? Не хорошо поблажать Катрѣ, да какъ и удерживать? только вспомню, сердце кровью обольется, какъ она, моя горлинка, убивается! Кто его знаетъ, что и лучше! Тутъ мое рожденіе, моя единая утѣха погибаетъ, а тутъ онъ гнѣвается, и на глаза, почитай, не принимаетъ... Какъ противъ мужа пойдешь...

IX.

Кромѣ Шеляга никто еще Катри не сваталъ; а Шелягъ на той же недѣлѣ, какъ онъ съѣлъ отъ Катри гарбузъ *) вы-сваталъ себѣ другую дѣвушку и повѣнчался. Да, бывало, на-рядить свою молодую жену; точно богатую купчиху—монистъ дорогихъ, золотыхъ дукачей навѣшаетъ, какъ въ лавкѣ, а она, коротенькая такая крошка, пыхтитъ даже, бѣдная, подъ тѣми нарядами. Онъ же все ее мимо нашихъ оконъ водить. Самъ въ такой сивой шапкѣ, какъ рѣшето; алымъ кушакомъ десять разъ, почитай, обмотанъ; да такимъ алымъ, что глаза рѣжетъ; сапоги скрипятъ. Идетъ—посматриваетъ поверхъ нашей кровли: что это, дескать, за курникъ, что я его хо-рошенько и не вижу?—такимъ, бывало, глазомъ посматри-ваетъ.

Отцу нужно было итти въ дорогу. Когда выходилъ: „будьте здоровы!“ только и сказалъ, и пошелъ себѣ... Мы за нимъ пошли его проводить за село. Провожаемъ, а онъ точно самъ себѣ по степи идетъ. Когда ужъ проводили за село, и стала мать горько плакать, онъ немного при остано-вился и говоритъ:

— Вы дѣлайте себѣ, какъ знаете; любите, коли охота есть; а я на своемъ словѣ крѣпокъ: я за Чайченка дочери не отдамъ, пока живъ. Я знаю, почему. Будьте здоровы!

Приподнялъ шапку, да и пошелъ мѣрными шагами. А мы вслѣдъ ему глядимъ, стоимъ, какъ морозомъ побитыя.

— Катря! Катря! мое милое дитя! промолвила мать, въ недобрый часъ ты полюбила! Господи! пошелъ, едва простил-ся—когда это бывало!

Глядѣла вслѣдъ за отцомъ и плакала; а онъ все дальше да дальше, а тамъ за гору зашелъ; только еще слышалось, какъ погонялъ: гееееей!

Мы еще стояли, прислушивались, какъ бы ждали, что вернется, поцѣлуетъ насъ, разжалобится надъ нашимъ го-

---

*) Эмблема отказа.

ремъ, хотя и знали, что этому не бывать, какъ цвѣту въ полѣ зимою. Потомъ вернулись домой.

— Катря, спрашиваетъ мать, о чемъ задумалась?

— Я хочу Якова видѣть, мама!

— Охъ, дитя мое! развѣ не слыхала, что отецъ ска-
залъ?

— Я хочу Якова видѣть!

Она не плакала, и не тужила, и на все, что ей мать ни говорила, какъ ни упрашивала, какъ ни ласкала, одно твердила: „я хочу Якова видѣть“!

— Катря, говоритъ мама: лучше я сама пойду и обо
всемъ развѣдаю.

— Нѣтъ, мама, нѣтъ! Развѣ не видите вы сами, что
мнѣ теперь не до ожиданій, не до обѣщаній... Не запрещай-
те мнѣ, мама. Я несчастная! Я на все пойду...

Мать видитъ, что ничего не подѣлаешь,—собралась
вмѣстѣ съ нами въ Любчики, не теряя время. Пошли мы.
Мнѣ и матери было тяжело; а Катрю обняла какая-то безум-
ная радость—все она припоминала, говорила, не умолкая.
Вспоминала, какъ мы были на свадьбѣ въ Любчикахъ, всѣхъ
знакомыхъ дѣвушекъ любчевскихъ и паробковъ, всѣ наши
шутки и выдумки, точно она была гдѣ-то въ тѣсной темни-
цѣ, да теперь освободилась и опять передъ нею веселое
жизнь, и забѣгаетъ она ужъ впередъ его мыслями пріятны-
ми. Мы зашли прежде къ своей родственницѣ. Намъ обра-
довались, принимаютъ, спрашиваютъ. Все у нихъ въ ха-
тѣ, какъ и прежде было—тихо да мирно. Мужъ ея привѣт-
ливый, она сама веселая. Мы застали ихъ надъ работой,
онъ сани чинилъ, она шубы переглядывала. Славно они лѣ-
то провели, хорошей и зимы ждали. Здоровенный сѣрый
котъ мурлыкаетъ, жмуря глаза противъ солнца: видно, что
и ему хорошо жилось на свѣтѣ. Высокорогіе волю смотрятъ
сквозь загороды важно во дворъ; бѣлые гуси спѣшаютъ съ
горы къ водѣ, а пѣгія утки, крикая, пробираются черезъ
садики во дворъ. Во дворѣ разноперыя куры разбрелись по-
всюду, гордые пѣтухи, точно хваты уличные, расхаживаютъ.
Куда ни заглянешь,—вездѣ полно всего, все движется, копо-

шится. Садъ уже безъ листьевъ, но и тамъ не пусто: вывѣтриваются полотна, разостланные по землѣ; развѣшаны нитки на деревьяхъ; сушатся на солнцѣ груши, яблоки; въ огородѣ, на грядкахъ, желтѣютъ огурцы, оставленные на сѣмена; лежатъ, какъ боченки, тыквы...

Мать стала прощаться: видитъ, что Катря давно ужъ стоитъ у дверей, а родня просить:

— Побудьте у насъ; что же такъ, какъ огня пришли ухватить.

— Мнѣ бы хотѣлось еще Чайчиху провѣдать, говорить мать.

— Да ея дома нѣту.

— Гдѣ-жъ она? спросили мы всѣ въ одинъ голосъ.

— А еще намереннѣ поѣхала въ Хмелинцы къ сыну.

— А сынъ зачѣмъ тамъ?

— Кто его знаетъ: онъ давно ужъ гдѣ-то шатается... наши люди видѣли его въ послѣднѣй разъ въ Хмелинцахъ—такъ вотъ и старухѣ, бѣдной, надо туда-жъ волочить ноги:—вѣдь они сами родомъ изъ Хмелинцевъ, у нихъ тамъ какая-то и родня есть.

Послѣ того и хата бѣлая, и хозяева милые намъ стали тяжки. Слушаемъ, какъ они рассказываютъ, хвалятся житьемъ своимъ и людьми; да кто не знаетъ, каково слушать легкія рѣчи безпечальнаго счастливца о его счастіи, въ тяжелый, горькій часъ?... тоже, что слушать невольнику, что хорошо на волѣ жить, или больному изъ опостылѣвшей хаты ароматы весенніе: что и хорошо вдыхать ихъ, и томить они на смерть...

Пошли мы домой, а Катря повернула къ Чайченковой хатѣ,—склонилась на плетень и поглядѣла въ пустой, тихій дворъ. А сама какъ бѣлый платокъ.

— Завтра я опять приду, проговорила тихонько.

Только мы отошли немного отъ села, перекрестной дорогой идетъ человѣкъ при возахъ. Тотчасъ мы узнали Михайло Иваненко. Какъ его не узнать? Волосы у него какъ лень, когда выгорятъ отъ солнца, а самъ до того обвѣтрен-

ный, загорѣлый, что брови и усы, точно кто развелъ известки, да мазнулъ. Высокаго росту, сухощавый, бодрый; глаза все раскрываетъ, словно дивится чему-нибудь. Этотъ Иваненко не въ мѣру любилъ ярмарки: купилъ—продалъ—вотъ вся его жизнь! Еще только застѣвалъ ниву, и ужъ подумывалъ: соберу, дастъ Богъ,—свезу на ярмарку! Несчастье—волъ издохнетъ—нечего дѣлать: хоть будетъ чѣмъ поярмарковать! Вчастью, бывало, и проторгуется—не унываетъ: ну что-жъ, что убытокъ, лишь бы свѣжая копейка! „Что-жъ, говорить, конь о четырехъ ногахъ, да спотыкается; а торговля не стоитъ; не то товаръ, что лежитъ, а то, что бѣжить“.

Жена его бѣдная хорошо эту пословицу знала: съ тѣхъ поръ, какъ онъ женился, ужъ третью хату перепродалъ. Какъ его нѣтъ дома—жена все жалуется людямъ: „какія были хаточки—жить бы, да Бога хвалить!—нѣтъ, выгодно, говорить, даютъ! Пропродалъ. Теперь убираю эту пустку. Да нѣтъ и охоты убирать—продать тотчасъ; не пожалѣетъ и лѣтъ моихъ, что я бьюсь, хлопочу неустанно“. Если-жъ онъ дома, то какъ ей ни желательно съ нимъ поссориться, нельзя никакъ придраться къ нему. Онъ ей привезетъ и очипокъ, и платокъ, всегда что-нибудь новенькое, и покупку свою такъ красно покажетъ, а продажу такъ выставитъ выгодно, такъ словами поддѣлается, такого ей наскажетъ (а жена была любопытная изъ любопытныхъ!)—что она слушаетъ его, да и заслушается. Да тогда только туманъ спадетъ съ нея, когда мужъ опять изъ дому вырвется куда-нибудь на ярмарку.

— Откуда Богъ несетъ? спрашиваетъ мать Иваненка.

— Съ которой ярмарки? говорю ему.

Катря идетъ впередъ, не слушаетъ ничего, только по привычкѣ поклонилась Иваненку.

— А вотъ, говоритъ Иваненко:—былъ въ Зайчикахъ, былъ въ Лебедевкѣ, въ Хмелинцахъ былъ...

— Должно быть въ Хмелинцахъ ярмарка славная, перебила мать:—вотъ и Чайчиха туда поѣхала,—не видали ея?

— Какъ не видать! Я всѣхъ видѣлъ. Ходитъ и она по ярмаркѣ, словно деньги потеряла.

— Отчего-жъ такъ? Она вѣдь тамъ съ сыномъ?

— А сынъ ходитъ словно разумъ потерялъ; а хорошая вдова веселится, что потерю напла...

— Какая вдова?

— Хорошая, молодая, свѣжая... Вотъ, если-бы такихъ продавать, либо покупать—были бы торги, скажу вамъ!

— Кто-жъ это такая? Не знаете?

— Увидѣвши диво, нельзя не спросить откуда взялось!
Она Терничиною прозывается.

— Вѣрно Чайченко ее сватать хочетъ?

— Тамъ ихъ столько сватается, что за день не перевѣшаешь! Сватаютъ, а кому достанется, это ужъ она знаетъ.

— Будьте здоровы!

— Прощайте! помогай вамъ Богъ!

Катря далеко впередъ прошла, ничего этого не слыхала.

— Боже мой милосердый! говорила мать въ тоскѣ, идя по дорогѣ:—Боже мой милостивый!

Думали-думали, какъ Катрѣ сказать о томъ, что слышали, да поровнявшись, прямо ей всю правду и говоримъ. Мать плачетъ да уговариваетъ: „не печалься, дитя мое!“ да просить: „забуди его“!

— Зачѣмъ, мама, меня дурачить? грустно говорить Катря.

Мы божимся, что все это слышали отъ Иваненка.

— Ну, довольно! довольно! отвѣчаетъ Катря.

Какъ вошла въ хату, прилегла на лавкѣ, склонившись на окошечко, глядитъ, да думаетъ. Какъ поворотилась, то даже страшно намъ стало—какъ изъ воску слѣплена, только очи свѣтять.

— Ты больна, вѣрно, голубка? что съ тобою?

— Ничего! Я подумала: что, если-бы это правда была, что онъ другую полюбилъ... Я только подумала, а я не вѣрю... и никогда не повѣрю.

На другой день она опять пошла въ Любчики; на третій день тоже. Что мать уговаривала, сердилась даже—не слушаетъ. Не говоритъ ни слова, все думаетъ и мѣняется въ лицѣ, и всякій день—въ Любчики.

Если я, бывало, за нею пойду, она меня и не замѣтитъ, а заговорю я съ нею: полно! полно! Прерветъ меня на словѣ.

Войдетъ въ село,—я, бывало, ее провожу все огородомъ, а она идетъ по моимъ слѣдамъ, какъ слѣпая,—взойдетъ въ село,—а хата Чайченкова отъ лѣса съ краю,—придетъ къ той хатѣ, поглядитъ на запертыя двери, на глухой дворъ, постоитъ, да и домой идетъ, словно не въ своемъ умѣ.

Х.

Однимъ утромъ Катря уже одѣвалась, вѣрно въ Любичи, какъ тутъ сама Чайчиха къ намъ въ хату. Мы всѣ такъ къ ней и бросились.

Сѣла старушка на лавкѣ, спрашиваетъ:

— Все ли благополучно, все ли хорошо?

Я на нее гляжу—она сильно измѣнилась, пока мы ея не видали; на сторонѣ, сразу не узнать бы.

— Охъ, не очень-то хорошо живется! отвѣчаетъ ей мать:—не такъ, какъ бы мое сердце желало!

— А что старый вашъ за нашихъ дѣтокъ говоритъ? Сжалится ли онъ когда надъ ними?

Катря, что до тѣхъ поръ все сидѣла, какъ въ лихорадкѣ—прислушиваясь, какъ кинется при этомъ словѣ, обняла Чайчиху, зарыдала: „гдѣ онъ? гдѣ Яковъ мой?”

Старушка ее ласкаетъ, говоритъ, что онъ дѣла свои покончилъ, что скоро будетъ къ ней, что здоровъ... Мать взяла Катрю за руки; я дала ей водицы испить.

— Когда онъ будетъ? Скажите мнѣ! молитъ Катря Чайчиху.

— Да пришелъ бы завтра рано, если-бы не отецъ твой.

— Отца нѣту.

— Такъ придетъ рано утромъ.

— Завтра утромъ рано! Завтра рано! повторила Катря, схватила себя за голову обѣими руками и тяжело вздохнула.

— Что-жъ отецъ говоритъ? спрашиваетъ Чайчиха:—какой отвѣтъ послѣдній?

Мать ей все рассказала. Всплеснула Чайчиха руками:

— Господи мой! за что моему дитяти счастья нѣтъ?

Мать сама въ слезахъ, въ тревогѣ, поглядываетъ на свою Катрю, да и говорить:

— Полно, что это вы!

— По вѣкъ будетъ его доля горькая! Такъ ему суждено! Не будетъ ему никогда пары! Не будетъ счастья! такъ ему заподѣяно! говорить Чайчиха въ отчаяніи.

Катря вскочила, мать поднялась съ мѣста и всѣхъ насъ, словно волною, прикинуло къ Чайчихѣ.

Что это она сказала? Какъ суждено? Кто ему судилъ? Кто ему заподѣялъ? Что?

— А та вдова, то мое неотвязное горе,—говоритъ Чайчиха, обливаясь горькими слезами:—Не судилъ намъ Господь породниться, да вы мнѣ все таки какъ самая милая родня—расскажу-жъ вамъ мое горе! Слушайте!

— Знаете, что мы жили въ Хмелинцахъ. Была тамъ у насъ въ селѣ вдова красивая, пышная, на—диво. Терничихою звали ее. Пойдетъ ли танцевать, станетъ ли выдумывать, болтать въ компаніи, чужія слова налету хватается, своими засыплеть... И такъ каждого обойдетъ, кого захочетъ, какъ нечистая, прости Богъ, сила. Я таки съ перваго разу, какъ ее увидѣла, подумала:—не хороши у этой вдовы глаза! Тогда еще почуяло сердце мое! А глаза у нея большіе, яркіе, какъ ножи рѣжутъ. И какъ ловка! Какъ въ душу умѣетъ ко всякому влѣзть, къ кому ни захочетъ!

Съ той поры, какъ привязался мой Яковъ къ ней, никуда не годенъ сталъ паробокъ,—ни къ работѣ, ни къ хозайству. И забавы, и гулянья молодецкія—все бросилъ. Гдѣ она, тамъ его и глаза, тамъ и всѣ мысли его...

Мать, кажется, и не слушаетъ, все поглядываетъ на Катрю, а та, бѣдная, поставила локотки на столъ, взялась за голову, какъ-будто удерживаетъ, что-бъ не распалася безталанная молодая головка... Чайчиха все рассказываетъ.

— Какъ ужъ я его просила: покинь, соколъ мой, покинь ее!—не послушался! Такъ она его приворожила къ себѣ, что свѣтъ ему опостылѣлъ! Безъ нея ходилъ какъ не живой.

Ужъ не хотѣлось мнѣ брать ее въ невѣстки, какъ не хотѣлось! да ужъ Богъ съ тобою, говорю, сынъ мой, женись. Послали сватовъ—а она?—насмѣялася, родные мои! не пошла!

А что, сынокъ, говорю, не правда моя? Она всѣмъ одинаково свѣтитъ очами... Брось ее! Забудь безстыжую!

А онъ все-таки къ ней... Да и дождался, что богачъ изъ чужого села ее засваталъ—она за того богача и пошла, а его, какъ середь моря, оставила. Ужъ какъ онъ мучился, горемыка, одинъ Богъ знаетъ!

Да что вы думаете? Какая злая, какая безбожница! ходить да и ходить, бывало, мимо нашихъ оконъ и смотреть, нѣтъ ли гдѣ его,—увидить, добраго дня пожелаетъ, о здоровьѣ спрашиваетъ... Такую покинуть бы, да еще Бога благодарить, а онъ все ее любилъ... Зелья, что ли, дала она приворотнаго, или присушила какими чарами! Я, родные мои, я рѣки слезныя пролила, упрашивала, умаливала его: „женись, сынъ мой милый! Иль не выберешь себѣ какую захочешь? Пусть бы она надъ тобою не насмѣхалась“. Долго онъ меня не слушалъ, а потомъ самъ опомнился: была у насъ дѣвушка, что давно его любила, мы къ ней сватовъ и послали, а она и отказала... Видно ужъ прослышала что-нибудь, или было такъ заподѣяно: пошла за другого.

А та безбожница подъ окномъ нашимъ стоявши, закричала: „Будь бобылемъ весь вѣкъ, Яковъ, да люби только мои очи ясныя“!

И пошла съ хохотомъ, бьетъ въ ладоши. Смотрю, а онъ какъ дитя плачетъ и вслѣдъ ей пошелъ, какъ виновный въ чемъ, опустивши голову...

Она, обвѣнчавшись съ своимъ богачемъ, уѣхала было съ нимъ, да скоро со всѣми родными перессорилась, всѣмъ людямъ тамъ опостылѣла—не захотѣла жить тамъ и уговорила мужа купить въ Хмелинцахъ хату; опять въ Хмелинцы вползла змѣя. Тогда мой Яковъ весь умъ потерялъ—хворалъ, исхудалъ, едва живъ, а она тѣшитя. Всѣ люди стали на него головами кивать... Я надумалась, все продала, да оттуда въ Любчики и перебралась отъ нея. И Богъ мнѣ помогъ...

Яковъ поправился, какъ-будто сталъ понемногу забывать ее, на вечерницы сталъ ходить.—Когда-то онъ былъ у меня первый между паробками, такъ и сіялъ! Тутъ ему ваша дочка по нраву пришлась... Я ужъ рада была! Какъ царства небеснаго счастья ему ждала; надѣялась, что вашъ старикъ таки подастся, какъ вдругъ Яковъ: „Не хочу жениться! Не буду“! Я плачу, я упрасиваю—„не хочу“! и дѣлу конецъ. У нея, слышу, мужъ умеръ: гдѣ ужъ тутъ ужиться съ такою на свѣтѣ! Говорятъ, умеръ сразу, не болѣвши, безъ покаянія, сердечный; а она тотчасъ Якову знать дала, чтобъ къ ней ѣхалъ... Онъ и поѣхалъ, скрытно. Я туда-жъ себѣ. Какъ просила его! ночи не спала—думала, сжалится надъ несчастною старою матерью: онъ же у меня когда-то былъ такой покорный! Нѣтъ,—для нея и мать родную, и себя самого забылъ... Гляжу, за нею по ярмаркѣ цѣлая толпа гоняется, и мой Яковъ тамъ межъ другими безумцами! Я уже собиралась домой, да къ вамъ, чтобы всю бѣду вамъ рассказать, какъ вдругъ Яковъ входитъ, да и упалъ на лавку...—Что такое?... сынъ мой милый, ты нездоровъ?—„Ничего, здоровъ“. Узнаю,—она опять просватана за какого-то шинкаря... Стала я тогда Якову говорить: „Какъ ты себя, сынокъ, ни во что ставишь! Эта змѣя надъ тобой смѣется явно! Есть ли въ ней сердце, чтобъ любить ее“! Онъ, какъ будто, и забылъ объ ней. Я думала, вашего старика уломаемъ, да и проживемъ съ нашими дѣтками. Онъ у меня вѣдь что чистое золото! Да видно ужъ такъ заподѣяно! Видно ему не будетъ счастья! Маяться ему весь вѣкъ одинокому, горемыкѣ!

И стала Чайчиха еще пуще плакать. Мать тоже плачетъ.

Катря встала и бросилась изъ хаты. Я за нею—куда это она?

— Катря! Катря! кличу,—не откликается, идетъ быстро по улицѣ...

Я ее догнала, беру за руку, останавливаю:

— Да куда же ты идешь, сестрица?

— Не знаю! Все равно... куда-нибудь... дальше отъ хаты... Такъ вотъ онъ отчего такую пѣсню пѣлъ! Вотъ отчего грустить! Онъ не меня любитъ, а ее!...

— То было, да прошло, не думай объ этомъ и ты; хорошо, что опомнился; прости ему прошлое: нѣтъ того дерева, чтобы на немъ птичка не попѣла! Можетъ онъ и не виновать въ этомъ: противъ воли своей мучился.

— Боже мой! Боже мой! Онъ меня не любилъ!... И не любить!...

— Какая ты, Катря! Или у насъ съ тобою и безъ того мало горя? Ты лучше поговори съ нимъ, пускай онъ тебѣ самъ скажетъ—любить ли тебя.

Она оглянулась на меня:

— Ты мнѣ не поминай о немъ; я его уже не увижу! Не хочу!

Неудержимыя слезы прервали ей рѣчь... Господи! какъ она плакала! какими горькими укорами его укоряла!

Меня не хотѣла и слушать. Потомъ отерла слезы и быстро повернула къ дому. Въ хатѣ мать съ Чайчихой сидятъ, какъ сестры, рядышкомъ, что-то вымышляютъ и совѣтуются.

— Я не пойду за вашего сына! проговорила Катря, ставши передъ Чайчихою.

— Какъ? что? спрашиваетъ Чайчиха.

Испугалась, видно, ея голоса, или лица мрачнаго. И мать, какъ громомъ оглушенная, смотреть на нее.

— Не пойду за вашего сына! крикнула Катря. Не хочу! Хоть бы отецъ десять разъ позволилъ,—я не пойду!

— Я же говорю, что заподѣяно! проговорила Чайчиха—это чары, прямыя чары! Не даромъ она, вѣдьма, крикнула ему: „будь бобылемъ цѣлый вѣкъ“! Господи, помилуй насъ отъ всего злого!

Катря стоитъ неподвижно у стола, только слышно какъ дышитъ.

Вѣрила ли Чайчиха тѣмъ чарамъ, или то, что Катря такъ твердо сказала свои слова, она не стала уговаривать ее, только проговорила: „такая ужъ доля!“ еще поплакала, потужила, и, ласково, какъ родная, простилась съ нами; а когда обняла Катрю, та вся вздрогнула. Пошла старушка съ тяжкимъ горемъ своимъ.

Катря поглядѣла ей вслѣдъ... Сѣла на лавку и смотреть по хатѣ, смотреть на насъ пристальными и быстрыми глазами, точно припоминаетъ—гдѣ-жъ дѣлось то, чѣмъ она жила? Да и чѣмъ она жила? Точно похоронила она все, что было у нея на свѣтѣ, да еще никакъ не можетъ сообразить всей своей бѣды и потери.

— И слава Богу, дочка! стала говорить мать: Хорошо, что ты отцу покорилась... Перейдетъ печаль, найдется тотъ, кто тебя полюбитъ отъ сердца...

И хотѣла Катрю приласкать. Катря какъ зарыдаетъ! какъ затужитъ! И не было ей угомону въ плачѣ; только слышно; вздохнетъ иногда со стономъ, словно уколетъ ее что въ грудь.

Мы около нея ходимъ, падаемъ, а потомъ уже сложили руки, да и сидимъ, не ворохнемся.

Прошло утро, прошелъ день; прошелъ вечеръ, ночь проходить, у насъ въ хатѣ только рыданья отчаянныя, одна тоска горькая, безпомощная. Отъ утомы она переставала,—но лишь донесется голосъ людской, дневной шумъ, въ ночной тиши вздохнетъ мать, или шевельнусь я, то каждый звукъ, каждый вздохъ, точно будить горе, точно силы тоскѣ придаетъ, и слышно, какъ мучится, какъ мечется бѣдная несчастливица, не зная, гдѣ дѣться ей...

Пришла къ намъ Маруся. Сидимъ всѣ тихо, никто не хлопочетъ по дому, не работаетъ. Такъ и сидимъ.

Попробовали было заговорить съ Катрею, Катря какъ крикнетъ на насъ:

— Ну, говорите мнѣ! Что скажете? Не умершіе ли встанутъ? А? Скажите! Скажите, какъ я взгляну на него? Мнѣ изъ-за его плеча вдовье личико прекрасное мелькаетъ! Мнѣ ихъ сердечныя рѣчи слышатся! Я ихъ любовь чую, у меня сердце сохнетъ! Она бросила его! Видите, почему тосковалъ: а я, бессмысленная, я его за ту грусть еще больше любила, жалѣла! я его еще нѣжнѣй ласкала, я его еще утѣшала!... Охъ, тяжко, тяжко мнѣ!... Да вы знаете-ли, что я его за то больше любила, что онъ по вдовѣ тосковалъ?

— Чѣмъ же онъ виноватъ, что прежде любилъ? промолвила Маруся.

Да отстраняючи насъ отъ себя, не слушаючи, стала нарекать, тужить, жаловаться:

— Когда бы хоть попрощаться пришелъ! Когда бы хоть разъ еще его увидеть! Какъ могла я такъ любить, жалѣть! О, безумная! обманута! обманута!

— Чѣмъ же онъ виноватъ, что прежде любилъ? опять промолвила Маруся.

— Кто виноватъ, что я пропадаю? Кто виноватъ?

— Если ты его вѣрно любишь... начала Маруся.

— Я ли не любила его вѣрно!... Боже! а теперь что мнѣ!... Лучше бы я его схоронила въ землю!

XI.

Время шло, тоска понемногу замирала—не жгла, не рвала такъ души, за то все собою покрывала, все обняла. Пошли тѣ долгія утра, тѣ вечера, что и конца имъ нѣтъ, когда все сидишь да думаешь о горѣ своемъ, и какъ оно пришло къ тебѣ, и какъ не покинетъ тебя никогда...

Ночью Катря мало спала; вставала утромъ, ни о чемъ не заботилась; сидеть около окна, сложить руки, сидеть да въ окно глядеть.

Такъ тянулись дни, недѣли, и она, живая, была, словно, мертвая. Иногда въ веселое, яркое утро вдругъ, будто, очнется отъ утренней свѣжести, оживетъ... или въ тихій темный вечеръ... и такими горькими слезами залъется... и тужить, рыдаетъ, пока изъ силъ выбьется,—тогда утихнетъ, и опять будто ничто ей до сердца не доходитъ, ничто не задѣваетъ заживо.

Хотѣла мать съ ней говорить, хотѣла спросить—она просить мать: не говорите ничего и не спрашивайте ни о чемъ! Ни со мною, ни съ Марусею разговора не хочетъ и будто надъ нами насмѣхается. Мать очень тужила.

Пилипиха узнала о нашей бѣдѣ, а и она не приложила ума, что дѣлать, какъ горю пособить, хоть на что была са-

монадѣянна. Только нападала на мать, сердилась, зачѣмъ она такъ слушается мужа, зачѣмъ такъ ему покоряется, что отъ этого все лихо идетъ. Но она больше доказывала это гнѣвомъ, чѣмъ разсужденіемъ.

Дождались отца изъ пути. Воротился онъ все тотъ же, какой пошелъ, нахмуренный, неласковый. А еще усталый, запыленный, такъ казалось, сумрачнѣй глядитъ, чѣмъ прежде. Воротился поздно вечеромъ, мы еще не ложились, а по селу всюду уже тихо было: вдругъ его грозный голосъ слышался. Мы вскочили съ матерью, кличемъ Катрю: „иди отца встрѣчать“. Онъ вошелъ во дворъ мимо насъ, сказалъ только „здравствуйте“, отпрягъ воловъ, прибралъ все, вошелъ въ хату, сѣлъ на лавкѣ, поодаль отъ всѣхъ. Мать подала ужинать; онъ ужиналъ молча, слова два сказалъ что-то о хозяйствѣ, взглянулъ быстро одинъ разъ на Катрю—и какъ-будто загорѣлое лицо его немного побѣлѣло, а ни съ кѣмъ не разговаривалъ.

А Катря стоитъ у стѣны, и сама, какъ стѣна, бѣла, гляжу—совсѣмъ обомлѣла. Мать тоже хочетъ поговорить съ отцомъ, да голосу нѣтъ слова вымолвить.

— Усталъ я, говоритъ отецъ. Добрый ночи вамъ!

Я поклонилась и Катрю за руку вывела за собой, будто вмѣстѣ поклонились ему. Привела въ свѣтлицу. Она сѣла и дрожала. Смотрѣть на нее—сердце разрывается!

— Что съ тобою? спрашиваю; неужто ты отца испугалась?

— Нѣтъ, нѣтъ... Я только вспомнила... Какъ я тогда молила отца, какъ нарекала на него... Тогда у меня было счастье... Теперь не объ чемъ мнѣ просить дома, не о чемъ плакать, нечего ждать со стороны... ничего ужъ у меня нѣтъ!—я одна...

— Чтобъ насъ отецъ не услышалъ, Катря; будемъ спать. Утихни!

— Утишь ты прежде горе мое! отвѣтила съ рыданьемъ.

Ночь проходила въ тоскѣ и въ мукѣ,

— Какая темная ночь! говорила Катря,—какая темная да длинная!

А стала заря заниматься, стало весело солнце всходить, она говоритъ: „уже и заря занимается! уже солнце,—день,—какъ пережить до ночи, Боже милостивый!

Мать тѣмъ только утѣшалась, что ужъ коли Катрѣ не бывать за Яковомъ, то это несчастье хоть батька умилиститъ, и говорить она отцу:

— Катря сама не хочетъ за Чайченка.

Его очень взволновали эти слова.

— Расскажи все, какъ было; не укрывай отъ меня ничего, приказываетъ.

Какъ было, она ему рассказала.

— Помилосердуй ты надъ бѣдняжкой, другъ мой, вѣдь она послушалась, покорилась, а горе-то какое!...

— Она не меня послушалась, отвѣтилъ отецъ.

Самъ задумался, встревоженный...

Мать робко на него смотреть:—гнѣву не видать, а ужъ думъ-то, думъ на пасмурномъ челѣ!

Всталъ, надѣлъ свою высокую шапку и пошелъ по дорогѣ къ лѣсу,—а въ ту пору не было ужъ никакихъ работъ въ полѣ, никакого дѣла, а онъ пошелъ.

— Какъ онъ принялъ это къ сердцу, Господь вѣдаетъ его! грустно говорила мать, посматривая, не идетъ ли онъ домой.

Воротился отецъ уже вечеромъ поздно.

Всѣ мы собрались въ хатѣ и провели длинный, безъ конца, вечеръ, всякій за своимъ дѣломъ, безъ разговоровъ.

И много перешло у насъ такихъ долгихъ вечеровъ, безъ словъ, безъ говору, когда люди сидятъ словно возлѣ тяжко, при смерти больного, и не взглянуть другъ на друга, потому что печалень у каждого взглядъ,—видишь только печаль въ другихъ глазахъ—и рѣчей не заводятъ, потому что нѣтъ ужъ имъ утѣшенья въ словахъ. Время же идетъ такъ тихо, такъ медленно; то вдругъ словно пролетитъ нѣсколько часовъ—видишь, масла нѣтъ ужъ въ свѣтильнѣ; какъ бы и не жилъ того времени; то опять считаешь каждую минуту; точно камень большой медленно кто катитъ по груди, не дождешься, пока скатитъ...

XII.

Что дальше, то все пуще тосковала Катря. Горе свое она сбывала; все жгучее, отчаянное; улеглось,—обняла ее тоска, ровная, безысходная, правильная тоска. То, бывало, иногда обратится къ намъ, ко мнѣ, или къ Марусѣ, съ живымъ словомъ: „охъ, тяжело, Маруся!“ „Охъ, смерть мнѣ, Хима!“ а то совсѣмъ отстранилась отъ всѣхъ. Ласку принимаетъ, не обращая вниманья; что спросишь у нея, заговоришь о чемъ съ нею—„Что надо? Чего хотите?“ Съ матерью стала, точно не родное дитя, отъ отца удаляется, какъ можно... Случится гдѣ на селѣ несчастье, она прислушивается, что такое, кто какъ сокрушается, кто какъ плачетъ—ей какъ-то любо стало вглядываться, обдумывать, обсуживать такія вещи—и вглядывается, и вслушивается она такъ, что точно ей не жалко, что у кого-нибудь сердце болитъ, а жалко, что человѣкъ ничтоженъ такъ на свѣтѣ, и говорить бывало: „Вотъ люди! Что такое тотъ разумъ людской? Къ чему онъ?“

Стала она какая-то холодная, спокойная, хоть и печальная, и грустная.

— Боже мой, Катруся, припомню ей иногда, когда-то что ты за веселая была!

— Была веселая, отвѣтила мнѣ разъ, потому что прежде мнѣ жить легко было—такъ легко, какъ дурню съ горы бѣжать!... тутъ кое-что мнѣ на дорогѣ попало—остановило меня... Спросила я тогда: что это за житье наше на свѣтѣ? И на что человѣкъ живетъ? Зачѣмъ? За какимъ дѣломъ на свѣтѣ нарождается? Живетъ на муку, родится на смерть. Нечего искать, не стоитъ ни о чемъ болѣть—все проходить, какъ дымъ, все вянетъ, какъ зелье...

Начнетъ, бывало, такъ говорить, мы съ Марусею только слушаемъ. Бывало, холоду нагонитъ словами своими на душу.

— Скажи мнѣ, Катря, спрашиваю я одинъ разъ, наслушавшись ея рѣчей, или ты уже не любишь?

Да и сама испугалась, что напомнила ей, а она усмѣхнулась.

— Не бойся, не бойся, говорить, я уже теперь не плачу! Да, я уже теперь не плачу, я уже не ревную, да и не люблю уже!

— Какъ? уже забыла?

— Ой, Хима, промолвила она—и тутъ зазвучало у нея больше печали, чѣмъ насмѣшки въ голосѣ,—какъ все проходить на свѣтѣ! Какъ все проходить! И любовь, и радости, и горе—какъ все проходить! Что было намъ дороже души нашей—глядишь,—стало не важнѣе порошинки!

Бывало, спорить съ нами, что нѣтъ въ свѣтѣ ни добрыхъ людей, ни правды, ни справедливости.

— А гдѣ же правдивые? Куда ни глянуть, гдѣ ни ступить, то все не по правдѣ, или все по *своей правдѣ*, по своему закону... А гдѣ эти добрые?

— Да вотъ хоть бы мать твоя, говорю я ей,—мать...

Прервала меня:

— Мать, отецъ, родня? Да свой своему поневолѣ сваты! А пускай-ка въ одно что-нибудь душу положить—увидишь тогда каковы добрые и какова правда!

— О, есть въ свѣтѣ правда! есть добрые люди! говорить Маруся.

— Развѣ въ нашихъ мысляхъ съ тобою! отвѣтила Катря.

— А что это, Катря, говорю я,—это ужъ, стало быть, ты одна одиухонька вѣрная, надежная душа на свѣтѣ?

— Что есть вѣрнаго, что есть надежнаго въ свѣтѣ? Я знаю одно вѣрно: что я несчастная, горемычная.

Спокойно, безмятежно вымолвила она эти слова. Вспоминаютъ такъ давнымъ-давно схороненное и оплаканное.

А мы съ Марусею умолкли.

И вотъ такъ-то ни ласкою, ни шуткою не развлечешь ее, не прогонишь отъ нея той ледяной, вѣчной тоски.

Мать терпѣла и плакала молча; напрасно было обращаться ей къ Катрѣ. Отецъ тоже словъ не терялъ попусту. Только отецъ какъ-то измѣнился. Какой-то иногда у него взглядъ былъ, какого я еще никогда у него не видывала. Не

подстерегла этого мать, Катря и подавно не замѣтила, а какая-то переменѣна въ немъ совершилась. Это только я, любопытница всесвѣтная, подмѣтила. Сталь онъ, какъ будто, пасмурнѣй, а ласковѣй; молчаливый по прежнему, а внимательнѣй, мягче; сталь заботливѣй,—сказать бы—нѣжнѣе...

Какъ-то Катря, глядя въ окошечко, промолвила: „Все тучи, все непогода! Когда-жъ это, наконецъ, прояснится! Когда-жъ, наконецъ, тепло настанетъ!“ То какъ онъ дожидаль того проясненья! Какъ чаялъ того тепла! Какъ еще съ вечера выходилъ и глядѣлъ пристально, да внимательно, да тоскливо на небо!

Катря чутко стала спать, ночи спала худо, а случалось, заснетъ днемъ, около окошка.

Вошелъ одинъ разъ отецъ, стукнулъ дверями—Катря вздрогнула. Какъ онъ послѣ того тихонько входилъ всегда, или пережидаль во дворѣ, на трескучемъ морозѣ, притворяясь, что дѣломъ какимъ занять, а въ сущности скучая безъ всякаго занятья и дѣла, пока узнаетъ, что Катря проснулась!

Какъ-то принесла къ намъ Пилипиха кожушанку,—показывала, хвалилася, что очень хороша.

— А въ самомъ дѣлѣ хороша, сказала Катря.

— Хорошо бы тебѣ такую, сказала Пилипиха.

— Хорошу бы и мнѣ такую, сказала Катря.

На другой день ранехонько отецъ поѣхаль со двора,—черезъ недѣлю вернулся—былъ въ другомъ уѣздѣ: привезъ съ собою намъ новыя кожушанки. Даетъ Катрѣ—какое мрачное, невеселое лицо у него было и какъ дрожала рука, подавая! Какъ принялъ онъ покорно какъ-то, что она брала не глядя, что беретъ, и благодарила разсѣяннo! Какъ онъ поспѣшилъ въ городъ, когда она сказала что тамъ лучше черевикъ, чѣмъ у насъ!

Чайченка мы не видали,—ни его самаго, ни его старухи-матери. Иногда, бывало, прослышимъ черезъ дивчать, что встрѣтили его гдѣ-нибудь, или такъ помянетъ кто-нибудь его имя,—только мы и знали.

ХІІІ.

Слышу, тотъ мнѣ говорить: „Маруся измѣнилась, Маруся похудѣла“, другой меня спрашиваетъ: „или Маруся нездорова?“—Пилипиха придетъ, говорить, что дочь у нея вянетъ, и хвалится, что скоро, однако, дочь поправится, а иногда по надменному лицу бѣгутъ слезы... И сама я вижу, что Маруся словно таетъ.

— Маруся, что съ тобою? Ты о чемъ-то тоскуешь? говорю ей.

— Нѣтъ, говорить, мнѣ ничего и я не тоскую.

Катря глядитъ, слушаетъ,—и все ей ни тепло, ни холодно,—далеко лежитъ, мало болитъ!

Одинъ разъ мы съ Катрею сидѣли однѣ, я начала о Марусѣ вспоминать: что это такое съ нею случилось, что она такъ измѣнилась, и никогда не жалуется, и не видѣлъ никто отъ роду, чтобы она плакала. Подумаль-бы, что мать у нея крутого нрава, такъ мать и всегда была такая же, и теперь мать только что сама „спасите“ не кричить, такъ ей дочь жалко.

Говорю я такимъ образомъ, Катря задумалась. Думаетъ-думаетъ, точно что припоминаетъ,—да и говорить:

— А знаешь, отчего Маруся такая стала? Отчего Маруся сохнетъ? Она Чайченка любить!

— Вотъ еще выдумка! вскрикнула я. Что ты, Катря! Опомнись! Да она знаетъ, она всегда знала, что онъ ея не любить!

— Ничего! онъ ея не любить, да она его любить! Я не знаю, какъ это я давнымъ давно не догадалась,—еще тогда... Потомъ-то я уже не думала, потомъ я все забыла...

— Да почему-жъ ты такъ заключаешь? Почему ты при-мѣчаешь? Развѣ она когда нибудь о немъ вспоминала, говорила? Она отъ меня, кажется, не таятся, не скрываетъ... Она вѣдь никуда не ходитъ, ничего не ищетъ... ни свиданій, ни разговоровъ... А можетъ она и любить, да кого нибудь другого...

— Его! Его! Это навѣрно. И давно ужъ она его любить. Она вѣдь прежде насъ его видала и знала. Помнишь, какъ мы всѣ тогда, веселыя и глупыя дѣвушки, собираючись на свадьбу, допытывались у нея каковъ онъ и помнишь, какъ она отъ насъ старалась отдѣлаться, не хотѣла рассказывать и ничего не рассказала? Помнишь? А какъ она меня спрашивала, въ самомъ ли дѣлѣ я его люблю, вѣрно ли, крѣпко ли? А помнишь, какъ заступалась за него всегда? Помнишь? Все помнишь?

Тогда я все вспомнила, и ту свадьбу, и всѣ слова Марусины, вспомнила много кое-чего, что прежде видѣла, примѣчала, да на что прежде не обращала вниманья, что было мнѣ прежде не вдомекъ,—все я вспомнила, сообразила, да и сама призадумалась: можетъ, оно и точно правда.

А все еще мнѣ не вѣрится. Какъ же это я оплошала бы такъ? Неужто я бы не подстерегла? Глаза у меня такіе зоркіе—гдѣ-жъ эта зоркость? Я такая дальновидная, проницательная,—гдѣ-жъ та моя безошибочная предусмотрительность и догадливость-то?

Я хоть такими словами себѣ не причитала, но такъ думала.

Только выбрала я минуточку свободную—сейчасъ же побѣжала къ Марусѣ, постучалась въ окошечко:

— Маруся! Маруся голубка! выйди поскорѣе!

Она выходитъ, а я прямо таки къ ней съ такимъ словомъ: Маруся, ты любишь Чайченка?

Она вздрогнула и пристально на меня поглядѣла,—ея глаза тихо засіяли, лицо медленно заливалось румянцемъ,—и сказала мнѣ: Такъ что-жъ?

— Это правда, Маруся? А я Катрѣ не вѣрила, я не думала... И очень ты его любишь? И давно ужъ любишь?

— Я за него умерла бы, сказала она, и такой ясный и смѣлый вдругъ сталъ ея взглядъ.—Я за него умерла бы и для него я готова и рада жить... Я люблю его давно—давно... Я всегда его любила, съ той поры, какъ узнала, съ той минуты, какъ увидала.

— Да онъ вѣдь никогда тебя не искалъ, Маруся! Онъ ухаживалъ за Катрею... за другою...

— Пусть будетъ счастливъ съ другою,—съ тою, которую полюбить.

— А тебѣ-то что, Маруся? Тебѣ только мука, печаль да горе?

— Хоть и горе,—я отъ него все приму за добро.

— А мать твоя?

— Что-жъ моя мать? Я ей этимъ не надоѣдаю.

— Да она замѣчаетъ, что ты вянешь, она тѣмъ печалится...

— Если бы все тверилось по моей волѣ, если бы моя власть и сила, такъ я бы не вяла, а была бы румяная.

— Какъ же ты замужъ пойдешь?

— Я не пойду замужъ.

— А мать станетъ приневоливать, принуждать?

— Что-жъ? Тяжко мнѣ тогда будетъ.

— Конечно тяжело за нелюбаго итти! Еще бы легко!

— Нѣтъ, я не то хочу сказать, я хочу сказать—будетъ тяжело, что мать уговаривать станетъ, огорчаться, а я не пойду...

— Да чего-жъ ты будешь ожидать? На какое такое добро будешь уповать и надѣяться?

— Я ничего ожидать не буду и ни на что уповать не буду.

— Да вѣдь онъ и не знаетъ, что ты его любишь! Да вѣдь онъ и не заботится, чтобы ты его любила—не сладка ему твоя любовь—не надобна!

— Пускай! Лишь бы я его любила!

— Горе и лихо тебѣ будетъ отъ этой любви, а радостей я не ожидаю,—на отраду не надѣюсь!

— Если не судилось милое счастье, то пусть хоть милое горе будетъ.

— Прощай Маруся! говорю ей.

— Прощай, Хима!

Проводила меня немножко, еще разъ мы попрощались и она воротилась въ свою хату, тиха и ясна.

А я домой иду себѣ да думаю: чего это на бѣломъ свѣтѣ не бываетъ! Пусть только остается здорова голова на плечахъ! Этотъ Чайченко! Или его въ барвинкѣ купала мать, что онъ такъ всѣхъ дивчать чаруетъ? Ужъ если на правду пошло, такъ надо признаться, что и мнѣ онъ не одну ночь снился и видѣлся! Ужъ я какъ старалась, какъ выжимала разумъ изъ головы,—помогай! помогай! пока, наконецъ, опомнилась... Подумала, вздохнула да и сказала себѣ: „полно“! И полно.

— А что? спрашиваетъ меня Катря, усмѣхаясь, а что, развѣ я не угадала?

— Твоя правда, отвѣчала я ей. Несчастливая дѣвушка, жалко мнѣ ее очень! Горькая доля ей судилась!

— Горько безъ отвѣту любить, промолвила Катря, горько понапрасну ожидать, попусту уповать горько, а еще горче не любить, не ждать и не уповать!

Съ Марусею Катря объ этомъ рѣчи не заводила, развѣ такъ, намекнетъ иногда, скажетъ, напримѣръ: „На что эта любовь на свѣтѣ живетъ“? А Маруся: „А если сердце любить—такъ какъ же заказать ему“? Катря опять: „Какая прибыль отъ той любви, какая сласть,—стоитъ ли вся любовь та добраго слова“? А Маруся: „Не знаю, только никто не промѣняетъ ни на что гъ свѣтѣ своей любви, какова она ни на есть“.

Иногда Катря насмѣхается, иногда точно ей чего-то завидно станетъ...

Все она жизнью тяготится, все у ней ни къ чему охоты, ни влеченья нѣту.

— Катря, говорю я ей, такъ ты дѣло дѣлаешь, моя голубка, какъ мокрое горить!

— Лишь бы день до вечера перебыть, отвѣтитъ мнѣ, лишь бы день до вечера перебыть!

Мать покупаетъ ей хорошіе и пышные уборы—она едва глянетъ: сложить, да и забудетъ; мать посылаетъ ее въ гости—пусть развлечется, пусть разгонитъ тоску—она всюду идетъ, да всюду ей свѣтъ Божій не милъ, всюду жизнь постыла.

Мать очень тужила, да еще кромѣ того и очень боялась: что же съ нею, наконецъ, будетъ. Просить, бывало, меня: „не отходи ты отъ Катри, брось все, сиди съ нею“! Отецъ словами ничего не выражалъ, а то и дѣло, куда бы мы ни шли, его непремѣнно на дорогѣ встрѣтить. Ничего не скажетъ онъ намъ, взглянетъ на Катрю и пройдетъ мимо...

Катря еще любила гулять по полямъ, по степи, по лѣсу. Ходимъ, бывало, съ нею вмѣстѣ, я на нее гляжу, а она глядитъ кругомъ,—рѣчей не ведемъ, разговору нѣтъ. Такія, бывало, ходимъ, что и птишекъ не спугиваемъ...

XIV.

Бродили мы такъ однимъ утромъ. Погожее, ясное да веселое было это утро лѣтнее и далеко мы зашли, даже до самыхъ пещеръ. А мѣсто тамъ дикое такое, незаселенное! Бѣлые мѣловые шпиль горы блестятъ на солнцѣ да межъ ними катится рѣчка глубокая: ни дерева, ни цвѣтка, ни птичьяго щебетанья...

— Катря! говорю я:—чего это мы сюда зашли?

— Пойдемъ въ пещеру, отвѣчаетъ мнѣ, да съ тѣмъ словомъ и пошла; я за ней: „не ходи, Катря“, прошу, а она идетъ.

Темно было совсѣмъ въ пещерахъ и свѣжо, какъ въ погребѣ. Кое-гдѣ сверху, въ трещину горы, падалъ солнечный лучъ блестящей полосой.

Катря идетъ все дальше-да-дальше; ужъ тяжело дышать мнѣ: —„вернемся, говорю, Катря“!—идетъ дальше... Дошли къ тому мѣсту, гдѣ въ стѣнѣ вдѣлана точно постель съ изголовьемъ. Пещера низкая, только человѣкъ небольшого росту можетъ стоять, опустивши голову, на другой стѣнѣ вырѣзаны кресты, а передъ тѣми крестами на полу ямка: стоялъ тутъ кто-то годы цѣлые на молитвѣ,—молясь въ землю входилъ.

Катря стояла, глядѣла и думала, беспокойная, тревожная... Какъ рванетъ съ себя вдругъ коралы дорогіе, они

такъ и разсыпались. Я кинулась подбирать: „Что съ тобою Катря“?—А она упала на колѣни возлѣ той каменной постели, слезами обливается. „Что ты, Катря? говорю я, испугавшись:—„Богъ съ тобой“! А она не откликается и рыдаетъ.

Насилу я вывела ее изъ той пещеры на свѣтъ Божій.

— Что съ тобою, Катря?

Она какъ стала, какъ глянула,—невозможно узнать ея было! Вотъ словно она долго и долго бродила по чужимъ краямъ, межъ чужими людьми, гдѣ все чуждо ей было, гдѣ все было тягостно и постыло, пусто и мрачно, да вдругъ неожиданно родину и родное нашла, все желаемое обрѣла—и вотъ и спокойно ей, и радостно, и сама еще не привыкла къ новому благодатному состоянію...

— Я въ монахини пойду, Хима, говорить мнѣ.

Меня какъ громомъ ошеломило.

— Будеть мнѣ покой! промолвила радостно.

— Въ монахини? говорю:—а мать? а отецъ?

— Идемъ домой, идемъ! перебила она меня—пусть отецъ да мать снаряжаютъ!

И почти бѣгомъ домой, а я за ней.

Вошли мы въ хату. Это было въ праздникъ. Отецъ и мать сидѣли у стола, разговаривали. Катря поклонилась имъ въ ноги и просить:

— Батюшка и вы, матушка, отпустите меня, я въ черницы пойду.

Отецъ всталъ.

— Я пойду въ монахини, промолвила снова Катря; Богу молиться.

— Ты у насъ одна, дитятко мое; мы тебя лелѣяли, а ты думаешь насъ покинуть на старость, проговорила мать и заплакала.

— Лучше буду за васъ Бога молить... говорятъ Катря.

— Полно,—молвилъ отецъ,—чтобъ я такого слова не слыхалъ больше отъ тебя!

— Такъ вы меня не пускаете! вскрикнула Катря.—Пустите! Не губите души моей!

— Я сказалъ: „полно“—ну и полно! Я никогда тебя, молодую дѣвушку, на это не благословлю!

— Приметь ли тебя Богъ милосердный, если родители не благословятъ, дитя мое?—уговариваетъ мать.

— Пустите меня... не губите души моей. Я пойду въ черницы! одно твердить Катря...

Съ той минуты все просится Катря въ черницы; просится да плачетъ. Никуда ужъ нейдетъ, сидитъ въ хатѣ—плачетъ.

Прошло съ недѣлю времени. Въ одно утро встаемъ мы,—нѣтъ Катри! Гдѣ это она? Хожу вездѣ, кличу—не отзывается; мать искать—какъ въ воду канула; никто изъ сосѣдей даже не видалъ, чтобъ шла. „Вѣрно вышла погулять рано“, говоримъ, а самимъ ужъ не вѣрится что-то; такъ ужъ сердце и замираетъ... Уже и полдень—нѣтъ Катри; вечеръ, ночь—не приходитъ она. Каково-то было это матери перенести? Каково-то было это отцу объявить? А отца въ тотъ день дома не было. Какъ пріѣхалъ, услыхалъ онъ, сдѣлался совсѣмъ бѣлый...

— Когда? спросилъ.

— Вчера раненъ проснулись мы, а ея ужъ нѣтъ!

Отецъ перепрягъ другихъ лошадей и уѣхалъ.

Два дня его не было. На третій вернулся, точно изъ подъ земли.

— Нѣту?—спрашиваетъ мать, издалека его увидавши и заплакавши.

— Нѣту, отвѣтилъ.

Сколько ни искали, сколько ни спрашивали—нѣтъ и нѣтъ.

— Куда-то она пошла, бѣдное дитя мое! плачется мать день и ночь:—можетъ, теперь въ великой бѣдѣ, можетъ...

Отецъ молчитъ; слова не скажетъ.

Нѣтъ ничего хуже на свѣтѣ какъ та неизвѣстность, неуверенность: ни успокоиться, ни погоревать не дастъ хорошенько; такъ и мы жили. Что часъ, Катрю хоронили; что часъ, къ живымъ возвращали; нужду и горе ея не вѣдаючи,

оплакивали; то надежду полагали, что Богъ ей во всемъ поможетъ, на доброе выведетъ.

Говоримъ, бывало, съ матерью да вспоминаемъ,—отецъ слушаетъ, склонивши голову... бровью не поведетъ. Самъ слова не проронитъ. Приходили то и дѣло къ намъ люди навѣстить насъ въ горѣ; всего чаще забѣгали наши знакомыя молодежи-жалобницы; онѣ тутъ, бывало, у насъ и наплачутся, и наговорятся; каждая, кстати, и свое горе припомнить. Очень осуждала насъ Пилипиха, что мы сами виноваты за Катрю, а еще пуще горевала о нашей напасти.

Протянули мы осень и зиму; дождались снова весны. Мало ли ходило слуховъ намъ на страхъ, и на надежду, на горе и на отраду!

Прошли слухи, что гдѣ-то въ уѣздѣ видѣли дѣвушку; что никто ея не зналъ, кто она такая;—отецъ ѣдетъ спрашивать, все кругомъ объѣдетъ,—нѣтъ, не она; провѣдаемъ, что мертвую нашли,—ѣдетъ отецъ скорѣй на нее посмотрѣть; гдѣ-то утопшую вытащили—отецъ туда. Мы удостовѣренія ожидаемъ, что это она, плачемъ, какъ онъ ѣдетъ;—плачемъ, какъ и пріѣдетъ, что нѣтъ ея,—гдѣ жъ она, радость наша?

Утромъ какъ-то кличутъ отца да мать къ священнику. Мать и перепугалась, и обрадовалась, заплакала.

— А что такое? Зачѣмъ? спрашиваетъ дьячка, что пришелъ за ними:—скажите намъ, голубчикъ!

— Богъ его знаетъ, не знаю. Миѣ батюшка не признался—не знаю.

И въ-правду онъ былъ таковъ, что ничего самъ по себѣ не зналъ: и головка то у него была такая крошечная, какъ маковое зернышко.

Приходятъ наши къ священнику, а онъ имъ говорить:

— Радуйтесь, ваша дочь жива и здорова.

Господи Боже! что за радость была!

Разсказываетъ онъ, что Катря уже въ монастырѣ, далеко, подъ Кіевомъ гдѣ-то; что письмо ему пишутъ изъ того монастыря, дескать, такая-то дѣвушка изъ вашего села пришла въ монастырь и осталась, имѣя благое наитіе монахиню быть; а игуменья, узнавши, что родители у нея зажи-

точные, писать: неблагоугодно ли имъ будетъ пожертвовать что на братію, потому что она поселилась у нихъ въ такой бѣдности, что и сказать нельзя: монахини изъ милости обдали ее, чѣмъ кто могъ; а пусть родители не заграждаютъ ей спасенья, что это тяжкій грѣхъ, и пусть шлютъ дочери свое благословеніе. „Мы молимся Богу,—пишетъ—что не забывается насъ, посылая новыхъ агницъ къ нашему стаду, а васъ просимъ, чтобъ наставить на путь родителей: всякое даваніе благо“!

— Ну, пишите, люди добрые, дочери благословеніе,—говоритъ священникъ,—не отговаривайте ее: все равно ея не вернете, только горести прибавите и сами на грѣхъ пойдете.

— Она не вернется уже?—спрашиваетъ мать плача—никакъ уже нельзя, батюшка?

— Какъ же можно! она до смерти Божья раба; пишите благословеніе ваше.

— Пускай же ее Богъ благословитъ, дитя мое милое! промолвила мать, рыдаючи.

А отецъ стоитъ, ничего не говорить.

— Вотъ и хорошо, говоритъ священникъ, посматривая на отца:—я такъ и напишу, что отецъ и мать благословляютъ.

— Нѣтъ! отозвался тогда отецъ:—за меня, за отца, не пишите, батюшка,—я не благословлю.

— Какъ же это? Да это грѣхъ большой тебѣ будетъ! грозить священникъ.

Отецъ молчитъ.

— Полно, полно, уговариваетъ его: напишу, что отецъ и мать благословляютъ.

— Нѣтъ, батюшка, отецъ не благословитъ никогда,—это напишите, коли хотите: правда будетъ! Прощайте, батюшка.

Поклонился старикъ, да и домой.

Мать, бѣдная, только плачетъ—ей одно—слезы.

— Какъ же это будетъ? говоритъ священникъ матери:—Не бросите же безпомощное дитя свое, какъ сироту?

— Боже мой, какъ же бросить! отвѣчаетъ мать.

Кинулась домой, къ отцу за деньгами, а отецъ хотъ самъ не давалъ, но и не запрещалъ. Взяла мать денегъ и сейчасъ же отнесла батюшкѣ, чтобъ переслалъ Катрѣ.

— Это хорошо, говорить священникъ:—когда-нибудь и онъ раздумается,—это Божья вѣдь воля,—и благословить дочь, а теперь напишу, что мать ее благословила.

А тутъ люди провѣдали—идутъ къ намъ, обрадованные.

— Дочка ваша жива! Слава Богу милосердому! крестятся старушки:—Что, еще не пострижена? Что, ужъ черницею? А далеко? Можно навѣстить хотъ и далеко, лишь бы жива и здорова была. Въ святомъ приютѣ она—можетъ, самъ Богъ ей туда путь указалъ!

Мать благодаритъ, утираетъ слезы... Отецъ все молчитъ. Кто-то изъ гостей говоритъ ему:—„Ваша дочка“...—„У меня нѣтъ дочки!“ перебилъ ему рѣчь отецъ.—„Ваша дочка—монахиня!“—„Нѣтъ у меня дочки“, отвѣтилъ онъ снова.

Недѣли черезъ три получилъ священникъ письмо, что Катря благодаритъ отца и мать за ихъ родительское попечение и за деньги; проситъ и впередъ не забывать о ея нуждахъ.

— Какъ ей тамъ живетъ, батюшка? хорошо? Здорова ли она? спрашиваетъ мать.

— Разумѣется, хорошо въ Божьемъ домѣ.

А дьячокъ отозвался:

— Кто это знать можетъ? Она тамъ—а мы тутъ!

— Ты молчи, Пантелеймонъ, когда тебя не спрашиваютъ старшіе! сказалъ батюшка.

И вотъ, не ожидая ужъ болѣе Катри, стали мы жить въ тихой, ровной, непрестанной печали. Старый отецъ сѣдѣтъ;—на высокомъ его челѣ легла во всю доль морщина,—очень глубокая и мрачная морщина.

XV.

Послѣ всѣхъ этихъ бѣдъ и напастей повстрѣчалась мать съ Чайчихой,—плаками обѣ неутѣшно, и еще больше

дружить стали: горе иногда скорѣе людей сближаетъ, чѣмъ счастье.

Чайчиха къ намъ чаще ходила, потому что мать стала прихварывать. Сойдутся, вспомнятъ прошлое...

Придетъ и Пилипиха. Было и у ней свое горе, что гложетъ сердце, да никогда она не жаловалась, отъ роду не плакала. И теперь, будто вижу ее: придетъ, бывало, сядетъ какъ-то выше всѣхъ, поглядываетъ, словно судомъ пришла судить,—каждое словцо какъ отпечатывается.

— И моя Маруся, Богъ ее знаетъ—вянетъ, точно былина; ничего ей не мило. Убирается, не глядя, что надѣвается на себя, къ дивчатамъ не ходитъ, объ гуляньѣ не думаетъ. Что ей?—ума не приложу. Или времена такія настали, что скоро свѣту конецъ? Теперь сватаетъ ее Похиленко. „Не хочу,“ да и только. А коли ты, говорю, охотою не идешь, такъ я тебя силой отдамъ.—„Отдайте; только вы мнѣ, матушка, свѣтъ загородите—и мнѣ, и ему вмѣстѣ. Не будетъ у насъ въ хатѣ ни любви, ни ласки... Я его не знаю и не люблю, и не буду любить... Хоть пожалѣйте его—за что ему руки связывать“! Что-жъ, я говорю, и ты хочешь въ монахини? И ты думаешь меня на старость покинуть? „Нѣтъ, мама. Пока Господь васъ на свѣтѣ держитъ, я васъ никогда не покину“.

— Можетъ, зазнобушка есть, да боится признаться, можетъ какого убогаго сироту полюбила? говорить мать.

— Спрашивала я: кто тебя съ ума сводитъ? „Никто меня съ ума не сводитъ“.

Замолкнетъ Пилипиха и задумается, затужитъ, а головы не склонитъ ни за что—все гордо ее держитъ.

Мать съ Чайчихой поведутъ рѣчь про долю людскую, про безталанье людское, а подъ конецъ все сведутъ рѣчь на дѣтокъ своихъ...

— А что, Маруся голубка, бывало скажу ей, что это въ свѣтѣ-то творится, а? Непорядки!

Она мнѣ усмѣхнется.

— Какъ же тебѣ живется, Маруся? Все любишь такъ само?

— Такъ само, отвѣчаетъ.

— Онъ можетъ скоро женится—мать-то его умаливаетъ: „женись“, да „женись“. Разсказывала намъ, и хвалилась, сказалъ ей: „женюсь“.

— Дай Богъ ему счастья.

Такъ-то вотъ, бывало, разговариваемъ съ нею, иногда она поетъ—всегда ласковая, спокойная, добрая и ясная.

Чайченко снова появился межъ нашими молодцами. Такой же красавецъ, да едва-ль не лучше сталъ, потому что если милый поболѣетъ, или горе какое потерпитъ,—крѣпче къ нему глупое сердце льнетъ... Снова такой же привѣтливый ко всѣмъ, опять со всѣми говоритъ, а не любитъ, кажись, опять, никогѣ; вдова его любимая обвинчалась съ какимъ-то шинкаремъ.

Съ Марусей они встрѣчаются... Ну хоть бы разъ я замѣтила, чтобъ она прошла мимо его, чтобъ взглянула такъ, какъ дѣвушкамъ не учиться взглядывать—что, дескать, любить его. Только стала румянѣй, какъ началъ онъ показываться на свѣтъ.

— Какая ты розовенькая, говорю.

— А мать все говорить, что я хвораю, да грущу; пойду, пусть увидитъ меня румяную...

— А чего грустишь ты?

— Не весело, Хима.

— Ты все изъ-за него печалишься, а чего? ему на свѣтъ не хуже другихъ живется!

— Ему не хорошо! вымолвить она, и лицо у ней поблѣднѣетъ.

Однажды собрались къ намъ Пилипиха и Чайчиха. Чайчиха и говоритъ вдовѣ, сидя съ нею въ уголкѣ.

— Доброй дочкой васъ благословилъ Господь. Я ужъ давно примѣчаю, такая тихая, какъ святая! Кого-то, поистинѣ, Богъ наградитъ такою парюю!—и свекрови легко будетъ дышать съ такою невѣсточкой.

А Пилипиха говоритъ:

— Вянетъ моя Маруся! Таеетъ что свѣчка!

— Да она гораздо цвѣтнѣй стала—будетъ здорова!

— Не говорите—она вянетъ, что осенній листь!

— Мой Яковъ,—добрый сынъ, начинаетъ снова Чайчиха,—не матери бы хвалить,—перегулялъ уже свои молодецкіе года; часто ему говорю: одружись на вѣки, сынокъ, найди себѣ парочку! „Хорошо“, сказалъ вчера: „принците сами, мама, женюсь,—не разгуляется ли свѣтъ мнѣ съ доброй жинкой“!... На что мнѣ искать ему лучшей пары, какъ ваша дочка? Коли вы отъ насъ не сторонитесь—велите, голу-бушка, къ себѣ сватовъ слать!

— Моя Маруся не захочетъ, я ее неволить не стану.

— Хоть спросите ее, милая, какъ она?

А мы съ Марусею все слышали, и слышимъ, какъ Пилипиха говорить: „хорошо, я спрошу“, какъ вышла въ садъ и кличить Марусю.

— Маруся, говоритъ вдова:—вотъ ты и не ожидаешь, объ чемъ я тебя спрошу: пойдешь ли ты за Чайченка, за Якова?

— Пойду, отвѣтила Маруся, не подумавъ ни минуты.

Пилипиха даже руки кверху подняла,—удивилась: видно, никакъ не ожидала такого скорого отвѣта. Чайчиха радуется такъ, что Боже мой! всѣхъ обнимаетъ, цѣлуетъ; и плачетъ, и благодарить. И мать поздравляетъ, одобряетъ, а, кажется, живо ей припомнилось прежнее и грусть ее сильнѣе поприжала.

— Ты исполняешь мою волю или по своей любви говоришь? спросила Пилипиха.

— По своей любви, матушка.

— Такъ ты его любишь? и давно?

— Съ той поры какъ знаю, матушка.

Больше Пилипиха ничего не спросила, а только говорить: „я тебѣ не запрещаю“.

На другой день пришли отъ Чайченка сваты къ Марусѣ, и она подавала рупники.

Сошлись люди. Справили дѣвичникъ на славу. Чайченко былъ съ Марусею привѣтливъ—такъ же какъ и съ другими; былъ немного разсѣянъ, немного грустенъ. А Маруся была тиха и ясна.

Сталъ онъ къ ней ходить каждый вечеръ. Идетъ къ ней—не спѣшить, прощается—не опоздаетъ прощаньемъ.

— Маруся, говорю ей, вотъ ты замужъ идешь: развѣ не приходитъ тебѣ въ голову, что онъ беретъ тебя не по любви!

— Знаю, что онъ меня не любитъ,—я это давно и хорошо знаю;—да вѣдь и не чуждается онъ меня. Онъ ко мнѣ приходитъ, говорить... я ему буду какъ сестра родная угождать,—веселѣй будетъ ему въ хатѣ со мною, нежели теперь одинокому.

— Трудно такъ жить, Маруся; чтобъ не пришлось по слѣ раскаяться!

— Отчего мнѣ будетъ трудно? Чего каяться я буду? Я никогда не думаю, тяжело ли мнѣ, трудно ли мнѣ будетъ: будетъ, какъ будетъ—я перетерплю все. Я сдѣлаю, какъ лучше мнѣ кажется, какъ сердце мое чувствуетъ.

XVI.

Перевѣнчали ихъ осенью.

Мнѣ было тогда тяжеленько. Все, бывало, говорю самой себѣ: „глупая, глупая, неразумная голова!“ Все, бывало, обдумаю и обсужу, какая глупая, а не помагается! Начала я тогда часто къ Марусѣ ходить—словно легче мнѣ стало... Одно, что Маруся всегда ко мнѣ очень добра была, а другое, любопытство мое неисправимое: какъ-то они живутъ? Начала я къ нимъ ходить, учащать...

И какъ, бывало, къ нимъ ни придешь—у нихъ мирно и согласно, да только чинно ужъ что-то: точно гости сидятъ хозяева. Нѣтъ того, вотъ какъ бываетъ, мужъ и жена гостей принимаютъ: „А ты, мужъ, сдѣлай то-то, а ты жена то-то“, и взглядываютъ другъ на друга и спрашиваютъ другъ у друга—видно свои люди и все у нихъ вмѣстѣ, все у нихъ общее, и грусть и радость, и надежды и думы, и заботы и забавы,—все пополамъ. Одинъ начнетъ разговоръ, другой перебьетъ, доскажетъ: я, молъ, лучше помню; одинъ чтонибудь забудетъ, другой за него припомнитъ. А наши молодые

хоть сидѣли и рядышкомъ, близко другъ къ другу, а видишь, словно желѣзная стѣна межъ ними стоитъ. Одинъ хочетъ пройти, другой сейчасъ мѣсто дать, подалѣе отступать,—точно коснуться боится... Она съ нимъ говоритъ, какъ дочь съ отцомъ, а онъ съ нею, какъ зять съ тещею.

Пилипиха, отдавши дочь, одна-себѣ жила и очень тосковала. Съ той тоски даже худѣть стала.

— Какъ Богъ милуетъ? привѣтствуетъ, бывало, ее матушка.

— Одна живу! отвѣтитъ:—того не говорить, что какъ одной жить тяжело, ни за что!

Придетъ къ дочери и завидно ей видѣть, что тамъ безъ нея своя семья.

— А что ваши дѣтки? спроситъ кто-нибудь.

— Была въ гостяхъ у нихъ, тамъ все благополучно.

— Свекровь Марусю вашу очень любить,—словно, родное дитя.

— Маруся угождаетъ свекрови, какъ мнѣ угождала...

Съ зятемъ Пилипиха обходилась учтиво, внимательно, но точно съ постороннимъ человѣкомъ:—нечего ей говорить ему, не объ чемъ и спрашивать. „Зять мой“, скажетъ, бывало, въ разговорѣ такимъ голосомъ, какъ говорятъ „далекій уѣздъ“.

— У васъ теперь двое дѣтокъ: дочка и сынокъ,—бывало, скажетъ ей кто-нибудь, желая поддобриться, польстить.

— У меня одно дитя родное.

Ужъ какъ старуха Чайчиха ей ни угождала, какъ за нею ни ухаживала,—у Пилипихи словно глаза и уши завѣшаны. Никому она такъ гордо не кланялась, какъ той бѣдной Чайчихѣ, а та, бывало, ночей не досыпаетъ—думаетъ: за что она въ немилость сватѣ пошла; да какъ бы снова прислужиться ей чѣмънибудь. Сама старушка въ этомъ намъ признавалась. Потомъ она уже потеряла надежду уласкать Пилипиху и какъ въ хату Пилипиха, Чайчиха тихонько изъ хаты—хоть гдѣ-нибудь тамъ подъ заборомъ пробудетъ, пока Пилипиха сидитъ у нихъ.

— Дождусь пока простится, тогда я и войду. Не хочу ей докучать собою, не хочу ее гнѣвить—Богъ съ нею! говоритъ, бывало, Чайчиха. Если бы она не печалила меня, какъ бы хорошо жилось намъ: у насъ въ хатѣ мирно, люблю! Я ужъ и не знаю, кого я больше люблю: своего ли Якова, или Марусю! Часто подумаю себѣ, грѣшная, ея ли это дитя, что оно такое доброе, нѣжное,—эта Маруся?

Старушка не долго порадовалась дѣтками, не долго пожила: на другой годъ послѣ свадьбы сына умерла. И не болѣла трудно.

Послѣ того какъ ее схоронили, Пилипиха стала ходить къ дочери каждый день—домой только на ночь придеть, а иногда тамъ и ночуетъ у дочери. Даже глядѣть веселѣе стала. Радостная да ревнивая, опять одна съ дочерью, она ликовала, что некому другому угождать, и не очень-то тревожилась, что Чайченко, почитай, не живетъ дома, а только навѣдывается, и что онъ все грустнѣй становится, нетерпѣливѣй въ тѣ рѣдкія минуты, когда ему случается дома быть. Не задавала она себѣ вопроса: куда это все онъ спѣшить, торопится? Чего это онъ словно на огнѣ медленномъ горитъ?

Примѣчала ли Маруся все это? Да какъ не примѣтить, когда любишь? Что укроется отъ любящаго глаза?—Но Маруся никому ничего не говорила, никому не жаловалась. Хотѣла я какъ-нибудь свернуть въ эту сторону рѣчь—она замолчить, начнетъ о другомъ, словно не дослышала меня, и, смотришь на нее—лицо спокойное, ясное: та же самая она, что и была. Вотъ, думаю, душа-то... и нѣжная, и какъ камень!

Чѣмъ больше изъ памяти выходила покойница Чайчиха, тѣмъ сумрачнѣй опять становилась Пилипиха: не добрымъ окомъ стала она глядѣть на зятя. Сначала и довольна была, что онъ отлучается изъ дому, да потомъ, примѣтивши, какъ дожидаетъ его Маруся, какъ выходитъ навстрѣчу ему,—что называется, по ниточкѣ до клубочка, Пилипиха добралась, какъ оно дѣло-то есть; видитъ—зять дома почти не говоритъ, тоскуетъ, а идетъ, собирается изъ дому, такъ у него глаза блестятъ...

XVII.

Какъ итти изъ нашего села въ Любчики, то при дорогѣ стоитъ корчма: держалъ эту корчму жидъ Гершко. Давно онъ жилъ здѣсь; я думаю и выросъ тамъ; ужъ старый такой. Извѣстно какіе эти жидаы долговѣчные: посядѣть, побѣлѣть, пожелтѣть, да еще и тогда все таки живеть,—бѣда съ ними!

И этотъ Гершко такъ: жилъ-жилъ, Господи, сколько жилъ! и вдругъ съ нимъ приключеніе: возьми онъ да и умри. Вотъ тогда снялъ корчму изъ нашихъ людей, и говорятъ люди—богатый такой, злой такой, да еще и шутникъ, а жена красавица, говорятъ, премилая, превеселая,—такая, что часы летятъ съ нею, какъ въ заколдованномъ дворцѣ.

Это приключеніе случилось съ Гершкою въ то время, когда умерла старая Чайчиха.

Видимъ мы, Пилипиха недѣли двѣ не выходитъ изъ своей хаты, хотя и не больна, и Маруся къ ней нейдетъ.

— А что вы все дома? спрашиваемъ у ней:—какъ васъ Богъ милуетъ?

— Спасибо, здорова.

— Давненько вы не были у своихъ дѣтокъ:—какъ они тамъ? И Маруси не видать! Что такъ давно она у васъ не была?

— У нея дитя больное.

— Да какъ же она тамъ сама справляется?

— Пусть живетъ своимъ умомъ, говоритъ Пилипиха.

— Что это вы, голубушка! Развѣ унасъ съ вами дѣтьми поле засѣяно? Мнѣ ужъ послалъ Господь лихо да горе, Его воля святая! А васъ Господь милуетъ—вы цѣните Его милость! говоритъ ей мать.

— Я у своей дочери немного значу... не великъ почетъ мнѣ отъ нея... она промѣняла меня на свекровь свою... она промѣняла на мужа... Любили ли они ее когда-нибудь такъ, какъ мать родная, что ее на рукахъ выносила, вырастила? Онъ ея никогда не любилъ—она захотѣла за него замужъ,—а теперъ она возлѣ больного дитяти день и ночь не спитъ,

а онъ надѣлъ шапку, да какъ воръ, къ своей красавицѣ, огородами...

— Полноте, можетъ это неправда!

— Неправда? Я ужъ давно вижу, какъ онъ изъ дому рвется, какъ она его дожидаетъ,—встрѣтить его, а онъ мимо пройдетъ и не взглянетъ! Я стала слѣдить и узнала, что ходитъ онъ въ корчму. Я сначала думала: пьетъ потихоньку. Говорю Марусѣ: „Знаешь ли ты, что твой муженекъ въ корчму ходитъ“? Она побѣлѣла, какъ мѣль... молчитъ. „Не пускай ты его изъ дому, скажи ему“. Какъ же я его не пущу? отвѣтила—можетъ онъ по какому дѣлу. „Скажи ему, уприси его“,—настаиваю я.

Она таки словечка не сказала, когда онъ вечеромъ уходилъ.

Я ее укоряла, она стоитъ передо мною да молчитъ.

— А ты не вѣришь материному разуму—хорошо же, говорю, хорошо!

Я вышла отъ нихъ да за нимъ слѣдомъ, ничего ей не сказавши; слѣжу за нимъ, а онъ меня не замѣчаетъ; хочу своими глазами увидеть и при людяхъ: можетъ хотъ тогда дочь повѣрить мнѣ.

Дохожу до корчмы; изъ сада, изъ подъ яблони, слышу, разговариваетъ съ кѣмъ-то близенько мой зять—его голосъ. А мѣсяцъ свѣтитъ... Я ближе—гляжу—подъ яблонею сидитъ молодлица, рукава засучены у нея за бѣлые локти, въ перстняхъ, подпершись рукою въ тонкій станъ... она слушаетъ, что мой зять говоритъ,—глаза у нея и въ темнотѣ сверкаютъ, какъ горячіе уголья, и смѣется. А зять мой такія ей рѣчи говоритъ: „Какъ не увижу тебя, моя радость, хотъ денекъ, хотъ часокъ, такъ съ тоски готовъ свѣтъ кинуть. Я безъ тебя жить не могу, и не хочу жить: пропадай все! Ничего, что ты погубила меня, пусть я только приду погляжу на тебя, пусть слово твое, хотъ и не ласковое, да услышу! А вчера и третьяго дня я напролетъ всю ночь стоялъ подъ этою яблонью: развѣ ты этого не знала“? А она ему въ отвѣтъ: „Что, говоритъ, твоя жена молодая скажетъ, что не сидится тебѣ, не днюешь, не ночуешь дома“—и смѣется. А онъ:

„Ничего“. И правду отвѣтилъ!— „Какъ ничего“? насмѣхается она: „Развѣ она тебя не любить“?— „Не знаю“.— „А зачѣмъ же ты ее не спросишь—а“? засмѣялась она громко. „Охъ, мужъ услышитъ“! бросилась, поцѣловала его—словно ужалела—и убѣжала.— „Постой, погоди минутку“! Она рукой махнула. И пошелъ онъ за нею въ корчму, а я къ дочкѣ.

— А что, чья правда? говорю я Марусѣ.

Она глядитъ на меня.

— Судилъ тебя Богъ парокъ! чтобъ не судилъ онъ такую и враговъ нашихъ!

— Мама! что вы Бога гнѣвите! укоряетъ меня дочка моя.

Тогда я рассказала ей все, что видѣла, что слышала. „Охъ мама, на что вамъ было подсматривать“?— „А то лучше, когда дурачатъ, да обманываютъ“? „Онъ меня не обманываетъ“.— „Ты еще мнѣ не вѣришь?—я тебѣ докажу“!— „Да я его никогда не спрашивала, любить ли онъ меня“.— „Не спрашивала, любить ли онъ тебя? Такъ ты его тоже не любишь, стало быть“?— „Люблю“.

Спорить со мною да противорѣчить мнѣ!...

Пришелъ онъ, а она идетъ его встрѣчать, двери ему отворяетъ, какъ отцу родному, какъ милому другу... „Если уже тебѣ самой себя не жаль, говорю, такъ спрошу я его, гдѣ былъ, голубчикъ, до полуночи? За какимъ важнымъ дѣломъ? У кого“?

Спрашиваю; онъ смутился, смѣшался, глядитъ въ сторону, — а дочка моя: — „Полно, мама! Мы самѣ поговоримъ о чемъ надо и спросимъ другъ друга—ужъ время и отдохнуть вамъ“.

Мнѣ ужъ тутъ больше нечего было и говорить; не стала ея и слушать—тотчасъ же домой, ночью пошла. Съ той поры не была у нихъ и не буду.

— А внучка ваша очень больна? спрашиваетъ матушка.

— Не велика болѣзнь тамъ, только велика Марусина тревога!

— Что-жъ, очень они беспокоятся?

— Кто они? Онъ врядъ-ли знаетъ, что дитя больное; онъ никогда, я думаю, и не взглянулъ на него!

— Не отрекайтесь отъ дѣтокъ, родная, просить матушка, не чуждайтесь своей утѣхи!

— Я тоже не безъ своего ума въ головѣ! отвѣтила на это Пилипиха.

— Простите дочку, въ чемъ виновата, она вѣдь его очень любить—слаба къ нему, говоритъ мать.

— И я ее очень люблю! отвѣтила Пилипиха.

— Пойду хоть я провѣдаю Марусю, говорю я матери. Да и пошла къ ней.

Маруся одна была въ хатѣ, сидѣла на лавкѣ, качая на рукахъ больное дитя.

— Здравствуй, мое серденько! говорю я ей.

— Здравствуй! Спасибо тебѣ, Хима,—провѣдала меня. Садись.

— А что твое дитя?

Она глянула на ребенка:—Все терпитъ бѣдненькое!

— Была у насъ твоя мать, Маруся.

— Что-жъ она? Какъ поживаетъ? Что говорила?

— Что-то на тебя разгнѣвалась; сказала: „не пойду больше въ Любчики“.

— Жаль мнѣ это! промолвила Маруся.

И ужъ больше объ этомъ не стала и говорить, и спрашивать ни о чемъ не спрашивала.

Зашелъ у насъ тихій разговоръ про старину, вспомнили прежнее, даже и дѣтскіе наши года, и прежнее дѣвичье безпечальное время. Маруся разговаривала со мною, качая на рукахъ больное дитя и не сводя съ него глазъ...

Вотъ ужъ и вечеръ, а Чайченко ея не приходитъ. И ночь ужъ наступила—а онъ не приходитъ. Она ждетъ спокойно, терпѣливо... шелохнеть гдѣ-нибудь,—она наклонится въ ту сторону, какъ что потянетъ ее туда. Опять все утихнеть—нѣтъ никого. Она даже не вздохнетъ и снова ожидаетъ. Я и ушла, не выдавши его,—не воротился еще, а ужъ ласточки начали перекликаться.

— Скажи моей мамѣ, что я приду къ ней, какъ только ребенку будетъ полегче, просила меня Маруся, прощаясь.

А тутъ чрезъ нѣсколько дней вдругъ заболѣла Пилипи-

ха. Мы къ ней позвали всѣхъ знахарокъ и лѣкарокъ—да никто не угадаетъ хворости. „Ничего не болитъ“, говорить; а сама все слабѣй и слабѣй становилась, пока совсѣмъ изнемогла; тогда уже слегла въ постель. Лежала она суровая, мрачная. Маруся пріѣхала съ дитятею къ ней; дитя еще не совсѣмъ оправилось, все еще болѣло. Памятно мнѣ то время—ночью не спимъ всѣ, село спитъ, тихо по улицѣ. Закричить дитя—Маруся наклонится, качаетъ люльку, а Пилипиха блестящими очами всматривается въ обоихъ. Она не спала ночи ни на волосъ.

Ужъ какъ Маруся ни угождала ей, ни припадала къ ней—мать ни разу не приласкала ея, не глянула нѣжно на дитя свое. Когда, бывало, Маруся, ласкаясь къ ней, спросить: „Мама! о чемъ печалитесь? вы не заботитесь о своемъ здоровьѣ“... она всѣ слова принимаетъ холодно. И послѣдняя ея рѣчь была: „Лучше, говоритъ, обиженному умереть, нежели съ обидой на свѣтѣ жить—мучиться“. И умерла.

XVIII.

Многое вкругъ насъ творилось, мѣнялось, шло своимъ чередомъ и порядкомъ межъ людьми. Сколько въ селѣ поженилось, сколько замужъ повыходило! Сколько радостей и сколько печалей извѣдано! А мы какъ на острову живемъ, въ сторонѣ отъ людей—видимъ только, какъ радости проскользнули, какъ печали утихли—какъ одно за другимъ шло новое у людей; мы же все съ своею старою кручиною, какъ нищій съ сумой, не разлучаемся. Отецъ все больше ходилъ, то въ Крымъ, то на Донъ.—размыкать кручину свою. Воротится, бывало, глядитъ точно орелъ степной, сивый, что сто лѣтъ по могиламъ спживалъ. Мать становилась все слабѣе. Отъ Катри вѣсти рѣдкія, да и не пространныя бывали; попросить мать священника нашего туда написать, спросить о здоровьѣ и о житіѣ; и отвѣтитъ Катря на три письма однимъ: жива, здорова, молится за свои и родительскіе грѣхи; пришлите ей того, другого. Мать шлетъ и печенаго, и варенаго, о чемъ только попросить.

Сколько пролилось тѣхъ слезъ у насъ въ хатѣ! Сколько пролила ихъ мать, то вспоминая прежнее, то ужасаясь будущаго! Сколько благословеній посылала!

У Маруси не веселѣе въ хатѣ. Чайченко совсѣмъ отъ дому отбился, подѣ заборомъ подлѣ корчмы часто день и ночь проводить. Безъ дѣла въ шинкѣ какъ сидѣть? Шинкаръ ревнивъ и возьметъ себѣ на умъ. И сталъ Чайченко пить по немногу. Видѣли уже его люди и пьянаго.

А сказано, что у тверезаго на умѣ, то у пьянаго на языкѣ: онъ не остерегся, вырвалось слово лишнее въ разговорѣ съ шинкаркою, вырвалось и другое, кто-то любопытный и подхвати, да разславъ по селу,—вотъ и пошли пересуды. Стали молодицы приставать тогда къ Марусѣ съ распросами, да съ жалостями, а старушки съ совѣтами. Только Маруся на всѣ распросы и совѣты одно, знай, говорить: „онъ для меня добръ и милъ, я его люблю больше всего на свѣтѣ“. И совѣтницы и жалобницы, обидѣвшись, не стали ходить къ Марусѣ,—пусть ее терпитъ, если она такая! И провѣдать никто не провѣдаетъ. Мы съ матерью только идемъ, бывало, къ ней—мы ходили къ ней частенько.

Одинъ разъ иду я къ Марусѣ, тропинкою, чрезъ огородъ—это было въ праздникъ,—подхожу къ хатѣ, слышу такой звонкій хохотъ, такъ и раскатывается. Что это у нея за гости веселые? Вхожу. За столомъ сидитъ Маруся, Чайченко и гости—молодица и человѣкъ. Что за красавица, эта молодлица! Я ее тотчасъ же узнала, хоть никогда не видала прежде. Волосы изъ подѣ очипка черные, волнистые, лоснятся; румянецъ какъ заря такъ и пышитъ на бѣлыхъ да нѣжныхъ щекахъ; алые губы все будто смѣются, а въ глазахъ такъ и потонешь, какъ грѣшникъ въ кипящей смолѣ... Смѣлая, веселая красота! Только брови эти, высокія, сросшіяся, похожіе на вьющуюся черную змѣйку по бѣлому челу, эти брови что-то недоброе пророчили. Рядомъ съ молодницею, въ тѣни отъ окна, сидѣлъ плечистый, приземистый человѣкъ съ щетинистыми черными усами; смоляные волосы посѣдѣли у него прядями—съ лѣваго виска черны, а надо лбомъ бѣлы;

онъ глядѣлъ изъ подлобья, вкось, словно подсматривалъ что своими злыми глазами.

Маруся встрѣчаетъ меня,—услысь мы; я у нея спрашиваю тихонько:

— Кто это у васъ, Маруся?

— Шинкаръ съ женою.

— Давно это они ходятъ къ вамъ?

— Сегодня пришли въ первый разъ.

— Что это вздумалось имъ?

— Да шинкаръ непремѣнно захотѣлъ побывать у насъ.

— Это чего?

— Познакомить хотѣлъ свою жену со мною.

— А ты къ нимъ пойдешь?

— Да еще не знаю. Яковъ не говорилъ ничего... Какъ Яковъ скажетъ...

Спокойна, ясна, точно она безъ заботъ по цвѣтущему полю гуляетъ въ тихій, теплый вечеръ! отъ дневной усталости отдыхаетъ на свѣжемъ воздухѣ!

Чайченко сидѣлъ съ гостями замѣтно не веселый, вздыхалъ тайкомъ. Шинкаръ невзначай поглядывалъ на него—не ласковъ былъ его взглядъ; словно искра вспыхивала въ его черныхъ глазахъ. Шинкарка все усмѣхалась, разговаривала.

— Зачѣмъ ты много пьешь, не пей! отозвалась шинкарка,—а шинкаръ ея чарку за чаркою выпивалъ.

— Отчего мнѣ не пить? Напьюсь, не бѣда—любая же на меня до дому доведеть.

— А если не захочу? подхватила она, смѣясь.

— Не захочешь? говорить, а самъ ее взглядомъ мѣрять—да развѣ тебя кто спросить, захочешь ли?

Чайченко, слушая, перевелъ тяжело дыханье и взглянулъ грустно на шинкарку, а шинкаръ глядитъ пристально на него. Маруся бѣдная ужъ и заговариваетъ съ нимъ, и подчуется—шинкаръ все не сводитъ глазъ съ Чайченка, такъ что тотъ почуялъ этотъ взглядъ на себѣ и встряхнулъ головой; тогда шинкаръ глаза въ землю уставишь.

— Скоро въ нашемъ селѣ праздникъ, говорить Маруся шинкарю,—будетъ у васъ много гостей.

— Меня, спасибо, добрые люди не забываютъ, отвѣтилъ шинкаръ:—не такъ за мою пріязнь, какъ за то, что жена хороша: вотъ задушевному пріятелю и любо поглядѣть на мою краля.

Да и засмѣялся, и такъ засмѣялся, что и у меня сердце екнуло, и даже шинкарка вздрогнула.

— А здоровъ ли вашъ троюродный братъ и его молодая жена? спрашиваетъ опять Маруся.

— Помяните его душу, милая хозяйшка. А вы еще не слыхали? Я бы давно рассказалъ вамъ! Его молодую жену добрые люди отняли у него и завезли куда-то далеко, а онъ пошелъ искать ее на днѣ рѣки.

— Какъ? Боже мой! утопился! Бѣдная она женщина!

— Отчего бѣдная! Она въ роскоши теперь; ей лучше еще стало на свѣтѣ жить... Ну, если бы оно на меня,—я бы дѣло не такъ повелъ: не утопился, не повѣсился бы одинъ, а развѣ ужъ вмѣстѣ съ милою женщиною!

Склонился къ женѣ—глаза такъ и искрятся.

— Вдвоемъ, говорить, и умирать охотиѣ! прибавилъ.

Вдругъ какъ-то утихло все, помрачнѣло; разговоръ не вязался.

Стали гости домой собираться, начали прощаться,—пошли.

Шинкарка, идя, оглянулась и махнула Якову рукой—будто невзначай. Шинкаръ схватилъ ее за руку, говорить громко:

— Полно махать, пора перестать! Пойдемъ!

— Вотъ! засмѣялась она: не дастъ хорошенько и съ хозяйкой проститься,—или ты боишься меня потерять, какъ иголочку?

— Если потеряю, такъ отыщу, будь спокойна, сизая моя голубка!

И пошли домой. Она, идучи съ нимъ, что-то щебетала, и громко смѣялась, брала его за руку, обернулась еще къ нимъ и крикнула: „будьте здоровы“!

Шинкаръ шелъ не оглядываясь.

Черезъ нѣсколько дней мы услышали отъ людей, что вышла ссора между шинкаремъ и Чайченкомъ и что шинкаръ выгналъ Чайченка изъ шинка; что завелась ссора за то между ними, что шинкаръ сталъ свою жену за что-то бранить, а она все отшучивается, смѣется; шинкаръ не унижается; Чайченко не перемогъ своего сердца, вступился за нее: должно быть у него шумѣло ужъ въ головѣ. Какъ стали они, одинъ противъ другого, такъ едва люди упросили ихъ оставить ссору. И сказалъ шинкаръ Чайченку:—„не приходи больше въ шинокъ“. А Чайченко кричитъ:—„Отчего?“— „Не приходи, говорю, въ шинокъ!“ „Отчего?“ „А то приди!“ промолвилъ какъ-то чудно шинкаръ.

Люди ужъ ихъ развели и за Чайченкомъ двери затворили.

Шинкарка, говорить, очень блѣдна была, хоть и не потеряла ни присутствія духа, ни улыбки. Шинкаръ послѣ ссоры этой вдругъ сдѣлался чрезвычайно веселъ и шутливъ, анекдоты разные сталъ рассказывать... Чайченка съ того времени въ селѣ не видали.

Я прихожу къ Марусѣ:

— Все ли у васъ благополучно, Маруся?

— Мужъ боленъ, печально отвѣтила она.

— Давно заболѣлъ?

— Да уже три дня. И не ѣстъ, и не пьетъ.

(А какъ разъ три дня прошло послѣ ссоры).

— Да гдѣ же онъ?

— Въ свѣтлицѣ лежитъ.

А онъ и кличетъ—Маруся!

Она бросилась въ свѣтлицу.

— Кто это пришелъ къ намъ? слышу, спрашиваетъ.

— Это Хима пришла меня провѣдать.

Больше ничего не сказалъ и не спрашивалъ. Маруся вернулась ко мнѣ. Я ей говорю тогда тихонько:

— Маруся, знаешь ли ты, что было намеренно?

— Не знаю. А что было? Яковъ вернулся оттуда больной совсѣмъ. Вчера утромъ прибѣжала ко мнѣ шинкарка,

едва духъ переводить: пусть Яковъ не приходитъ—запрещаю ему! У насъ бѣда!—„Слышишь? Не приходи!“ крикнула ему. „У насъ бѣда! Мой будетъ говорить, что на ярмарку ѣдетъ, что ѣдегъ къ пріятелямъ,—не вѣрь; не приходи!“ И побѣжала отъ насъ. Я ничего больше не знаю. Я боюсь, не было-бъ бѣды. Расскажи, что ты слыхала?

Я ей рассказала все, что слыхала.

И замолчали мы обѣ; сидимъ, а мысли, какъ вода—бѣгутъ, бѣгутъ. Много, много кое-чего мнѣ вспомнилось, много, много кое-чего перешло по сердцу!

— Жаль, говорю, жаль, да не зернется!

— Чего жаль? спросила Маруся.

— Житія молодого, вѣка затраченнаго даромъ—вотъ чего жаль!

— Мнѣ не жаль ничего!

Опять замолкли—сидимъ. Уже поздній вечеръ. Дѣти спать спокойно, а въ огородѣ вѣтеръ шумитъ вербами; на дворѣ черно—поблескиваетъ молнія.

— Куда теперь ты пойдешь въ такую непогодъ,—говоритъ Маруся:—Перночуй у меня; видишь, какой дождь полилъ.

И осталась я у нея.

Чайченко, слышно, мечется; все тяжело вздыхаетъ; Маруся прислушивается, а къ нему не входитъ—не посмѣетъ видно, бѣдняжка. Раза два вечеромъ онъ ее кликалъ—спрашивалъ: кто съ нею въ хатѣ?... словно забывалъ, что я у нихъ. А ночью сталъ ее кликать все чаще-да-чаще и все говорить: „кто-то пришелъ къ намъ!“—„Никого нѣту“.—„Нѣтъ, пришелъ кто-то: я слышалъ какъ стучались; вѣрно ждетъ подъ дверьми—отвори!“ Она отворяла—нѣтъ никого. Немного погодя опять ее шлетъ: „кто-то стоитъ у воротъ“, а потомъ: „кто-то въ окно стучитъ“... Она все выходила, смотрѣла, окликала—никого не было.—Всю это ночь темную и бурную мы такъ провели.

Мнѣ слышалось, будто Чайченко плакалъ... Маруся молчала, хоть не спала.

На разсвѣтѣ, слышимъ, кто-то вправду тихонько стучится—потомъ сильнѣй. Маруся выбѣжала, я за нею.

— Скорѣй, скорѣй, отвори! кричалъ Чайченко намъ вслѣдъ.

Отворяемъ ворота, а у воротъ шинкарь.

— Здравствуйте, говоритъ Марусѣ: а гдѣ вашъ мужъ?

— Дома.

— Нельзя-ли вызвать его?

— Онъ лежитъ больной.

— Нельзя и увидѣться съ нимъ?

— Онъ очень нездоровъ. На что вамъ его? Непремѣнно надо?

— Я привезу ему хорошій гостинецъ съ ярмарки. Онъ нездоровъ, вы говорите?—А вотъ, можете, я его встрѣчу на дорогѣ, вашего болящаго. Прощайте!

Пошелъ очень быстро. Маруся рассказываетъ мужу, онъ не даетъ ей слова вымолвить своими вопросами, опять и опять заставляетъ повторять,—а она повторяетъ.

XIX.

Черныя тучи летѣли все по небу; зоря румянила край неба; мы уже не ложились спать. Солнышко показалось, а я домой иду. Это было въ воскресенье. Вижу, проходя шинюкъ, что столпилось много людей и сильно шумятъ тамъ. Подхожу ближе, и женщины тутъ же стоятъ, и дѣти бѣгутъ съ разныхъ сторонъ. Вижу, въ шинкѣ дверь выбита.—„Что такое“? спрашиваю.—„Зарѣзалъ шинкарь жену и себя“! говорятъ молодежи.—Начали мнѣ рассказывать, тащатъ меня поглядѣть... Лежатъ на полу оба, облитые кровью. У нея въ груди ножъ воткнуть; а она, какъ сжала его руками за шею, такъ и охладѣли руки, впились. Рубашки на нихъ разорваны. Монисто ея въ крови разсыпано—очень должно быть отбивалась она и вѣрно задушила его—синій такой онъ лежитъ, какъ бузина, а она изошла кровью, лицо блѣлое, какъ бумага,—только лоснится черная бровь и губы запеклись кровью.

Я поскорѣе къ Марусѣ, рассказала:—„Боже мой“! промолвила она. А Чайченко ужъ кричитъ изъ свѣтлицы.

— Кто къ намъ пришелъ?

— Бѣда случилась, говорю ему громко.

— Какая бѣда?

— Зарѣзался шинкаръ съ женою.

Тихо... Онъ вошелъ въ хату бѣлый, какъ полотно.
„Что? что?“ спрашиваетъ, а самъ хватается шапку, надѣваетъ свитку.

— Правда ли это? спрашиваетъ Марусю.

— Правда.

— Я видѣла своими глазами, говорю я ему.

Онъ присѣлъ на лавку съ свиткою въ рукахъ и въ шапкѣ.

— Можно, я пойду погляжу сама, Яковъ? спрашиваетъ Маруся.

— Иди, иди, Маруся, да скорѣй воротись! Скажи всю правду! Скорѣе воротись!

Маруся побѣжала.

Онъ ожидалъ, не промолвляючи слова, не переводя почти духу, блѣдный, ослабѣвшій. Воротилась Маруся и говорить ему: „Правда“.

Услыхавъ это отъ Маруси, онъ быстро пошелъ въ свѣтлицу и тамъ, слышимъ, повалился на постель. Зоветъ вскорѣ Марусю,—проситъ пить—голосу нѣтъ у него. Та бѣда совсѣмъ его сломала, точно тронулся онъ умомъ: заговорить,—то такая путаница, что и не разберешь. Заболѣлъ въ тотъ же день тяжело, лежитъ только-что чуть живъ, чуть тепелъ.

Общество между тѣмъ дало знать исправнику—наѣхалъ судъ на тройкахъ съ бубенчиками, съ колокольчиками,—по двое, по трое этихъ судей, съ каждаго воза глядятъ. Сейчасъ забрали всѣхъ людей на допросъ; многихъ связали. Прислали ваять Чайченка, велѣли и его связать—на допросахъ люди показали, что онъ часто ходилъ въ шинокъ.

Чайченко былъ тогда въ жару, почти безъ памяти—не поглядѣли на это—взяли и стали допрашивать; отвѣты его были бессмысленные, не одинаковые—связали ему руки и бросили въ темную. Марусю отъ него гонять прочь.

Она привела къ намъ дѣтей и оставила ихъ у насъ, а сама побѣжала къ мужу.

— Не пустять тебя къ нему, говорили ей.

— Все я буду поближе. Можетъ, пустять.

Пошла.

Иныхъ людей скоро выпустили и оправдали въ этомъ дѣлѣ, хотъ виноватаго и не было никого, кромѣ мертвыхъ; но многихъ оставили подъ стражею, пока тѣ добраго совѣта не послушались... Тогда имъ и волю дали. А совѣтъ добрый былъ такой, чтобъ дать исправнику *благодарность*—кто былъ опытенъ, пожилъ на свѣтѣ, тотъ сейчасъ же и благодарилъ, и получалъ свободу, а кто сопротивлялся, настаивалъ на правѣ, тотъ долгонько сидѣлъ. Этотъ совѣтъ подавалъ всѣмъ исправниковъ слуга, или пріятель, кто его знаетъ. Ходилъ онъ въ черномъ тулупчикѣ съ краснымъ воротникомъ, шапка зеленая, изъ себя желтый, худой; глаза впалые, маленькіе, а зубы какъ у бѣлки. Онъ очень, видно, любилъ благодарныхъ людей и всѣмъ совѣтовалъ быть благодарными за пріѣздъ исправнику. Исправникъ же самъ ничего никому не говорить, а поджидаетъ. Цѣлый день простоить, бывало, на порогѣ,—руки въ карманахъ, на шеѣ красная вязаная косынка, самъ мордастый, усатый, глаза на выкатѣ, стоитъ да все насвистываетъ какой-то военный маршъ. Развѣ чай пить, такъ перестанетъ, а выпилъ—опять на порогъ, опять свистить...

Поблагодарила Маруся, ее и пустили съ мужемъ по-видаться. Она на другой день опять просится, опять благодарить—стали ее пускать каждый день. Чайченко сидѣлъ недѣлю, она все къ нему ходила. Денегъ не стало—стала она продавать скотину... „Вотъ добрая жена!“ хвалить ее исправникъ, съ порога, когда, она проходитъ мимо его.

Судъ уже собирался выѣзжать изъ села, уже Чайченка выпустили, какъ вдругъ отыскивается какой-то родственникъ покойника шинкаря; пришелъ объявить, что шинкаръ называлъ въ разговорѣ Чайченка своимъ врагомъ, и говорилъ, что имъ двумъ тѣсно на свѣтѣ. Вотъ опять взяли Чайченка подъ стражу, пошли снова всѣхъ людей сзывать, а

люди сказали,—была ссора; черезъ двѣ недѣли повезли его въ городъ, посадили въ острогъ...

— Нельзя,—говорить исправникъ Марусѣ—что дѣлать? Не будетъ виноватаго, мы будемъ виноваты; у насъ самихъ начальникъ звѣрь сущій.

Маруся пошла за мужемъ.

— Прощайте! говоритъ матери и мнѣ:—продайте все, что есть у меня родительскаго и перешлите мнѣ деньги.

— Маруся! говоритъ ей мать:—ты все продаешь, а у тебя дѣтки...

— Я знаю... я не забыла ихъ... отвѣтила она.

Простилась съ нами, обняла дѣтей; пошла.

Въ острогъ ее не пустили.

— Мой мужъ тамъ, говоритъ она всѣмъ.

— Твой мужъ виноватъ—ему тамъ и сидѣть, а тебя нельзя.

— И я виновата.

— Въ чемъ виновата?

— Такъ и я виновата, какъ онъ.

— Полно! иди прочь, говорятъ ей.

Она неидетъ.

— Такъ ты признаешься, что ты виновата? опять у нея спрашиваютъ.

— Виновата.

Ей привязали веревку къ рукѣ и солдатъ повелъ ее на допросъ. На допросѣ она тоже: „если мужъ виноватъ, то и я виновата“. Ее и посадили между душегубцами, молодую; добрую душу. Два мѣсяца и недѣлю высидѣла она тамъ, гдѣ и мужъ, пока ихъ выпустили. Дѣти это время все у насъ были. Все, бывало, спрашиваютъ: „гдѣ мама“? все кличутъ: „мама“!

Вышла Маруся съ мужемъ на волю. Она не измѣнилась въ лицѣ, только посѣдѣла. А я еще, встрѣчая ее, дивлюсь, что она нисколько красоты своей не теряетъ, да стала она повязываться гляжу,—посѣдѣли совсѣмъ шелковыя косы.

Поселились они снова въ той же хатѣ, въ глухомъ дворѣ, потому что ничего ужъ тамъ живого не было—все было

попродано. Дѣти только оживляли еще дворъ и такая ужъ имъ утѣха, когда воробьи прилетятъ или голуби: не пугаютъ, сами спрячутся подъ заборомъ и глядятъ—не шелохнутся.

Чайченко не поправлялся; онъ не хотѣлъ ни съ кѣмъ знаться, все что-нибудь во дворѣ, бывало, работаетъ, никуда нейдетъ; развѣ поздно вечеромъ украдкою проберется въ чужое село за водкою. Сильно сталъ пить. Я его видѣла два раза... Одинъ разъ онъ сидѣлъ на колодѣ во дворѣ, безъ всякаго дѣла, сложивши руки и все закрывалъ глаза, вѣрно у него голова болѣла... Въ другой разъ видѣла—онъ спалъ... Маруся все такъ же угождала ему, все любила его. *Кого* она уже любила? *Какого* любила? того ли Чайченка? Боже мой! Боже мой! Какъ узнаешь, полюбишь человѣка въ красѣ, въ силѣ, въ цвѣту, когда знаешь его добраго, хорошаго, а время какъ все это измѣнить, да покажетъ совсѣмъ другое, нежели чему вѣрилось, о чемъ думалось...

Что дали упованья? Къ чему привело поклоненье? Во что обратилось? Много сожалѣнья будетъ, останется преданность, но любви—любви ужъ не будетъ, негдѣ взять.

XX.

Сватали меня два жениха да и вспомнила я тогда одного человѣка,—Паисій назывался: когда умерла у него дочь, сгорѣла хата, онъ шелъ по улицѣ и встрѣтилъ свадьбу,—посмотрѣлъ, да и сказалъ: „а этотъ глупый народъ все-еще женится“! И вспоминался мнѣ человѣкъ Паисій.

Такъ вотъ сватали меня два жениха.

Первый былъ бѣдный паробокъ, добрый, грустный такой-то—я не пошла за него. Не было у меня любви, чтобъ грусть его разогнать; не было денегъ, чтобъ ветхую хату покрыть. Не хотѣлось мнѣ въ червячка обратиться. Онъ погоревалъ обо мнѣ и женился на иной.

Другой женихъ у меня былъ богатый, и упрямый такой,—непремѣнно хотѣлъ на мнѣ жениться. Его мать не позволяла ему, просила его, молила: не хотѣлось ей своему молодцу-

сыну жены сироты, а онъ мать заставилъ, чтобъ она уговаривала меня сама. Я и за этого не пошла: онъ мнѣ не по праву былъ,—ревнивый, задорный, грубый, онъ и любилъ, словно дрался.

Когда я уже совсѣмъ отъ него отказалась, то жила, какъ на стражѣ стояла: я его боялась встрѣтить одна,—такъ онъ на меня глядѣлъ страшно.

Мать бранила, что я замужъ не иду, а батюшкѣ все равно, все ни почему стало съ той поры, какъ Катря ихъ оставила. Онъ о ней не говорилъ, да ужъ и ни о чемъ не говорилъ! Тосковалъ, ходилъ по дорогамъ, богатѣлъ, не заботясь о томъ. Катря отъ него отеклась, отсекся онъ отъ всего міра.

И ужъ до смерти остался такой неласковый и одинокій. Воротился онъ откуда-то съ дороги и простудился, что ли, заболѣлъ видно къ смерти ужъ. Матушка просить священника написать Катрѣ, не пріѣдетъ ли она съ отцомъ проститься. Священникъ и написалъ.

Въ одинъ день было отцу очень тяжело; мать сидѣла подлѣ него, да и говорить ему: другъ мой! дитя наше пріѣдетъ.

Онъ вдругъ самъ приподнялся съ постели и глядитъ на нее. Мать опять ему говорить:—Катря наша пріѣдетъ.

Хотѣлъ что-то сказать, шевельнулъ усомъ уже, но только вздохнулъ такъ, какъ-будто что оборвалось у него въ груди.

Ждали Катрю, а Катря не ѣхала. А тутъ смерть ужъ за плечами. Дожидалъ старикъ—такъ дожидалъ! и обмиралъ, и оживалъ! А ни слова ни разу не промолвилъ: отчего не ѣдетъ, пріѣдетъ ли;—ни единого слова! Только ввечеру сказалъ: завтра я умру,—и умеръ на другой день.

Черезъ нѣсколько дней послѣ его смерти получили изъ монастыря письмо, пишутъ: „Буду молиться за отцову душу, если Богъ упокоитъ его; а деньги, что вы прислали мнѣ, я отдала на церковь Божію на поминовеніе, на отпущеніе грѣховъ“.

И живемъ мы опять, какъ по песку глубокому идемъ.

Была у насъ въ слободѣ бубличница, а у ней наймичка, смуглая, высокая дѣвушка, неуклюжая, но хорошая работница; бывало, встрѣтишься съ нею и спросишь:

— Что вы дѣлали сегодня?

— Я воду носила, бублики пекли, отвѣтитъ она, улыбаясь.

— А завтра что будете дѣлать?

— Воды принесемъ, бубликовъ напечемъ.

— А послѣ завтра?

— Будемъ воду носить, будемъ бублики печь.

Умеръ у бубличницы мужъ. Она немного посуетилась, пока его хоронили.

— А что у васъ? спрашиваю я.

— У насъ хозяинъ умеръ и схоронили.

— А теперь какъживаете?

— Воду носимъ, бублики печемъ, все одно говорить дѣвушка преспокойно; сама стоитъ свѣжая; смотришь на нее и дивишься, какъ это она живетъ спокойно и довольна тѣмъ, что все бублики печетъ!... Бываютъ на свѣтѣ у Бога такіе люди!

Да не лучше ли всѣмъ людямъ бублики печь?—ни печали, ни огорченій! А то все горе, да горе, какъ широкое море—ни перейти, ни переѣхать его.

У насъ дни приходили, дни проходили; наступала весна съ весеннимъ своимъ тепломъ; приближалась зима съ морозами,—и все намъ казалось докучно какъ-то, какъ-то постыло... Были у насъ давнія радости, были у насъ тоже старыя печали—но отъ нихъ ужъ душа не содрогалась, не замирало сердце. Если бы! Не такъ бы жилось тогда, совсѣмъ не такъ! Тогда, когда сердце-то и душа живы, то выйдешь, дерево увидишь, которое годы тутъ стоитъ, знакомо тебѣ, а ликуешь чего-то: какое дерево! Зеленѣй, милое, зеленѣй, развивайся! Вотъ какъ шелеститъ! Глянешь на поля, на луга—какія поля, какіе луга! Точно въ тебѣ что-то смѣется!

А какъ считаешь свое житье воскресеньемъ да поне-
дѣльникомъ, то все тебѣ далеко и чуждо—хоть трава не ро-
сти! Если что новое случится—озаботить немного только
сначала, а что старое есть, то ужъ такое оно старое будетъ,
такое знакомое, такое безотрадное, такое неутѣшное!

Такъ-то мы жили. Около насъ одни люди умирали,
другіе нарождались. Иногда звали насъ на свадьбу—мы ходи-
ли на свадьбу. Иногда звали насъ на другія церемоніи—мы на
другія церемоніи тоже ходили. Чаще всего я бывала у Ма-
руси.

Маруси не такъ жилось, какъ намъ. Пила она хоть
изъ горькаго-горькаго ключа, да живую воду. А вѣдь это
главное, живая-то вода. Марусѣ по этому солнцу не такъ
свѣтило, какъ намъ; ей и пташки иначе щебетали...

XXI.

Мало-ли время мы такъ провели! Мать захворала. Она
точно рада была своей болѣзни: „Вотъ и мнѣ помирать“, го-
ворить, „вотъ и мой часъ пришелъ“.

— Бѣги, Хима, къ священнику, проси пусть напишетъ
сейчасъ къ Катрѣ, чтобы пріѣхала мать хоронить. Бѣги,
любка, не мѣшай! торопить меня.

Опять священникъ письмо туда написалъ, опять мы де-
негъ послали.

— Не ѣдетъ Катря! волнуешься говорить мать. Кто ме-
ня оплатитъ! Вѣрно ея не пускаютъ тамъ! Если бы я выз-
доровѣла, поѣхала бы сама, увидала бы ее непременно—кто
знаетъ, каково ей тамъ? Увижу ли я ее когда нибудь? Если
бы я выздоровѣла, я бы ужъ ее отыскала, гдѣ она... Или я
ея ужъ не увижу больше?

Отъ Катри получили тогда опять такое же письмо; пи-
сала, что „буду молиться за материну душу, если Богъ ее
приметъ; а деньги, что прислали, отдала на поминанье—бу-
дутъ поминать, будутъ грѣхи отмаливать“...

— О, дитя мое милое,—я уже не увижу тебя! промолвила мать, и заплакала.—Похорони меня, Хима, говорить, похорони ты меня... Тебѣ оставляю хату и усадьбу. Помяни меня, родная моя. Да сядь ко мнѣ поближе-поближе, дочка! все просила.

Передъ смертью говорила: „Можетъ, когда-нибудь ты увидишь Катрю мою; можетъ, она будетъ больная, немощная—послужи ты ей тогда, сердце мое,—не покинь ее!“ И умерла. Тихо и грустно умерла.

Похоронивши, священникъ увѣдомилъ Катрю, что мать умерла, что ей наслѣдство осталось—поля, степи и деньги.

Тогда отвѣтили, что Катря сама придетъ, устроить, что ей досталось. Я стала дожидать.

Дождалась.

Какъ теперь вижу крытую кибитку—тащится прямо къ нашему двору. Было утро ясное, душистое; ночью перешелъ дождь, освѣжилось все и все заблестѣло. Я выбѣжала за ворота навстрѣчу.

— Катря! Это ты, сестрица! Гдѣ ты?

Не бросается ко мнѣ на встрѣчу, вѣрно я ошиблась?

Прежде вылѣзла изъ брички дородная и румяная монахиня и стала меня крестить. За нею слѣзла Катря... Катря тоже меня перекрестила; она едва на меня взглянула и вошла за монахинею въ хату. Я вошла за ними.

Неужто она забыла меня—не помнить? думаю. Сердце у меня такъ-было вострепнулось ей на встрѣчу, такъ забилося сначала, а потомъ сжалось больно...

— Ахъ, какъ мы изморились! начала говорить румяная монахиня, скидая съ себя рясы одну за другой: ужъ ѣхали мы, ѣхали, да и терпѣнье потеряли!

Голосъ у нея былъ такой, что только бы ей съ глухими говорить,—какъ военная труба!

Катря стояла около стола, и перебирала четки. Еще была она хороша очень, хоть глаза впали и худая, какъ ниточка. Она точно застыла: скорѣй на покойницу была похожа, чѣмъ

на живую дѣвушку, съ своимъ неподвижнымъ лицомъ, съ своимъ безучастнымъ взглядомъ, да еще одѣтая въ ту черную, длинную рясу, въ черномъ томъ покрывалѣ!

Хоть бы она о чемъ-нибудь меня спросила! хоть бы слово ко мнѣ промолвила!

Монахиня опять говорить:—Какъ мы изморились, Господи Боже мой! едва дышимъ. И потомъ прибавляетъ: Ужъ солнышко высоко, ужъ время завтракать!

Глянула она на Катрю; Катря стоитъ не слышать. Она ее потянула за рукавъ:

— Сестра,—говорить ей:—надо-бы намъ чѣмънибудь подкрѣпиться.

— Какъ угодно, сестра Меланія,—отвѣтила ей Катря.

Я едва разслышала, такъ тихо она говоритъ, такъ беззвучно.

— Дѣвушка,—кличетъ меня сестра Меланія:—подойди-ко поближе! Какъ тебя зовутъ?

— Химой зовутъ,—отвѣчаю я.

— Хима, не дашь-ли ты чегонибудь позавтракать?

— Сейчасъ сготовлю, говорю ей.

Начала я готовить завтракъ, а монахиня за мною и въ камору, и въ погребъ: отмѣриваетъ пшено въ горшокъ, муку насыпаетъ въ чашку, сметану несетъ, хлѣбъ рѣжетъ, сливянку разливаетъ, нашла и вынула скатерть, столъ накрываетъ,—такая проворная! Такъ и хватаетъ все кругомъ, что подъ рукою, ловко да мѣтко, словно и тутъ ей Богъ помогаетъ.

Катря стояла около стола: сестра Меланія отодвинула ее, когда стала накрывать столъ. Катря тогда сѣла на лавку.

Изготовили кушанье, стали завтракать. Сестра Меланія сѣла и сказала Катрѣ сѣсть возлѣ себя. Катря послушалась, сѣла за столъ, а ѣсть ничего не ѣла, кромѣ крошечнаго кусочка хлѣба съ водою. За то сестра Меланія все уписала. У нея было навѣрное всѣ тридцать два зуба,—зубы бѣлые

и здóровые, работающіе. О, какіе зубы! Все она ими молола, какъ добрыми жерновами.

Послѣ завтрака сестра Меланія говоритъ Катрѣ:

— Сестра! надо все хорошенько теперь въ порядокъ привести, чтобы тутъ намъ не замѣшкаться...

А глаза у нея начали уже смыкаться. Говоря, она какъ-то невольно положила поближе двѣ большія подушки въ полосатыхъ, черныхъ наволочкахъ, которыя я принесла изъ брички.

— Не надо мѣшкать,—еще разъ промолвила она, вздыхаячи... о... о... о... вымолвила еще разъ, и уже совсѣмъ уронила голову.

Заснула. Надъ нею жужжали мухи, кусали ее—спала.

Катря сидѣла, опустивши голову,—что она, молилась, что ли? Что то шептала, а на лицѣ у нея выступалъ румянецъ живой.

Я подошла къ ней и говорю:

— Катря! или ты меня забыла совсѣмъ, что не узнаешь меня?

Румянецъ сбѣжалъ съ ея лица, она обернула свои безучастные глаза и отвѣтила:

— Я тебя помню.

— Отчего-жъ ты такая неласковая? Что не заговоришь со мною?

— Всѣ слова праздно. Надо молиться.

— Катря, знаешь ли ты, что Маруся замужъ вышла?

— Боже ее благослови!

— Вышла за Чайченка.

— Боже благослови!

— Она очень несчастна.

— Воля Божія!

На все мнѣ отвѣчаетъ, точно молитву читаетъ по псалтырю.

— Вспоминала ли ты насъ когда нибудь? Меня?

— Я молюся за тебя и за всѣхъ людей.

— Спасибо. А ты меня ужъ теперь совсѣмъ не любишь?

— Господь всѣхъ повелѣлъ любить, даже враговъ.

— Такъ ты меня любишь, какъ врага, что-ли? Неужели у тебя нѣтъ никого дорогаго сердцу, близкаго душѣ?

— Мнѣ всѣ равны. За всѣхъ молюсь.

— И всѣ враги тебѣ?

— Каждый человѣкъ другому человѣку врагъ, врагъ великій,—промолвила она съ жаромъ; глаза заблестѣли, губы задрожали.

Узнала я прежнюю Катрю: такъ и пахнуло отъ нея огнемъ по старому! .

— А семья? А родина?

— Всѣ! всѣ! Влекутъ къ себѣ душу, преграждаютъ путь ко спасенію!

— Такъ всѣхъ надо бросать?

— Бросать! бросать! Въ Богѣ спасенье! Боже мой! Боже мой! Помилуй насъ!... вскрикнула она мрачно.

— Аминь,—отвѣтила съ лавки сестра Меланія глухо; заспала она свой звучный голосъ.

— Аминь,—говорить еще разъ; да такъ при этомъ зѣвнула, что у меня рукава распахнуло, а ползавшія мухи скатились со стола, какъ сѣмечки отъ вѣтра.

Долго она еще потягивалась на лавкѣ, потомъ встала и одѣлась въ рясу.

— Пойдемъ къ батюшкѣ,—говорить Катрѣ.

И пошли. Мнѣ также велѣла итти за собою, чтобы показывать дорогу. Пока мы дошли до священникова домика,—домикъ его около самой церкви стоялъ, съ двумя трубами, съ крылечкомъ подъ навѣсомъ,—сестра Меланія совсѣмъ разгулялась отъ сна: хоть глаза у нея поменьшали, но глядѣли зорко и бодро.

Священникъ встрѣтилъ насъ, ввелъ въ комнаты, просилъ садиться. Сестра Меланія засѣла въ кресло, въ которомъ мало было покою человѣку, но очень много было гвоз-

дей, Катря стала около нея, а я за Катрею. Священникъ стоялъ передъ сестрою Меланьею.

— Садитесь же, батюшка, сказала она.

Батюшка сѣлъ возлѣ нея и закашлялся.

— А что это на васъ кашель напалъ, батюшка? спрашиваетъ сестра Меланія:—Напейтесь-ко вы липоваго цвѣту къ вечеру на ночь. Да вы что-то желтые такіе? Не желтухали у васъ? И посѣдѣли вы совсѣмъ; а еще, кажется, не очень стары! вѣрно головными болѣзнями страдали?

Батюшка самъ былъ умный и разсудительный человѣкъ, но очень смиренный: онъ оторопѣлъ, слушая ея быстрыя рѣчи, и вмѣсто отвѣта на все головою кивалъ.

— Вотъ мы пріѣхали къ вамъ съ вашею прежнею прихожанкою—начинаетъ другой разговоръ сестра Меланія:—она мнѣ поручена. Ей наслѣдство отъ родителей осталось, какъ извѣстно вамъ. Она все пожертвовала на монастырь. Теперь мы пріѣхали все оглядѣть, все въ порядокъ привести и матушкѣ-игуменѣ донести. Вы знаете, что ей досталось; покажите мнѣ, прошу васъ. Потрудимся съ вами вмѣстѣ для Господа Бога нашего.

И вотъ поѣхали по степямъ, по нивамъ, оглядѣли все; созвали людей, чтобы оцѣнить. Сестра Меланія шарила вездѣ, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ, хлопотала, бросалась изъ стороны въ сторону, приглядывалась, прислушивалась.

Катря ходила за ней слѣдомъ, не глядя никуда. Знакомыя, родныя мѣста около нея цвѣтутъ,—она не обращала никакого вниманія. Нигдѣ не пріостановилась, ни разу не оглянулась. Когда мы воротились домой, много людей пришло въ нашу хату, здоровались съ Катрею, спрашивали ее. Она точно отъ роду никого изъ нихъ не видала и не знала, кто они такіе и зачѣмъ сюда пришли.

Открыли сундуки, сосчитали деньги, которые тамъ нашлись. Священникъ все шепотомъ повторялъ, записывалъ. Сестра Меланія тоже черкала перышкомъ на особой бумажкѣ. Катря стояла въ сторонѣ: ей одной не было дѣла до того.

Люди мало-по-малу разошлись.

— Вы хорошо знаете, батюшка, что хата оставлена этой дѣвушкѣ? спросила сестра Меланія, кивая на меня.

— Хорошо знаю, отвѣчалъ священникъ.

— Да вѣдь она далекая родня, а есть родная дочь...

— Такая была воля покойныхъ. Они воспитали и любили ее, какъ свою дочь...

— И другимъ извѣстно это?

— Какъ же, свидѣтели есть.

— А! сказала.

Больше ужъ объ этомъ не спрашивала.

XXII.

Пришла къ Катрѣ Маруся, грустная, но очень ласковая и мягкая.

— Знаетъ? спросила у меня.

— Знаетъ, говорю:—Да ей все равно теперь, что бы на свѣтѣ ни дѣлалось; иди въ хатѣ.

Катря сначала не узнала Марусю, а на ея привѣтъ отвѣтила: благослови Господи!

— Это Маруся, говорю я ей.

Тогда ужъ она узнала и опять тоже повторила: Боже благослови!

Маруся стоитъ передъ нею, смотритъ на нее.

— Садись, Маруся, говорю я ей.

Маруся не захотѣла, или не слыхала; все стояла и смотрѣла на Катрю. А Катря сидитъ,—сидитъ какъ изъ дерева вырѣзанная. Ужъ если это святость, то та самая, что и у деревянныхъ святыхъ.

— Катря! промолвила Маруся:—отчего ты мнѣ слова не скажешь? Или мнѣ говорить?

— Что же? спрашиваетъ Катря:—о чемъ говорить?

— Какъ не о чемъ? говорю я:—Посмотри-ко, (снимаю съ Маруси съ головы платокъ), Маруся совсѣмъ почти сѣдая стала!

Катря поглядѣла и сказала: посѣдѣла.

Побыла еще Маруся, постояла молча; прощается. Катря ее перекрестила.

— Катря, сказала Маруся, у меня дѣти есть...

— Боже ихъ благослови! отвѣтила Катря, по своему обычаю.

Сама она ужъ ничѣмъ человѣческимъ не волновалась и даже не обращала вниманія, какъ у другихъ сердце можетъ биться и колотиться!

Маруся и пошла домой.

На третій день по приѣздѣ, Катря съ сестрою Меланією оставила насъ.

Маруся еще приходила прощаться. Катря прощалась такъ само, какъ поздоровалась: хотя бы у ней лицо опечалилось, хотя бы она разикъ оглянулась!

— Какъ измѣнилась! промолвила Маруся, глядя вслѣдъ за кибиткой.

— А какая была!... говорю, помнишь?

— Какъ же! Помню хорошо!

Постояли мы еще, поглядѣли вслѣдъ. Маруся пошла домой и я съ нею; проводила ее, посидѣла немножко, на дѣтишекъ чернявыхъ поглядѣла. Яковъ все хворалъ. Давно ужъ онъ ничего не дѣлалъ, не могъ работать. Обо всемъ заботилась сама Маруся.

Много было у Маруси дѣла въ домѣ, много и печали было въ сердцѣ.

Впрочемъ опять таки тоже...

Весело, если есть о комъ порадоваться, да благо и то, если есть о комъ поплакать! Ей-Богу, и то благо,—горькая, но живая вода! А то ни плачь, ни радуйся—живи!

Выхожу я, Маруся до воротъ меня провожаетъ, а за нею дѣти бѣгутъ.

— Погляди, говоритъ она:—погляди, Хима—всѣ трое въ него, въ Якова!

И прижала ихъ всѣхъ къ себѣ и такое лицо у нея стало! знаете, эти спокойныя лица, когда они чѣмъ нибудь освѣтятся, то такъ васъ и ослѣпляютъ... а они дѣти, кто съ

палочкою, кто съ кусочкомъ хлѣба, кто съ пескомъ въ горсти, всѣ кудрявыя, глядятъ какъ орлята... Тихая, убогая, да все таки благодатная хатка съ вишневымъ садикомъ!

Я живу хорошо и удобно въ своей усадьбѣ. Сосѣди ко мнѣ приходятъ, а я къ нимъ, перевѣдываемъ одинъ другого. Совѣты ведемъ, какъ огороды засѣваемъ, вмѣстѣ и отдыхъ нашъ въ праздникъ.

Часъ за часомъ идетъ, а къ вечеру все ближе...

ПРОЙДИ-СВѢТЬ.

I.

Ужъ нигдѣ нѣту такой широкой степи, веселаго краю, какъ у насъ. Таки нѣту, нѣту, нѣту, да и нѣту!

Гдѣ такія тихія села? Гдѣ такіе величавые, стройные люди? Гдѣ дивчата съ такими бровями?

Вспомнать любо, увидеть мило—только что жить тамъ трудно.

Такъ вотъ въ нашемъ краю былъ маленькій хуторокъ, Божовка. Хуторокъ стоялъ около дубоваго лѣса—всего-то пять хатокъ бѣлѣло по горѣ. Гора зеленая, низкая, а подъ горою тихая рѣчка и такая чистая, прозрачная, что хоть щеголихамъ въ нее смотрѣться. Отъ хуторка одна дорога вилась, уходила въ дубовый лѣсъ, а другая стлалась далеко, далеко по степи въ село Рокочи.

Лучшая хуторская хата стояла ближе всѣхъ къ лѣсу. Хорошая была хата. Около нея славный садъ и отличный огородъ.

Жилъ въ той хатѣ Іохимъ Чабанъ; слава шла о немъ, что человекъ достаточный и умный. Жена у него давно померла; ему оставила дочку Марту.

Дивчинѣ ужъ насчитали семнадцать лѣтъ, и такая расцвѣла дивчина, что хоть рисуй, хоть цѣлуй.

Въ Божовкѣ хаты не стояли одна противъ другой—тамъ стояли хаты вразсыпную: одна хата влѣво, другая далеко вправо; одна ниже—на полгорѣ, другая выше—на самой

вершинѣ. Отъ каждой хаты разбѣгались тропинки спутанные и перепутанные, словно нитки у нерадивой и нетерпливой хозяйки.

Самая близкая сосѣдка у Чабана была Рясничка, вдова, съ сыномъ, паробкомъ: подальше жили Кожушки, старые, одинокіе люди, а еще подальше, въ сторону, коваль Гарбузь коваль, а за ковалемъ бѣдовалъ отставной москаль, что отслужилъ правую ногу, не зная на что, и выслужилъ крестикъ, не зная за что.

Однимъ весеннимъ днемъ Чабанъ сидѣлъ около своей хаты на заваленкѣ, отдыхалъ да печалился, что прошлаго года у него пшеница не уродила, и размышлялъ, уродитъ ли она въ этотъ годъ.

Чабанъ былъ человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, крѣпкій, высокій, плечистый. Шея у него была длинная, голова небольшая, гордая. Онъ подбрасывалъ волосы и сѣдоватую чуприну закручивалъ за ухо. Брови у него чернѣли какъ пѣвки, взглядъ былъ соколиный, а усъ такой, что вѣтеръ развѣвалъ его какъ ковыль-траву. На Чабанѣ была рубашка полотняная, бѣлая,—дочка разстрочила ее узорами—и бѣлые полотняные шаравары. Чабанъ сидѣлъ немножко склонившись, да не такъ, какъ клонятся хилые люди, а такъ, какъ отдыхающая сила,—сидѣлъ и размышлялъ, и поглядывалъ вокругъ себя на степь, на поля, на лѣсъ. Все зеленѣло, все развивалось и расцвѣтало. Солнце не выходило изъ-за бѣло-дымчатыхъ тучекъ, а было тепло-тепло,—будто слышалось, какъ трава изъ земли вырастаетъ. Пахло словно сладкимъ медомъ и первыми, свѣжими листьями.

Никого не было видно, а слышно было, какъ Марта пѣла „проводжала козака въ войско“, хозяйничая въ хатѣ, да слышалось коваль коваль, а за лѣсомъ отдавалось.

Стукнули дверями въ сосѣдской хатѣ: сосѣдка Рясничка вышла изъ дому—проворненькая, щеголеватенькая, курносенькая, глазастенькая женщина,—а за ней вышелъ паробокъ большого росту; свѣжій да здоровый, онъ только что не говорилъ: хорошо ѣмъ, хорошо сплю, хорошо работаю.

Чабанъ ихъ завидѣлъ и слышалъ, хотъ глазомъ не глянулъ и ухомъ не повелъ.

Рясничка быстро очутилась около Чабановой хаты и поздравствовалась.

— Добраго дня, сосѣдъ, какъ васъ Богъ милуетъ!

— Спасибо, отвѣтилъ ей Чабанъ и поздравствовался съ Рясниченко.

— Вотъ какъ Марта поетъ! сказала Рясничка. Пташка моя, здорово живешь!

Марта услышала голосъ и привѣтъ, выглянула изъ окна, поклонилась сосѣдямъ.

— А мы ужъ въ лѣсъ это идемъ, а вы еще не собрались? заговорила опять Рясничка. Вотъ и Кожушки опоздали; да и коваль не идетъ, и москаля нѣту,—не пошли ли прежде насъ? Не видали вы ихъ, сосѣдъ? Охъ, посижу я немножко около васъ.

И сѣла подлѣ Чабана.

— Марта, выходи же, пусть мы на тебя поглядимъ, выходи! выкрикала она Марту.

Марта вышла изъ хаты и сѣла около сосѣдки. Она сидѣла вольно, какъ настоящая пташка. Рясниченко, поздоровавшись съ Чабаномъ, какъ сталъ противъ него, такъ и стоялъ, закинувши топоръ на плечо, а глаза его все поводило къ Мартѣ.

— Вотъ какая весна теплая! заговорила Рясничка. Хлѣбъ уродить. Вчера ходила я смотрѣть жита—такія что и ужъ не пролѣзеть. У меня въ огородѣ все такъ-то хорошо всходить! Только вотъ скотина у меня хирѣетъ! а у иныхъ скотина гора горою! Что-жъ дѣлать! Такая моя доля! На чужое счастье не мухою пастъ! А помните, какова скотина у меня была, когда мой покойничекъ мужъ держался на свѣтѣ? Жилъ мужъ, то и роскоши были, да мужъ умеръ. Всѣ мы поремъ, а пока еще надо жить!

У Ряснички рѣчи были скорыя, прерывистыя, торопливыя; рѣчи у ней были словно оборванное ожерелье, что раскатывалось во всѣ стороны и на всѣ боки.

— А что вашъ наймитъ еще не пришелъ? спросила Рясничка Чабана. Отчего-жъ его до сихъ поръ нѣту?

— А вотъ придетъ, такъ скажетъ отчего, отвѣтилъ Чабанъ.

— Ужъ эти наймиты! Всѣ они одинаковы; не даромъ говорится: „наймитъ, наймитъ, за чѣмъ рано встаешь?—Ничего, я надолужу то умываньемъ, то одѣваньемъ.—Слава тебѣ Господи, что у меня свой паробокъ!...

Марта промолвила:

— Вонъ коваль идетъ, за нимъ и москаль идетъ.

— Да, да, идутъ оба! сказала Рясничка. Смотри, какъ коваль шагаетъ, какъ дорожку мѣряетъ! А закоптился-то какъ, свѣтъ ты мой небесный! А этотъ бѣдолаха за нимъ ковыляетъ. Блѣденъ лицомъ, и скоро ему умереть. Что за несчастные эти москаль, то сохрани мать Божія!

Коваль дошагалъ до Чабановой хаты, со всѣми раскланялся, сталъ около Рясниченка и на Марту пристально поглядѣлъ. Коваль хорошо свѣтилъ очами. Изъ себя онъ былъ сухой, какъ перецъ, горбоносый, бѣлокурый и будто мрачный отъ мысли, или отъ заботы, а можетъ еще больше его омрачала ковальская сажка.

— А мы васъ ждемъ, сказала Рясничка ковалю. Вотъ Кожушки опоздали,—извѣстно, старые люди охаючи идутъ на работу. Сегодня рано—рано, чуть свѣтъ, я видѣла къ вамъ приводили пѣгаго коника подковывать,—славный такой коникъ! Знакомый человѣкъ у васъ былъ?

— Знакомый, да еще и кумъ, отвѣчалъ коваль.

— А вотъ я своего кума давно, давно не видала. И куму не видала, ажно мнѣ скучно...

Москаль подошелъ и поклонился. Больной былъ человѣкъ, слабый, къ землѣ клонился. Онъ оперся на свои костыли и тяжело отдыхалъ. Его спросили о здоровьѣ.

— Какое здоровье, отвѣтилъ онъ тихо и глухо. Мучительно болѣю. Голова очень болитъ и глаза болятъ. Было у меня когда-то здоровье, да истрачено.

— Надо бы вамъ людей спрашивать, лѣкарствъ искать, совѣтовала Рясничка. Я слышала, что отъ головы...

Москаль только рукой махнулъ.

— Видите, какіе вы! упрекнула его Рясничка, вы сами не...

Тутъ подошли старики Кожушки. Рясничка заговорила съ ними.

Кожушки были оба люди тихіе, добрые оба, и мужъ и жена, хозяйство свое держали въ порядкѣ, и не то что на жизнь, про смерть все у нихъ было наготовлено.

Чабанъ взялъ изъ хаты свой топоръ и всѣ пошли вмѣстѣ въ лѣсъ, мужчины на рубку, а женщины собирать сухія вѣтки—одна Марта осталась дома.

Она сѣла съ шитьемъ близко отъ своей хаты, подъ вербою, шила и пѣла.

Время проходило, а жаръ не спадалъ, прохладою не вѣяло. Солнце все не выбилось изъ-за тучекъ. Мартѣ казалось, что только покажись солнце, да заблести жарко, такъ сваялить, сожжетъ ее, какъ тоненькій цвѣтокъ.

Марта ужъ и пѣть не пѣла, и шить бросила,—начала ее клонить дремота. Какъ вдругъ кто-то подошелъ къ ней—она встрепенулась.

Подошелъ паробокъ; гибкій, стройный, смуглый, молодой человѣкъ. Онъ былъ хорошъ очень, но печаленъ: онъ дивчинѣ не усмѣхнулся и поздравствовался съ ней безъ всякихъ шутокъ. Онъ спрашивалъ ее объ Чабанѣ.

— Это мой батко, отвѣтила дивчина. Батко пошли въ лѣсъ. Вамъ ихъ надо сейчасъ?

— Я наймать.

Тогда Марта вспомнила, что отецъ договорилъ наймита и ждалъ его еще съ вечера.

— Батко васъ дожидали, промолвила она.

— Я и пришелъ, отвѣтилъ наймитъ.

— Вы вѣрно еще не обѣдали? спросила Марта.

— Спасибо, я не хочу. Если ваша ласка, то я бы воды напился.

Марта проворно вынесла изъ сѣней холодной воды наймиту. Она ему: „добраго вамъ здоровья пивши“, а онъ ей:

„спасибо“, да и полно, ни слова больше. Наймитъ сѣлъ на заваленкѣ, и сидѣлъ какъ каменный, глядя въ землю.

Марта взялась за шитье, да и нашла вмѣсто *помоговки ляговку*... Всѣ ея мысли играли около наймита; она видѣла, что рубашка и шаравары у него поношенныя, съ заплатами, что красный поясъ полинялъ, бѣлѣсый сталъ...

Мартѣ вдругъ пришло на мысль, что если-бы богато нарядить этого наймита? И тотчасъ же она его въ мысли своей нарядила богатѣйшимъ образомъ. Сталъ онъ пригожій въ щегольскомъ нарядѣ? О, нѣтъ! напротивъ, какъ будто, что-то утратилъ даже. Марта поглядѣла на наймита и словно какъ то обрадовалась виду убогой его одежды, и опять у нея заронились мысли, да мысли ужъ не объ нарядѣ, а объ самомъ наймитѣ, и думая о немъ, она не украшала его, а только глядѣла на него и... и точно любовалась имъ.

Онъ сидитъ такой сумрачный. Какія у него мысли? Какія думы?

Хотѣла она, да не знала что сказать ему, какимъ ему словомъ угодить.

Наймитъ ни разу на нее глазъ не поднялъ.

Марта забѣгала мыслями все дальше; угадывала она, не покинулъ ли кого-нибудь наймитъ и гдѣ покинулъ, въ какомъ селѣ, и какова его доля будетъ? И спрашивала, какова ея, Мартина, доля вынется у Бога? Какъ будетъ жить она и съ кѣмъ, и какъ она умретъ? Отчего наймитъ не разговорится? Отчего бы это не знать человѣку напередъ, что съ нимъ на вѣку случится?

Безпорядочно роились у нея мысли, тысячи совершенно разнородныхъ, не похожихъ предположеній, видѣній и вопросовъ вдругъ представлялось.

Начало повѣвать прохладю, а тучки синѣли; въ лѣсу зашумѣло; собирался дождь итти. Молнія изрѣдка поблескивала и громъ погромыхивалъ вдаль глухимъ грохотомъ.

— Гроза будетъ, промолвила Марта.

Наймитъ не отвѣтилъ, только поглядѣлъ на тучи.

Гроза приближалась. Марта посматривала вокругъ себя, словно хотѣла мысли свои приложить къ тому, что ее окру-

жало, къ ежедневнымъ и къ обычнымъ занятіямъ и заботамъ, и вспомнила, что отъ дождя надо спрятать зерно, что сушилось на дворѣ, а въ саду надо снять полотна, что бѣлились.

— Ой лихо, а на дворѣ зерно, въ саду полотно! сказала она и побѣжала.

Наймитъ тотчасъ всталъ и за ней пошелъ, какъ наймитъ за хозяйкой—служить и помогать. Они вмѣстѣ зерно спрятали, вмѣстѣ полотна сняли. Тутъ послышались смѣшанные голоса—это изъ лѣсу спѣшили домой, отъ дождя бѣжали въ хаты.

Дочь встрѣтила Чабана, онъ ей сказалъ:—Ушли отъ дождя. Увидаль наймита и сказалъ ему:—Здорово, Максимъ, садись.

Всѣ сѣли. Наймитъ отъ хозяина подальше, какъ слѣдъ наймиту, Марта въ уголку.

— Ты опоздалъ, Максимъ, промолвилъ Чабанъ.

— Опоздалъ, добродію, отвѣчалъ наймитъ.

Дождь ужъ лилъ ливнемъ, а за дождемъ градъ сыпнулъ, какъ изъ кошика.

— Ге, ге, ге! сказалъ Чабанъ. Пропаль хлѣбъ!

II.

Рясничка, видите ли, уже давненько порѣшила, чтобы женить своего сына на Мартѣ. Она ужъ и приданое все до ниточки и по ниточкѣ пересчитала и словно какъ бы его въ свои сундуки попрятала.

Сынъ только благодарилъ мать. Марта была ему по душѣ и по сердцу, хоть онъ и рѣдко вступалъ съ нею въ разговоръ, а когда и приходилось, такъ больше глядѣлъ себѣ въ шапку, чѣмъ на дѣвичье личико; онъ давно уже думалъ о ней, и въ мысли уже видѣлъ ее въ своей хатѣ хозяйкою. Какъ представить онъ себѣ это желанное житье съ нею, съ своей молодою женой, что вмѣстѣ работа и вмѣстѣ праздникъ, что во дворѣ все плодится, въ полѣ все родится, въ каморѣ запасно, а въ хатѣ все весело, смирно, какъ представить

онъ себѣ все это, такъ даже сонъ его начнетъ клонить отъ такого сладкаго счастья. И хорошо ему спится, и хорошо ему снится! Мыслями онъ богатѣлъ и надеждою утѣшался, а время и часы плыли для него, какъ въ сказкѣ.

Есть такіе люди, что они ужъ на свѣтѣ родятся хозяевами,—такой уродился Рясниченко. Онъ былъ еще съ узиликъ, а ужъ собиралъ *свои* щепочки въ ворошекъ, и защищалъ *своею* вола, какъ родню и зналъ *свое* поле, какъ вѣрнаго друга. Входя въ лѣта, онъ все больше и ревностиѣй радѣлъ и заботился о своемъ хозяйствѣ, все бодрѣй да усердиѣй для себя трудился. Ему была удача во всемъ, не особенно великая, но хорошая удача; онъ понемножку разживался и жилъ на бѣломъ свѣтѣ, не нарекаяючи на свою долю. Одно можетъ докучало-бъ ему, что мать была ужъ черезчуръ спорлива, быстра, юрка, пронирлива, неугомонна, задорна,—вообще беспокойная особа, не то что другія смиренныя женщины на свѣтѣ, пусть имъ легко вздохнется!—да Рясниченко къ этому привыкъ и съ этимъ освоился. Въ мелочахъ онъ уступалъ матери и слушался ее молча, а въ важномъ дѣлѣ, когда Марту полюбилъ, такъ, слава Богу, напелъ онъ въ матери себѣ совѣтницу и помощницу,—никакого горя не случилось, никакого спору не вышло, и вмѣстѣ они оба ждали и желали, чтобы дѣло довелось до добраго конца.

Да не такъ-то въ свѣтѣ дѣлается и ведется, какъ намъ желается, это всякій знаетъ. Случилось двѣ напасти: первая напасть, что коваль началъ заглядываться на Марту, а у коваля, былъ слухъ, что мѣшокъ денегъ закопанъ въ хатѣ,—если не въ правомъ, такъ въ лѣвомъ углу отъ печки,—а вѣрно самъ всякій разумѣетъ, что это такое *мѣшокъ денегъ* въ жизни и для того, у кого онъ есть, и для тѣхъ, у кого его нѣтъ. Другая напасть та, что Чабанъ точно оглохъ, ослѣпъ и одурѣлъ: не видалъ, не слыхалъ и смышленность всю потерялъ. Даромъ пропадали всѣ слова и намеки у бравой Ряснички. Чабанъ ничего, ничего, ни капельки не понималъ, какъ будто, отъ роду никто на свѣтѣ не сватался и не женился. Напрасно Рясничка билась, какъ рыба объ ледъ.

Ужъ кажется какой выберется вечерокъ тихій у Бога, какъ издалека, стороною, Рясничиха начнетъ подъѣзжать къ Чабану, какимъ медовымъ голосомъ рѣчь заведетъ—все, все, все понапрасну!

А надо-жъ таки знать, что думаетъ Чабанъ! Надо таки добиться, что онъ замышляетъ! Надо таки довести его до того, чтобы онъ и думалъ, и замышлялъ такъ, какъ онъ долженъ думать и замышлять! Да, долженъ!

Идетъ она ввечеру мимо Чабановой хаты, видитъ: Чабанъ сидитъ на всегдашнемъ своемъ мѣстѣ, на заваленкѣ.

— Добрый вечеръ, сосѣдь!

— Добрый вечеръ, сосѣдка!

— Вотъ какой прекрасный вечеръ намъ Богъ далъ!

— Вечеръ славный.

И долгонько шла у нихъ рѣчь простая и пустая о томъ, о семъ, какъ вдругъ Рясничка и вспомнила, добрая душа!

— А гдѣ-жъ Марта ваша? Господи! что это за любая дѣвушка! Такъ любя и мила, что и родной дочки не надо! Гдѣ она, милая эта дѣвушка?

— Гдѣ нибудь по хозяйству, а можетъ и гуляетъ, отвѣчаетъ Чабанъ.

— А что за рабочая, моя голубка! Только и можно ее сравнить съ моимъ паробкомъ...

— На свѣтѣ жить, такъ надо и работать, говорятъ, промолвилъ Чабанъ.

— Дай Господи ей пару совѣтливую, добрую! Можетъ, Господь и пошлетъ ей такую!

— Можетъ, и пошлетъ, отвѣчаетъ Чабанъ.

— Борони ея, Боже, отъ ледащаго! За ледащимъ мужемъ жена пропадаетъ! Пропадаетъ! Какое житье за ледащимъ? Поганое житье!

— Нехорошее житье съ ледащимъ, говоритъ Чабанъ.

— А развѣ мало такихъ, что стелать мягко, какъ пухъ, а спать лечь, такъ косточки ноютъ?... А замужество не на годъ, а на цѣлый вѣкъ—потомъ цѣлый вѣкъ не сбудишь лиха... Случается, пошлетъ Богъ такого... такого... Лучше и не говорить, такого пошлетъ!

— Бываетъ, говоритъ Чабанъ. Бываетъ, такого Богъ дастъ, что потомъ и чортъ не возьметъ.

— А съ добрымъ мужемъ житье таково, что и меду не захочешь! За добрымъ жить славно, хорошо!

— Когда бы хорошо,—да еще къ тому долго! промолвилъ Чабанъ.

У Ряснички уже глаза начали бѣгать, она ножками подтопывала; и постукивала ручками—однимъ словомъ, съ ней дѣлалось то, что со многими другими пылкими душами, когда ихъ обижаютъ непокорныя существа.

Чабанъ сидѣлъ совершенно неподвиженъ и глядѣлъ, куда глаза падали—на зеленую степь, широкую и далекую, подернутую вечернимъ багрянцемъ.

— Вотъ у васъ дочка, сосѣдъ, а у меня сынъ, такъ намъ съ вами нельзя не подумать, нельзя не запечалиться иногда... промолвила Рясничка, придушивши все къ своей груди, кромѣ терпѣнія и добродушія. И думы, и заботы, и хлопоты одолѣваютъ иногда...

— А конечно одолѣваютъ, отвѣчаетъ Чабанъ.

— И то правда, что еще не горитъ надъ нашими головами! промолвила Рясничка, смѣясь добродушнымъ, но страшнымъ, для всякаго холостого и женатаго человѣка, смѣхомъ. Не завтра вамъ дочку отдавать, не завтра мнѣ своего сына женить... Однако, почему объ этомъ не подумать?

— Это правда, что надъ головами не горитъ, отвѣчаетъ Чабанъ;—а подумать можно, грѣха нѣтъ.

Рясничку словно подкинуло—даже у ней въ глазахъ все ясно и красно стало. Она придвинулась поближе къ Чабану. Чабанъ сидѣлъ неподвижно—не пошевелился.

— Что-жъ вы думаете, сосѣдъ? спросила Рясничка.

— О чемъ? спросилъ Чабанъ.

— Да объ вашей Мартѣ...

— А что-жъ Марта?

Въ порывѣ нетерпѣнія Рясничка укусила себя за языкъ и ущипнула себя за руку очень больно. Надѣяться надо,

никому не вкрадется подозрѣніе, что такъ себя караютъ только въ такихъ случаяхъ, когда не явится никто подъ руку?

— Ничего, ничего, промолвила Рясничка. Такъ у васъ никакихъ намѣреній нѣтъ?

— Какихъ у меня нѣтъ намѣреній? спросилъ Чабанъ.

— Такъ! такъ! отвѣчала Рясничка, сорвавшись съ мѣста. Слыша, что вы говорите объ Мартѣ, мнѣ въ голову пришло, что вы на когонибудь имѣете виды...

— Я, говорите вы, на когонибудь виды имѣю? спросилъ Чабанъ.

— Да Богъ васъ святой угадаетъ, на что вы виды имѣете! Пусть вамъ Богъ и поможетъ во всемъ! Добрый вечеръ, сосѣдь! Пусть вамъ Господь поможетъ!

И вымолвивши это горячее желаніе, Рясничка побѣжала домой, въ свою хату, а Чабанъ остался на заваленкѣ, сидя неподвижно, да глядя въ степь, только что старый супостатъ моргнулъ бровями, какъ молніею и зубы блеснули изъ подъ длинныхъ усовъ цѣлымъ своимъ бѣлымъ, крѣпкимъ рядомъ.

Рясничка очутилась въ своей хатѣ. Въ хатѣ темно и слышно, какъ кто-то спитъ и мощно дышетъ. Она бросилась туда и сюда; тутъ стукнула, тамъ грохнула, кота—роскошелолюбя сунула и отрезвила, ведра опрокинула, наконецъ, накинута на сына, который лежалъ на лавкѣ во всю свою длину и спалъ, какъ праведникъ.

— А что это ты? Спишь, какъ бы шелкомъ вышивалъ! Или ты думаешь, что жареные голуби сами тебѣ въ ротъ полетятъ! На кого ты надѣешься? На что ты рассчитываешь? Тебѣ выслѣпало, что коваль поперекъ твоей дороги? Ты не знаешь, что, можетъ, коваль уже Марту сватаетъ? Ты почему мыслишь, что Чабанъ ея не отдастъ за коваля? Кто тебѣ сказалъ, что старый крохоборъ этотъ... этотъ Іуда... этотъ... кто тебѣ сказалъ, что не рассчитываетъ на ковалевы деньги? Отчего ты къ Мартѣ не приголубишься? Отчего тебя Марта

до сихъ поръ не любить? Ахъ, Боже мой милостивый! что это у меня за иго!

Сынъ проснулся, обезпокоился, озаботился и хлопалъ на мать большими глазами.

— Чего сидишь, какъ копна? Чего глядишь, какъ ворона? Иди, иди! иди! Сердце мое разорвется на кусочки, на часточки сейчасъ! Сейчасъ, ей-Богу, сейчасъ! Вотъ сію минуту! Сію секунду! Иди-жъ, иди прочь съ глазъ моихъ!

Сынъ, ухвативши шапку, убѣжалъ изъ хаты, а Рясничка, выгнавши его, еще мало ли бранила и проклинала Чабана, коваля и свою долю, а потомъ, утомившись, стала отдыхать, сѣвши на лавкѣ, да обдумывать, какъ лучше дѣло вести, какъ хитрѣе повернуть, какъ тоныше врага отуманить.

— Погоди, погоди, старый чортъ! Я ужъ тебя подведу! Бусурманъ! Жива не хочу быть, если я тебя не отуманю отлично! Разумна твоя голова проклятая, да и у меня же не глечикъ на плечахъ, слава Богу! Старая собака! Продажная душа! Змѣя! Хитрецъ безбожный! Не надѣйся, мой соколъ сизый, что весь вѣкъ будешь людей обманывать! Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Ужъ полно! Конецъ! Не все коту масляница, будетъ и великій постъ! Невѣрный ты котъ!

Долго эта бѣдненькая мышка не могла унять словъ, и еще дольше мыслей не могла унять: намѣренія, замыслы на котову голову были, должно быть, не изъ дурныхъ.

Рясничка, видите, тоже была горда. Охотнѣй она бы въ могилу легла и закопалась, чѣмъ бы услышала отъ Чабана на прямой вопросъ свой: „отдадите ли Марту“? прямой отвѣтъ: „извините“! Другое дѣло было сватать Марту намеками; тутъ если и откажетъ Чабанъ, такъ можно его же смѣшать самого, спросивши: „это откуда-жъ онъ взялъ, что ему намекнули про сватанье? Да этого отъ роду и въ умѣ не бывало! Въ диво и слова его дивныя слушать, ей-Богу“!

Навѣрное добрые люди мокрымъ рядомъ нападутъ на молодицу за такое лукавство; не порочьте ее, добрые люди!

Пусть она одна за всѣхъ на этотъ разъ не несетъ покаянія: вѣдь она сама отъ людей научилась. Отъ кого именно, спросите? Эге, чего вы захотѣли! Развѣ перечтешь этихъ учителей? Всѣхъ не перечтешь, а меньшую часть не стоитъ и беспокоить,—на этотъ разъ простите.

Пока сердоблюбивая мать волновалась да себѣ голову ломала, думая въ хатѣ, сынъ бродилъ около Чабановой усадьбы и смотрѣлъ на все вокругъ, словно козелъ на новыя ворота, желая успокоиться и не зная, какъ свои мысли собрать и въ порядокъ привести, потому что надо вамъ знать, добрые люди, что это былъ такой паробокъ, что если его испугать, или встряхнуть, или встревожить сильно, такъ онъ совсѣмъ и прощай: всѣ мысли снимутся, точно дикія птицы, всѣ улетятъ, только въ ушахъ шумъ—больше ничего. Вотъ онъ прохаживался такимъ образомъ мимо Чабановой усадьбы и понемножку поправлялся, и ужъ было началъ разсуждать, что ему дѣлать дальше, когда скрипнули у Чабана хатнія двери и на порогѣ стала Марта. Она вышла и стала неподвижно, тихо, точно писаная. „А вотъ, ей-Богу, я скажу ей добраго вечера! проговорилъ Рясниченко самому себѣ;—ей-Богу, скажу! Гляди, какая тихенькая стоитъ! сейчасъ я ей добраго вечера пожелаю“!

— Добрый вечеръ! крикнулъ онъ, подступая ближе.

Марта вздрогнула, обернула къ нему свое хорошенькое личико и отвѣтила:

— Добрый вечеръ!

Видно, что она никого не ждала и будто бы удивилась, съ какой стати онъ тутъ взялся?

— А батько вашъ? спросилъ паробокъ.

— Легли спать.

— Давно легли спать?

— Нѣтъ, недавно.

— А наймитъ вашъ гдѣ?

— Спать пошелъ.

— А вы не спите?

— И я пойду.

Марта поглядѣла вокругъ на небо и на землю. Частыя звѣзды рѣяли, соловьи громко пѣли; травы и цвѣты, и зелья, деревья и растенія—все слилось въ одну тѣнь.

— Добрая ночь! промолвила Марта и опять поглядѣла вокругъ, и медленно скрылась, и затворила двери за собою.

Паробокъ остался на мѣстѣ, какъ тотъ, кто собирався пташку поймать, а вмѣсто того упустилъ, и только слѣдить, какъ полетѣла.

Тутъ вышелъ какъ разъ наймитъ изъ Чабановыхъ воротъ и прошелъ мимо Рясниченка. Рясниченко было взялся за шапку, но наймитъ вѣрно его не замѣтилъ и скрылся за Кожушковой усадьбой.

— Куда это наймитъ пошелъ? спросилъ самъ себя Рясниченко, и ничего не нашелъ отвѣтить, и повернулъ домой.

Вдругъ коваль идетъ мимо, идетъ важно, какъ наша турецкій.

— Го! крикнулъ ему Рясниченко:—гдѣ это вы были, ковалю? Гдѣ это вы такъ запоздали?

Въ Турціи, вѣрные люди сказывали, папа, сколько душъ его угодно, столько и топить людей. Ну такъ что-жъ? А то, что сохрани Богъ того турка, на котораго бы настоящій папа такъ взглянулъ, какъ коваль на Рясниченка.

— Будьте здоровы! промолвилъ коваль, будто въ похоронный звонъ ударилъ, и пошелъ дальше къ своему дому.

— Что это за люди такіе! Нельзя съ ними разговариваться, ей-Богу! сказалъ Рясниченко. Совсѣмъ нельзя!

Онъ постоялъ-постоялъ, поглядѣлъ-поглядѣлъ по сторонамъ, и пошелъ домой.

Войдя въ хату, весело окликнулъ мать:

— Мамо!

— Что? отвѣтила ему мать.—Что такое? Я тутъ. Я тутъ у окна—говори!

— Я сейчасъ Марту видѣлъ.

— И что-жъ?

— Мы съ нею разговаривали.

— Про что? о чемъ?

— Обо всемъ. Что это за дѣвушка красавица!

Онъ добрался до окна, разводя въ темнотѣ руками, чтобъ не споткнуться и не упасть, сѣлъ на лавку около матери и хотѣлъ вздохнуть отъ небольшой усталости и отъ великаго удовольствія, да мать сейчасъ же засыпала его вопросами, какъ гвоздящимъ горохомъ.

— Что-жъ она тебѣ сказала? Пойдетъ ли она за тебя? Что коваль? Что отецъ? Что такое?—Какъ?

Видали вы когда нибудь, добрые люди, человѣка, идущаго по пріятной дорогѣ, и вдругъ онъ, неожиданно, негаданно, попадетъ въ капканъ, попадетъ такой, какъ былъ—еще вслушиваясь въ птичье пѣнье, вдыхая свѣжій запахъ цвѣтовъ и вмѣстѣ уже чувствуя, что его прищемили?

Рясниченко попался, смѣшался, немножко и встревожился, немножко и ошалѣлъ. Мать не дала ему образумиться, ужъ схватила его за плечо и трясла, какъ грушу.

— Отчего-жъ ты молчишь? Отчего-жъ ты молчишь? ты воды въ ротъ набралъ? или ты онѣмѣлъ? или ты заколдованъ? или ты окаменѣлъ?

— Нѣтъ! нѣтъ! Да нѣтъ же! отвѣтилъ Рясниченко. Чего вы это такъ гнѣваетесь, мама, и побиваетесь, ей-Богу!

Рясничка руками всплеснула.

— Какъ чего я гнѣваюсь? Какъ чего я побиваюсь? Ты съ-ума сошелъ, или ты отъ роду дуракъ? а? Да говори-жъ мнѣ! Рассказывай все!

А бѣдный паробокъ потерялъ самое начало, какъ и что.

— Вотъ ей-Богу! промолвилъ онъ съ почтительною досадою:—вы меня пхаете, какъ съ мосту въ воду!

— Нѣмой, несчастный! крикнула Рясничка. Ты гдѣ ее видѣлъ?

— Она вышла да стала на своемъ порогѣ.

— Да ну же! Что-жъ дальше? Что ты говорилъ? Что она сказала?

— Я подошелъ къ ней поближе, да и говорю ей: добрый вечеръ! Она отвѣчаетъ: добрый вечеръ! Я спрашиваю: а гдѣ вашъ батько?

Какъ попалъ на дорожку Рясниченко, ужъ не сбился, и рассказалъ все, что было, ладно и по порядку. Мать слухала въ гнѣвъ и едва вытерпѣла до конца.

— Такъ это все тутъ? вскрикнула она. Все? Глупый ты! Неумѣлый, пустоголовый, безмозглый, несчастный хлопецъ! хомякъ ты! байбакъ! разиня неисправимая!

За всякимъ отличіемъ, какимъ мать его отличала, Рясниченко потряхивалъ своими густыми волосами, а когда у матери голосъ прервался, тогда онъ промолвилъ потихоньку:

— Не гнѣвайтесь, мамо!

— Что? вскрикнула мать.

— Марта никогда за коваля не выйдетъ, поспѣшилъ выговорить Рясниченко.

— Ты это почему угадываешь? а? Откуда знаешь?

— А какъ же этого не знать. Ужъ если выбирать между ковалемъ и хозяиномъ, такъ всякая разумная дѣвушка выберетъ хозяина. Съ хозяиномъ лучше жить, чѣмъ съ ковалемъ, споксйнѣй... Хозяинъ не стучитъ, не куетъ... Да Марта и не любитъ коваля совсѣмъ...

— Дурень думкою богатѣетъ, тише отвѣтила изморенная Рясничка:—радуйся да надѣйся, а она, между тѣмъ, съ другимъ перевѣнчается!

Настало молчаніе, но не надолго, на минуту: Рясничка вдругъ спохватилась и вскрикнула:

— Да можетъ Марта кого нибудь дожидала, а ты ей помѣшалъ! Вѣрно она коваля дожидалась! Навѣрно! Хитрая дѣвушка! Прикидывается скромницею, безстыдница!

Рясниченко молчалъ ужъ объ томъ, что онъ встрѣтилъ коваля близко Чабановой хаты. Испугался паробокъ очень, будто волка сѣраго, да и сидитъ тихо. А Рясничка уже съ мѣста сорвалась и въ окошко высунулась: все тихо, безмолвно было при сіяющихъ звѣздахъ, только раскатывалась соловьиная пѣсня; никого нигдѣ не было видно.

„Вотъ, Господи мой Боже! а что, если вправду...“ подумывалъ Рясниченко и себѣ поднялся съ мѣста, и всталъ, и

стоялъ, будто ожидая волка изъ лѣсу, волка еще сѣрѣй, еще страшнѣй.

— А я пойду! говоритъ Рясничка. Я пойду и увижу! Я хочу довѣдаться! это все не даромъ! Ты оставайся, не ходи, а то все попортишь! сказала она сыну.

Осмыкнула платокъ на головѣ и выбѣжала изъ хаты. Рясниченко за нею вышелъ, и ставши у порога, смотрѣлъ, какъ она украдкой ходила около Чабановой хаты, подглядывала и подслушивала, и видѣлъ, какъ она прокралась къ ковалевой... Паробку сдѣлалось какъ-то беспокойно, не по себѣ, и вдругъ явилась мысль, да такъ ясно явилась, какъ черное на бѣломъ, что, если правда, Марта съ инымъ перевѣнчается? Насупился на минуту, но на минуту только; потомъ уста его такъ и разѣхались отъ уха до уха и бѣлые зубы весело сверкнули,—надежда словно стояла передъ его юношескими очами, и куда онъ ни обертывался, всюду она, радостная надежда, сіяла передъ нимъ. Онъ успокоился, спокойно присѣлъ на хатнемъ порогѣ и сталъ ожидать мать.

Обошедши Чабанову хату, Рясничка ничего не видала, послушавши подъ окнами и дверями, ничего не слыхала.

— Спать, лиха на тебѣ нѣтъ! промолвила она, голубя кого-то словцомъ, и, какъ заяцъ, перескочила до ковалевой хаты. Тутъ она еще скорѣе увѣрилась, что никого не было, потому что ковалева хата стояла на юру и съ трехъ сторонъ ни одно деревцо ея не заслоняло, а съ четвертой стороны хоть и росъ садокъ, такъ рѣденькій такой, что въ немъ негдѣ было порядочно и двумъ голубямъ укрыться, а не то, что двумъ людямъ. Приложивши уши къ ковалевому окну, Рясничка тоже ничего не услышала и хотѣла уже домой повернуть, какъ подъ самымъ окошкомъ, видно на лавкѣ въ хатѣ, что-то беспокойно заворочалось. Рясничка приостановилась—опять тоже беспокойное ворочанье, а за нимъ и оханье. „Охъ, охъ, охъ!“ Проохали, должно быть, такъ само, какъ когда-то давнымъ давно, охалъ царь Соломонъ, нарекаячи на суету мірскую всяческую.

— Видишь, стонетъ, будто добрый! промолвила Ряснич-

ка про себя. Что нибудь замышляетъ, чтобъ тебѣ ни дна, ни покрывки! Ни житья тебѣ, ни могилы!

И воротилась домой.

Сынъ сладко дремалъ, сидячи на порогѣ.

— Видѣли что нибудь, или нѣтъ? спросилъ онъ, пробудившись.

— Ничего не видала, не будь имъ добра вѣкъ! отвѣтила мать.

— Какъ же вы долго ходили, мама! сказалъ паробокъ. Ужъ я дожидаль, дожидаль—даже ѣсть захотѣлось, а потомъ захотѣлось и спать. Очень уже поздно. Вотъ утренняя звѣздочка гдѣ!

Онъ ткнулъ пальцемъ въ окно на ясную утреннюю звѣздочку, что уже взошла и блестяла съ яснаго неба.

— Ты по звѣздамъ примѣчаешь, какъ поздно, отвѣчала мать, а я такъ ноженекъ не чую черезъ тебя—я не примѣчаю ни дней, ни ночей—никогда покою не вкушаю!

Рясниченко хотѣлъ что нибудь сказать, какъ нибудь успокоить, да побоялся, что въ лихой часъ скажешь и снова бурю поднимешь—такъ онъ ничего и не промолвилъ, перекрестился, легъ, въ смакъ зѣвнулъ, и заснулъ сладкимъ и крѣпкимъ сномъ.

Онъ давно уже спалъ, а мать все еще углублялась въ думы да въ мысли, въ заботахъ, да въ хлопотахъ. Свѣтъ мой! что это за долгая ночь, что за вертлявая подушка тогда для каждаго, для добраго и для злого, для ничтожнаго и для великаго, когда обойметъ голову та дума да надежда, сомнѣнье да нетерпѣнье! Ну, да полно. Лежи и спи, какъ кто можетъ,—мы теперь остальныхъ хуторянъ посудимъ.

III.

Коваль Гарбузъ полюбилъ Марту... Вы, добрые люди, уже думаете, что если отъ женщины услышали, такъ и не правда? Нѣтъ, и женщины, случается, правду говорятъ. Ей-Богу! Не все же имъ выдумывать въ самомъ дѣлѣ!...

Въ этотъ разъ Рясничка истинную правду сказала, потому что коваль Марту точно полюбилъ. Полюбилъ, самъ не опомнился, какъ и когда. Она ему какъ порошинка въ глазъ упала, какъ стрѣла пронзла сердце: не думалъ, не гадалъ, не желалъ, въ одинъ часъ, въ одинъ разъ, въ одну минуту. Шелъ да и встрѣтилъ, пришелъ да и нашелъ.

И иная была ковалева любовь, чѣмъ Рясниченкова. Ковалева любовь сушила и вялила, разумной головѣ покою не давала, а ревнивому сердцу отдыху. Коваль былъ разумень какъ равнинъ, ревнивъ какъ папа турецкій, а съ этимъ вмѣстѣ и застѣнчивъ, какъ неопытная, неученая дѣвушка; пылокъ, какъ порохъ, простъ, что малый ребенокъ и сдержанъ, какъ рабъ. Почувявши, что любовь пришла по его душу грѣшную, коваль покачалъ головой, да началъ обсуживать, обсудивши началъ и сопротивляться, и отбиваться и волей и разумомъ,—да, кажется, не такіе это когти, чтобы вкогтившись, выпустили, когда захочешь! Вообразите себѣ человѣка на дорогѣ, въ зной полимага солнцемъ, не на чемъ глазу отдохнуть—только сухая, ѣдкая, горячая пыль кругомъ и вдругъ открывается передъ нимъ зеленая, свѣжая цвѣтущая равнина, а? Какъ тутъ не бросишься-то къ этой равнинѣ? Безъ всякихъ размысленій, безъ соображеній, лишь бы только хотъ на минуту приклониться помутившеюся отъ жару головою къ освѣжающей зелени? Понятно? Понятно, какъ на смѣхъ ковалева любовь все глубже вкоренялась и больше усиливалась. Ничто отъ нея не помогало. Коваль не могъ выискать ни одного любящаго взгляда, не могъ припомнить ни одного сердечнаго слова, какъ ни ломалъ себѣ голову,—и, нечего дѣлать, онъ хотѣлъ покориться злой долѣ,—а добрая доля, словно, дразнила его: сейчасъ же показывалась во всемъ блескѣ своемъ. Каждый паробокъ ему теперь сталъ за врага—онъ зналъ, что это смѣшно и грѣшно; гнѣвъ его душилъ при встрѣчѣ съ Рясниченкомъ—онъ зналъ, что это несправедливо,—онъ все зналъ, а ничему не могъ помочь его разстроенный разумъ, ничего не могла порѣшить его воля. Все на свѣтѣ точно было отравлено ковалю: ни раннее утро, ни поздній вечеръ его не освѣжалъ,

ни одно мѣсто пріютное его не могло пріютить. Не хотѣлъ коваль наскучать Мартѣ, не хотѣлъ къ ея отцу подольщаться—и въ самомъ дѣлѣ онъ Мартѣ не наскучалъ и къ старику не подольщался.

Сначала онъ, было, рѣшилъ не видать Марту,—развѣ когда нельзя будетъ разминуться, ну, нечего дѣлать, подойти,—и прятался встрѣчаясь съ нею, да еще хуже стало отъ этого прятанья; совсѣмъ не хорошо стало какъ-то на свѣтѣ; и вотъ одинъ разъ, намучившись всякими муками, коваль рѣшилъ иначе: рѣшилъ, что не стоитъ вся его разсудительность той утѣхи, какою надѣляетъ его одна коротенькая встрѣча съ нею, одинъ дѣвичій небрежный поклонъ, рѣшилъ это, да и разговѣлся на частыя свиданья и на встрѣчи.

Да развѣ же коваль первый вышелъ въ битву какъ левъ, а погибъ какъ муха? Не онъ первый, да и не онъ, надо надѣяться, и послѣдній будетъ.

Вотъ тогда-то Рясничка заподозрила его любовь и пошла зазидовать, да наблюдать, да сторожить, да слѣдовать, и какъ ужъ коваль ни скрывался, какъ ни тайлся, какъ онъ ни былъ начеку и насторожѣ, она его таки поймала и увѣрилась въ своихъ подозрѣніяхъ, и вся запылала гнѣвомъ на безбожника, замышлявшаго то самое, что она, благая душа, замыслила.

Одинъ разъ захватила она коваля на пригоркѣ, недалеко отъ Чабана. Съ этого пригорка вся Чабанова усадьба видна была, какъ на ладонкѣ.

— А что это вы тутъ ходите, да прохаживаетесь по этому пригорку? спросила она, подбѣгаячи.—Или вы гуляете? Или у васъ сегодня, можетъ, какое празднество? Или у васъ дѣла нѣтъ? Или вы ужъ теперь не расчитываете и не считаете ничего?

— Если расчитывать сыръ да масло, такъ и варениковъ не ѣсть! отвѣтилъ ей коваль, будто усмѣхаясь, между тѣмъ какъ на сердцѣ у него мыши заскребли.

— Не видали ли вы моего сына, коваленко? спросила

Рясничка, оглядываясь, точно ея сынъ выросталъ тутъ между вихорковъ березокъ, что качались на пригоркѣ.

— Нѣтъ, не видалъ, отвѣтилъ коваль.

— И Марты не видали, ковалечку?

— Нѣтъ, не видалъ, отвѣтилъ и побѣлѣлъ.

Шпилечка попала въ цѣль мѣтко и уколола. У Ряснички зъ глазахъ пояснѣло; она покашляла, вздохнула, похвалила погоду, что хороша, и поблагодарила за то Господа. Между тѣмъ, въ это время она не была бы проворною молодницею, если бы не наготовила другую шпилечку, поострѣй и побольнѣй.

— Пошли намъ Господи милосердный и осень погожую да хорошую, начала она поспѣшно, видя, что коваль собирается уходить.—У кого сынъ парбокъ въ хатѣ, какъ у меня, тому свадьбы не миновать! придется отгулять!

Тутъ она усмѣхнулась, будто давая ему знать, что есть что-то у ней на душѣ, чего пока высказать нельзя.

Коваль совсѣмъ помертвѣлъ, однако спокойно промолвилъ отвѣтъ ей: „а конечно“ и пристально поглядѣлъ вверхъ,—его заняло: „какая это птица летитъ“?

— Это журавли летать, сказала Рясничка.

— Нѣтъ, это не журавли,—сказалъ коваль:—Журавли ужъ пролетѣли.

— Будьте здоровы, ковалю, да на свадьбу милости просимъ—придите, а?...

— А какъ же! отвѣтилъ коваль, а самого морозъ по кожѣ подралъ, словно его въ холодную могилу пригласили.

• Больше Рясничка его не задерживала, попросила ему у Бога добраго здоровья и во всякомъ его дѣлѣ успѣха, да и разошлись они.

— Дурень я, дурень! размышлялъ коваль, идя по дорожкѣ къ своей кузнѣ, да унимая понемногу свое расходившееся сердце. Чего это я испугался? Эта вѣдьма нарочно меня дразнить, а я испугался! Развѣ я не понимаю, что нѣтъ въ ея словахъ ни на грошъ правды? Если бы правда была, не такъ бы она трезвонила тогда. Кажется мнѣ, Чабанъ и не

думаетъ съ Рясниченкомъ породниться... За кого онъ прочить ее? За кого?

А Рясничка, идя домой, усмѣхалась и думала: А что, испугался? А что, медомъ я тебя поподчивала? Ты встревожился, такъ значить ты нипричемъ! Можетъ Чабанъ не за тебя ее и прочить—кто-жъ у стараго Іуды на примѣтъ?

IV.

Кто же въ самомъ дѣлѣ на примѣтъ у стараго Чабана? За кого онъ дочь прочить? Какія намѣренія, какіе замыслы у стараго хозяина?

Что до намѣреній и до замысловъ стараго Чабана, то этого никто, никогда не вѣдалъ, кромѣ самого же его, стараго Чабана.

Чабанъ былъ такой человѣкъ, что скрывалъ и таилъ отъ всякаго свою мысль, будто, либо онъ ее гдѣ укралъ, либо боялся, что у него ее украдутъ. Что онъ задумывалъ, узнавалось только потому, до чего старый Чабанъ достигалъ. У Чабана такой нравъ былъ, что, кажись, если-бы онъ не поставилъ на своемъ, такъ и жить бы не сталъ послѣ. Человѣкъ важный и умный, на него точно хворость какая нападала, если онъ чего захочетъ и къ чему нибудь стремится. Не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ старый Чабанъ, потягиваетъ часто рубашечный воротникъ, это знакъ, что Чабанъ чего-то хочетъ и о чемъ то старается; а ѣстъ, пьетъ, спитъ хорошо старый Чабанъ и ввечеру сидитъ на заваленкѣ спокойно, это знакъ, что Чабанъ достигъ чего хотѣлъ,—привелъ все къ доброму концу. Къ какому? Въ чемъ? Знать не будешь, а если охота есть, такъ, пожалуй, догадывайся. Можетъ, Чабанъ желалъ приобрѣсть себѣ рябого, круторогаго вола, который ревнулъ въ его дворъ однимъ утромъ между его сивыми волами; можетъ, Чабану хотѣлось достать той пшеницы на сѣмена, которую онъ теперь сѣетъ; можетъ, Чабанъ хлопоталъ, какъ сбыть съ рукъ прошлогоднее сѣно, которое отвезъ онъ куда то на двухъ возахъ—вотъ вамъ пока и до-

гадки. А иногда и того нѣтъ. Иногда Чабанъ не ѣстъ, не пьетъ, не спитъ, потягиваетъ воротникъ дня три, или мѣсяца три, или больше, или меньше, а потомъ снова поправится, успокоится, а во дворѣ ничего новаго не приобрѣтено и ничего изъ двора не выбыло. Спрашивать о чемъ бы то ни было его давно, кто зналъ, не спрашивалъ, потому что, если самъ Чабанъ дѣлалъ вопросы ясные какъ день, такъ за то отвѣты его бывали такъ же темны, какъ и отвѣты ворожен—можно было всякое его слово толковать или такъ, или сякъ, или иначе,—на-двое, а случалось и на-трое, а то и на-четверо.

Впрочемъ, оставимъ въ покоѣ Чабановъ нравъ—Богъ съ нимъ! хотеть онъ скрытничать—пусть скрытничаетъ. Можетъ, у него резоны свои есть,—вѣдь у всякаго могутъ быть свои резоны! Въ наше трудное время иногда и добрый волкъ убивается въ лисьи ризы. Дочку свою Чабанъ любилъ очень и не притѣснялъ, но полную волю неизвѣстно далъ ли бы ей, или нѣтъ, если-бы она попросила. Да Мартъ еще не надо было ничего пока. Она почитала отца, сердце и душа у нея были еще безмятежны, не искали, не желали, не вѣдали. Невѣдѣніе это, говорятъ, благо, пока не научишься радоваться и страдать. Такъ пока еще Мартъ было спокойно и хорошо, какъ у Бога за дверью.

V.

Кромѣ этихъ людей, которые требовали другъ отъ друга, которые желали, надѣялись, враждовали между собой, обманывали, любили, которые, такъ сказать, другъ другомъ живились понемножку, были еще въ хуторѣ люди, совсѣмъ живущіе особо и сами особенные,—это старый москаль и старики Кожушки.

Москаль возился съ своею хворостью, дожидаль смерти, да вспоминалъ, какъ-то его молодые лѣта прошли, какъ-то ничего и никого не осталось у него, ничего и никого не было. Не до кого приклонить голову и нечему поклониться, кромѣ того великаго, невиданнаго Бога на высококомъ небѣ.

Ему и вспомнать добромъ немного чего было. Доброй памяти только и осталось, что о томъ, какъ онъ маленькій съ веселыми товарищами бѣгалъ, да какъ горемычная мать его лелѣяла и ласкала. Что-жъ еще вспоминать? Онъ на службу пошелъ молодой и здоровый, мать покинулъ въ слезахъ, въ убожествѣ, а воротился изъ службы слабымъ и безсильнымъ, когда мать уже давно похоронили безъ него добрые люди, а его поздравили съ тѣмъ, что, наконецъ, воротился, что отдохнетъ послѣ трудовъ, послѣ службы.

Въ наслѣдство ему мать оставила клинушекъ землицы да развалившуюся хатку. Первый годъ онъ съ горемъ пополамъ поправилъ хатку, съ горемъ пополамъ вспахалъ землицу, засѣялъ и, что тамъ уродилось, съ горемъ пополамъ собралъ, съ горемъ пополамъ кормился этимъ до новаго году, а тутъ послѣднія его силы пропали, онъ свалился и думалъ, какъ-то и его, какъ покойную мать, будутъ хоронить добрые люди? Онъ долго болѣлъ, но не умеръ. Добрые люди его питали. Потомъ ему легче сдѣлалось, да силы прежнія не вернулись. Понапрасну онъ хватался за то и за другое, и за десятое, и за двадцатое,—то стада пасти, то огороды полоть—никуда онъ не годился: ноги его не носили, голова болѣла, глаза плохо видѣли,—совсѣмъ сталъ негодящій человекъ и на весь остальной вѣкъ остался на рукахъ у добрыхъ людей. Добрые люди помогали ему; кажется, не тяготились имъ; надо было только благодарить, а тяжело приходилось благодарить однимъ немощнымъ словомъ. Иногда онъ хотѣлъ отблагодарить какънибудь такъ, чтобы съ своей стороны чѣмънибудь помочь, хоть самую малость, пустяки: сплететь онъ вполгода кошикъ иному, не заботясь, что слѣпота и безъ того одолеваетъ; иному въ огородѣ колышки поставить. „Спасибо, спасибо“, говорятъ ему и довольны его услужливостью; но видно, что никто этого отъ него не ожидалъ, никто не рассчитывалъ, что онъ пригодится комунибудь, на чтонибудь. Надо было доживать вѣкъ такъ, доживать его потихоньку.

Прошла молодость, силы, труды, побиванье, за что, на что и про что?

VI.

Старики Кожушки жили совсѣмъ не такъ, какъ москаль, хотя тоже особо отъ другихъ. Имъ цѣлый вѣкъ и талантъ служилъ, и хлѣбъ родилъ. На старости лѣтъ они отдыхали, какъ святые: кости не болѣли и не ныли послѣ перенесенныхъ трудовъ; душа, сердце не болѣли и не ныли послѣ испытанныхъ утратъ, потому что никогда не было у нихъ трудовъ кровавыхъ, ни утратъ памятныхъ. Оба они глядѣли привѣтливо, ясно и безучастно на всѣхъ и на все въ свѣтѣ, кромѣ своего дома и житья. Услышать что нибудь худое—вздохнуть, покачаютъ головою, отдадутъ на Божью кару да и забудутъ. Услышать что доброе—похвалятъ, полюбуются, пошлютъ къ Богу по награду, да и забудутъ.

Оба они почти однолѣтки, сверстники были, и доживали уже по шестому десятку. Головы ихъ посѣдѣли, какія-то пріятныя морщины испестрили ихъ полныя лица; румянецъ еще игралъ на щекахъ, и хоть они ходили сгорбившись нѣсколько, но походка ихъ была тверда и бодра. Нравами они сошлись и другъ дружку пополняли. Кожушокъ былъ любопытенъ, любилъ все знать, легкоумный и легковѣрный былъ немножко старичекъ, немножко и смѣльчакъ. Кожушиха была боязлива, сразу всему не вѣрила и ни за какими новинками, ни новостями, не гонялась. Кожушокъ собиралъ все доброе и злое, не разбирая. Кожушиха разбирала, судила и рѣшала.

Люди достаточные и пожилые, они большимъ хозяйствомъ не занимались, поле продали, хлѣба не сѣяли, держали пару воловъ для своего удовольствія, коня для забавы, и всякій домашній скотъ и птицу для жизненнаго запаса и, еще больше, для занятія, для утѣхи.

— Пожаръ былъ въ Крочицахъ и Иванъ Ляхъ съ крыши убился, принесъ вѣсть Кожушокъ.

— Охъ, Боже мой милостивый! говоритъ Кожушиха. Да еще правда ли это? а навѣрно узнавши, что правда, она Бога просить: царство ему небесное и мѣсто покойное!

— А Круки такъ теперь совсѣмъ ужъ пропали послѣ этого пожара: надѣвай суму на плечи да и ступай по міру! рассказываетъ Кожушокъ.

— Это Богъ пытается! это Господь испытываетъ! Его воля святая! рѣшаетъ Кожушиха.

— Какъ же я изморился! говоритъ Кожушокъ, потягиваясь.

— Отдохни. Выпей свѣжаго молочка, совѣтуетъ ему Кожушиха. Я тебѣ волью молочка въ новую мисочку...

— Что это за новая мисочка? спрашиваетъ Кожушокъ.

— А это та самая, что мы на ярмаркѣ купили, забылъ? это она и есть, вотъ она!

— Это хорошая мисочка. Что мы за нее дали? спрашиваетъ Кожушокъ, съ удовольствіемъ глядя на мисочку.

— Сороковку дали. Славная мисочка, пестренькая-то какая! любитъся Кожушиха.

И долго оба забавляются мисочкою.

Ахъ, какъ пріятно бывать у такихъ старичковъ въ гостяхъ! Сколько гостепріимства, добродушія, милой привѣтливости! Вотъ если съ крыши упасть или погорѣть, такъ тогда не такъ общество ихъ услаждаетъ—впрочемъ, тогда совсѣмъ иное дѣло... тогда все кажется въ другомъ свѣтѣ...

VII.

Наймитъ Максимъ былъ очень работающій, къ дѣлу внимательный человѣкъ. Никому-бъ не привелось ему напоминать, когда что дѣлать, никому-бъ не пришлось его учить, какъ что дѣлать: золотыя у него были руки на всякую работу въ домѣ ли, въ дворѣ ли, или въ полѣ. Но для житья вмѣстѣ, для рѣчей, для пріязни Максимъ былъ тяжелый человѣкъ: ни говорить, ни засмѣется, гдѣ тамъ! даже отвѣчаетъ онъ такъ какъ-то, что и у тебя слова прерываются и замираютъ на устахъ, и самъ не рѣшаешься вымолвить ему ни ласковаго, ни горькаго привѣта. Сначала Рясниченко подчивалъ его своею трубкой, спрашивалъ три раза: не сирота ли онъ,

не умеръ ли у него кто? Наймитъ два раза не дослышалъ, а въ третій отвѣтилъ, что у него всё померли; за трубку поблагодарилъ, но не взялъ попользоваться. Рясниченко все таки присосѣживался къ нему съ разговорами: какъ въ селѣ у нихъ? да велико ли село? да хорошіе ли люди живутъ тамъ? Наймитъ давно свое село покинулъ; ничего не знаетъ. Рясниченко послѣ всего этого началъ обходить наймита и согласился съ матерью своею, что наймитъ недобрая душа, и Чабанъ наберется съ нимъ лиха, а, можетъ, еще и всё хуторяне отъ него бѣды примутъ, а что одно, то вѣрно: не будетъ никому отъ него почтенія, ни угодливости. Онъ перушка не подниметъ ни для кого, будто бы такъ отдался хозяйской работѣ! Онъ „здравствуй“ не скажетъ, если съ нимъ встрѣтишься, такъ что приходится лбами удариться,—будто не видеть!

И старые Кожушки замѣтили, что наймитъ не отрадный человѣкъ, и скоро перестали они его останавливать, когда онъ мимо проходилъ, и перестали съ нимъ совѣтоваться, что завтра будетъ, ведро или ненастье.

Москаль у наймита ничего не спрашивалъ и ни о чемъ его не просилъ, но если къ кому нибудь показывалъ наймитъ какое нибудь вниманіе, такъ это къ москалю. Вѣроятно, по состраданію христіанскому.

Коваль поглядывалъ на Максима искоса.

Чабанъ не нарекалъ на своего наймита: работа была спорая и спѣшная, а хозяину съ наймитомъ дружбы не водить, дѣтей тоже не крестить. Однако, и Чабанъ иногда какъ глянетъ, такъ и отвернется отъ этого мрачнаго, понураго лица.

Этимъ мрачнымъ лицомъ одна только Марта любовалась. Не могла она на него наглядѣться, не могла она объ немъ надуматься. Дни у Бога какъ-то вдругъ покорочали, время не хватало ей. Она начала позднѣй спать ложиться и мало спала, все о немъ заботилась, да все допытывалась, отчего, откуда это мрачность берется, все было его жалко; она раньше начала вставать, дожидала и желала увидать его поскорѣй, и пугалась его взгляда, и боялась его

слова, и не было, кажись, ничего у ней такого завѣтнаго на свѣтѣ, чего бы она не отдала за это единое его слово, за этотъ единый его взглядъ. Какъ она быстро научилась узнавать, когда ему тяжело, и когда больнѣй; когда ему грустнѣй, а когда горче! Его мрачное лицо, для другихъ всегда одинаково мрачное, сколько для нея представляло тѣней и отгѣнковъ!

Иногда казалось, что вотъ онъ еще не бывалъ такимъ грустнымъ, иногда казалось, что прежде не глядѣли его очи такъ пристально, иногда казалось, — никакихъ еще между ними не было рѣчей, кромѣ рѣчей о хозяйствѣ, о работѣ, — иногда, говорю, казалось, что слова его про хозяйство, про работу, а голосъ звенить какъ-то не такъ, и что-то такое вотъ-вотъ онъ скажетъ и что-то такое вотъ-вотъ будетъ...

А весна чудесная. Сады сильно цвѣли и далеко бѣлѣли; степь искрилась цвѣтами и травами; въ лѣсу гудѣло и звенѣло отъ птичьяго пѣнья и щебетанья, отъ стрекотанья и жужжанья насѣкомыхъ; зеленныя вѣтви шумѣли, густыя листья шелестили.

День за днемъ идетъ. Хуторяне день за днемъ отсчитываютъ, трудятся, замышляютъ и загадываютъ. Къ наймиту Максиму всѣ понемногу привыкли. Бирюкъ онъ, нелюдимъ, можетъ, безбожникъ, да пусть себѣ остается такимъ, какъ есть: что кому отъ того за вредъ? что за печаль? У всякаго свое есть, что сердцу поближе, и всякую голову мучить своя дурь.

Уплылъ цѣлый мѣсяцъ, уплылъ и другой. Марта все еще не разговорила съ наймитомъ. Наймитъ все ходилъ пасмурный и недотрогою, какъ въ первый день своего прихода въ ихъ хату. Марта все думала да гадала, что у него за горе, и не вникала какъ сама горюетъ, — не брала ее ни работа, ни гулянье, ни отдыхъ. Сколько, сколько разъ у ней внезапно прерывалась запѣтая пѣсня, когда все кругомъ нея пѣло и сіяло блистающимъ, свѣжимъ утромъ! Сколько-сколько разъ, когда вечерняя заря разгоралась и видныя кругомъ лѣса пронизывались пурпуромъ, она стояла долго—долго, замирая и ожидая, ожидая и замирая, не разумѣя, что съ нею...

Разъ она встрѣтила его пристальный взглядъ, и такой пристальный, что онъ ее въ жаръ кинулъ; разъ онъ былъ такъ угрюмъ и печаленъ, какъ прежде никогда его не видела она; разъ онъ усмѣхнулся, и она почувяла, что сердце ея встрепенулось и усмѣхнулось. Это было такъ: онъ ворочался изъ степи ввечеру, а она стояла подъ вербою, около хаты, и издалека его завидѣла, подумала: уйду! и осталась, а онъ приблизился и усмѣхнулся.

Максимъ ходилъ мраченъ, Марта грустна—такъ они встрѣтились однимъ яснымъ утромъ, взглянули другъ на друга, да и остановились, словно изъ темной темницы вышли на свѣтъ Божій: благодать, ясно, тепло и легко, и переполненное сердце трепещетъ. Ничего они другъ другу не сказали, слова не перемолвили и разошлись. Какъ-то чудно и счастливо было на свѣтѣ имъ, и сколько разъ на день они приходили на то мѣсто въ зеленомъ огородѣ, на узенькую тропинку подъ высокимъ тополемъ, гдѣ встрѣтились утромъ, точно чего тамъ искали, или что вопрошали, или привѣтствовали. Господи! что это у тебя за день былъ! Какой день! Какъ зашумѣли лѣса, зазеленѣли травы, засверкали цвѣты, загремѣла рѣчка! Какъ вѣтеръ повѣялъ! Да что! даже каждый листокъ особо, всякая былинка точно смѣялась и ликовала. Узнали они съ этого утра, что за дни у Бога, что за ночи, узнали, что это за сердце у нихъ въ груди, что это за свѣтъ и что за люди, потому что кто не любитъ, тотъ ничего хорошо не знаетъ!

Если они другъ друга полюбили, какое-жъ диво, что они въ лѣсу повстрѣчались? А повстрѣчавшись въ тихо шумящемъ лѣсу, они во всемъ другъ другу признались. Хорошо любить, но сказать, что любишь, еще лучше. Боже мой! какъ лучше-то!

Они полюбили другъ друга и общались любить вѣрно всю жизнь.

Надо полагать, многимъ добрымъ людямъ не по себѣ. Ихъ взгляды полные упрека говорятъ: мы напередъ знали, что къ этому сведется! И передъ ихъ духовными глазами проходятъ

докучные и пугающіе образы трудной борьбы, горькой нужды, когда осторожные друзья разбѣгаются и въ смятеніи исчезаютъ; когда смѣлые враги нападаютъ открыто на всѣхъ перекресткахъ, а мирные враги улыбаются; когда почтенныя всякія лица удивляются, то опрометчивости, то необузданности, надѣются на исправленіе, на добрый конецъ или же не ждутъ ничего путнаго и навѣки отрекаются. Что-жъ дѣлать, однако, если такъ вышло—изъ пѣсни слова не выкидывать,—разсказывается то, что на дѣлѣ было!

И такъ, они другъ друга полюбили.

Дѣвушка съ паробкомъ сидѣли подѣ развѣсистымъ дубомъ, радостны, будто обнадежены на вѣчное счастье. Сколько вещей ненадобныхъ, а для нихъ необходимыхъ, они разсказали другъ другу, сколько вещей пустыхъ, а для нихъ несравненныхъ, они припомнили, нельзя разсказать, да и лишнее; тотъ, кто на себѣ не испыталъ, вполнѣ не уразумѣетъ, а тотъ, кто самъ дозналъ, забудетъ, можетъ, слушать: столько ему объ дознанномъ своемъ нахлынетъ воспоминаній.

Вдругъ Максимъ словно смерть передъ собой увидалъ. Марта его быстро спросила, что съ нимъ? Онъ ничего не отвѣчалъ.

— Ты любишь меня? снова спросила Марта.

— Изъ нашей любви не выйдетъ ни радости, ни утѣхи, отвѣтилъ Максимъ. Я наймать—ты отцова дочка!

Наймать! да ей наймита и надо!

— Отецъ тебя любить, сказала она.

— Любить? повторилъ это слово Максимъ. И шинкарь пьяницу любить, а дочери своей за него не отдастъ! Марта, вѣрно ли ты меня любишь?

— Люблю вѣрно. Нѣтъ никого на свѣтѣ дороже тебя: ты надъ всеми у меня!

— Я наймать, Марта, невольникъ... Опостылѣла мнѣ моя служба! Покуда чужой хлѣбъ ѣсть? Покуда богачамъ душу продавать? Нѣтъ хлѣба горче наймитскаго, нѣту, видно, и любви горче его! Любишь ли ты меня истинно?

Не измѣнишь мнѣ? Кому-жъ и измѣнить, если не наймиту! Никто не осудить,—всякій похвалить и одобрить, что умная дѣвушка!

— Милый мой, любимый мой! говоритъ Марта, что мнѣ дѣлать? Какъ быть мнѣ? Скажи, прикажи, мое сердце!

— Люби меня! Люби! Не измѣни! проговорилъ онъ въ какомъ-то отчаяніи.

— Всегда, отвѣтила Марта. Чего ты опасаться, милый! Чего боишься?

— Мнѣ нечего бояться, не за что, у меня ничего нѣтъ,—а если нѣтъ ничего, такъ и самъ Богъ не отниметъ! Неужели ты полюбила меня? Госпожа своего наймита? Что за грѣхъ такой! Какъ же ты въ люди свою любовь покажешь?

— Милый, чѣмъ я виновата? промолвила дѣвушка, и руки ея такъ жарко, призывно къ нему поднялись, что наймитъ забылъ все свое горе наймитское.

— Со всѣхъ сторонъ помѣхи и препятствія, заговорилъ опять Максимъ—со всѣхъ сторонъ бѣды и напасти! Какъ на звѣря на меня накинута съ посмѣяньемъ, съ удивленіемъ, съ угрозами, съ пренебреженіемъ...

А милыя руки такъ крѣпко и нѣжно его обхватывали и лелѣяли!

— Ты не знаешь еще, каковы люди, ты еще не испытала, каковы они, проговорилъ Максимъ, а слезы проступили въ его глазахъ, да не отъ мысли объ людяхъ, не отъ муки, нѣтъ—просто отъ счастья, отъ сладкаго, цѣлебнаго, такъ сказать, счастья. Когда ты меня любишь, Марта, все мнѣ хорошо, все добро! сказалъ онъ, вдругъ словно просіявши. Кто-жъ богаче меня? Кто счастливѣе на свѣтѣ? Ахъ, я не могу взять тебя, завести, занести съ собою! Свѣтъ широкій и великій передо мной, а нѣтъ у меня пріюта, гдѣ дорогую голову пріютить! А тебѣ не тяжка безпріютность со мною? Не надобна роскошь? Тебя не пугаютъ бѣды, люди и несчастья? Я тебѣ милѣе всѣхъ? Я тебѣ дороже всѣхъ?

— Никого, ничего не надо мнѣ, только тебя; никого и ничего не боюсь съ тобою; ты и милѣй, и дороже всѣхъ въ мірѣ! промолвили милые уста, но и безъ словъ развѣ не ясно выразили любящіе глаза?

— Моя ясочко! Моя дорогая дивчина! Какъ мнѣ уберечь тебя, какъ оборонить отъ всякаго лиха? Гдѣ дѣться намъ съ тобою? Куда пристать? Какъ почнуть люди самовольно терзать насъ... Если я утрачу тебя! Если тебя отнимутъ у меня! Лучше бы на свѣтъ не родиться мнѣ! Марта, отецъ дождается, такъ скажетъ мнѣ: иди вонъ изъ моего двора!

— Я его буду просить...

— Онъ не послушаетъ, онъ прогонитъ меня! Я не буду тебя видѣть, не буду тебя слышать! Я буду терзаться, что ты забываешь меня! Я буду съ ума сходить, что ты иному достанешься! Я буду одинъ...

— Я пойду за тобою, любый!

— Пойдешь, Марта? Сердце мое, любимая моя, да вѣдь я хуже перелетной птицы! Я пройди-свѣтъ, мнѣ негдѣ убогой головы преклонить, негдѣ тебя приютить, моя безцѣнная дѣвушка, слышишь? Подумала ли ты объ этомъ? Хорошо ли знаешь все?

— Я знаю все...

— И пойдешь за мною, вотъ такъ въ путь, безъ дороги, не надѣясь на лучшее?

— Да! Я бы за тобою по бурному, безбрежному морю поплыла: только прикажи, милый. Я буду плыть и не буду пугаться, куда бы ни вынесло...

Она умолкла, преклонилась головой къ его плечу, призадумалась и улыбнулась, будто видя передъ собою какой-то путь впереди. А онъ слова не могъ долго промолвить отъ полноты своего счастливаго, не привыкшаго къ счастью, сердца.

Надо ли рассказывать дальше, какъ часы летѣли для нихъ быстрою птицею? Сегодня чего бы они не дали, чтобы приостановить время, еще хоть минуткой пожить! Они дали бы то же самое, что дали бы на другой день за то,

чтобы время бѣжало, унесло съ собою ясный, медлящій день, чтобъ потемнѣла земля, чтобы дожить скорѣе до встрѣчи, до свиданья, до рѣчей, до всего дорогого счастья. А тогда пусть бы время стояло и стояло... Познали и вкусили они невѣдомый рай, да тоже познали и попробовали невѣдомый адъ. Узнали они, что за рѣчь сердечная и какова на свѣтѣ людская доука. Пришли къ нимъ эти ни на чемъ основанныя упованья, явились на всемъ основанные страхи. То казалось, что небо и земля прейдутъ, а любовь и счастье уцѣлѣютъ, то пролетѣвшая порошинка ихъ тревожила и безпокоила.

Но въ тревогѣ или спокойные, въ радости или въ думахъ, они блаженны были. Каждый день они сходились въ лѣсу, никогда не приходили позже, всегда раньше; никогда не прощались въ пору, всегда опаздывали. Да кромѣ этихъ встрѣчъ положенныхъ, будто законныхъ ужъ, сколько еще встрѣчъ незаконныхъ, для нихъ самихъ словно неожиданныхъ! И около хаты, и въ огородѣ, и на всѣхъ дорогахъ взадъ и впередъ, и на всѣхъ тропинкахъ вправо и влево! Сколько радостей, быстрыхъ какъ огонь, нетерпѣливыхъ сѣтованій, сладкихъ горестей, а сердцебиенья, жажды, жизни! Боже мой, Боже въ высокомъ небѣ! Много ли лучше тамъ у тебя?

VIII.

Коваль былъ чудной человѣкъ... Любилъ онъ нарядиться хорошо, потому вѣрно, что себя ставилъ выше всѣхъ ковалей въ свѣтѣ по красотѣ... Послушайте, какой же коваль не ставитъ себя надъ другими ковалями? Который не думаетъ за поясъ заткнуть всякаго другого коваля въ свѣтѣ?

Такъ чудной, говорю, былъ человѣкъ коваль. Одѣнется отлично-преотлично въ воскресенье, причешется гладко, какъ бабушкинъ внучекъ, усы расправитъ, будто на сметану собирается, да что-жъ вы думаете? и потянетъ въ лѣсъ, въ самую пущу, или въ степь, въ самую пустыню, и прохаживается тамъ въ одиночествѣ вплоть до сумерокъ. Что онъ думаетъ,

что гадаютъ, что замышляетъ, святые то вѣдаютъ! Сказать же можно, что очевидно развѣ только то, что когда набредетъ онъ на какой нибудь ручеекъ, или озерцо, такъ стоитъ по долгу надъ водою, словно журавль длинноногій, и смотрится, каковъ онъ у Господа Бога удался.

Однимъ воскреснымъ вечеромъ коваль, отлично одѣвшись, надѣлъ черную шапку съ закатомъ на кручинную голову и потянулъ прямо въ лѣсъ.

Въ хуторѣ было тихо. Солнце закатывалось. Кожушки сидѣли около своей хаты, кормили любимыхъ хохлатыхъ куръ просомъ; москаль лежалъ около своего порога; Рясничка съ сыномъ поѣхала въ гости къ кумѣ и ворота ихъ были заперты. Трава ярко вездѣ зеленѣла, а вечерніе лучи подергивали все своимъ послѣднимъ гаснущимъ золотомъ. Вѣтерка не было, но вѣяла тихая прохлада. А Чабанова хата стояла, будто пустая... Куда это Чабанъ поѣхалъ? задалъ себѣ вопросъ коваль, въ то же время мысленно перебѣгая всѣ мѣста, гдѣ могла быть Марта. Гдѣ она? Можетъ, гуляетъ? Можетъ, встрѣтима.

Но онъ уже подходилъ къ лѣсу, а никто не встрѣтился. Солнце почти совсѣмъ закатилось. Коваль забрался въ самую пуцу, куда всего два, три луча пронизывались, какъ золотыя иглы. Близко, въ сторонѣ онъ услышалъ журчанье воды и, повернувши туда, увидалъ ручеекъ узенькій, почти скрытый между нависшими вѣтками; въ ручейкѣ уже трепетала звѣздочка. Коваль остановился и вздохнулъ глубоко на волѣ, и на свободѣ закручинился сильно. Вдругъ ему почудились голоса недалеко; онъ сейчасъ же поправилъ шапку и оглянулся кругомъ совсѣмъ разумнымъ человѣкомъ; не увидавши никого, коваль наставилъ любопытныя уши и сталъ прислушиваться.

— Ты у меня одна, какъ въ цѣломъ году весна, слышалось ему справа, изъ за кустовъ.

Чей это голосъ? Наймитовъ голосъ. Коваль его узналъ и что-то схватило его за сердце, какъ змѣя ядовитая и холодная. Вотъ отвѣчаютъ. Это Марта говорить—это Марта

любить! Коваль какъ громомъ ударило и поразило,—онъ стоялъ будто приросши къ мѣсту и слушалъ.

Онъ слушалъ долго; все говорили, все не переставали. Господи! гдѣ она такихъ словъ набрала, что они одному сердце раздираютъ, а другому восхищаютъ! Коваль наслушавшись, захотѣлъ еще и посмотрѣть; потихоньку, осторожно раздвинулъ онъ густыя вѣтки,—какъ ясно, явственно, увидалъ онъ ихъ обоихъ! Обѣ фигуры, будто вылитыя изъ червоннаго золота, блеснули ему въ глаза. Сидятъ близко другъ подлѣ друга, говорятъ довѣрчиво и сердечно. Коваль выпустилъ вѣтки изъ рукъ, прислонился къ дубу, подъ которымъ стоялъ. Постоялъ, словно отдохнуль, потихоньку выбрался изъ пущи и тихо домой пошелъ.

Шелъ онъ да шелъ; кругомъ совсѣмъ стемнѣло, ни души не встрѣчалось, не чулось. Но онъ не былъ одинъ: шли рядомъ двое, молодые и счастливые, такъ другъ другу вѣрные и близкіе,—и въ ухахъ у него звенѣли ихъ нѣжныя и пылкія слова одно за другимъ отчетливо, вразумительно, немилосердно...

Съ горя что-ли, онъ сбился съ дороги домой, или не хотѣлъ воротиться, только онъ зашелъ далеко отъ хутора, въ степь, въ чужой лѣсъ потомъ, потомъ къ далекому озеру. Мѣсяцъ ужъ свѣтилъ, звѣзды сіяли, роса пала на землю—онъ все ходилъ, ходилъ, да ходилъ. То шелъ быстро, словно убѣгая отъ чего-то, словно видѣлъ въ томъ себѣ выходъ какой, то останавливался и стоялъ—и то и другое, однако, было ему горько. Попробовалъ сѣсть, лечь,—не въ моготу! Да! ходилъ ли онъ—любящая пара шла рядомъ, стоялъ ли онъ—становилась около; садился, ложился—она была сбоку. Вездѣ и всюду она, словно изъ горячаго огня, рисовалась ему, и, какъ пламя, жгли его слышанныя страстные рѣчи.

Ночь проходила. Звѣзды попрятались, мѣсяцъ исчезъ съ прозрачнаго неба и начала заря заниматься. Коваль утомленный, разбитый, воротился домой. Въ сердцѣ у него будто заодно работали тупые и острые ножи очень дружно, какъ усердные повара, и онъ раздумывалъ разные горькія думы.

Послышался стукъ колесъ, скрипъ воза близко, и Чабанъ выѣхалъ къ нему навстрѣчу съ паркою сивыхъ воловъ. Они раскланялись. Отдавая поклонъ, съ какой горестью подумалъ коваль о слѣпотѣ отцовъ вообще, съ какой непріязнью увидалъ совершенно спокойное лицо Чабана!

А Чабанъ, проѣзжая дальше, можетъ, подумалъ, что это ковалю подѣялось, что бродилъ коваль по ночамъ и не одобрилъ его за то, что онъ заросилъ новую синюю свиту.

Коваль пришелъ домой и легъ на лавку, насунувши шапку почти на самые глаза.

Что дѣлать? Какъ быть? Уйти ли на край свѣта? Примириться ли? Чѣмъ вылѣчиться? Какъ приучиться?

Сколько совѣтовъ готово всегда у добрыхъ людей на чужую бѣду—чужая ли бѣда не складна, чужая ли бѣда не гибка? Всячески ее уложишь и согнешь, а какъ своя въ гости пожалуетъ, такъ и разумъ гнететь, и сердце жалить, и всѣ разсужденія гдѣ-то дѣлись, и всю находчивость кто-то укралъ; на все рассчитывается, ни что не рѣшается; все подаетъ надежду, все ее отнимаетъ; вѣдь хоть съ мосту да въ воду, какъ своя-то пожалуетъ!

День насталъ, былъ и прошелъ, а коваль и думать забылъ, что солнце всходитъ, свѣтитъ и заходитъ, лежалъ на лавкѣ въ своей шапкѣ, будто глухой, слѣпой человѣкъ; но, какъ только свечерѣло и запѣли соловьи, онъ вдругъ очнулся, поправилъ шапку и вышелъ изъ хаты. Куда? Въ лѣсъ. Онъ слышалъ вчера, какъ они назначили свиданье тамъ въ эту пору, поспѣшилъ туда опять ихъ увидеть и услышать: видно вчерашняго мало было ему.

Онъ ихъ видѣлъ и слышалъ въ этотъ разъ до конца ихъ свиданья, близенько притаившись въ кустахъ, и воротился поздно домой окольными и дальними дорогами, съ свѣжими цвѣтами въ рукахъ, которые онъ нарвалъ самъ не зная какъ, бродя тамъ и сямъ по степи. Это были душистые степовые цвѣты, и они наполнили ковалеву одинокую хатку своимъ проникающимъ нѣжнымъ запахомъ, какъ только онъ внесъ ихъ и положилъ на столъ. Погодя онъ опять взялъ

ихъ въ руки, поднесъ къ своему лицу, вдыхалъ ихъ аромать. И сладокъ ему былъ этотъ аромать, и милъ ихъ видъ свѣжій,—такъ милъ и сладокъ почему-то, какъ еще никогда, никогда, никогда отъ роду.

IX.

Каждый день Марта съ наймитомъ видались въ лѣсу, и каждый день коваль тоже приходилъ къ мѣсту ихъ свиданья и смотрѣлъ, какъ они встрѣчались и прощались, слушалъ, какъ говорили, наблюдалъ, какъ они то печалились, то блаженствовали. Все коваль видѣлъ и слышалъ, словно татъ прячась въ кустахъ за древесные корни и вѣтки. Изъ ихъ разговоровъ онъ узналъ, какъ издалека наймитъ родомъ и что за жизнь его была до прихода въ хуторъ. То была горькая, унижительная жизнь. Отецъ и мать его были убогіе люди, вѣкъ свой наймитовали, въ убожествѣ, въ наймитствѣ и померли. Живя на свѣтѣ, они часто поминали смерть, какъ успокоительницу, избавительницу отъ заботъ и мученій, но умирали оба тяжело и горестно, томимы, терзаемы кручиною, что будетъ съ бѣднымъ мальчикомъ, съ маленькимъ сыномъ. Они оставили ему какую-то малость, которую копили весь трудный свой вѣкъ—онъ на это похоронилъ мать. За мѣсяцъ предъ тѣмъ вмѣстѣ съ матерью они отца похоронили.

Самъ онъ почти ребенкомъ—двѣнадцати лѣтъ—пошелъ въ наймиты. Хозяинъ былъ богатый, дворъ хорошій, полно было дѣтей веселыхъ, которыя цѣлые дни рѣзвились, смѣялись, пѣли, забавлялись, чего желали—просили и получали. Ему пламенно захотѣлось тоже рѣзвиться и смѣяться, пѣть и забавляться; его затомило желанье себѣ тоже просить чего хотѣлось, и замучила жажда желаемое тоже получать. Но у него ничего не было, и для него ничего не было. Какъ онъ втихомолку крушился, какъ бился, какіе планы строилъ, какіе затѣвалъ подвиги!

Онъ задумалъ бросить свое село и искать домъ гдѣнибудь дальше—далеко, и при первомъ случаѣ бросилъ и от-

правился. Онъ прошелъ много селъ и деревень. Вездѣ и всюду тоже тошно жить и служить одинаково. Сердце у него надрывалось, умъ мутился и часто онъ думалъ: хоть бы земля подъ нимъ разступилась! Онъ за все хватался, все пробовалъ; чтобы себѣ выходъ найти,—во всемъ неудача, вездѣ помѣха! Много ли у насъ путей для ничтожнаго наймита, да и изъ тѣхъ сколько заказанныхъ? А день за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ идетъ,—идетъ,—идетъ какъ трава растеть, годъ за годомъ, какъ быстрая рѣка течеть. Горькіе молодые годы уплываютъ безъ дѣла, безъ смысла... Онъ побывалъ въ Крыму и около Дону, въ херсонскихъ степяхъ, и на днѣпровскихъ берегахъ. Вездѣ и повсюду тошно, невыносимо чужое ликованье и довольство,—онъ терзался и страшныя мысли его временемъ посѣщали.

Сколько при этомъ разсказѣ коваль слышалъ Мартинныхъ преданныхъ словъ, нѣжныхъ вопросовъ! Какъ она голубила его и какъ плакала, какъ жалѣла его страстно! И потомъ, когда она задумавшись ходила одна по саду или по огороду и глядѣла вдаль, о чемъ она думала? что себѣ представляла? Вѣрно думала объ этой горькой дорогой ей жизни и пройденныхъ путяхъ, и безжалостныхъ людяхъ, непріютныхъ, тяжелыхъ мѣстахъ и себѣ представляла все это. Разъ, когда Рясничка что-то тараторила о лихотѣ людской, какъ она вздохнула, и какъ отуманилось ея ясное лицо! Будто сердцемъ она дознала, что за лихота живетъ на свѣтѣ!

Наймитъ былъ человѣкъ страстный, раздражителенъ, подозрителенъ, ревнивъ,—часто онъ приходилъ самъ не свой на свиданье, весь потрясенный гнѣвомъ, отчаяньемъ; не вѣрилъ ея любви, сомнѣвался въ ея преданности и вѣрности, надъ всѣмъ насмѣхался, все проклиналъ, ко всѣмъ ревновалъ, за всѣхъ обвинялъ и ѣдко укорялъ. Она же всегда, всегда преданна и нѣжна, успокаиваетъ и слушается во всемъ. Каждый разъ такъ же радостно къ нему спѣшить, такъ же грустно съ нимъ прощается.

А коваль каждый разъ, проводивши ихъ, шелъ бродить

по степи, и, маленький ли безумецъ! собиралъ степовыя цвѣтки и поздно съ ними ворочался домой.

Х.

Нельзя утаить ни сильнаго кашлю, ни вѣрной, доброй любви ни отъ кого, — всякому это извѣстно, — такъ не въ диво, что Рясниченко, простоватый паробокъ, замѣтилъ, что какъ-то темнѣютъ и сіяютъ очи у Марты не попрежнему, что голосъ звенить какъ то иначе, что словно зацвѣла она полнымъ цвѣтомъ; не въ мѣру залюбовался онъ дѣвушкой, не въ мѣру началъ думать объ ней и сталъ больше ухаживать, чаще приближаться и заводить рѣчи. То и дѣло встрѣчался онъ ей, куда бы она ни пошла; „добрый день“, „добрый вечеръ“, „добрая ночь“, „помоги Боже“ и „будьте здоровы“ „счастливы“ на все это онъ такъ щедръ былъ, что если бы только исполнилось по его слову, такъ было бы некуда дѣвать дѣвушкѣ добрыхъ дней, вечеровъ, и ночей; на три вѣка стало бы здорovia и счастья.

Начавши усерднѣй ухаживать за Мартою, онъ долго не замѣчалъ, что Марта беретъ другія тропинки, чѣмъ онъ, и только заботился о томъ, какъ бы ей попасться навстрѣчу, да наконецъ, долженъ былъ замѣтить, что Марта просто, завидѣвши его, въ сторону свертываетъ. Зачѣмъ? За что? спрашивалъ себя бѣдный паробокъ, дивясь. Можетъ за чтонибудь она разгнѣвалась? Ну, какъ только насмѣлюсь, такъ и спрошу у нея... Насмѣливался онъ, можетъ, съ недѣлю, уже не подходя близко къ ней, а слѣдя издалека, мало хозяйствомъ занимаясь, не находя вкуса въ вареникахъ, по ночамъ вертя подушку подъ головой.

У Ряснички на ту пору было пропасть дѣла и въ огородѣ, и въ домѣ, возня съ нитками, съ полотнами, съ ягодами, съ овощами, съ плодами; можно было кое-какъ устеречься отъ ея пытливаго и проницательнаго разума.

— Что это ты, будто, прихварываешь? спросила она разъ, быстро поглядывая на сына, въ то же время проворно раз-

бирая мотки, махая въ окошко на воробьевъ, которые покушались клевнуть сушившіеся на солнцѣ низки яблоковъ, окруженная ворохами перьевъ и пуха, горками молодыхъ огурчиковъ, срѣзанными подсолнечниками, новыми кадочками,—всего не перечесть,—сынъ воротился съ поля,—дѣло было подъ вечеръ,—и сѣлъ на лавкѣ.

— Ты будто прихварываешь, а? спросила она.

— Голова немножко болить, отвѣтилъ паробокъ,—извѣстно, какъ споконъ вѣку отвѣчаютъ паробки тогда, какъ болить у нихъ у лѣваго боку.

— Напейся свѣженькаго молока, сыночекъ. Сейчасъ напейся! Вонъ Кожушокъ говоритъ: какъ, говоритъ, свѣженькаго молока напьюсь, такъ головную боль словно рукой сниметь.

И сейчасъ же она принесла цѣлый глечикъ свѣжаго молока и подала ему.

— Пей сыночекъ, пей сколько можешь, побольше пей; это вѣрно у тебя отъ зною, да отъ усталости, сказала она, глядя его по головкѣ. Пей, пей, мой соколъ сизый!

Паробокъ сталъ тянуть молоко, какъ молоденькій бычокъ, не отрываясь, пока не увидалъ донышка въ глечикѣ.

— А что, полегчало? спросила мать.

— Немножко полегчало, какъ будто, отвѣтилъ сынъ. Пойду, еще прогуляюсь.

И пошелъ изъ хаты.

— Сами, добрые люди, должно быть вѣдаете, помогаетъ ли свѣжее молоко отъ страданья любви, и поскорбите за бѣднаго паробка, который, вышедши изъ хаты, остановился и закручинился, и не зналъ, что ему дѣлать, и не умѣлъ совладать ни съ чѣмъ.

— Ну ужъ теперь, какъ только насмѣлюсь, такъ и пойду, и спрошу все,—громко проговорилъ самому себѣ горемыка, когда все стихло и стемнѣло совсѣмъ, и онъ воротился домой, тоскливо побродивши и молодые слезы заросили ему лицо, какъ сильный дождь...

XI.

— Чего Рясниченко за тобою слѣдомъ ходить? Чего онъ тебя съ глазъ не спускаетъ? говорилъ нанять Мартѣ, едва дыша отъ гнѣва.—Онъ за тебя хочетъ свататься—знаю! Онъ женихъ, онъ не нанять! Что-жъ Марта, мнѣ, можетъ, придется на свадьбѣ гостямъ услуживать, а?

— Милый, что дѣлать мнѣ приказываешь? Какъ мнѣ быть?

— Я не хочу, чтобы онъ за тобой слѣдомъ ходилъ; я не хочу, чтобы онъ всюду попадался!... Вотъ ужъ осень на дворѣ... Каждый день ожидай, что придутъ сваты къ тебѣ...

— Я не пойду ни за кого, коханный, говорила Марта.

— Не пойдешь? А отецъ приневолить, силой отдастъ...

— Не приневолить, не отдастъ...

— Будетъ преслѣдовать—станетъ мучить, точить...

— Пусть и такъ, мое сердце. Мнѣ всякая мука не больна и не страшна за тебя... О, не отталкивай меня, дорогой мой! я тебя люблю вѣрно...

— Я безъ тебя жить не могу, Марта! Не хочу! Если разлука, такъ и смерть! Я теперь живу, какъ на огнѣ горю! Я умру по тебѣ!

Самъ, точно ужъ сейчасъ помираетъ, схватываетъ ея руки, прижимаетъ ее къ груди и цѣлуетъ.

— Закажи Рясниченку ходить слѣдомъ за тобой... Не говори съ нимъ ни слова... Слышишь?

— Слышу, милый.

— А коваль? Онъ тоже глядитъ на тебя... Онъ тоже, можетъ, собирается посвататься...

Коваль усмѣхнулся, слыша свое имя: не собирався онъ свататься, нѣтъ! Далеко, далеко отъ того! А было время, когда онъ себѣ воображалъ...

И вспоминая то время, когда онъ воображалъ, коваль дѣльше въ тотъ вечеръ по степи пробродилъ и позднѣй домой воротился.

Боже, Боже! или всё́мъ такъ того коханья надобно? Что не исключаетъ оно ни стараго, ни бывалаго, ни молодого, ни пожилого въ свѣтѣ. А что лиха отъ него, Боже всемогущій!

Не пересчитаетъ никто, сколько потопилось, подушилось, порѣзалось чрезъ него,—а что посохло, повяло, посокрушалось, то больше, чѣмъ была въ полѣ! Сначала осчастливить тебя, будто окрылить, а тамъ какъ притиснетъ, какъ пригорчить, то ажъ не отдышешься.

XII.

Лѣто уже проходило, осень наступала, еще ничто не завяло, а ужъ пахло увяданьемъ, да еще поздними цвѣтами, такъ что въ слабой головѣ закружилось бы; темныя тучи проносились по небу; громъ уже не гремѣлъ; листь опадалъ съ деревьевъ.

— Знаешь, что я видѣлъ, жена! говорилъ старый Кожушокъ женѣ, входя въ хату, съ кошикомъ ежевики.

— А что ты видѣлъ, другъ мой сердечный? спросила жена, принимая отъ него кошикъ.

— Знаешь, ранехонько вѣдь нынче пошелъ я по ежевику, на зорькѣ, прохожу мимо Чабана, знаешь, мимо садика-то, слышу шорохъ, вижу, листьа сыплется, что такое ты думаешь? Это наймитъ Марту цѣлуетъ, цѣлуетъ, цѣлуетъ такъ, что Боже упаси! А она улыбается, и сама зари утренней розовѣй...

— Что-жъ ты? спросила жена, перебирая ежевику.

— И ничего, прошелъ себѣ.

— И прекрасно. На наше дѣло. Богъ съ ними!

— А я удивился. Знаешь, не думалъ этого.

— И я не думала. Горе великое Чабану!

— Да, великое горе! согласился Кожушокъ, и принялся тоже перебирать ежевику.

— Вотъ если эту ежевику, да сварить ее въ меду. сказалъ онъ, погода минуто, такъ будетъ просто...

— Сваримъ въ меду ее, отвѣчала жена...

XIII.

— Здравствуйте! съ добрымъ утромъ! сказала Рясничка, входя къ Чабану во дворъ и озирая всѣхъ. Я вотъ это къ вамъ, дайте въ займы огнива—запростила я гдѣ-то свое, а сына дома нѣтъ, такъ я ужъ къ вамъ.

Чабанъ съ наймитомъ ладили возъ. Марта сидѣла, шила, на заваленкѣ.

— Вотъ вамъ огниво, сосѣдка, сказалъ Чабанъ, и подаетъ ей огниво.

— Спасибо, сосѣдъ, спасибо! Шьешь, Марта? Посолили вы огурцы? Я еще такъ эту недѣлю не буду солить: вѣдь еще до сихъ поръ тотъ невѣрный бондарь не поправилъ мнѣ бочекъ! Два раза сама у него была, два раза сынъ ѣздилъ,—пьяница такой тотъ бондарь, что Матерь Божія, владычица милосердная!

Болтая про бондаря безпечно, Рясничку жгло любопытство и забота, что такое съ Мартой: не тѣ очи, не то лицо; не такъ привѣтствуетъ. Она присѣла подлѣ дѣвушки.

— Я ужъ думала, поѣду къ кумѣ въ воскресенье,—у кумы бочекъ много, не уступитъ ли... Марта, что съ тобою? Признайся мнѣ! Батько обидѣлъ, что ли, или какое лихо? Говори, говори, любка, они не слышутъ! проворно все это шептала Рясничка Мартѣ.

— Нѣтъ, батько меня не обижаетъ; лиха никакого нѣтъ,—отвѣтила Марта.

— Что-жъ съ тобою? Что? Ты перемѣнилась. Приди ко мнѣ, мое золото, поговоримъ съ тобою по душѣ... Провѣдай меня, Марта, сказала она громко и опять шопотомъ, будто подпираясь, но вмѣсто того прикрываясь, рукою: Чего ты глядишь туда на батька? Чего этотъ безобразный наймитъ на тебя глаза таращить? Сосѣдъ! (опять громко) я вотъ вашу дочку зову къ себѣ—пустъ-ка придетъ да поможетъ мнѣ,

старухѣ, немножко... Ужъ теряю я силы, состарѣлась, умирать пора!

— Поживите еще, поживите, промолвилъ Чабанъ такъ, какъ приглашаютъ пьяницу выпить, зная, что и безъ приглашенья онъ выпьетъ.

— А слышали вы, сосѣдъ, что вдова Крижка своего сына къ маляру въ ученье отдала? спросила Рясничка.

— Слышалъ, отвѣчалъ Чабанъ.

— Наши Кожушки какъ прослышали, такъ сейчасъ пожелали себѣ малеванья, и хвалились, поѣдемъ, хвалились, къ этому маляру и купимъ себѣ какое-нибудь малеванье, потому что это хату украшаетъ, рассказывала Рясничка.

— А украшаетъ точно, отвѣчалъ Чабанъ.

— Наймитокъ, или ты нездоровъ? Нemoжется тебѣ? обратилась Рясничка къ наймиту.

— Я здоровъ, благодаря Богу! глухо отвѣтилъ наймитъ, не поднимая очей съ работы.

— Что-то спалъ ты съ лица, какъ присмотрюсь я, будто поблекъ... Сыну у меня чего то все хвораеть... все жалуется на голову. Горенько съ тѣми дѣтьми на свѣтѣ! А что нашего коваля совсѣмъ не видно—словно за деньги показывается людямъ! Я вотъ ужъ два дня нигдѣ не попаду на него... Гдѣ это онъ пропадаетъ? Не видали его, сосѣдъ?

— Видѣлъ вчера ввечеру.

— Гдѣ-жъ вы это его видѣли?

— Онъ изъ лѣсу шелъ.

— Вотъ гуляка какой! Будьте здоровы, спасибо вамъ, счастливо оставаться. Приходи-жъ, провѣдай, Марта.

И ушла домой, ломая голову, что это съ Мартою за причта, зачѣмъ коваль въ лѣсъ ходитъ, что замышляетъ Чабанъ, чего наймитъ глазами такъ поводитъ?

— Эта женщина готова бы звѣзды съ неба похватать, или землю черную поглотать! промолвилъ Чабанъ, какъ бы про себя и рядъ бѣлыхъ зубовъ сверкнулъ изъ подъ длинныхъ сѣдыхъ усовъ.

Взглядъ его упалъ на дочь, но дочерmino лицо было обращено не къ нему,—въ другую сторону,—а ея глаза вопрошали о чемъ-то такъ беззавѣтно, преданно и заботливо, что Чабановъ взглядъ перенесся на другое лицо, наклоненное надъ работой, но пылавшее, дрожавшее каждой жилкой, не смотря на всю угрюмую сдержанность; потомъ Чабанъ принялся опять за работу, и молчанье больше не прервалось до самаго вечера. Ввечеру Чабанъ куда-то ходилъ и поздно воротился. На другой день, по утру, Чабанъ выбрался изъ дому рано и идя около своего воза, медленно и раздумчиво насвистывалъ...

На людской памяти Чабанъ два раза только насвистывалъ: въ первый разъ это передъ тѣмъ, какъ ему жениться, а въ другой—передъ тѣмъ, какъ онъ пристроилъ разорившихся, сбившихся съ пути сиротъ, братниныхъ дѣтей. Теперь это былъ третій разъ, и Марта, слѣдя за нимъ глазами, какъ скрывался вдали, промолвила:

— Батько что-то думаетъ. Что бы ни было, я буду *ею*, Максимова.

И на все готовая, она тихо задумалась.

На все готовая? Возможно ли! А какъ же бы вы, добрые люди, полагали? обнадежить, насулить три короба, а потомъ только ахъ да рукою махъ? Дескать, судьба, злые люди... Судьба судьбой, конечно, и злые люди точно могутъ облиховать, но никогда не измѣнять они порядочнаго человѣка, какъ неугодный модъ покрой платья никогда, разъ предавшись, не выдастъ вѣрная, неуклончивая душа. „Бѣдная душенька“! Этого тоже вы не кладите рѣшенья, добрые люди—вотъ задумавшаяся Марта не горевала, не сокрушалась, а улыбалась ясно и счастливо, и занималась, словно заря, жаркимъ румянцемъ.

XIV.

— Ну, ужъ я изождалась, сказала Рясничка сыну, когда онъ проснулся поутру и печально взглянулъ на свѣтъ

Божій. Вотъ уже осень, уже вездѣ свадьбы играютъ... ужъ полно ждать!

— Что же вы, мама, думаете? спросилъ бѣдный хлопецъ.

— А что я думаю! Пусть взбѣсится этотъ старый врагъ Чабанъ! Чтобъ ему добра не выпало на долю! Провалился онъ сквозь таръ...

— Что же вы думаете, мама?

— Что я думаю! Надо Марту спросить, выпытать! Ты самъ ничего не смыслишь, ничего не знаешь и до сей поры, а? Сегодня же вотъ иди, встрѣть гдѣ нибудь, да и спроси ее... Развѣ мнѣ научать тебя, какъ съ дѣвушкой обходиться! Не бойся, коваля она не любить—я примѣчала за нею...

— А почему вы примѣчали, мама?

— Глупое дитя! По всему: по слову и по взгляду, и по всякому движенію.

— А ошибиться нельзя никогда?

— Нѣтъ! нѣтъ! Не даромъ коваль надулся, какъ куликъ на вѣтеръ—а она... ей горя мало, она вниманья не обратила... Ты вѣдь, ходилъ, кажется, все за нею послѣднее время—что-жъ? Развѣ она тебя отвергаетъ? Гордо съ тобой обращается?

— Она точно убѣгаетъ отъ меня...

— А ты и не догонишь? Несчастный! Можетъ, дѣвушка только стыдится, а ты ужъ и перепугался! Сегодня, однако, надо всю правду узнать! Иди ей на встрѣчу и спроси! Слышишь?

— Слышу, мама.

— Да соберешься ли съ духомъ? Спросишь ли?

— Я спрошу, мама, хоть умру на мѣстѣ, а спрошу.

Вечеръ осенній, теплый и темный. Марта выходитъ изъ хаты. Едва ступила два шага—передъ нею очутился Рясниченко, весь бѣлешенекъ и совсѣмъ подавленный печалью:

— Марта, спрашиваетъ, не гнѣваешься ты на меня?

— Нѣтъ, отвѣтила Марта. За что же?

— Марта, зачѣмъ убѣгаешь? кажется, хотѣлъ спросить

бѣдный паробокъ, но духу не хватило, и онъ поспѣшилъ съ самымъ страшнымъ вопросомъ поскорѣй:—пойдешь ты за меня замужъ?

— Нѣтъ, Иванъ, отвѣчала Марта,—не думай обо мнѣ, не затрогивай меня; я тебя прошу очень.

— Не буду, проговорилъ паробокъ, словно обваренный.—
Добрый вечеръ, Марта.

И пошелъ.

Мать встрѣтила его на порогѣ и спрашиваетъ—что? и глядитъ, и ужъ по одному виду узнаетъ что. Измѣнилась въ лицѣ и глаза засверкали.

— Она за меня не хочетъ, мама, сказалъ паробокъ, и полно уже ее беспокоить...

— Не хочетъ за тебя! крикнула мать. За кого-жъ она хочетъ? Кого выбрала! Змѣя! Змѣя подколотная! Кого дожидаешь для себя?

— Перестаньте объ этомъ, мама, потому что жалко мнѣ очень...

Да и жалко-жъ очень стало ему!

— Нѣтъ! нѣтъ! Это такъ не пройдетъ. Я довѣдаюсь! Это не даромъ! Что-то тутъ есть! Что-то кроется! Я выведу на свѣжую воду! бормотала взбѣшенная Рясничка.

XV.

Вечеру, въ похолодѣвшей рѣкѣ то сверкаютъ звѣзды, то ихъ скрадываютъ темныя тучки, проносясь по небу. Вѣтеръ какъ повѣсть, такъ и принесетъ запахъ увядшихъ лѣсовъ и полей. Наймитъ ждетъ Марту надъ рѣкою; теперь они тутъ встрѣчаются, потому что въ лѣсу не безопасно, разъ чуть было не открыла ихъ Рясничка. Эта Рясничка жизнь отравляетъ наймиту теперь пуще всего.

— Я тебя долго тутъ ожидалъ,—говоритъ наймитъ Мартѣ, встрѣчая и обнимая ее, и прижимая къ груди.—Ты не знаешь, какъ я тебя ожидаю!

Вы, добрые люди, уже догадались вѣдь, что тутъ Рясничка ихъ и накрыла? Представьте-жъ себѣ, какъ эта глубоко и живо чувствующая женщина вскрикнула и всплеснула руками, какъ захохотала и поздравила коханковъ, какъ побѣждала. Представьте, какъ она бѣгала по всѣмъ хатамъ, кричала, всплескивала руками, хохотала и поздравляла съ новостью. Кожушки выслушали, пожалѣли и отвѣтили, что жалко, что мѣшаться не слѣдуетъ—это дѣло Чабаново. Москаль отвѣтилъ стономъ, ему хуже стало къ осени и онъ едва уже дышалъ, можетъ, плохо и понималъ, что вокругъ него творится.

Чего-жъ коваль задрожалъ, услышавши давнымъ давно вѣдомое? Или ждать, что отрубать голову легче, чѣмъ подставить?

Рясниченко легъ внизъ лицомъ на лавку и плакалъ—плакалъ навзрыдь.

Когда Рясничка Чабана поздравила:—съ радостью васъ, сосѣдъ, съ радостью!

— Къ какою, сосѣдка? спросилъ Чабанъ.

Хохоча и вертясь, какъ на горячихъ угольяхъ, она ему разсказала съ какою.

— За поздравленье спасибо, отвѣтилъ Чабанъ; дай Боже и вамъ! Оставайтесь здоровы!

И вошелъ въ свою хату, бровью даже не повелъ.

— Добро, добро, старый бѣсъ! Хотя ты смотришь каменнымъ, да сердце теперь у тебя со злобы да съ печали почернѣетъ! сказала вслѣдъ ему Рясничка.

XVI.

— Что-жъ Марта, можетъ, это послѣднее наше свиданье? говорилъ наймитъ. Отецъ твой выкинетъ меня за дверь! Можетъ, ужъ онъ кличетъ своего дерзкаго наймита на расправу?

— Максимъ, коханный, я твоя вѣрная... пойдемъ пря-

мо къ отцу—скажемъ ему. Не отдасть онъ меня, я сама пойду. Я всегда, всегда, навѣки твоя. Пойдемъ къ отцу, милый!

— Пойдемъ, сказалъ наймитъ.

И пошли рука съ рукой. Вошли въ хату, Чабанъ сидитъ около стола, спокоенъ, какъ всегда. Они стали передъ нимъ, онъ глядѣлъ на обоихъ.

— Хозяинъ, промолвилъ наймитъ, отдадите вы за меня дочь?

— Батько, промолвила Марта, не запрещайте!

— Я не запрещаю, отвѣтилъ Чабанъ. Боже васъ благослови!

— Что это? что это? открещиваются добрые люди. Такого отца показывать не людского! Чтобъ богатый, разумный отецъ да за наймита, за пройди-свѣта дочь благословилъ итти! Ну, ужъ это передано въ кутю меду!

Не прогнѣвайтесь, добрые люди, позвольте ужъ этому наймиту войти за челоуѣка между православными христіанами. Пусть одинъ горемыка выслужитъ себѣ семью, довольство, отдыхъ дасть пусть изморенному тѣлу и душу наболѣвшую отведеть.

Будто-жъ мало ихъ ходить по свѣту, запродаючи, за-кабалиючи свою молодость, и силу, и крѣпость,—цѣлую жизнь,—и на этой же дорогѣ кончина ихъ застаеть?

Да и нашъ пройди свѣтъ... Вотъ теперь онъ женится и все пока идетъ прекрасно. Тестъ, кажись, не тужить, что беретъ его за зятя; любимая невѣста души въ немъ не чаеть, ему въ глаза смотреть; Кожушки, повѣривши другъ дружкѣ, что чудныя теперь дѣла настали, собираются на свадьбу; Рясничка, хотъ кричала и руки вверхъ поднимала, и падала, однако, тоже будетъ на свадьбѣ и вмѣстѣ съ заплаканнымъ сыномъ, котораго умоетъ студеной водой, чтобы скрыть слѣды его огорченья. (А кстати: Москаль не будетъ на пиру, потому что отправился на тотъ пиръ, что, говорятъ, уготованъ для всякаго терпящаго на землѣ. И коваль тоже не будетъ—онъ ушелъ изъ хутора, со всѣми простился, гово-

рилъ—надолго). Много незнакомыхъ намъ, но хорошихъ гостей, съѣдется на свадьбу и отпируютъ ее весело и роскошно. Да, пока все хорошо. Но никто не вздыхай, что такъ много досталось пройти - свѣту: не все Богъ лихо раздаетъ—и намъ съ нимъ еще останется, и всякому другому доброму человеку.

ЛЕДАЩИЦА.

I.

Наша пани была уже не первой молодости, но еще и не старуха, а изъ себя высокая, тучная; взглядъ у нея смѣлый; говорила громко, скоро. Наряжаться любила; ужъ какъ она старательно наряжалась! Шнурочекъ къ шнурочку, ленточка къ ленточкѣ. Вырядится, бывало, и похаживаетъ себѣ, какъ малеванная.

И въ горницахъ у насъ было хорошо: вычищено, вылощено, выкрашено; и креслицы, и столикъ, все какъ слѣдуетъ, по-пански. Пани, бывало, каменныхъ цадекъ настановить по столикамъ: мисочекъ изъ разноцвѣтнаго стекла, чарочекъ; была у нея и мѣдная собачка, былъ и зайчикъ съ узорными ушками. Все это ни къ чему, а какъ оно вмѣстѣ разставлено одно при одномъ, то блестить, и въ глаза бросается, и рябитъ такъ, что зрѣнье трудить. А что самое дорогое—висѣлъ у нея на стѣнѣ панъ малеванный, черный, смуглый какъ жукъ, а пасмурный какъ ночь, въ золотыхъ перстняхъ на рукѣ—ея батюшка покойный, вельможный князь. Кто, бывало, ни придетъ, кто ни заглянетъ изъ гостей къ нашей пани, пани каждому объявить, скажетъ: „это мой папенька покойничекъ“!

Умѣла она какъ обойтись съ кѣмъ, какъ заговорить, какъ глянуть, вздохнуть. Придетъ къ ней какой-нибудь горемыка, то она ему звучно и громко говорить: „Это мой батюшка-князь!“ Другому, надутому, чванному богачу взды-

хючи: „Вотъ, какъ здравствовалъ мой батюшка—это его портретъ—не знала я горя!“ А третьему, доброму, молодому, да сердечному: „Что, говорить, что значить все мірское? Что знатность? что богатство? Вотъ мой отецъ былъ князь, великихъ чиновъ дослужился“...

И ужъ то такъ, то сакъ, а всякому расскажетъ, что она княжеская дочка. А про то она не вспоминала никогда, что вельможный отецъ всю *батьковщину* промоталъ, и оставилъ ей послѣ себя только хоромочки невелички въ городѣ, съ немощнымъ дворикомъ, да съ густымъ черешневымъ садикомъ. Хоромочки стояли въ глухомъ переулочкѣ; дворикъ заросъ травой высокою; середь двора кудрявая, старая яблоня—ужъ эту яблоню и вѣтромъ сломало и молніею опалило, совсѣмъ при землѣ лежала, распутивши во всѣ стороны вѣтви, а все еще цвѣла сильно и яблоки родила. Отъ воротъ узенькая тропиночка вилась къ шаткому крылечку съ навѣсомъ рѣзнымъ. Половину хоромъ пани отдавала въ наемъ какимъ-то паничамъ, и столовала ихъ; изъ этого она и жила кое-какъ. А мужъ ея гдѣ-то далеко на службѣ былъ; мы его никогда и въ глаза не видывали. Да пани не очень-то чтобъ по немъ убивалась. Паничи ей скучать-грустить не давали: каждый день, каждый вечеръ они съ нею, то въ карты, бывало, играютъ, то пѣсни поютъ. Жилось нашей пани безъ заботъ и безъ большого горя.

II.

Меня нашей пани подарили. Я родомъ изъ Глушихи; была я когда-то иванковскихъ пановъ. Жила я у отца, у матери—Господи милый! теперь вспомню, какъ жилось-то мнѣ тогда! Женился нашъ панъ, и взяли меня для прислуги молодой пани. А эта, теперешняя моя, часто ѣзжала къ нашимъ господамъ, и всегда, бывало, во время, въ пору, и скажетъ, и посовѣтуетъ, и услужить. Гостить, бывало, у насъ по мѣсяцу, по два, и больше, ухаживаетъ за нашей пани, ублажаетъ ее, улещаетъ. А наша ногъ подъ собою не

слышитъ: „княжеская дочка такъ меня почитаетъ“! Наша пани, говорили, взята была изъ купческаго дому и всякій почеть себѣ очень любила. Вотъ разъ и начини ей жаловаться княжна.

— Что мнѣ дѣлать? какъ быть? нѣтъ у меня слуги! Не дадите ли вы мнѣ которую изъ своихъ на времечко, пока я своихъ изъ деревни вытребую?

— Отчего-жъ? Да берите, берите, какую себѣ хотите. На вѣки-вѣчные пусть она вамъ... дарю ее.

То она и взяла меня, и увезла съ собою отъ роду, отъ родни. Безъ меня и отецъ, и мать померли, безъ меня весь мой родъ перевелся. Осталась я одна, однимъ-одна на бѣломъ свѣтѣ.

Жила я у пани лѣтъ пять. Сначала я только одна у нея была, а потомъ, когда набралось много столовниковъ, пани вытребовала своихъ крѣпостныхъ—женщину съ дочерью. До той поры пани ихъ держала гдѣ-то въ глуши, у какой-то своей пріятельницы,—вѣдь у нея не было, кромѣ городского домика, ни усадьбы, ни ступня земли. Долго пани сбиралась, пока велѣла привести ихъ. Думала-думала, и наконецъ рѣшилась. Пріѣхали онѣ.

Молодицу звали Чайчиха, Горпина, дочку—Настею. Не говорлива была Чайчиха, не привѣтлива; какая-то, словно, туча обвила ее на вѣки. Гнѣвается-ли пани, дарить-ли пани юбку, или платокъ,—Чайчиха все молча приметъ и отойдетъ. Покорная, работающая, кажется, женщина, пока не глянешь на эти сдвинутыя, черныя брови, на эти впалыя очи, огнемъ горящія.

Какъ-то сгрустнулось мнѣ. Вотъ я и плачу себѣ, сидячи на лавкѣ. Извѣстное дѣло, человѣкъ и въ счастье, да и то иногда грусть охватить душу—не то что намъ. Говорятъ: привыкнешь!... Нѣтъ! ужъ какъ утомишься натерпѣвшись, то и покажется тебѣ, что ужъ все ни по чемъ стало—да вдругъ проснется горе. Иногда одно слово... А что вы думаете? Иногда битые забудешь въ одинъ часъ, а иногда иное слово горькое проникнетъ тебя до самаго сердца,—мѣсяцы, годы будешь помнить...

Тяжело и грустно мнѣ было, и сердечное слово хотѣлось съ кѣмъ-нибудь перемолвить. А Чайчиха около печи хозяйничаетъ.

— Горпина! говорю, вотъ я печалюся, плачу, а вы всегда одинаковы. Такъ вамъ, вѣрно, ужъ Богъ далъ. Вѣдь и вы горе знаете!

Она обратила на меня свои черныя очи, словно спросила, какая у меня мысль, и отвѣтила:

— Отчего не знать!

— Господи! говорю опять. Какъ я съ молодую-то жила у отца, у матери!

— А я, проговорила Горпина,—я вѣкъ извѣковада, все по чужимъ дворамъ слоняюсь.

Да и смолкли мы.

— Вы съ малолѣтства сиротою остались, Горпина? опять спрашиваю.

— Нѣтъ, меня взяли изъ семьи маленькою. Отца и мать чуть помню. Да и они не признали бы меня, если-бъ послѣ увидали. Да не выдали—умерли.

— А мужъ вашъ покойникъ, царство небесное, откуда онъ былъ родомъ?

— Изъ того села, гдѣ я съ панами жила, изъ Горіевки. Дворовый былъ.

— И долгонько вы прожили съ нимъ?

— Полгода.

— Господи! и не нажились! Что-жъ это ему за бѣда приключилась?

— Спился и умеръ.

Съ этимъ словомъ вышла изъ хаты. И ужъ никогда я потомъ объ этомъ рѣчи съ нею не заводила.

III.

Бывало, подъ вечеръ, отработаемся, пани куда-нибудь въ гости пойдеть—сидимъ у воротъ. То съ тѣмъ словомъ перекинешься, то съ другимъ; спросишь, поздравствуешься, а Чайчиха все молча сидитъ. Настя ея съ сосѣдскою дѣвущ-

кою щебечеть. Жила супротивъ насъ мѣщаночка, сиротка была, Кривошеинкова ее звали. Такая славная дѣвочка была! Глаза какіе у нея были ясныя! какія длинныя косы темнорусыя! а личико, что яблочко. Бывало, какъ ни посмотришь на нее—веселенькая, щебетливая; и голосокъ у нея былъ, вотъ словно ручеекъ быстро бѣгущій. Очень любилися и дружили онѣ съ Настею, какъ сестры родныя—все, бывало, вмѣстѣ. Дѣла-то не много тогда было у Насти: еще она только изъ дѣтства выходила; такъ вотъ онѣ, бывало, и щебечутъ себѣ, двѣ щебетушечки. А Горпина все одна, все молчитъ.

— Горпина! говорю ей разъ. Хоть бы вы съ дочкою поговорили—все бы вамъ веселѣе было.

— Какія еще съ нею рѣчи! Она еще глупа. Пускай прежде уму-разуму наберется.

— А по моему, говорю, то я бы и съ малымъ ребенкомъ поговорила. Пусть хоть кто-нибудь да спочуялъ бы мнѣ. Свои мысли, свои думы повыскажу; поплачу...

— А ребенокъ-то вѣдь пятому, десятому пойдетъ, да и расскажетъ, что у васъ за горе. На то юность!

— Что-жъ? говорю. Добрый человекъ пожалѣетъ.

Ничего не отвѣтила мнѣ Чайчиха.

А дѣвочка у нея была хороша, какъ цвѣточекъ. И такая она была живая, чуткая, пылкая... Ужъ, бывало, какъ запечалится о чемъ, то ажно захвораетъ; если-жъ весела—что это за шутки, что за пѣсни у нея, что за выдумки! Быстрая, легкая, станъ гибкій и стройный, волосъ черный... а ужъ очи! Такія очи, что безъ словъ говорятъ. Посмотрѣтъ на другихъ—взгрустнется, поплачетъ себѣ втихомолку, а весело—усмѣхнется. Нѣтъ, Настя въ горѣ-то слезы выплачетъ, въ радости смѣхъ высмѣетъ. Что почуветъ, то всею душою, всѣмъ сердцемъ кипучимъ, щирымъ... Вотъ и росла она и выростала.

IV.

А Чайчиха что дальше, то все мрачнѣй,—вотъ словно туча черная. И стала я замѣчать, что она начала куда-то ходить. Вечеромъ поздно какіе-то люди къ ней приходятъ и долго она съ ними говорить. Я молчу себѣ, не спрашиваю у нея. Коли одинъ разъ вижу,—идетъ во дворъ къ намъ, не то москаль, не то кто его знаетъ, съ краснымъ воротникомъ, такой изъ себя мордатый, усатый, и спрашиваетъ, дома ли пани. Вотъ я говорю: дома, а сама глядь!—Горпина стоитъ на хатнемъ порогѣ, побѣлѣла какъ платокъ и провожаетъ глазами того москаля. Я ажъ перепугалася. Къ ней: „Что съ вами, Горпина“? Она только мнѣ рукою махнула.

Отдалъ москаль пани какую-то бумагу, а она какъ прочитала ее, разгнѣвалась, встревожилась. Написала что-то и дала москалю. Онъ понесъ. Скоро вкатился во дворъ какой-то панъ, толстякъ, и стали они съ паньей вмѣстѣ шептаться да руками разводить. Пани наша такъ и сыплеть словами, и платочкомъ глазки оботреть, и ручками всплеснеть. Дала тому пану денегъ. А онъ все слушалъ, поднимаячи брови, да по креслечку постукивалъ ногтями. Деньги взялъ и, спрятавши въ карманъ: „не бойтесь, говорить,—ничего не бойтесь“. Пани его благодарить, до воротъ его провожаетъ и тамъ благодарить.

Прихожу я въ хату,—а Горпина въ уголку сидитъ,—я все и рассказываю, да спрашиваю: что это такое дѣется и что это значитъ?

А она только зубы сцѣпила да простонала: „Знала я! знала“!

Я ничего не разберу, не понимаю. А тутъ приходятъ какіе-то два панка изъ суда. Велѣли Горпинѣ передъ собою стать, а сами сѣли. Одинъ табаку понюхалъ, другой платочкомъ обтерся, да и спрашиваютъ:

— Ты, молодница, вольность отыскиваешь?

А она:—Я!

— Попадешь ты въ бѣду, глупая! Лучше ты своей пани служи, да работай.

Она молчить.

— Слышишь? понимаешь? Смотри-жь, не забывайся, не накликай на себя напасти. Если прослышимъ еще разъ—нехорошо будетъ!

Да и пошли.

Хочу я ей слово сказать, да гляну на нее—не вымолвлю. Сѣла она и голову на руку склонила. Не плачетъ, не тужить—будто обмерла.

И Настя стоитъ, задумалась и въ лицѣ мѣняется.

V.

Боже мой! ужъ какъ пани гиѣвалась на Горпину! Недѣли двѣ и на глаза ее къ себѣ не пускала.

А Настя мнѣ какъ-то разъ и говоритъ:

— Такъ вотъ отчего матуся такая задумчивая, да кручинная ходила! вотъ о чемъ печалилась, сокрушалась! Она, бывало, какъ я маленькая была, все мнѣ рассказывала про нашихъ отцовъ вольныхъ, да и сама воли захотѣла! Тогда она веселѣй была, говорить, а сама задумалась, запечалилась,—не такая какъ теперь. Рассказываетъ, бывало, мнѣ сказки прядучи, какъ наши отцы жили по Днѣпру вольными козаками; и славныя пѣсни про старину она пѣвала.

— Да чего-жь это и ты, Настечка, все думаешь?

— Да все мнѣ, говорить, давняя воля мерещится. Что-то мнѣ неспокойно; все чего-то ожидаю, сама не знаю чего... и мысли мои мѣшаются, и сонъ меня не беретъ; а засну—все вольныя степи, все козаки съ вольными сестрами, съ вольными дочками снятся...

VI.

А Настѣ уже шестнадцатый годокъ пошелъ. Пани ее вышивать учить, шить. Разумница, быстрая, сметливая, она

скоро и выучилась на свою голову. Пани обрадовалась, да стала чужую работу брать. Бывало, кому надо, она и уговорится:— „есть у меня тутъ подь рукою молодица, что хо-рошо шьетъ“, да и даетъ Настѣ сшить. И хорошія деньги она брала, и много работы ей давали. Сиди Настя да шей. А она такая молодая, такая-то еще юная; у ней сердце еще отъ каждого слова трепещетъ; у ней еще роятся думки дѣвичьи, веселыя; ей бы, молодой, еще пороскошевать, тихими вечерами, ясными зарями по зеленымъ садамъ побѣгать, любыхъ рѣчей при мѣсяцѣ стоячи послушать... Ну, что-жъ дѣлать! Другая поплакала-бъ, да и смирилась. Настя не такая зародилась. Сколько она слезъ вылила, Господи Боже мой! Истаяла, какъ воскъ. Потемнѣли ясныя веселыя очи и стала она мрачная, какъ и мать ея старая.

VII.

Какъ-то пошла пани въ гости и никого изъ столовниковъ дома не было. Мы съ Чайчихою, отработавшись въ хатѣ, пошли къ Настѣ. А Настя шла въ паниной комнатѣ. Вошли мы, а дѣвушка, закрывшись руками, рыдаетъ-рыдаетъ, ажъ задыхается.

— Что, съ тобою, Настя? спрашиваю.

А Чайчиха только глянула на дочку, ничего не сказала и сѣла.

— Что съ тобою?

Настя мнѣ въ окно показываетъ, на улицу киваетъ.

— Что тамъ, голубка?

— Тамъ люди! вскрикнула. Живутъ, ходятъ, на Божій свѣтъ смотреть, а я вотъ тутъ, надъ чужою работою пропадаю!

— О, пташка! (я уговаривать) развѣ у нихъ нѣтъ горя, у тѣхъ людей-то?

— Да что горе! я горя не боюсь! мнѣ хуже, мнѣ горче: я не знаю ни горя, ни радостей! я какъ камень тутъ каменью!

Гляну я на Горпину, а она сидить, слушаетъ, словно эта пѣсня ей давно знакома,—и головою не поведетъ.

Вздохнула Настя тяжело, отерла горячія слезы, да и говорить:

— Сядьте поближе, мама! Побайте, теточка, разговорите меня!

Что ей тутъ сказать? что ей говорить?

— Ты, Настя, не печалься, не плачь...

А она не глядячи, не слушаючи, какъ кинется къ матери, какъ схватить ее за руки:

— Мама! мама! скажите мнѣ словечко, скажите! Моя душа изныла, изболѣла... мое сердце сохнетъ...

— А что я тебѣ скажу, дочка?—проговорила Чайчиха мрачно:—Спасенія нѣту!

А тутъ кто-то шамъ-шамъ.

— Пани, говорю, пани!

А она въ двери.

VIII.

— Вотъ! вскрикнула пани, какое сборище! Лишь бы я шагъ со двора ступила, то и не спрашивай работы!—Беретъ у Насти рубашку, смотреть. —Да ты, кажется, и не шила совсѣмъ, а?

— У меня голова болитъ, отвѣчаетъ Настя похмуро.

— А воронъ ловить то у тебя и голова здорова, не болитъ тогда? Негодница! въ мать пошла.

Сама на порогъ стала—стоитъ, не даетъ и намъ съ Чайчихою пройти.

— Я ее кормлю, я ее одѣваю, обуваю, я ее на свѣтъ держу,—кричитъ—а она, негодная, она на меня работать не хочетъ!

— Можетъ, на себя работаю? говорить Настя,—да такъ-то ужъ горько тѣ слова промолвила:—Можетъ, себѣ что заработала?

— Ты мнѣ смѣешь такъ отвѣчать! я еще тебя не учила!

Да и бросилась на нее.

— Бейте! бейте! крикнула Настя: да и за это повелите спасибо сказать!

— Молчи-жъ, молчи! не то на весь вѣкъ будетъ тебѣ бѣды!

— Пусть будетъ!

Смотрю—пани въ гнѣвѣ, вся разгорѣлась; гляжу на дѣвушку—блѣдна, грозна—само отчаянье горькое. Гляжу на Чайчиху—словно туча мрачная.

Да на счастье тутъ столовники подошли. Пани выпхнула Настю за двери.

— Вотъ, житье мое!—жалуется:—какая негодная, да и та мнѣ грубить! А за что! За то, что не школена по хозяйски, не бита какъ у другихъ. О, мой батюшка! (оглядывается на малеванаго князя, а у самой глаза такіе самыя стали, какъ у него и морщина такая-жъ межъ бровями легла): думалъ ли ты, гадалъ ли, что твоя дочь-княжна сама будетъ съ такими тварями возиться, мучиться!

А столовники ей:

— Да полно вамъ беспокоиться! Стоить ли она того, чтобъ вы такъ себя тревожили? Будемъ-ка ужинать!

Житье наше, житье! Съ-молоду работаешь, трудишься кому-то на прихоти, а самъ въ убожествѣ, въ униженіи, и такъ старость нахватится! По чемъ васъ, молодые лѣта, поминать?...

IX.

И тихо у насъ въ хатѣ: ни рѣчей, ни разговору. Слышно изъ комнатъ, какъ тамъ смѣются, разговариваютъ, шутятъ громко... Пани, бывало, на картахъ гадаетъ, столовникамъ долю ихъ угадываетъ, или такъ что рассказываетъ, иногда поетъ, и все она поетъ про какого-то *друга милаго*, отчего другъ не любить, за что забываетъ, въ гостяхъ не бываетъ—объ своемъ это она панѣ вспоминала что-ли... А у насъ тихо. Въ печкѣ огонь пылаетъ ярко. Я въ уголку сажу; Настя въ другомъ—сумрачна. Чайчиха около печки, словно

мара быстро снуется, свое дѣло дѣлаетъ. Вбѣжить, бывало, иногда сосѣдская дѣвушка къ Настѣ:

— Настуся! иди къ намъ, поговоримъ... Чего такая печальная? Если ужъ тебя пани не пускаетъ, то не стоитъ этимъ сокрушаться, а вотъ какъ выберется вольный часокъ, ты и погуляй себѣ, наверни, что потеряно.

— Не навернуть, сестрица, не навернуть! скажетъ Настя горько такъ, ажъ и та веселая щебетунья головку опуститъ, вздохнетъ и смолкнетъ.

А тамъ ужъ и такъ пошло: какъ вечеръ, то и нѣтъ Насти. И такъ было не одинъ, не два раза. Однимъ вечеромъ мы и спать легли, ея нѣтъ. Днемъ мы ея не видали, работала при пани, а вечеромъ опять исчезла. Не легла Чайчиха, сидитъ, дожидаетъ дочку. И я себѣ не сплю: грусть-тоска мнѣ такая, мать Божья заступница! И вотъ идетъ она ужъ ночью; уже звѣзды передъ нею меркнутъ. Идетъ она, а мать встрѣчаетъ и спрашиваетъ:

— Гдѣ была, дочка? (А у самой голосъ что струна разбитая).

— Не спрашивай меня, мама, не спрашивай! отвѣтила ей Настя.

И зазвенѣли слова ея по хатѣ, какъ плачъ... И почала Чайчиха:

— Что это ты дѣлаешь, дочка? Что это ты себѣ задумала? Не на мою ли голову безталанную?

А дочка легла, лежитъ нѣмая, словно убитая.

— Гдѣ ты была? гдѣ ты была, дочка?...

Ни просьбы, ни грозбы не слышитъ—нѣма.

Х.

На другой день ввечеру Чайчиха у воротъ поджидаетъ. Выбѣгаетъ дочка—она ея за руку: „куда идешь? воротись“!

Воротила, привела въ хату, и цѣлехонкій вечеръ просидѣла Настя въ уголку, скрестивши руки, глядячи въ землю, слова не промолвивши.

И ужъ такъ завелось: чуть мать не усмотрѣла—дочка

убѣжить. Какъ ея ни просили, какъ ни молили—ничего не сказала. Мы и слѣдомъ за ней слѣдили, такъ идетъ она, оглядывается, озирается, а завидитъ, что ее догоняютъ—побѣжить, какъ на крыльяхъ полетить; не настигнуть и молодой, не то что старуха-мать, или я. Куда намъ за ней поспѣть! А ни словъ не слышать, ни слезъ не видѣть; ни на что не смотреть.

Какъ же печально, уныло было у насъ въ хатѣ! какъ же тихо-глухо! По недѣлямъ, бывало, словечка не перемолвимъ добраго межъ собою. Я, бывало, и хочу заговорить съ матерью, или съ дочерью—не рѣшусь, развѣ только взгляну на нихъ.

Однимъ вечеромъ сидимъ мы съ Чайчихою въ хатѣ. Пани ужъ спать легла; все тихо. Настя нѣту. Долгонько сидѣли мы. Только и слышно, какъ вѣтеръ въ садикѣ травую колышетъ, да соловей свищетъ-щебечетъ. Какъ вдругъ Настинъ хохотъ послышался. Мы такъ и вздрогнули.

Я испугалась... А Настя распахнула двери со стукомъ, стала на порогъ и смѣется. Въ хатѣ чуть-чуть ночникъ свѣтился. Стоитъ она такая раскраснѣвшаяся; глаза горять; стоитъ и смѣется. Мать стала противъ нея, глядитъ. И вотъ начала Настя... да такъ весело, что мою душу тоска сдавила.

— Мама моя родная! вѣрно вы меня дожидали? Вотъ дочка пришла... Чего глядите, мама? Нешто меня не узнали? Это я... мнѣ весело...

Да ступила шагъ и зашаталась.

Боже мой! Боже мой! да она пьяная! Шатаючись подошла къ столу и сѣла.

— Ну, моя мама родная, нашла я ужъ себѣ человѣка, что меня освободить... Истинно вамъ говорю, что освободить. Будемъ вольныя, станемъ жить, да на себя работать; будемъ за него Богу молиться. Хоть онъ теперь и унижаетъ, и обижаетъ меня, и отъ людей не хоронится, да пускай... Я его, мама, благодарю; я ему, мама, низко кланяюсь въ ноги... Пусть мою дѣвичью славу ногами топчетъ... То все

пустое! все ничего! Онъ бумагу мнѣ напишетъ... Пани не имѣетъ на насъ никакихъ правъ. У ней земли нѣту, говоришь. А мы, мама, мы вѣдь козачьяго роду—какъ же намъ застрять въ неволѣ на вѣкъ? Онъ насъ выручить и ее на волю выведетъ! (на меня показывается). Весело мнѣ—ужь какъ весело, мама моя родная! А закручинюся—онъ денегъ мнѣ даетъ... я горѣлки куплю... и ясныя звѣзды у меня въ головѣ заиграють-засвѣтятъ...

И такъ она говорить и смѣется. А Чайчиха только слушаетъ, не сводячи съ дочки сумрачныхъ глазъ. Заснула Настя, на столъ склонившись. И ночникъ погасъ... Темная ихъ ночь покрыла.

XI.

И съ той поры каждый вечеръ она и пьяна; а урветъ днемъ часокъ, то и днемъ напьется. Узнала пани, очень гнѣвалась; стыдила и мать-старуху:

— Ты мать, не остановишь, не закажешь!

Замыкали Настю, она таки убѣжить; дверью ли, окномъ ли, а убѣжить. Бранить пани, бѣть, а она бывало:

— Пускай, пускай! Напьюся—все забуду, весело будетъ!

Чего ужъ пани не дѣлала! Бывало, когда еще Настя тверезая, то она нарочно ее передъ столовниками стыдить:

— Вотъ дѣвка! вотъ золото! вотъ негодница!

А Настя будто и не слышитъ. Смѣются они, и она еще себѣ усмѣхнется.

Уморилась пани ужъ и сердиться.

— Хоть днемъ работай же мнѣ хорошенько, негодная! А то пропадай себѣ!

Замыкаетъ, бывало, на день, стережетъ ее, чтобъ работала; а вечеромъ только пустила—она и пропала до поздней ночи.

XII.

Родилось у Насти дитя... такое-то крошечное, сухенькое, слабенькое! Какъ увидала его Настя: „дитя мое, лихо

мое!“ застонала и, закрывшись руками, зарыдала. А давно ужъ она не плакала...

Я боюсь—что Чайчиха; думаю, на дочь и не смотреть, то и дитя не привѣтитъ, да подношу его къ ней тихонько:

— Богъ, говорю ей, Богъ намъ дитятко далъ, Горпина!

Она взяла дитя на руки, да и глядитъ на него пристально, и печально, и понуро; глядитъ, пока ажъ слезы у нея покатились.

— Горе! сказала,—горе, все горе!

Я и себѣ говорю: „горе!“ плачучи. Вотъ какъ мы новорожденного приняли—привѣтили кручиною, да плачемъ!

И росло-жъ оно трудно да болѣзненно: все хвораетъ, да хвораетъ, да квилить. А Настя стала еще больше, еще горче пить. Какъ пьяна, то, бывало, еще заговорить и со мною, и дитя приголубить, понянчить: „Дитятко мое! Отчего твой тато никогда не провѣдаетъ тебя? Напрасно и дожидать его: не прійдетъ! что ему? Онъ и не спроситъ никогда... А ты, меня, ангелочекъ, не кляни!“ такія-то, бывало, слова говорить, а сама дитяти усмѣхается и ладошки бьетъ. Тяжело, бывало, смотрѣть: дитя ужъ словно не живое, а она съ нимъ играетъ. Когда-жъ тверезая, то никогда и близко къ дитяти не подойдетъ, не глянетъ, бѣжитъ прочь. И не кормила ее. Мы ужъ безталанную молочкомъ поили.

Одинъ разъ попробовали, не пустили Настю дня два, что-ли, со двора,—Господи! билась она, кричала, словно ее горячимъ желѣзомъ жгли.

— Ой, пустите меня, пустите, или съ меня голову снимите! Умилосердитесь! За что и про что меня мучите? Я пьяница вѣчная... помилуйте меня, пустите! Напьюся—я свое лихо усыплю... А у тверезой лихо рядомъ со мной сидить, лихо мнѣ въ глаза глядитъ!

А пани все не велитъ пускать, да все столовникамъ жалуется: „что это за люди, пьяницы какіе! Вѣрно ужъ у нихъ природа иная, чѣмъ у насъ... Посмотрите, какая вѣдь молоденькая, а ужъ напивается. Негодница! пхе! А дитя свое совсѣмъ забросила; погибаетъ дитя“!

А они ей на это: „Ужасно! у этихъ людей ни стыда, ни совѣсти, ни души, вѣрно, у нихъ нѣту“!

Да такъ и судятъ себѣ, смачненько ужинаючи, или просто такъ забавляючись.

XIII.

А дитя тихо дошло. Однимъ утромъ прихожу я, хотѣла поняичить, накормить, вхожу—въ хатѣ темно,—собрались тучи тогда, вдаль громъ гремѣлъ; вѣтеръ залегъ гдѣ-то,—тишь...

Вхожу, смотрю, а дитятко ужъ глазками водить. Я къ нему бросилась, перекрестила. Вздохнуло оно разочекъ и душечка его отлетѣла...

Ни Чайчихи, ни Насти не было дома. Я дитяточко обмыла, нарядила, столъ застлала и на столѣ положила. Сбѣгала—свѣчечку купила, затеплила въ головкахъ... Ручечки ему сложила...

Пришла Горпина, перекрестила, поцѣловала холодную внучку и долго надъ нею стояла, долго... пришла и Настя, веселая и пьяная: „Что это такое? говорить. Дочка моя умерла?... Дочка, дочка милая! Рученьки мои холодненькія! личечко мое привялое“! Сама беретъ ея ручечки, цѣлуетъ, въ головку цѣлуетъ.—„Какая безгласная, нѣмая! прежде-то квила тихонько, теперь нѣма... Такъ вотъ это ты умерла? Хорошо, дочечка, хорошо!... Ей-Богу; хорошо“!

А сама слезами обсыпается, будто и горюетъ, и радуется она чему-то.

Вдругъ вскочила поспѣшно: „Горѣлки надо, горѣлки! Люди будутъ: хоронить мою дочку придутъ... Да придутъ ли?... Что-жъ? все-таки надо горѣлки... побѣгу“!...

И побѣжала, и до ночи не ворочалась.

А мы тутъ разгоревали гробикъ, прибрали, зельечкомъ устлали.

Ночью Настя воротилась. Опять дитя за ручки брала, опять въ головку цѣловала. Около гробика и свалилась, и

заснула, и все: „хорошо, хорошо, ей-Богу, хорошо“! все эти слова твердила.

А утром проснулась, увидала гробикъ, вздрогнула, побѣлѣла; „умерла“! промолвила, словно она того и не знала, забыла... Къ дитяти; я ее отвожу: „Настя! Настя“!

— Пустите!—крикнула—пускай посмотрю! Я еще до сихъ поръ ея не видала, до самой ея смерти!

Глядѣла-глядѣла, какъ-то утихала все, будто смирялась... и вышла изъ хаты.

Мы и схоронили дитя—ея не было; послѣ ужъ пришла—въ этотъ вечеръ тверезая и бѣлая-бѣлая, истомленная такая; пришла, ничего у насъ не спросила... Послѣ этого опять еще горче запила.

XIV.

Не день и не два, вѣдь, житье-то такое длилось... матинька, два года! Какъ вдругъ Настя сразу бросила пить, никуда и шагу съ двора не ступить; а сама въ такой тревогѣ, въ лицѣ мѣняется, вздрагиваетъ, трепещетъ — вотъ словно она себѣ смерти, или воли ждетъ. Спрашиваю—молчитъ. И такъ три дня прошло. На третій день ввечеру промолвила слово: „обманулъ“!

— Настя, голубушка! говорю ей: что съ тобою такое? Скажи-жъ мнѣ, моя безталанная!

— Что я сдѣлаю?... Я пойду къ нему, пойду... Или я его съ бѣлаго свѣта сгоню, или сама пропаду. Онъ меня увѣрилъ, что въ понедѣльникъ волю пришлетъ... Пойду, пойду, хоть задушю его... Можетъ, полегчаетъ...

Вывалась у меня изъ рукъ, да и побѣжала. Я за нею; сама старухѣ кричу; „бѣда, горе будетъ“!

А Чайчиха только головою кивнула, словно иного она и не ждала.

Бѣгу я да кричу: „Настя! Настя! подожди меня! Я съ тобою хочу идти... Я тебѣ во всемъ помогу!...

Не слушаетъ, бѣжить. Надо было мнѣ домой воротиться.

Нѣту Насти до ночи; нѣту ночью; не пришла и днемъ. Посылала насъ пани ее искать. Искали мы—не нашли.

Коли такъ—на другой ужъ день, въ обѣдную пору—идеть она и два москаля ее провожаютъ.

Бросилась я къ нимъ:

— Голуби вы мои сизые! Что вы съ нею хотите дѣлать?

— Вотъ баба одурѣла! Вѣрно и всѣ вы дурацкаго роду? говоритъ мнѣ сухопаренькій, рыженькій москаликъ, размахивая бумагою. Тутъ ей вольная воля, тутъ бы выбрыковать, а она и остальной толкъ и разумъ потеряла!

— Какая воля? спрашиваю.

— А конечно вольная будетъ—вотъ какая! Уже порѣшили въ судѣ. Какой за нее паничъ хорошій старался!

А другой москаль:

— Эге! небось, за старую никто-бъ не постарался—пропадай, старая!

И шутятъ такъ-то межъ собою.

А Настя бѣлая, какъ платокъ, ни печальна, ни весела—вотъ словно каменная.

Выбѣжала Чайчиха; говорю ей,—не вѣрить и слушать не хочетъ. А пани перепугалась: то за тѣмъ знакомымъ шлетъ, то за другимъ; плачетъ, совѣту просить, жалуется. А мы ждемъ-ждемъ: смерть, или воля горемычнымъ намъ будетъ.

Мутилося у насъ этакъ цѣлую недѣлю! Совсѣмъ ужъ рѣшили, что мы вольныя, а пани все еще не хотѣла насъ пустить; да ужъ надо было.

Вотъ какъ собрали насъ въ послѣдній разъ, да объявили намъ, что мы вольныя, бумагу намъ въ руки дали, вышли мы за ворота панскія—какъ зарыдаетъ тогда Чайчиха!... Рыдаетъ, рыдаетъ такъ, Господи! да только причитаешь: „ой, свѣтъ ты мой милый, свѣтъ ты мой прекрасный“!

Сошлись сосѣди, толпятся на улицѣ, обступили насъ, поздравляютъ, сами съ нами плачутъ, а насъ уговариваютъ. А Чайчиха имъ на то: „Сестрицы! братики! родина! (такъ-то

ужь величаетъ ихъ) не заказывайте, не уговаривайте—пускай поплачу! Я двадцать лѣтъ не плакала“!

И такъ она выговорила эти слова, что всё опять горючими слезами залились.

Какъ я на нее тогда глянула, тогда я только увидѣла, что за добрыя у нея очи, что за ласковая улыбка—словно это не та Чайчиха, молчаливая, мрачная, суровая... Да взглянула она на свою дочку, омрачилась, закручинилась опять тяжко. А Настя стоитъ, на всѣхъ, на все смотреть да шепчетъ: „я ужь сегодня выпила... шумить у меня въ головѣ“... А потомъ: „Люди добрые!—простонала—вольная ли я, или я только пьяная“?...

. . . . . , ...

XV.

Давняя Настина подруга, Кривошеинкова, приняла насъ къ себѣ въ хату. Собралось еще сосѣдочекъ добрыхъ туда къ намъ, да и совѣтуемся, совѣщаемся. Только Настя, какъ сѣла въ уголокъ, какъ опустила голову—словно замерла.

— Настя!—кличемъ,—иди-ко въ совѣтъ, посовѣтуемся!

— Голова болитъ! отвѣтила.

На другой день еще хуже она захворала; ужь съ этого дня и не встала. Таяла она, какъ свѣчечка. Никого не узнаетъ; страшно глядить и все за голову себя хватаетъ. „Горить, горить!“ говорить.

На пятый день она поднялась съ постели, платка ищетъ, вскакиваетъ, будто куда хочетъ побѣжать.

— Настя, куда это?

— Горѣлки хочу!... Пойду, пойду!...

Мать заплакала, просить:

— Дочка моя, опомнись!

— Пустите меня, пустите!

— Куда-жъ тебя пустить? Ты на ногахъ не устоишь... ляжъ!

— То убейте меня, убейте! закричала, ломаячи руки.

Положили ее опять на постель. Начала она метаться; начала стонать, кричать.

— Я вольная, вольная... ну, хорошо! И вольная, и пьяница, и ледащо... Куда-жъ мнѣ голову приклонить? гдѣ? Добрый хозяинъ выгонить: „пьяница, ледащо, надо ее съ своего двора выгнать!“ скажетъ—и выгонитъ, и хорошо сдѣлаетъ... ей-Богу, хорошо сдѣлаетъ!

Къ ночи ужъ совсѣмъ она изъ силъ выбилась, только тихо стонала, да просилась: „Не гоните меня, не гоните— пусть я хоть крошечку отдохну! Матинька, я вѣдь ваше дитя— не гоните“!

Все ей представлялось, что ее гонятъ. И дитя свое вспоминала. „Схороните, схороните мое дитя, шепчетъ, оно ужъ давно умерло“!

Такъ, въ полночь, приподнялась на постели...

— Зима лютая—вымолвила—куда вы меня гоните?

И упала.

Это ея послѣднее слово было.

ДВА СЫНА.

I.

Мужъ померъ, двое дѣтокъ мнѣ оставилъ—на мои руки покинулъ. Надо зарабатывать, надо ихъ, своихъ дѣтокъ, кормить-поить. Не справилась одна. То продала, другое продала,—все попродала. Тяжко намъ, убогимъ бѣднякамъ, свое добро сбывать—вѣдь оно; у насъ кровью нашею да потомъ облито!

Сбыла... хлопочу, бьюсь, бѣдную, горюю отъ ночи до ночи. Некогда вовсе и дѣтками порадоваться, утѣху въ нихъ найти.

А дѣтки растутъ. Уже и выются около меня, и щечечутъ.

II.

Андрійко былъ у меня полнолицый, ясноокій, курчавый; веселый былъ хлопчикъ—и быстрый, рѣзвый. Бывало, за день и допечетъ онъ меня своимъ буйствомъ да шалостями, а еще больше разгонитъ тоску, оживитъ. И поворчу на него; и поцѣлую его. Онъ былъ старшенькой.

А что до Василька—тихий, смирный: и въ хатѣ его не слышать, и во дворѣ не видно. Былъ онъ какой-то задумчивый съизмальства. Потому ли, что онъ въ тяжкое время на свѣтъ народился,—скоро послѣ смерти моего мужа,—или уже Богъ его такимъ нравомъ надѣлилъ.

Андрійко село обѣжитъ—воротится, весь разгорѣлся, смѣется, рѣзвится, съ новыми шалостями, съ новыми выдумками, а этотъ, смотри, сидитъ гдѣ-нибудь около хаты, землю копаешь, точно клада ищешь, или какія-нибудь зелья собираешь, какъ ворожея; червячекъ ему попадется, или бабочка, онъ глядитъ, думаетъ. Окликнетъ Андрійко, онъ такъ весь и содрогнется. А иногда, то ляжетъ, бывало, въ садикъ, да цѣлехонькій день и пролежитъ неподвижно, словно къ чему-то прислушивается.

— О чемъ это ты такъ задумался, Василько? спрошу его.

— Какъ это свѣтъ великъ, мама!

Еще совсѣмъ былъ ребенкомъ, приземкомъ, а уже всѣ зелья, всѣ травы зналъ—и какъ какое называется, и гдѣ, и когда цвѣтеть, и какимъ цвѣтомъ—и когда птички *въ сирей* отлетаютъ, и когда прилетаютъ *изъ сирей*—все онъ это зналъ.

„Это ему такъ Богъ далъ!“ бывало, говорятъ мнѣ люди. „Вы его не тревожьте—это ему такъ Богъ далъ“!

III.

Вотъ это, бывало, долгими этими осенними вечерами, когда стонитъ меня работа, я ихъ заберу обоихъ на колѣни, да начну ихъ уму-разуму учить, на добрый путь наставлять,—какъ умѣю, такъ и учу, какъ знаю, такъ и наставляю. Рассказываю имъ то и се, и другое и третье—толкую съ ними и разсуждаю.

Вотъ мой Андрійко скоро и заскучаетъ—такъ застучаетъ! и глаза себѣ третъ, и зѣваетъ, и вздыхаетъ: „мама,пусти ужъ ты меня!“ просится. А только пустишь—такъ чего-чего не натворитъ! И шумить, и проказничаетъ—пока ужъ сонъ его съ ногъ свалить, какъ выстрѣлъ. А Василько хоть цѣлехонькую ночь долгую радъ со мною сидѣть, слушая меня да пристально глядя мнѣ въ глаза—не сморгнетъ, не шевельнется.

Заснемъ. Ночью пробужусь—не спать мой Василько.

— Василько, отчего не спишь?

— Такъ... не хочу... Отчего, мама, ночь темная, а не такая, какъ день?

— Такъ Богъ далъ, дитя мое, такъ Богъ далъ, что ночью темнота. Спи, говорю ему, спи, милый.

Онъ и умолкнетъ. Только еще долго будетъ беспокойно ворочаться, или вздыхать.

Бывало, мѣсяцъ свѣтитъ въ окошечко, то Василько глядитъ на него, не сводя глазъ. А я слыхала отъ людей, что нехорошо это, если на сонныхъ людей падаетъ мѣсячный свѣтъ, такъ и закрывала ихъ, и приказывала Васильку: „не гляди на мѣсяцъ, Василько, не годится“! Онъ и вздохнетъ. Очень рѣдко, бывало, успокоится онъ тихо и безмятежно, а то или совсѣмъ у него сна нѣтъ, или сны ему неспокойные снятся.

Андрійко не такой. Уже заря занялась, уже и солнышко взошло, а онъ спать себѣ крѣпкимъ сномъ, разбросался-разгорѣлся, и сонный пышетъ весельемъ. Каково съ вечера трудно уговорить его и уложить, таково трудно и поднять утромъ. А разъ пробудился мой бѣдокуръ—такой шумъ въ хатѣ поднимется, что вся хата дрожитъ. Бѣготня, возня, шалости, проказы—пойдетъ дымъ коромысломъ! А самъ такой веселый, довольный, радостный, такой утѣшный мальчикъ! Да хоть жалко бывало, а надо останавливать, укромлять: бывало, и постращаешь, и прикрикнешь на него.

Василько—меньшій, а наставляетъ старшаго брата. Андрійко скорый былъ, пылкій,—искра точная,—бывало, что до трехъ разъ онъ въ день и больше поссорится съ дѣтьми на улицѣ, а то такъ и подерется за какіе-нибудь пустяки.

— Андрійко, говорить тогда Василь, а что ты не весель?

— Подрался, вотъ что!

— Вотъ видишь, Андрійко, то-то и есть! тебѣ твои

шалости даромъ не прошли. А если бы ты не связывался, то и не печалился бы теперь, и не было бы тебѣ совѣстно, что и побить ты, и виновать.

А Андрійко ему свое:

— Такъ сидѣть скучно! Скучно такъ тихо сидѣть!

И снова юркнетъ изъ хаты — и слѣдъ его простылъ!

Тихій былъ Василько, разсудительный. Кто его такому уму-разуму научилъ, Богъ его знаетъ. Игръ, товарищескихъ сходовъ не любилъ: поидеть, бывало, куда къ товарищу, такъ долго не засидится, не занграется нигдѣ. Такъ и выросъ особнячкомъ, больше наединѣ самъ съ собою.

Не разговорчивый былъ, не смѣшливый, не веселый. Въ кого онъ уже такой уродился! Андрійко—тотъ всѣхъ дивчать въ селѣ знаетъ. Работаетъ, усердно работаетъ и трудится, а таки выберется, вырвется у него свободный часокъ на молодецкое гулянье. Василько же, если ужъ за что принялся, не отойдетъ на шагъ, и очей не сведеть, и мыслью не забѣжитъ въ сторону,—вся душа его тутъ, въ его работѣ.

IV.

Дѣти мои! Дѣти мои!

Прошелъ у насъ слухъ, что рекрутчина скоро будетъ. Какъ только я услыхала, меня такъ холодомъ и охватило. Взглянула на своихъ паробковъ: что это за хорошіе, что за молодые они, Господи Боже мой!

Однимъ утромъ—пусть бы не приводилъ Богъ такого вспоминать, пусть не доведется никому такого увидать!—сказали мнѣ, что Андрійко на чередѣ въ рекруты.

Сбираю его, снаряжаю. Каково-то свое дитя на лихо, на бѣду снаряжать! Кто того не знаетъ, пусть же тотъ меня спросить! А Андрійко, то уже на моихъ глазахъ приваль.

Гдѣ дѣвался взглядъ смѣлый, видъ молодецкій? гдѣ усмѣшка веселая, слово бойкое?

Надо ли рассказывать, что не одна старуха мать своими слезами крушила его сердце? Плакали по немъ и молодыя очи. Онъ былъ такъ хорошъ и пригожъ! Какъ, бывало, пѣсни поетъ! По вечерамъ его голосъ такъ и разливается по всему селу. И выпѣлъ себѣ дивчину. Лѣтней порой, теплыми и тихими вечерами, лежу, бывало, безъ сна, думаю да горюю, и слышу ихъ тихіе и пылкіе разговоры. Я уже надѣялась, къ осени у меня невѣстка будетъ въ хатѣ. Пошла моя надежда прахомъ!

V.

Сказано, въ среду, послѣ обѣда, везти новобранцевъ въ городъ. Сижу я да дожидаю этого часу, какъ вдругъ вбѣгаетъ Василько мой, задыхается, блѣдный, и за нимъ два человѣка въ хату.

— Хозяйка! снарядите обоихъ—панъ велѣлъ и Василя брать.

Я имъ не вѣрю...

— Не будетъ этого! говорю имъ, не будетъ! Не можетъ быть! Вѣдь панъ самъ человѣкъ, самъ дѣтей имѣеть.

— Мама, говорить Василь, это правда. Они говорятъ правду: такъ приказалъ панъ.

И всѣ меня уговариваютъ, а у меня сердце словно замерло: и слышу, что говорятъ, и разумѣю, а до души мнѣ ничто не доходитъ, ничто не трогаетъ.

. . . . .

VI.

Выѣзжали три тройки. Все новобранцы ѣхали. За ними родня идетъ, провожаетъ. Сѣла и я между своими сыновья-

ми, їду. Дорога мелькаетъ, лѣса да поля перебѣгаютъ въ глазахъ.

И такъ со мной случилось, точно я малый ребенокъ: ничего не разумѣю, не знаю, не помню. Только, какъ гляну на дѣтей, то страшно станеть.

Пріѣхали въ пріемъ, повели ихъ туда, а мы стоимъ, ждемъ. Меня точно сонъ клонитъ,—да будятъ меня, кто плачемъ, кто рыданьемъ. Первыхъ моихъ вывели... Господи, Боже мой! Ты у насъ великъ, ты у насъ милостивъ! лучше-бъ, кажется, я въ землю ихъ похоронила!

VII.

Привели меня въ какую-то темную хатину,—землянка, или погребъ, или что такое, не разберешь. Какой-то солдатъ сидитъ: головастый, неприбранный, неумытый, весь въ щетинѣ, что ежъ. Это, говорятъ мнѣ, будетъ ихъ дядько, набольшій ихъ.

Кланяюсь, прошу: „Не оставьте вашею ласкою и милостію, добродію, моихъ сыновей“!

Даю ему, что тамъ могу дать, деньгами, а то полотномъ,—даю и на дѣтокъ кое-что.

— Не кручинься, старушка, прохрипѣлъ дядько—немножко сынки ваши поскучаютъ—безъ этого нельзя на свѣтѣ,—а послѣ и слюбится: молодцы будутъ, вотъ, примѣрно сказать, какъ и я!

Взглянула я тогда на него попристальнѣй: красный, одутловатый, глаза какіе-то померклые... Боже мой! А мои сыновья, мои дорогіе! у нихъ еще душа святая, и взглядъ ясный, и лица свѣжіе, какъ цвѣтокъ цвѣтутъ!

VIII.

Прощались мы. Проводили меня дѣти за городъ.

Вотъ еще и до сихъ поръ, когда выберется лѣтомъ зной-

ный день и душный, то я вспомню то прощанье наше: вотъ, идемъ городомъ... позаперты всѣ строенія, всѣ дома; позакрыты всѣ окна вездѣ; за городомъ темный сосновый боръ вдали, и къ нему вѣтся дорога песчаная; движется передъ глазами возъ скрипливый по песку, на небѣ пекущее солнце...

. . . . .

IX.

Осталась я одна—одинохонька, хвора́я. Ни сну мнѣ, ни отдыху. Работаю черезъ силу, ничего не знаю, не слышу, не чую...

Проходить годъ, и другой, и пятый...

Меня точно черная туча обви́ла—только и свѣтятся мнѣ въ этой темнотѣ двѣ звѣздочки—дѣти мои.

Послѣ Рождества, сижу я однимъ вечеромъ, — ужъ очень поздно было,—пряду. На дворѣ метель такая, вьюга,—въ окна такъ и бьетъ,—даже огонь ровно горѣть не можетъ въ хатѣ: то вспыхнетъ, то сверкнетъ, то его чуть не задуетъ.

Какъ вдругъ: стукъ-стукъ!

Отворяю—Василь!

— Василечка! ты! А Андрійко гдѣ?

— Нѣтъ ужъ, мама, на свѣтѣ, Андрійка! Легъ онъ, да ужъ и не встанетъ!

А я точно знала! Я его, что день, что ночь, все оплакивала. А жить бы такому да жить! И ростомъ, и силою, и красою онъ въ отца покойнаго уродился,—да и смерть такая же ранняя его постигла!

X.

— Постарѣли вы, мама! Какъ вамъ тутъ жилося, спрашиваетъ. Нужды приняли?

— А такъ мнѣ жилося: встаю — плачу, и ложусь — плачу, такъ мнѣ жилось!

— Я, мама, къ вамъ умирать пришелъ.

Приглаголюсь я къ нему: горе мое! молодой, а уже видно надломленный!

— Василько! пусть бы лучше не доживать мнѣ до этого часу, не слышать этихъ словъ!

Истинная правда была, что онъ сказалъ. Таесть и таесть мой Василько, какъ восковая свѣчка. Полежалъ, похворалъ — да къ веснѣ и преставился.

Гдѣ ему и жить было! Онъ и росъ-то такой, что только слава, что ростеть, а та выправка военная да походы всю силу, какая и была, погубили.

— Не на то я совсѣмъ родился, чтобъ людей на войнѣ убивать, мама, бывало, говорить мнѣ, — не для такихъ, какъ я, война та, и воинъ изъ меня плохой.

Какъ уже лежалъ въ тяжкомъ недугѣ, такъ все, бывало, думаетъ, да думаетъ, да думаетъ.

— О Боже, Боже! скажетъ, бывало, какъ свѣтъ хорошъ! А я и не нажился! А я и не научился ничему! Ничего не знаю!

И въ послѣдній часъ промолвилъ:

— Не жилъ я, мама, на свѣтѣ! только собирался жить! Молодой, и точно косою его скосило... А я осталася...

XI.

Только мнѣ и утѣхи, и отрады, что иногда приснятся дѣти. Да все снятся они мнѣ маленькими, а паробками никогда.

И какъ живые стоятъ передъ моею душою. Андрійко веселый, курчавый, будто бѣгаетъ по хатѣ, да шумить, а въ хатѣ ясно-ясно! Василько сидитъ надъ зельями, надъ травами, задумался...

Проснусь... пусто! Работа дожидаетъ меня; надо жить, надо трудиться, надо нужду терпѣть...

Живу. Гляжу, какъ хата ветшаетъ, валится. Чую, что и сама я пылью припадаю... какъ-то глупѣю, какъ-то тупѣю, словно живая въ землю вхожу...

НЕ ПОДЪ ПАРУ.

I.

Какъ ни живи, а лихо тебя не минеть. Такъ ужъ намъ Богъ далъ, такая ужъ доля наша...

Была у меня племянница; при мнѣ она и выросла, потому что сиротою осталась съ дѣтства. Я и отца, и мать ея похоронила и оплакала, я и ее уму-разуму научала, и добро ея берегла. У нея и хата была славная, и усадьба, и сундуки такіе на колесахъ, что, бывало, наклонись доставать что, то какъ надъ колодцемъ: дна не достанешь.

Живеть она у меня веселенькая такая, а хороша! Не могу вамъ и рассказать, какъ хороша! Такая чернобровая, да ясноокая, да уста алыя, да станъ стройный и гибкій. А ужъ что за веселая была! Что за игривая, за рѣзвая!

И хозяйка изъ нея отличная, работающая. Какъ доросла она до совершенныхъ лѣтъ, то я ужъ почитай безъ хлопотъ хлѣбъ ѣла: она и сдѣлаетъ все, и присмотритъ за всѣмъ, и всѣмъ распорядится, все обдумаетъ и обсудитъ, и хату собою развеселитъ, и меня утѣшитъ.

II.

Живемъ мы такимъ образомъ да поживаемъ,—согласно

и любовно, какъ вдругъ я замѣчать начинаю, что Парася что-то задумывается—все сама съ собой думаетъ, думаетъ и думаетъ. Громко словечка не скажетъ, весело не засмѣется, не глянетъ. И похудѣла немножко.

Мнѣ она не признается ни въ чемъ, а я не допытываюсь. Ходила она и на улицу, и на вечерницы. Идетъ, бывало, и скажетъ: „Тетя, милая, я пойду къ дивчатамъ“, или тамъ куда еще, а теперь выпорхнеть изъ хаты, не спроситъ меня...

III.

Однимъ вечеромъ вернулась она домой такая тихая, а веселая; хочетъ, какъ будто, что-то мнѣ сказать и не говорить.

— Что, Парася, голубка? Что тебѣ добраго по дорогѣ попало? говорю ей шутя, а она все сомнѣвается мнѣ сказать, все колеблется,—только глянетъ да покраснѣетъ. А я все настаиваю: скажи да скажи!

Она встала и говорить тогда:

— Я, тетя милая... я... я ужъ скоро замужъ пойду.

— Боже тебѣ помоги! Пусть Матерь Божья даетъ тебѣ и таланъ, и счастье!

Спрашиваю, за кого она думаетъ...

— За Семена Палія.

— Охъ, дитя мое! Подъ пару ли онъ тебѣ? говорю ей.

— Подъ пару! О, подъ пару! отвѣчаетъ мнѣ и съ гордостью, и съ радостью.

IV.

А Семенъ Палій этотъ былъ человѣкъ чудной да дивный на все село. Богачъ былъ, а жилъ, какъ убогіе бѣдня-

ки живутъ. Онъ, бывало, не пріобрѣтеть, не наживетъ, а въ убытокъ войдетъ, за какой торгъ ни возьмется: продаетъ ли онъ, покупаетъ ли, такъ все не на корысть себѣ; всякій его проведетъ, у кого на то есть охота. Не то, чтобы онъ былъ такъ себѣ, плохой: голова у него была не даромъ на плечахъ, голова разумная была,—и словомъ, бывало, онъ, точно медомъ, тебя опьянитъ, а вмѣстѣ съ этимъ чудной... да, чудной какой-то человекъ. Такихъ людей я и не видывала. Бывало, случается, что на него точно найдеть что-то такое: будетъ онъ лежать цѣлехонькій день въ огородѣ, словно хворый, или ночь вдругъ напролетъ пробродитъ по степи, по полю. Кто его знаетъ, что съ нимъ подѣется! Кто его разберетъ?

V.

Вотъ я и говорю объ всемъ объ этомъ племянницѣ, все ей напоминаю, предостерегаю. А она... Ужъ извѣстно, что дѣвушка ни на что не обращаетъ вниманія полюбивши. Любить, то ужъ любить. Хотя и знаетъ, что будетъ горе, будетъ напасть, да не боится,—ни по чемъ ей своя доля—любовь ей одна дорога!

Совѣтовала я и просила. Она плакала слушая, а душа ея къ Семену Палію, какъ мотылекъ къ огню: не отгонишь, не удержишь. Что мнѣ дѣлать? Не рѣшилась разлучать,—поблагословила!

VI.

Да и сама радозалась, глядя на ихъ милое и согласное житье. Приду, бывало, къ нимъ въ гости—сидятъ вмѣстѣ... что за счастливые! что за пригожіе! Когда я присмотрѣлась къ нему—пристрастилась, матинка моя, пристрастилась такъ, что сталъ онъ мнѣ за родное дитя. Такой у него взглядъ былъ, такой разговоръ, такая краса, что родной онъ тебѣ да и полно!

Прибѣжить, бывало, Парася ко мнѣ на минуточку... Господи! какая веселая! какая довольная!

— А что, Парася?

— Да хорошо мнѣ, тетя, сердце мое, хорошо мнѣ на свѣтѣ! Любить онъ меня очень! И шагу отъ себя меня не отпускаетъ; все просить пѣть ему: „Садись около меня, пой мнѣ, пташка моя, пой“. Вотъ я и пою, а онъ слушаетъ да глядитъ мнѣ въ глаза... Что это за глаза Господь ему даль!

— А хозяйство? какъ идетъ? спрашиваю.

— Да и хозяйство теперь ничего, хорошо идетъ. Хорошо, все хорошо, все отлично! Я ужъ такъ стараюсь, такой у меня порядокъ, такъ угождаю ему! А онъ, тетя, онъ все не даетъ мнѣ дѣла дѣлать,—ей-Богу! Если я у печи занята, или такъ вообще хозяйничаю, онъ сейчасъ: Парася! что ты такъ долго? гдѣ ты?—Да я для тебя, мой милый, чтобы тебѣ повкуснѣй обѣдъ сготовить!—Мало мнѣ нужды до обѣда, говорить, все - равно мнѣ, какой онъ ни будь, серденько! Вотъ иди-ка, сядь около меня, да обними, да будемъ съ тобой говорить, какъ это на свѣтѣ жить, какъ это люди на свѣтѣ живутъ... И какъ начнетъ онъ, тетя, рѣчи вести, то я и заслушалась, то я и позабуду все, что тамъ у меня подъ руками. Опомнюсь—даже стыдно и совѣстно, что за хозяйка изъ меня за такая... Теперь я ужъ разсудительнѣй стала, хлопочу, шью, мою... А онъ, гляжу, и опечалится, и станетъ такой мрачный, и не ѣстъ, и не пьетъ ничего. А я прошу, а я прошу: да хоть попробуй, да хоть немножко попробуй! Вѣдь вкусно! вѣдь очень вкусно!—Еще бы, говорить, когда ты своими ручками приготовила—и ручекъ не пожалѣла, и мыслей, и думъ сколько положила!—будто смѣется надо мною говорить. А я его цѣловать—тогда онъ опять веселый и довольный!

VII.

Я, бывало, радуюсь, слушая ея щебетанье. Не было у меня тогда и думки, не было и мысли, чтобы все это счастье обратилось въ великое горе. Хоть Парася ужъ не учащаетъ ко мнѣ, какъ прежде, да я все себѣ думаю: это потому, что она тамъ себѣ прохлаждается въ счастіѣ да въ блаженствѣ! Сказано: хорошо дяденькѣ на свѣтѣ, такъ дяденька и Бога забылъ!

Вотъ, какъ-то я собралась да и пошла къ нимъ въ гости. Дѣло было въ воскресенье. Хата ихъ заперта. Я тогда въ садикъ, и вижу сидятъ они вмѣстѣ, только что-то оба не-веселые; сидятъ молча.

А садикъ у нихъ по горѣ зеленѣлъ далеко—до самой рѣки. Подъ садомъ рѣка широко шла въ берегахъ. По той сторонѣ рѣки ржи желтѣютъ; слышно, мельница шумитъ, и слышишь и видишь—шумятъ и волнуются вербы на плотикѣ, и на все теплый, благодатный вѣтерокъ повѣваетъ...

Они подъ грушею сидятъ. Онъ глядитъ куда-то вдаль, далеко, а она на него. Падхожу—оба встрепенулись, вздрогнули.

— Богъ помочь! все ли здоровы?

— Милости просимъ!

Привѣтствуютъ, говорятъ со мною, а все мнѣ кажется, что-то не такъ оно, какъ прежде было. Ни малѣйшей, кажись, переменъ—а совсѣмъ что-то не такъ! Все живо, все тутъ на взглядъ, а чую, что словно что-то умерло, ушло, пропало...

Посидѣла я у нихъ да и домой собираюсь.

— Проводи-жъ меня, Парася, говорю ей.

Она и пошла меня провожать.

— Парася, говорю, что это вы такіе сегодня? Что съ вами?

А она: Ничего, тетя, ей-Богу, ничего!

И не сказала. Такъ мы и попрощались.

Иду я да думаю: Чего это она такая беспокойная, такая тревожная стала? Что это тамъ у нихъ дѣется? А можетъ, думаю, можетъ, немножко повздорили? Ну и помирятся, мои дорогіе,—за этимъ дѣло не станеть!

VIII.

И жду я ее, жду, а ея нѣту. Хоть когда на работѣ и вижу ее, такъ все на минутку.

— Отчего не придешь, не провѣдаешь, Парася?

— Приду, тетя, приду!

А сама все не идетъ, и примѣчаю—блѣднѣетъ да худѣетъ моя Парася.

Иду я опять къ ней. А зима уже стала: морозы большіе были. Прихожу—она печь растопила, а сама сидитъ противъ огня и голову опустила, и руки сцѣпила. Что это? живая она или замерла? Охъ, постигла мою Парасю лихая напасть, пришла бѣда въ гости! думаю.

— Парася! говорю ей.

Тогда она приподнялась съ мѣста, блѣдная и мрачная.

— Скажи мнѣ, дитя мое милое, скажи свою печаль!

Она молчитъ, да на пламя глядитъ. И додго я просила, а она только туда глядѣла, а потомъ, обернувшись ко мнѣ лицомъ: мужъ не любить! промолвила.

— Какъ не любить, Парася? Богъ съ тобою!

— Не любить! вымолвила, да такъ изъ души какъ-то вырвалось у нея это слово, что я вдругъ, сразу повѣрила ему. Прежде любилъ,—теперь не любить!

— Что-жъ, онъ тебя обижаетъ? спрашиваю. Можетъ, бьетъ?

— Нѣтъ, не бьетъ, не обижаетъ,—только не любить: не глянетъ, не приласкаетъ, не усмѣхнется.

— Что это случилось съ вами! говорю.

— И сама не знаю! отвѣчаетъ. Я угождала ему, я любила его,—да такая, видно, ужъ моя доля!

— Можетъ, за что-нибудь онъ разсердился на тебя... за что-нибудь гнѣвается, обижается...

— За что? Развѣ я его не слушаюсь, развѣ я спорю, перечу? Бывало, лѣтомъ, сидимъ въ саду, онъ мнѣ показываетъ: „гляди, какъ вода чиста! какъ въ очеретѣ шумить,—слушай!“ То я сначала не глядѣла, не слушала—не хотѣлось, не манило меня вовсе. Лучше я тебя поцѣлую! бывало скажу ему на это, чего тамъ глядѣть! что тамъ слушать! потомъ, вижу, что онъ сдвигаетъ брови, такъ я сейчасъ угождать ему стала, и приглядывалась, и прислушивалась, точно отъ роду я этого не видывала, не слыхивала—все ему въ угоду! Опять тоже, когда умеръ Лисенко, да вдова стала имущество распродавать, я просила его: Купи! купи—дешево у нея купишь! А онъ мнѣ на это: сиротскимъ добромъ хочешь разбогатѣть, Парася? Я ему доказываю, что все равно покупать люди. „Да не мы!“ Вижу, что это почему-то ему горько и непріятно, я и замолчала. А какъ желалось мнѣ купить! Нѣтъ, тетя, я его слушалась, я ему угождала, да это ужъ мое счастье такое!

IX.

А тутъ какъ разъ онъ самъ вошелъ въ хату. Снялъ шапку, поздравствовался, а самъ такой далекій, гордый, понурый!

— Холодно, озябъ, говорить.

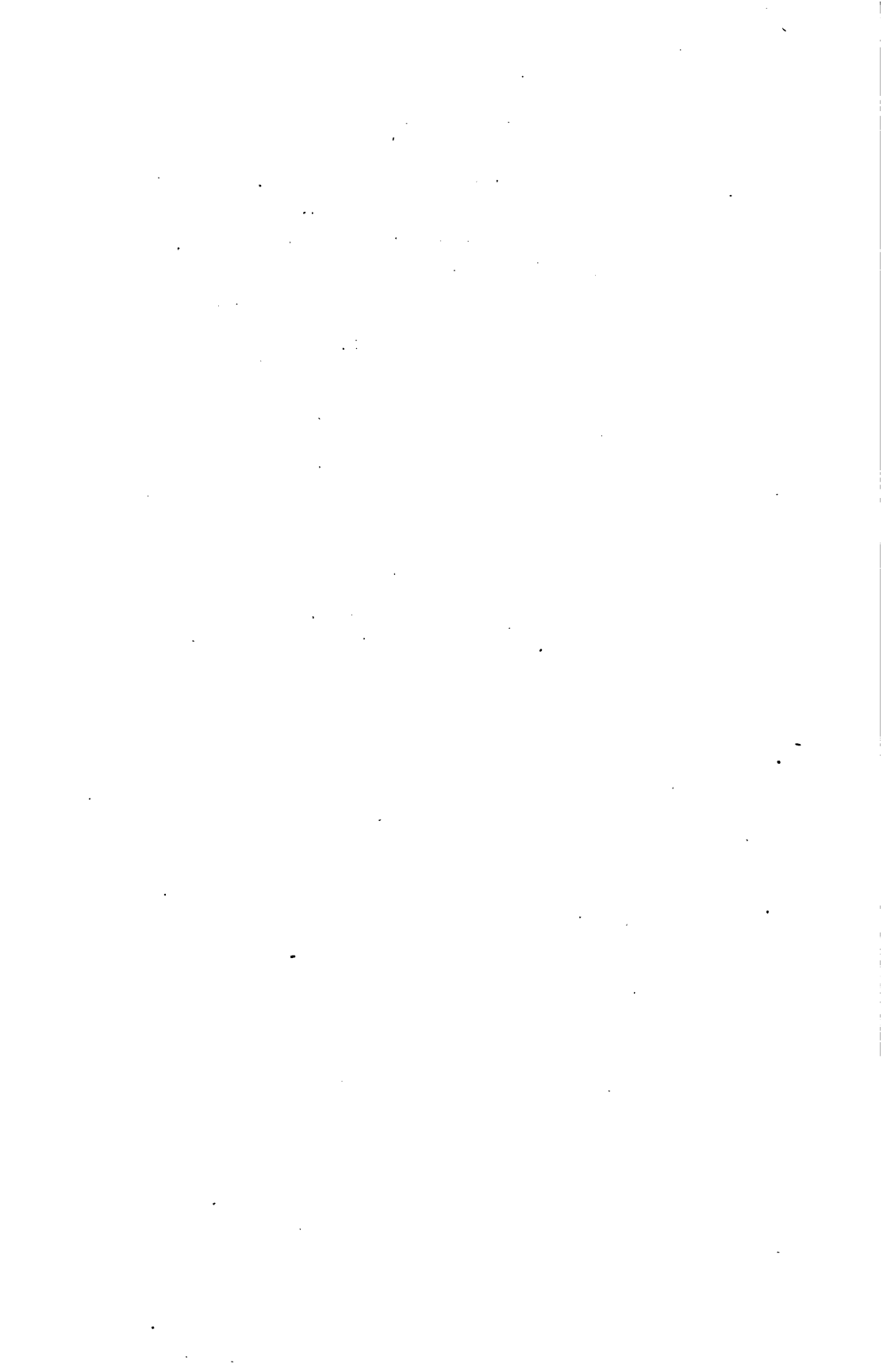
Какъ Парася вскочить! Дуетъ на огонь, схватываетъ его кожухъ, отряхаетъ,—какъ надъ дѣтьми въ опасности птица, такъ она бьется тутъ!

А онъ—такой хорошій! Я и не видала его, кажется, никогда такимъ хорошимъ,—онъ стоитъ, протянулъ руки къ

огню, грѣется и задумался. А попадется Парася на его печальные и гордые глаза, онъ отвертывается...

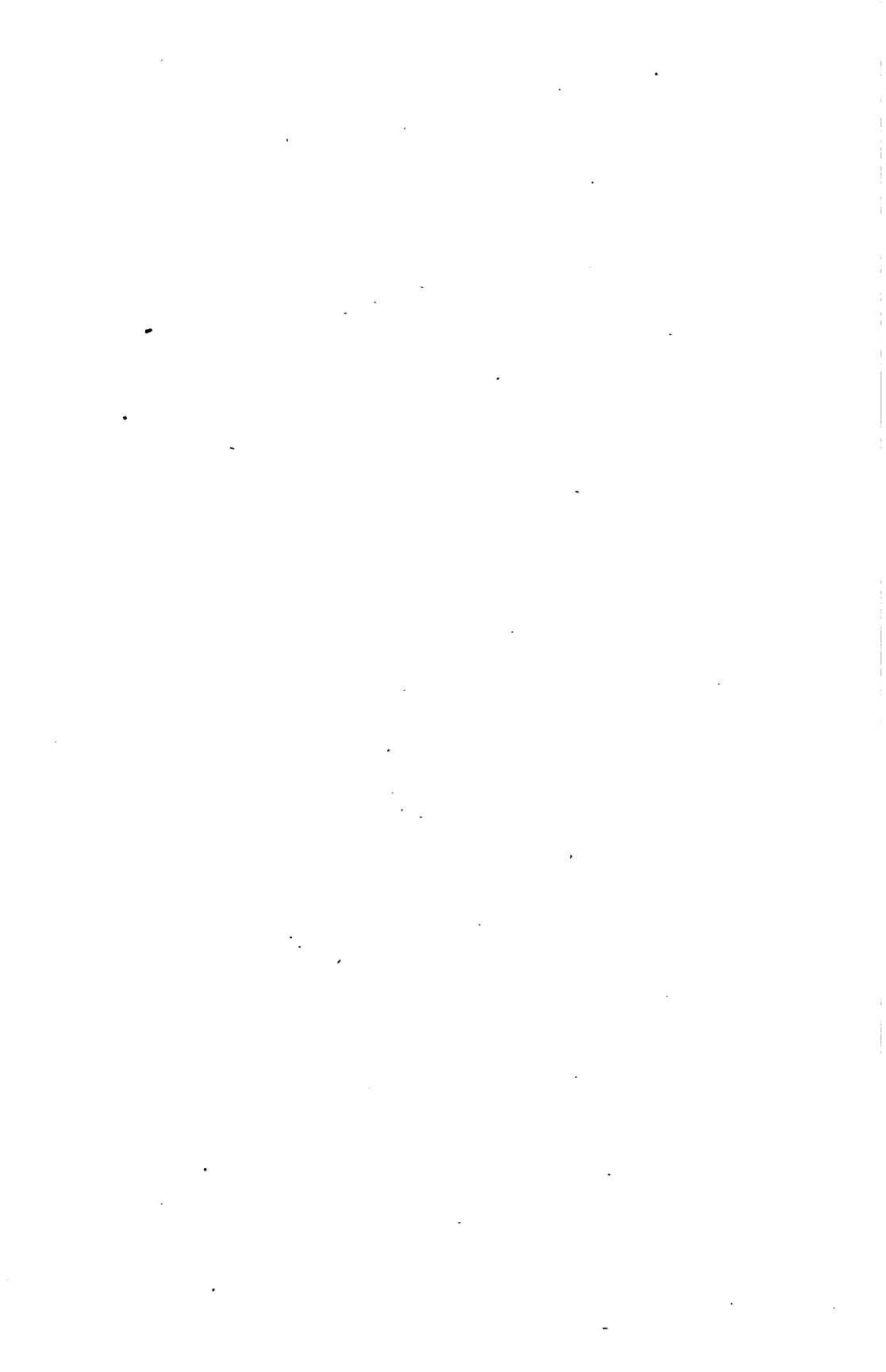
Хотѣла я что-то сказать, что-то посовѣтовать, да не сказала ничего—пошла домой.

И сколько разъ я хотѣла къ нимъ пойти, да какъ вспомню,—не пойду! Какъ вспомню, что стоялъ онъ такой спокойный, такой далекій, матинка моя родная! какой далекій! Нѣтъ, не пойду! Ужъ не поможется!

СКАЗКИ.

СКАЗКА

О ДЕВЯТИ БРАТЬЯХЪ РАЗБОЙНИКАХЪ

и

О ДЕСЯТОЙ СЕСТРИЦѢ ГАЛѢ.

I.

Жила одна вдова около Кіева, на Подолѣ, и самое несчастное было ея житье. Терпѣла она великую нужду и убожество. Жила вдова при большомъ городѣ, гдѣ громоздились богатые дома, гдѣ сіяли и сверкали церкви съ золотыми крестами, гдѣ люди съ утра до ночи копошились тьмой-тьмущей, а такого безпомощнаго убожества, какое у вдовы было, хоть бы поискать въ самой глухой глуши, гдѣ человѣческаго жилья не отыщешь, человѣческаго образа не встрѣтишь и голоса не услышишь, а живешь съ звѣрями да съ птицами, съ деревьями да съ камнями, съ горами да съ рѣками: звѣри рыскаютъ себѣ на добычу, птицы поютъ, деревья шумятъ, камни лежатъ, горы высятся, рѣки текутъ и некому тебѣ помочь, ни poradѣть; некому посовѣтовать, ни пожалѣть.

Было у вдовы девять сыновей и десятая дочь, Галя. И уродились всѣ девять сыновей одинъ въ одного: голосъ въ голосъ, волосъ въ волосъ; только самый меньшой сынъ былъ чуточку побѣлѣй да понѣжнѣй,—всѣ свѣжіе, смѣлые, чер-

нявые мальчики и всѣ любили и лелѣяли свою сестрицу Галю, а больше всѣхъ меньшей. И всѣхъ любила и ласкала сестрица Галя, а больше всѣхъ меньшого. Случается, пойдутъ братья по ягоды въ боръ, или по грибы и возьмутъ сестру съ собою, то ужъ никому не уступить меньшей нести усталую Галю на рукахъ и ни къ кому Галя не пойдетъ на руки съ рукъ меньшого брата. А когда братья одни ходятъ и гуляютъ, и воротятся домой,—всѣмъ обрадуется Галя, а въ перваго, въ меньшого брата, такъ и вопьется губками, какъ півочка, такъ и обовьется ручками, какъ хмѣлинка. А когда не угодять ей въ чемъ братья, Галя поплачетъ и погорюетъ, и пожалуется въ слезахъ и въ горѣ, да и конецъ; а если меньшей братъ что не по ней сдѣлаетъ, такъ Галя и словечка не сможетъ вымолвить, и убѣжить отъ всѣхъ, и спрячется отъ всѣхъ, и найдутъ ее потому только, что громко рыдаетъ она, и никто ея слезъ унять, ни ручекъ отъ личка отцѣпить не сумѣетъ и не сможетъ кромѣ все того же меньшого брата.

Жила вдова съ дѣтьми въ хаткѣ—и хаткой-то назвать нельзя—въ хижинкѣ, и стояла вдовина хатка на лугу подъ горою, вдалькѣ отъ всякаго другого жилья; стояла на широкомъ, зеленомъ лугу. Съ одной стороны надъ хатой нависла каменистая гора, поросшая лѣсомъ, и точно грозила: вотъ захочу, одинъ камень покачу и тебя, хатку, совсѣмъ придавлю. Направо мимо хатки вилась дорога въ городъ,—и какъ была тиха и пуста эта дорога мимо вдовиной хатки, и какъ, чѣмъ дальше къ городу, все люднѣй и живѣй, пылить и стучить, а тамъ—тамъ, гдѣ взбѣгаетъ она на гору и гдѣ улицы домовъ толпами къ ней приступаютъ, какъ она шумна, пыльна и людна! Та же дорога вилась налѣво по лугу, все по лугу, по мягкой зелени, и завивалась изъ глазъ все по тому же мягкому лугу. Отъ самой хатки узенькая дорожка перекрещивала эту дорогу и бѣжала къ самому Днѣпру.

И вѣрно всякій, кто мимо ѣхалъ и видѣлъ хатку, думалъ: что за маленькая хатка стоитъ, какъ она въ землю вошла и покрывилась, какъ окошечко покосилось и какъ

крыша убралась въ зеленый и сѣрый мохъ! И не огорожена хатка, и безъ сѣней, и безъ коморы, и ни садика, ни огорода около, только старая, тихая груша съ сломанною вершиною. И сколько дѣтей вокругъ! А если бы кто свернулъ съ дороги и вошелъ въ хатку, такъ увидалъ бы, что какъ ни мала хатка и сколько въ ней ни живетъ душъ, совсѣмъ она пустая. Ничего тамъ не было, кромѣ лавки, да узкой полочки, гдѣ стояла миска съ ложками. Печь растрескалась и осѣла, на запечкѣ опрокинутый горшокъ, два колышка въ стѣнѣ, на которыхъ ничего не висѣло, столъ съ щелью во всю длину посрединѣ, на которомъ ничего не стояло; въ углу образъ съ стершимся ликомъ, обвитый сухими и свѣжими цвѣтами,—вотъ и все. А если-бы кто спросилъ дѣтей: гдѣ же ваши рубашонки? гдѣ ваша одежда? Дѣти бы показали тому, что рубашонки сушатся на берегу, а другой одежды нѣтъ у нихъ никакой. А зимой? а въ холодъ, морозы?—Зима, холодъ, морозы? О, это нехорошее время! Только она начинаетъ подходить, зима, мать пуще плачетъ и все повторяетъ: какъ-то мы перебудемъ! какъ-то мы перебудемъ! И скучно всегда перебивать: холодно, надо сидѣть на печи поджавши ноги, а если выбѣжишь на лугъ и потанцуешь по снѣгу, такъ скоро, какъ обожженный, бросаешься въ хату, на печь, опять сидѣть поджавши ноги. Игра въ докучную надоѣдаетъ, и только еще одну Галю немножко смѣшить, а всѣхъ сердить; знакомая сказка о Иванѣ никого не трогаетъ, только Галю немножко. День такой коротенькій, быстро вечеръ наступаетъ и въ хаткѣ дѣлается темно. И сидятъ они въ темнотѣ на печи, ждутъ мать съ подѣнщины и молчатъ; только Галя иногда оробѣетъ и шопотомъ спрашиваетъ: „что, если волкъ придетъ?“—„Не придетъ“, отвѣчаютъ ей всѣ.—„А что, если бука придетъ?“ шепчетъ опять Галя. Всѣ ближе другъ къ другу придвигаются и говорятъ Галѣ: „О, трусиха!“ а меньшей беретъ ее за руки. „А какъ придетъ волкъ?“ опять таки пристааетъ Галя, и всѣ ею недовольны, кромѣ меньшого—меньшой ее потихонку успокаиваетъ. И Галя успокаивается и иногда пѣсенку запоетъ про журавля, что „длинноногій журавль на мельницу ѣздилъ, диковинку

видѣлъ“, и меньшей братъ чувствуетъ, какъ длинноногій журавль ѣздитъ и диковинку видѣлъ, потому что Галя подъ пѣнье треплетъ брата обѣими рученками по лицу. Пѣсенка какъ-то незамѣтно обрывается; длинноногій журавль остается на дорогѣ и Галя засыпаетъ у меньшого брата на рукахъ. Скучно-скучно! холодно-холодно! темно-темно! Въ покосившееся окошечко видѣнъ лугъ подъ бѣлымъ снѣгомъ. Бѣлый снѣгъ то заблеститъ, то потеряетъ блескъ—это значитъ мѣсяцъ ныряетъ въ облакахъ. Что-то дальше будетъ: заблеститъ ли бѣлый снѣгъ еще ярче при мѣсяцѣ и звѣздахъ, или повалитъ снѣгъ свѣжій, мятель разыграется, забьетъ покосившееся окошечко, занесетъ дорожку, задержитъ мать дольше? И что мать принесетъ имъ?

Вотъ по снѣгу скрипъ поспѣшныхъ, слабыхъ и невѣрныхъ шаговъ, дверь въ хату отворяется—мать пришла. Она пришла измученная, изморзшая. Что она принесла? Принесла хлѣба, картофелю, а если еще немножко крупъ на кулишъ, такъ ужъ и хвалится дѣтямъ, что вотъ мы себѣ сваримъ кашницу. И всѣ ждутъ кашницы, а Галя загодя-загодя усядется съ ложкой въ рукахъ и время отъ времени окликаетъ: мама? и окликаетъ такъ, словно она храбро рѣшается спросить о томъ, что всѣхъ томить и этимъ храбрымъ вопросомъ даетъ всѣмъ силъ терпѣливѣй ждать. Послѣ каждаго оклика она припадаетъ къ меньшому брату, будто говоря: какова твоя Галя? И братъ гладитъ ее по головкѣ и даетъ понять ей, что славная она Галя.

Затопленная печь разгорается и трещитъ, красное пламя играетъ на окошечкѣ, изъ печныхъ щелей выходятъ струйки дыма—хатка въ одно время и освѣщается огнемъ и наполняется дымомъ: ясно видна измученная фигура, что хлопочетъ у печки, но нельзя разглядѣть, что за думы у ней на лицѣ, что за лицо; то покажется, что она усмѣхается и заботливо снѣшитъ и хлопочетъ, то покажется, что ее душитъ какая-то печаль и боязнь чего-то, и отъ этой духоты она такъ суетится около печи; что не отъ дыму у ней слезы бѣгутъ.

Наконецъ, ужинъ готовъ; Галя смѣется и всѣ ужинають и спать ложатся.

Огонь въ печи мало-по-малу потухаетъ, точно самъ начинаетъ дремать, тухнетъ совсѣмъ—въ хаткѣ темно и всѣ засыпають.

Утренній холодъ никакъ не хочетъ дать поспать, пронимаетъ и во чтобы-то ни стало хочетъ разбудить, и будить. Ужъ мать печь затопила; опять дрова трещать и дымно въ хаткѣ, въ окно яркое солнце свѣтитъ и блеститъ снѣгъ. Готовъ имъ и завтракъ ихъ, и мать спѣшитъ идти на поденщину, и наказываетъ быть умницами, и уходитъ.

Въ воскресные дни имъ бывало лучше: мать не шла на работу, можно было влѣзть въ ея заплатанные чоботы, завернуться въ ея худую козушанку и хоть трудно, а все можно было погулять около хаты.—и они гуляли всѣ поочередно, даже Галя, что была сама вся немногимъ побольше чобота. Потомъ, мать имъ разныя сказки часто рассказывала и были разныя. И что за славныя сказки иногда, что за смѣшныя такія! И они-бъ много смѣялись и тѣшились, если-бъ не мѣшало имъ материно лицо, такое лицо измученное и тоскливое, даромъ что она не жаловалась и сама вмѣстѣ съ ними улыбалась смѣшному и веселому въ сказкѣ.

Одинъ разъ мать пришла домой и, входя, окликнула старшаго сына.

— Что, мама?—отвѣчалъ старшій сынъ и соскочилъ съ печи навстрѣчу ей.

— Что? что? что?—закричали другіе сыновья и посыпались съ печи, какъ спѣлыя груши. А Галя, протягивая ручки съ печи меньшому брату, ужъ кричала: Кулишъ, пшениный кулишъ!

— Нѣтъ, отвѣчали братья,—нѣтъ! И сами тѣсно толпились около матери.

— Погодите, погодите, мои голубчики!—говорила мать, едва духъ переводя и сбрасывая обсыпанную снѣгомъ одежду.

— Бублики! закричала Галя съ нѣкоторымъ сомнѣньемъ и будто страхомъ.

— О! о! о!—послышалось между братьями, и въ каждомъ о! то-то удивленья и радости было!

— Бублики навѣрно! закричала Галя смѣло и захопала рученками.

— Галя! Галя! послушай: мама чоботы принесла,—сказалъ меньшей братъ.

— О, чоботы!—вскрикнула Галя и сцѣпила ручки въ восхищеньѣ.

Да, это были чоботы, старые, поношенные маленькіе чоботы, съ большими заплатами на обоихъ. Какъ переходили чоботы изъ рукъ въ руки, какъ чоботы разглядывали, какъ чоботами любовались! А Галя такъ чутъ ихъ не поцѣловала,—она ужъ и губки сложила бутончикомъ, да засмѣялась,—и, не медля минуты, пожелала въ чоботы нарядиться, и протянула обѣ голенкія ножки, и на всѣхъ глядѣла радостно и жалостно,—такъ что ее сейчасъ же убрали въ чоботы и поставили середь хатки, какъ хорошую картинку; да навѣрно отъ-роду не было картинки съ такимъ смѣющимся личикомъ, съ такими танцующими глазенками! А братья дивились, что-жъ за пригожая Галя въ чоботахъ, и мать хвалила ее. Изморившись стоять, Галя сѣла: но чоботы не сняла и заснула въ нихъ, собираясь на другой день рано-рано-рано—ранехонько итти далеко-далеко-далеко гулять; пошла-бъ она и сейчасъ, если бы не боялась волка изъ лѣсу, и еще больше тревожилъ ее противный Бука. Она даже не знала, гдѣ этотъ Бука собственно живетъ—въ лѣсу ли, подь горой ли, на лугу ли, или въ Днѣпрѣ, въ пучинѣ, и не знала съ какой стороны его опасаться и откуда его остерегаться,—п онъ могъ вдругъ выскочить неожиданно-негаданно...

Съ сонной Гали тихонько снялъ меньшей братъ чоботы и всѣ поочередно ихъ стали тогда примѣрять и всякій говорилъ, что ему въ самую пору, хоть въ пору-то были чоботы только самому старшему брату. Ему ихъ мать и принесла, и принесла для того, чтобы взять его съ собой завтра въ городъ и отдать хозяину въ наймиты.

— Къ хозяину! въ наймиты!

Всѣ глаза на него обратились, всѣ сердца дрогнули: кто удивленъ, кто смущенъ былъ; кого надежда на что-то чудесное волновала, а кого боязнъ, что-то будетъ? затомила; одинъ мысленно ужъ провожалъ его, другой ужъ встрѣчать собирался и слушать неслыханное, иной задумался, какъ жить безъ него они всѣ будутъ... Мать тревожна и грустна. А старшій сынъ отвѣтилъ матери на это спокойно: хорошо, мама!

— Будешь хорошо служить, дитя мое, заслужишь ласку, выслужишь плату,—говорила мать.—Богъ дастъ, потомъ себѣ и козушокъ справишь... Хорошо, сыночекъ?

— Хорошо, мама!—отвѣчалъ ей опять сынъ.

— Хозяинъ твой, кажется, очень добрый человекъ будетъ; а если что тамъ и выпадетъ тебѣ въ службѣ лихого, ты, коханный... какое нибудь горе-лихо, то прими за добро... ты перетерпи... Хорошо, сыночекъ?...

— Хорошо, мама!—отвѣчалъ сынъ.

Больше вдова ничего не могла говорить—голосу у нея не хватило, словно тяжелая рука ее душила. Она сидѣла ужъ молча и только глядѣла на старшаго сына и все тѣснѣй-тѣснѣй душила ее тяжелая рука.

А старшій сынъ задумался и разсѣянно отвѣчалъ браться, что толпились, хлопали дверями, поочередно надѣвали чоботы и выходили въ нихъ погулять около хатки, и толковали про братнину будущую службу. Мѣсяцъ свѣтилъ полный, звѣзды горѣли одна одной ярче; морозъ былъ сильный и снѣгъ хрустѣлъ подъ чоботами удивительно. Даже самъ старшій братъ, на что мальчикъ нелегкомысленный, а и тотъ, когда надѣлъ ихъ и вышелъ, такъ все оглядывался и останавливался,—точно его кто-то спрашивалъ поминутно: „Что ты за паробокъ въ чоботахъ? Эй, паробокъ въ чоботахъ! чей же ты? скажи пожалуйста“!

На другой день морозъ былъ такой, что деревья трещали на горѣ и сыпали съ себя иней; солнце блѣдно сіяло, словно поблѣднѣло отъ стужи, тоже озябло,—а всѣ братья

выбѣжали изъ хатки провожать старшаго брата. Вотъ онъ, наряженный въ чоботахъ и въ материнскомъ большомъ платкѣ, идетъ въ городъ.

— Пойдемъ, мое дитя,—промолвила мать старшему сыну.—А вы, голубчики, оставайтесь здоровы,—сказала она другимъ дѣтямъ.

И пошли они, а вслѣдъ имъ кричали голоса и „будь здоровъ“, и „воротися“, и „поскорѣй воротися“. А Галя только покрикивала: „братецъ милый! милый братецъ“! Всѣ танцовали они на морозѣ, пока скрылись изъ глазъ и мать и братъ; а потомъ вскочили въ хатку на печь, и такъ стало всѣмъ пусто-пусто безъ старшаго брата! Всѣ закручинились, а у Гали ужъ слезки капали.

— И я пойду въ наймиты,—сказалъ одинъ братъ.

— Вотъ такъ!—промолвила Галя и слезки закапали быстрѣй одна за другой.

— И я! и я! и я!—сказали всѣ братья вмѣстѣ.

У Гали слезки ужъ закапали по три, по четыре вдругъ, перегоняли одна другую.

— Ой лихо! вскрикнула она.—Всѣ уйдете! Всѣ меня покинете! И ты! И ты меня покидаешь! Покид....

Но ужъ меньшому брату она не могла ничего больше сказать, а закрыла личико обѣими ручками и горько зарыдала.

— Полно, Галя, полно!—сказали братья.—Послушай, что тебѣ скажемъ.

Галя не слушала.

— Не плачь, Галя!—сказалъ меньшой братъ и взялъ ее на колѣни.—Я наймусь въ службу и заработаю тебѣ чоботы. Открой личко!

— Не хочу чоботъ!—рыдаетъ Галя, не хочетъ чоботъ и личка не открываетъ.

— Слушай, Галя... Галичка!—говорилъ меньшой братъ.—Вотъ ты какая для меня не добрая! Вотъ ты меня какъ сокрушаешь!

Одна Галина ручка отнялась отъ личика и одинъ гла-

зюкъ, полнехонькій слезой, зирнулъ на брата, и рыданье остановилось.

— Подумай-ка, Галя, если мы всё пойдемъ въ наймиты, такъ всё себѣ чоботы купимъ, а тебѣ наилучшіе—всѣ мы себѣ козюхи купимъ, а ужъ тебѣ...

— И я пойду въ наймички,—вымолвила Галя, и другая ручка отпала отъ личика и глазки ужъ весело блестя въ слезахъ.

И такъ порѣшили они всё—итти въ наймиты; а пока ужасно было имъ скучно сидѣть на печи, и мочи нѣтъ жалко старшаго брата. И всё глядѣли, то по сторонамъ, то другъ на друга, точно что потеряли, безъ чего не знали, не умѣли какъ быть. Коротенькій день быстро бѣжалъ, но имъ казалось, что онъ нѣсколько разъ ворочался назадъ, пока, наконецъ, вечера дождались и мать пришла. Сердца у всѣхъ выскочить хотѣли, пока мать рассказала, что старшій братъ у хозяина, что ему тамъ славно будетъ спать, онъ въ теплой хатѣ и кормить его будутъ хорошо.

— Слышишь? слышишь?—говорили другъ другу братья.— Вотъ ему какъ будетъ! Вотъ какъ чудесно!—И Галя покрикивала: „О славно! о любо!“ Но у братьевъ упали какъ-то ихъ живые, звучные голоса, и Галя какъ-то слабо ударила въ ладошки, только разъ, и потомъ притихла. И мать, хвалячи житье его, запинаясь, слова замирали на дрожащихъ устахъ у ней...

На ужинъ былъ пшениный кулишъ, но никто до него не дотронулся и никого сонъ не бралъ.

— Вы, дѣточки, не скучайте о братѣ,—начала было вдова, но голосъ оборвался и замеръ; она залилась горькими слезами и, какъ ослѣпленная, только ловила дѣтей около себя, схватывала ихъ и осыпала поцѣлуями, и все рыдала громче да громче. Горько и тихо плакали мальчики, а Галя такъ совсѣмъ отъ плачу обомлѣла...

Пошли дни за днями и часы за часами; попривыкли дѣти, что нѣтъ старшаго брата, но не перестали о немъ думать и почти ежечасно его вспоминали то тѣмъ, то другимъ.

Теперь и сказки всякія по праздникамъ были брошены, а толковали съ матерью о братѣ; по праздникамъ мать ходила его провѣдывать и приносила отъ него вѣсти все тѣ же, что здоровъ, что служить... и это на разные лады брали и на разные лады объ этомъ толковали; представляли себѣ его хозяина, о которомъ знали, что онъ тучный сѣдой человѣкъ, портной, и ходить въ синихъ шароварахъ и въ черной чуйкѣ, шьеть всякіе кожухи и свитки; хату хозяйскую себѣ представляли, о которой знали, что она въ три окна, крыта тесомъ, а внутри на бѣлыхъ стѣнахъ развѣшаны картинки, что изображаютъ яркоперыхъ птицъ, морского разбойника, турку въ красной чалмѣ съ кинжаломъ въ рукахъ; представляли себѣ хозяйку, о которой знали, что она молодая и все вышиваетъ, сидя подъ окномъ, себѣ очипки шелками и золотомъ. И черную корову хозяйскую они себѣ представляли съ рыжимъ теленкомъ, а когда рѣчь заходила о хозяйскихъ санкахъ и сѣрой лошади, такъ Галя начинала раскачиваться изъ стороны въ сторону, словно она сидѣла въ санкахъ и бѣлая лошадь шибко везла санки по неровной, ухабистой дорогѣ. Они собирались, какъ лѣто придетъ, часто ходить къ брату; какъ только весна дохнетъ, пойти его провѣдать. Да, они пойдутъ къ нему, увидятъ его и наговорятся съ нимъ. То-то хорошо будетъ увидѣться! то-то ждать досадно! то-то зима стоитъ студеная и лютая! Вотъ какъ въ хаткѣ на лугу думали о старшемъ братѣ и больше всего на свѣтѣ желали свиданья съ нимъ, и Галя такъ часто говорила: „Хоть бы однимъ глазкомъ поглядѣть на него!“ что ужъ только поминала „хоть однимъ глазкомъ“ всѣ знали, на что „хоть одинъ глазокъ“ хочетъ поглядѣть—и вздыхали.

А между тѣмъ хозяева старшаго брата смотрѣли на него только за тѣмъ, чтобы видѣть исправенъ ли онъ, не проказитъ ли, и ни одного слова ему не промолвили, кромѣ приказаній, наказу, грозбы да выговоровъ. И на площади, у колодца, куда онъ ходилъ брать воду, и гдѣ по утрамъ и по вечерамъ собиралось много народу, рѣдко кто замѣчалъ серьезнаго, тихаго мальчика, что съ каждымъ утромъ и вечеромъ становился угрюмѣе, въ худенькой полотняной ру-

башкѣ, въ ветхой свиткѣ, сшитой не по немъ, и въ плохенькой шапкѣ, который терпѣливо на трескучемъ морозѣ стоялъ, ждалъ своей очереди зачерпнуть воды; никто съ нимъ не заговаривалъ.

Главная почти у хозяина работа ему была—таскать воду изъ колодца. До свѣта его посылали къ колодцу, когда еще весь городъ стоялъ въ сизой мглѣ, люди не показывались, дымокъ не вился и когда у колодца было пусто; иногда развѣ встрѣчалась наймичка или двѣ, да и то рѣдко. Его ведро пробивало замерзшій за ночь колодець и онъ тащилъ полныя ведра на гору. Притащивши два ведра, которыя хозяйка тутъ же расплескивала на умыванье своего чернороваго личика и бѣлыхъ ручекъ и туда, и сюда по хозяйству,—онъ опять шелъ за водою. Сизая мгла рѣдѣла, дымокъ вился, кое-гдѣ попадались люди и около колодца уже толпилось много народу—надо было ждать очереди. Онъ стоялъ и смотрѣлъ, какъ проворныя, хлопотливыя горожанки, заспавши долго, спѣшили и перегоняли одна другую къ колодцу и отъ колодца, какъ шли наймички, подѣзжали и отѣзжали бочки. Сизая мгла совсѣмъ исчезала, всходило солнце и сіяло. Какими блестящими, холодными, недружелюбными утрами онъ ворочался опять съ полными ведрами къ хозяевамъ! Тутъ надо ему было чистить дворъ, носить дрова изъ сѣней въ хату, сбѣгать къ сосѣдкѣ Мотрѣ спросить: когда будетъ мученика Лаврентія, въ среду или въ четвергъ, потому что хозяйка собиралась на именины къ шевцу Лаврентію; или сбѣгать занять у сосѣдки Меласы дрожжей немножко, потому что хозяйка собиралась ставить пироги; или сбѣгать на базаръ купить на грошъ иголокъ, если у хозяйки ломалась иголка,—и много было, вдоволь было ему побѣгушекъ и тукманокъ. Но хозяйкѣ можно было угодить—хозяйка была веселая, безпечная женщина, которая, если не хозяйничала, такъ шила у окна и напѣвала, и поглядывала на проходящихъ, и поглядывала на себя въ зеркальце, что нарочно и повѣшено тутъ было противъ нея на гвоздикѣ.

Но хозяину угодить нельзя было. Хозяинъ былъ придирчивый и капризный, и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокой чело-

вѣкъ. Жену свою онъ любилъ очень, а только утромъ глаза откроетъ, ужъ почнетъ придирается къ ней, и до тѣхъ поръ не отстанетъ, пока жена не заплачетъ, или хоть не сберется плакать; тогда и доволенъ онъ, и скажетъ ей, что она ему милѣй всего на свѣтѣ, и приласкаетъ ее, и общаетъ какую-нибудь обнову купить. А маленькаго наймита онъ просто заѣдалъ безъ милосердія. Только стоило хозяину завидѣть наймита, ужъ у хозяина было готово за что прикрикнуть на него, было за что пригрозить, было за что и толкнуть... Мальчикъ никогда не отвѣтилъ ему грубаго слова, никогда оправданья своего не привелъ, никогда не повинился—все принималъ молча. Безотвѣтность раздражала хозяина, кажись, еще сильнѣй, и онъ цѣлый день не больше работалъ надъ кожухами и свитами, чѣмъ надъ тѣмъ, какъ бы лучше донять этого терпѣливаго мальчика. Проходилъ день—какой холодный, блистающій, непріязненный день! Вотъ свечерѣло. Хозяинъ понесъ работу готовую, хозяйка къ сосѣдкѣ посидѣть или къ вечернѣ помолиться—наймитъ опять съ ведрами за водой къ колодцу приходилъ. Вечерами толпа у колодца была шумнѣй, чѣмъ утромъ. Послѣ дневнаго труда, и работы, и заботы, поднимался смѣхъ, заводились громкіе разговоры... Тутъ видалъ мальчикъ, какъ иная веселая и рѣзвая дѣвушка, не усмиренная ни трудомъ, ни работою, отъ души пѣла и подтанцовывала, танцевала и подпѣвала съ ведрами въ рукахъ для всеобщаго удовольствія и утѣхи; какъ кучера боролись другъ съ другомъ, или брызгали водой и пугали дѣвушекъ, какъ иногда развеселившіяся наймички тоже смѣялись и играли. Шумѣла толпа, пока солнце не закатывалось. Солнце закатывалось, багровая вечерняя заря бросала на весь городъ свой багрянецъ и морозъ крѣпчалъ—звонко и рѣзко отдавались всѣ шаги по снѣгу, стукъ воротъ, ударъ колокола, захлопнутая дверь, визгъ полозьевъ и бѣгъ санокъ, человѣческій голосъ и собачій лай. И вечеръ потухалъ. Какой холодный, алый, одинокій вечеръ!

Въ хатѣ свѣча горитъ. Хозяинъ шьетъ, строчитъ какую то полу, хозяйка вышиваетъ цвѣтокъ на очипкѣ—сидятъ около стола оба. Наймитъ ведетъ лошадь на водопой, задаетъ

лошади и коровѣ корму на ночь, загоняетъ упрямаго кабана въ закуту, приноситъ дровъ въ хату на завтра, щепаетъ лучину на поджогу, выгребаетъ золу изъ печи, смазываетъ хозяйскіе чоботы... Все это время хозяинъ шилъ, хозяйка вышивала и что-нибудь хозяину рассказывала о томъ, что видѣла на базарѣ, что слышала отъ сосѣдки. Хозяинъ слушалъ молча, но часто оглядывался на наймита, прикрикивалъ, грозилъ; случалось и то, что хозяинъ вставалъ отъ работы и каралъ наймита то за худо-припертую, будто-бы, дверь въ сѣни, то, будто-бы, за небрежность къ чоботамъ, за которые онъ далъ не малыя деньги... Потомъ снова хозяинъ садится за работу, а хозяйка, глянувши на мальчика, иногда вздохнувши, опять начинаетъ рассказывать. Въ хатѣ душно и жарко; развѣшенныя по бѣлымъ стѣнамъ яркоперыя птицы, кажется обезумѣли отъ этой духоты и жары: онѣ растопырили въ отчаяніи крылья и такъ остались, безъ силъ летѣть, безъ силъ крылья сложить; другія въ томъ же отчаяніи свернулись и нахохлились. Но морской разбойникъ, турокъ, всегда важно и смѣло глядѣлъ въ своей алой чалмѣ, держась за кинжалъ... Сколько разъ, когда тушили огонь и хозяинъ съ хозяйкой засыпали спокойно и крѣпко, истомленному, разбитому наймиту грезилось, что всѣ яркоперыя птицы срываются со стѣнъ и шумной, отчаянной стайей выются, бьются, кружатся надъ его изголовьемъ, все быстрѣй, все тяжелѣй, все жарче машутъ яркими цвѣтными крыльями—все душнѣй отъ нихъ... Вдругъ, словно вѣянье вѣтра, словно вода плещетъ,—исчезаютъ всѣ птицы, широкое и глубокое море колыхается и плещетъ въ берегъ, на берегу сидитъ турокъ въ алой чалмѣ, держась за кинжалъ, глядитъ на наймита смѣлыми и важными глазами и словно о чемъ-то спрашиваетъ и въ даль показываетъ... Сколько разъ ему снилось, что поднимался на воздухъ съ птицами, падалъ и разбивался. Сколько разъ во снѣ онъ плавалъ по голубому морю и тонулъ.

Зима шла къ концу, но холода еще стояли сильныя и братья съ Галей сидѣли на печи, поджавши ноги. Дѣло было къ вечеру. Вдругъ шаги, и мимо окошечка мелькнуло что-то.

— Мама!—вскрикнула Галя.

— Нѣтъ, это не мама,—отвѣчали братья.

— О!—прошептала Галя, глазки у нея вдвое увеличились, а бровки вдвое выше поднялись.

— Не бойся, Галя,—проговорилъ меньшей, и всѣ выглядывали съ печи, вытянувши шеи.

Дверь отворилась и вошелъ старшій братъ.

Господи, какой крикъ раздался при его видѣ! Какъ къ нему бросились! Какъ за него ухватились! Какъ не знали, что сказать и о чемъ спрашивать! Быстрая неожиданная радость такъ захватила ихъ, что въ головѣ кружилось, въ глазахъ прыгало все кругомъ... всѣ обступили, всѣ схватили старшаго брата и больше чувствовали, что онъ тутъ съ ними, чѣмъ видѣли его; ихъ не поразило вдругъ, что старшій братъ смертно блѣденъ, что волосы у него спутаны и исклочены, что воротъ рубахи разорванъ, словно кто-нибудь силой схватилъ и разорвалъ, что лицо старшаго брата какъ-то искажено, и что онъ не промолвилъ ни слова, обнимаючись съ ними, только тяжело дышалъ. И Галя первая вскрикнула:

— О, какой ты сталъ бѣлый! О, какой ты сталъ наймать! Такой точно, какъ я видѣла, по дорогѣ хозяйскихъ воловъ гналъ, такой точно! такой самый!

И Галя живыми глазками всѣхъ спрашивала, правда ли ея?

Правда-правда. Сдѣлался старшій братъ бѣлый, какъ снѣгъ и истый наймать... Но отчего воротъ рубашки разорванъ, отчего волосы исклочены, отчего лицо такъ исказилось, отчего дышать онъ трудно и тяжело?

Быстрая радость быстро куда-то дѣлась, всѣ глаза устремились на старшаго брата и смотрѣли пристально и спокойно, и видѣли его ясно.

— Сядь, сядь, братикъ милый! Ты уморился, милый!—лепетала Галя, дергая тихонько старшаго брата за руку, а нѣжные глаза съ тревогой спрашивали, что такое неладно, и что дѣлать?

Старшій братъ сѣлъ на лавкѣ, а всѣ другіе рядомъ. Галя стала около него и, глядя на всѣхъ, въ тревогѣ забыла, какъ босымъ ножкамъ холодно стоять. Старшій братъ

все молчалъ и глядѣлъ въ землю. Средній братъ его спросилъ:

— Какъ это ты пришелъ къ намъ?

— Хозяинъ меня прогналъ,—отвѣтилъ старшій братъ. Долго никто ничего не говорилъ.

Галя спрятала личико къ старшему брату въ колѣни.

— Онъ тебя билъ?—спросилъ опять средній братъ.

— Онъ меня давно билъ, съ перваго дня,—отвѣчалъ старшій братъ.

— Отчего-жъ ты не ушелъ давно отъ него?—живо и пылко промолвилъ меньшой братъ.

— Ты бы ушелъ,—чуть слышно лепетала Галя, не поднимаячи головки съ братниныхъ колѣнъ:—тебѣ бы надо было къ намъ скорѣй прибѣжать. Любый, любый, любый братикъ!

— Я хотѣлъ еще перетерпѣть, хотѣлъ еще служить,—отвѣтилъ старшій братъ.

Столько-столько собирались при свиданіи рассказать старшему брату о томъ, какъ всѣ они тоже пойдутъ служить и зарабатывать; о томъ, какіе у нихъ холода бывали, и какъ средній братъ чуть пожару не надѣлалъ, взявшись топить печь и, не послушавшись Гали, навалилъ дровъ полную печь; и о томъ, какая Галя хозяйка стала, и какъ варила имъ картофель сама, и о томъ, какъ Галя разъ перепугалась до смерти, принявши старую грушу около хатки за Буку... Столько-столько хотѣли спросить у него, какъ онъ жилъ каждый день, что видалъ и что слыхалъ тамъ въ городѣ, гдѣ такъ людно и шумно всегда... Но теперь не приходило никому въ умъ ни рассказывать, ни спрашивать; сидѣли всѣ молча и тихо, и всѣ глядѣли, какъ старшій братъ, въ землю. Галя не разъ головку поднимала съ братниныхъ колѣнъ, не разъ вверхъ протягивала ручки, пока не очутилась у него на колѣняхъ сама, не обняла его за шею и не прижалась личикомъ къ его плечу. Тогда Галя утихла, и только время отъ времени тихонько покрѣпче прижимали къ себѣ старшаго брата нѣжныя ручки.

Такъ они сидячи дожидались матери.

Мать испугалась, увидавши старшаго сына, и схвативши, и цѣлуя, она притянула его къ окошечку и въ испугѣ осматривала его, и въ испугѣ спрашивала:

— Что случилось съ тобой, дитя мое? Что такое? Что? Когда?

— Меня хозяинъ прогналъ, мама,—отвѣтилъ старшій сынъ.

Она больше не спрашивала ничего, только дольше поглядѣла на него, крѣпче обняла и заплакала.

— Не плачь, мама,—сказалъ старшій сынъ.—Какъ найдется хозяинъ, я опять служить пойду.

— Охъ, дитя мое, дитя мое!—промолвила вдова, словно ея сердце разрывалось.

Потомъ она опять притянула его къ окну, опять глядѣла на него... Потомъ оторвалась отъ него, затопила печь, поставила ужинъ варить и опять къ нему подошла. Она расчесала всключенные волосы, дала ему чистую рубашонку, подала воды умыться, и когда онъ сидѣлъ умытый, причесанный и въ чистой рубашкѣ, она опять глядѣла на него, и всѣ глядѣли на него: и она, и всѣ видѣли, какъ привялъ онъ и измѣнился.

Поспѣлъ ужинъ, всѣ ужинать стали и всѣ замѣчали, какъ онъ мало ѣсть сталъ, и всѣмъ не было охоты притронуться къ ужину. Мать почти съ него глазъ не спускала, и всѣ тоже смотрѣли на него. Грустно было, ужасно грустно, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто нашлось сокровище, котораго было надо, и которое было дорого, и хотъ грусть сокрушаетъ, а все-таки сокровище-то тутъ, у насъ. Казалось, это говорили всѣ глаза, смотря на старшаго брата, и съ этой мыслью всѣ спать легли.

Въ хаткѣ темно и тихо; въ окошечко сверкаютъ двѣ яркія искрометныя звѣзды изъ голубого неба и бѣлый снѣгъ лоснится; въ хаткѣ очень тихо и темно. И слышитъ старшій братъ, что кто-то неслышно къ нему подошелъ и надъ нимъ наклонился; онъ узналъ руку, что прикоснулась къ его плечу, и разобралъ шепотъ. Мать его спрашивала:

— Дитя мое — спрашивала она — ты много терпѣлъ тамъ?

— Да — отвѣтилъ онъ тоже шепотомъ.

Долго ничего не слышно, словно все замерло.

— Мама! мама! — шепчетъ Галя; но Галю никто не слышитъ, такой тихій ея шепотъ. — Мама! мама! — шепчетъ она все тише и тише, и смолкаетъ.

— Охъ, мое любимое дитя! — опять слышенъ шепотъ. — Ты мое безсчастное дитя!

Потомъ опять долго все тихо, словно замерло.

— Мама! — шепчетъ опять Галя и опять ея никто не слышитъ, и никто не видитъ любящаго огорченнаго личика.

— Не болитъ ли у тебя что, сыночекъ? Скажи мнѣ, мое сердце! — спрашиваетъ мать.

— Нѣтъ, мама, у меня ничего теперь не болитъ, и найдется хозяинъ, я пойду служить опять. Ты, мама, поищи мнѣ хозяина.

— Душа ты моя, сердце ты мое! — слышится внятіѣй, точно слова, вырвавшіяся изъ больной души и изъ больного сердца и послѣднія слова.

Все опять тихо и темно. Напрасно Галя настороживается ушки и долго-долго-долго слушаетъ — все тихо и темно — и, слушая, Галя сама засыпаетъ.

II.

Опять стали жить да поживать съ старшимъ братомъ. Но замѣчали, что старшій братъ сталъ не тотъ, что прежде; всегда былъ онъ серьезнѣе ихъ всѣхъ, угрюмѣй, теперь сталъ еще серьезнѣй и угрюмѣй. Нѣсколько разъ старшій братъ спрашивалъ мать, не выискивается ли гдѣ служба ему, нѣсколько разъ самъ ходилъ, искалъ и всѣ очень боялись, что опять уйдетъ онъ отъ нихъ, да хозяина не выискивалось и понемножку страхъ весь прошелъ.

Дожили до конца зимы, и первую весеннюю теплынь встрѣтили съ великою радостью. Хатка опустѣла на цѣлые

дни, и какъ только можно было глазами окинуть по широкому лугу, вездѣ глаза увидали бы вдовиныхъ дѣтей, что бѣгали и играли, и тѣшились тамъ.

Наступилъ большой праздникъ. До свѣта въ Кіевѣ за-
трезвонили въ колокола и народъ засновалъ туда и сюда по
разнымъ улицамъ и переулкамъ.

Вдовины дѣти давно уже слышали, что будетъ большой
праздникъ, и чего-то, сами они не знали чего, отъ этого
праздника себѣ ждали. Повскакали они въ этотъ день до
зари и побѣжали всѣ въ передогонку къ Днѣпру умываться.
Чисто-на-чисто умылись и живо воротились къ матери и ста-
ли передъ ней въ струнку, въ ожиданіи—и, право, чудесные
это девять мальчишекъ стояли: чернобровые, кудрявые, щеки,
какъ заря пылаютъ, очи какъ звѣзды сіяютъ; и чудесная это
была десятая сестра, Галя: хоть въ худенькой да въ шитой
рубашкѣ, хоть въ ветхонькой да въ синей юбочкѣ, хоть въ
линялой да въ червонной стричкѣ; босыя ножки того и гляди
затанцуютъ, а глазки ужъ танцуютъ, головка такъ быстро
оборачивается то къ тому, то къ другому, что—того и гляди
темныя кудри выбьются изъ-подъ стрички. Она смѣется и
окликаетъ всѣхъ братьевъ поименно и братья тоже смѣются,
особливо меньшей, и сама вдова усмѣхается.

Прежде всего они пошли въ церковь. И весело было
итти быстрымъ шагомъ по дорогѣ, глядѣть и по сторонамъ,
и впередъ. Изъ-за горъ окружныхъ, изъ-за темныхъ игли-
стыхъ сосенъ, изъ-за кудрявыхъ дубовъ пробивались розовые
лучи все ярче да алѣй; росистый лугъ все дальше и дальше
освѣщался; синій Днѣпръ шумѣлъ и надъ нимъ качался лег-
кій прозрачный туманъ. Слышно, изо всей мочи трезвонятъ
колокола въ городѣ, и видны, какъ мурашки, толпы людей
по улицамъ.

Они пришли въ маленькую ветхую церковь, что сбо-
чившись стояла около городской заставы. На паперти росли
высокія деревья, клены и березы; изъ-за нихъ только виднѣнъ
былъ крестъ, наклонившійся въ сторону, да тамъ, гдѣ за-
сохъ одинъ клень, сквозь вѣтки, виднѣлось церковное око-

щечко, узкое и длинное, и часть сѣрой мшистой стѣны. Они пробрались между деревьями къ распатавшемуся крылечку и вошли въ церковь.

Темная старая церковь. Вся она, будто, съежилась отъ старости. Лики образовъ какъ-то ужасно печально глядѣли со стѣнъ—древніе, потемнѣвшіе, потускнѣвшіе лики; тоненькія желтенькія восковыя свѣчки горѣли съ какою-то лихорадочной яркостью; нѣсколько старушекъ молились на колѣняхъ—всѣ повязанныя черными платками, всѣ съ маленькими головками; одна молодая, стройная дѣвушка стояла, прислонясь плечомъ къ стѣнѣ, заплаканная, и не сводила глазъ съ яркой пылавшей свѣчки, да думала, должно быть, про свою бѣду и чуяла свою печаль; священникъ, бѣлый какъ лунъ, невнятно читалъ что-то и внятно вздыхалъ—все какъ-то было скорбно, мирно и тихо. Старшій братъ задумался, остальные братья присмирѣли и сестрица Галя притихла. Мать, какъ опустилась на колѣни, такъ и все время молилась усердно. Дѣти поглядѣли на нее, посмотрѣли другъ на друга и усердно начали себѣ молиться, словно о чемъ-то прося. Сердце у нихъ упало, мыслей они собрать не могли; они ни о чемъ не просили, а желали они (какъ желали!) свѣта, веселой радости, легкой утѣхи!

Кончилась обѣдня и они вышли изъ церкви на свѣтъ Божій. Солнце совсѣмъ возшло и скрало росу съ травы и съ деревьевъ, и забивалось во всѣ уголки, и всѣмъ задавало въ лицо золотымъ свѣтомъ, такъ-что надо было жмуриться. Вдова вздохнула, будто отгоняя отъ себя тяжкую заботу, а у дѣтей опять сердца заиграли, и опять охватило ихъ ожиданіе чего-то хорошаго. Двѣ старушки сѣли отдохнуть на церковномъ крылечкѣ, и слово „ярмарка“ поразило слухъ дѣтей.

— Чудесная ярмарка сегодня—говорила одна старушка, и равнодушно смотрѣла въ даль.

— Да, да—отвѣчала другая, кашляя—народъ такъ и валить еще съ вечера туда.

Дѣти переглянулись и улынулись, будто говоря: „Вотъ оно и есть! Не даромъ мы чего-то ждали“.

Галя вскрикнула:—Мама, ярмарка! О, пойдемъ, мамочка, пойдемъ, сердечко, на ярмарку!

— Пойдемъ, мама, на ярмарку! Пойдемъ, мама, на ярмарку! стали проситься сыновья.

— Пойдемте, пойдемте, мои голубчики—сказала вдова. И пошли на ярмарку.

Солнце ярко играло на небѣ, вѣтеръ живо качалъ попадавшимися деревьями и шумѣли городскіе сады; народъ шумно валилъ по улицамъ; возы какъ-то весело скрипѣли другъ за другомъ; едва можно было продираться между пестрой толпой; голова кружилась. То мелькнетъ прямо предъ тобой расшитый тонкій рукавъ, то чуть не зацѣпить тебя колесо, то отшатнешься отъ пары суровыхъ глазъ, то на шею у себя чуешь воловью морду, то рогами задѣлъ тебя волъ, то ты локтемъ задѣлъ и скатилъ качанъ капусты съ чьего-то возу, то ты на кого-то наткнулся, то тебя сунули. Люди, лица, одежда, разноголосыя птицы въ садкахъ, цвѣты, лукошки, сѣно, рыба, овощи, доски, веревки, деготь, ягоды, щетки—передъ глазами двигается, мѣшается, мелькаетъ, исчезаетъ и опять показывается. Поверхъ всего этого, выющіяся по вѣтру разноцвѣтныя ленты дѣвушекъ, бѣлыя памитки женскія, сивыя и черныя высокія шапки казацкія, верхушки высоко наложенныхъ воевъ, то бочками, то сѣномъ съ торчащими въ немъ вилами. А голосовъ тебя оглушаетъ, а словъ и криковъ заставляетъ тебя оглядываться туда и сюда... Да что! рассказывать, такъ не рассказать, какъ оно бываетъ: надо самому побывать и самому увидеть. Немудрено, что у вдовиныхъ сыновей глаза разбѣгались и сердца отъ удовольствія шибко бились, и что нельзя было разобрать, отъ испуга, или отъ восхищенія Галя вскрикивала поминутно. Наконецъ они добрались до самой площади на другомъ концѣ города, гдѣ стояла ярмарка. Тутъ-то Галя ужъ просто замурилась на время; да и братья не знали куда скорѣй глядѣть, и даже старшій сразу былъ пораженъ. Тутъ ворохи сладкихъ медовыхъ пряниковъ, груды орѣховъ, сушеныхъ грушъ, бубликовъ связки, кучи сластенъ... Вотъ-вотъ чоботы съ красною оторочкою, такіе самые, какъ надо! Вотъ гли-

няная свистулька, которой давно-давно хотѣлось! Вотъ смушевая шапка,—лучше этой и искать нечего! Вотъ сивая шапка еще лучше черной...

— Мама, мама!—лепетала Галя—купи мнѣ, охъ, купи поскорѣй вотъ этотъ большой пряникъ! Охъ, я хочу этого пряника! Охъ, мама, купи мнѣ вотъ такую косыночку, охъ, вотъ эту, эту пестренькую, славную! Или вотъ эту красненькую,—охъ, красненькую! Вонъ то намисто мнѣ, охъ, намисто мнѣ!

И маленькій Галинъ пальчикъ показывалъ туда и сюда, куда восхищенные глазки только обращались, и все больше Галя охала и громче просила, и не слышала, какъ мать тихонько ей шептала: „Не на что, Галя, не на что купить, дитя мое милое“!

Меньшой сынъ тоже сталъ просить:—Мама, купи мнѣ шапку! и старшіе сыновья тоже просятъ:—Мама, чоботы купи! Мама, свитку купи!—кто краснаго пояса просить, кто пояса пестраго хочетъ: одинъ показываетъ на сласти, другой тянетъ туда, гдѣ цѣлая кучка дѣтей обступила продавщицу дудокъ, гдѣ сама продавщица, важная женщина въ зеленомъ шитомъ очипкѣ, играетъ съ важностью на дудкѣ, а ужъ мальчики всѣ такъ надули щеки, какъ пузыри, и откуда слышенъ свистъ на всѣ разные тоны и голоса.

— Не могу! не могу! не могу!—прошептала вдова каждому сыну потихоньку.—Не на что, дѣти! Нѣту...

Сыновья смолкли и вдругъ остановились и поглядѣли на мать и на старшаго брата потомъ. У матери лицо подергивалось и дрожащія уста все шептали имъ: „Не могу, дѣточки! Не на что!“ Старшій братъ стоялъ и глядѣлъ въ землю по своей привычкѣ, точно какъ тогда, когда прогнанный воротился отъ хозяина: такъ же лицо побѣлѣло, такъ точно губы сжались.

Сыновья больше ни о чемъ не просили и какъ стали, такъ и стояли, глядя молча по сторонамъ.

Галя еще раза два вскрикнула, да нѣсколько разъ спро-

сила:—Отчего нѣтъ? отчего? отчего? и ахнула. Меньшой братъ унялъ ее:—Галя, не проси! шепнулъ онъ ей.

Галины разгорѣвшіеся глазки перенеслись на меньшого брата и она опять спросила:—Отчего?

— Не проси, Галя—опять повторилъ меньшой братъ:—только ты безпокоишь даромъ; не на что купить.

Галя притихла, опять вострепелась, окинула всѣхъ глазками и опять притихла.

— Не проси, Галичка—повторилъ меньшой братъ.

— Я хочу—прошептала ему Галя въ отвѣтъ, низко опустивъ головку.

— Галичка, нѣту; гдѣ-жъ взять?

Галя подняла головку... у, какія блестѣли въ глазкахъ двѣ крупныя слезы! Посмотрѣла на всѣхъ своихъ, туда-сюда по сторонамъ, ужъ едва слышно прошептала: „ой, я хочу!“ и въ послѣдній разъ. Прижавшись къ меньшому брату, она смирно-пресмирно стояла, прикусивши пальчикъ, потомъ другой, потомъ оба ихъ вмѣстѣ, и все для того, чтобы двѣ крупныя слезы не выкатились противъ воли.

Всѣ они долго стояли между движущеюся толпою, шумящею и пестрою—стояли и смотрѣли. Смотрѣли братья пристально, и словно впервой видѣли людскіе наряды и довольство, и словно впервой почували на себѣ худыя рубашонки; словно впервой видѣли они людскую бойкость, безпечность и веселье, и словно впервой распознавали свою заботу и убожество. А мать глядѣла на нихъ. Она съ ними то заговаривала, то безъ словъ гладила по головкѣ рукой, то посылала ближе подойти полюбоваться, то показывала одно, то другое.

— Мама!—сказалъ старшій сынъ:—пойдемъ домой.

И всѣ стали проситься:—Мама, пойдемъ домой.

Галя только крѣпче да крѣпче прикусывала свои пальчики.

— Домой? домой?—повторила вдова:—уже домой хотите? Не погулять ли вамъ еще по ярмаркѣ, мои голубчики! Чего-жъ такъ рано домой, мои коханые? Вы еще всей ярмарки не видали...

— Мы домой хотимъ, мама!—сказали въ одинъ голосъ сыновья.

— Домой? Ну, пойдѣте домой, мои пташки!—вымолвила вдова, и едва вымолвила.—Ну, домой пойдѣте, мои дѣточки! Галичка, дай ручку. Можетъ, понести тебя, моя дочка?

Галя протянула ручки и когда была на рукахъ у матери, такъ обхватила ее за шею крѣпко и спрятала личико у ней на плечѣ. И всѣ они пошли домой.

Толпа все рѣдѣла, все явственнѣй отдѣлялся голосъ отъ голоса, звукъ отъ звука, все свободнѣй было проходить по улицамъ. Вотъ и конецъ городу, и ужъ съ горы виденъ весь зеленый лугъ, и плескающій синій Днѣпръ, и за Днѣпромъ горы—вблизи одна одной зеленѣе, вдали одна одной синѣе.

— Скажите, дѣточки, отчего вы такъ не веселы?—промолвила вдова.—Погодите, мои милые, вотъ Богъ дастъ...

И не договорила вдова, что Богъ дастъ; или вдругъ она надежду потеряла, что Богъ дастъ что-нибудь, или ужъ очень тяжело ей стало до того времени ждать.

— Чѣмъ бы васъ мнѣ развеселить хоть крошечку, мои дорогіе!—промолвила вдова опять.—Ахъ, Боже мой, Боже ты мой милосердный!

И опять молча всѣ шли. Все шире раздавался лугъ передъ ними, все слышнѣй плескался синій Днѣпръ, а горы за горами уходили все выше и дальше—высоко-высоко и далеко-далеко! И ворочаясь съ ярмарки, изъ живой толпы, съ пустыми руками, братья глядѣли на высокія и далекія горы и думали: что тамъ, за тѣми высокими и далекими горами, что тамъ?

— Мама!—спросилъ меньшей братъ:—что это за дорога вонъ тамъ, тамъ, по горѣ, въ лѣсу, и куда она ведетъ?

— Дорога-то? Ахъ, мой голубчикъ, ведетъ она туда, гдѣ я не бывала—въ далекіе города и села. Покойный вашъ отецъ ѣзживалъ по ней, какъ служилъ въ войскѣ, и отъ него слыхала, что эта дорога опасная. При этой дорогѣ раз-

бойники разбой держать; идетъ она по дремучему бору, вьется между каменныхъ горъ... и страшно слушать, бывало, какъ вашъ отецъ рассказываетъ.

— На отца нападали разбойники?—спросилъ меньшой братъ.

— Нѣтъ, дитя мое, нѣтъ, Богъ миловалъ. А вотъ, на товарища его, на какого-то Ласуна, такъ напали и полонили его. И жилъ онъ, этотъ Ласунъ, у нихъ въ каменной пещерѣ, въ горѣ, три дня.

— И что-жъ онъ тамъ у нихъ видѣлъ и слышалъ?—спросилъ средній братъ.

— Дивныя богатства тамъ онъ видѣлъ, моя дитина. Въ пещерѣ у нихъ было полнымъ-полно золота и серебра и дорогихъ каменьевъ. Съ золота и серебра его тамъ сладко кормили, съ золота и серебра хмѣльно поили и спать его клали подъ золототканную одѣяла, на мягкомъ пуху. И кони у нихъ были залиты въ серебрѣ да въ золотѣ, сабли и ножи обсыпаны дорогими камнями. Отроду никому и не снилось такого богатства и роскоши, какое у нихъ, сказывалъ Ласунъ вашему отцу покойнику. И звали они Ласуна жить съ собой: „Оставайся, Ласунъ, жить съ нами — говорили ему:—хорошее и привольное житье тебѣ будетъ у насъ“.

— Что-жъ Ласунъ?—спросилъ старшій сынъ.

— А Ласунъ было и согласился и остался у нихъ, да сейчасъ же взяла его тоска. Жалко стало жену, дѣтокъ, свою хату, своего покою. Сталъ у нихъ проситься: „Отпустите меня, будьте милостивы!“—Ну, иди“. Набросали ему полную шапку золота и серебра и отпустили его. И какъ пошелъ я отъ нихъ, сказывалъ Ласунъ вашему отцу,—вотъ какъ мнѣ ихъ жалко стало покидать, хоть плачь!

— Что-жъ, опять воротился?—спросилъ старшій братъ.

— И было воротился опять онъ къ нимъ. Да какъ повернулъ назадъ, опять его жалость одолѣвать стала по своему прежнему житью, и удержала его. Да такъ мало ли время бѣдовалъ тотъ Ласунъ, что и тянетъ въ пещеру и домой призываетъ...

— Что-жъ, сколько разъ онъ ворочался и куда пришелъ, гдѣ остался?—спросилъ старшій братъ.

И по немъ видно было, что онъ бы ужъ не воротился, еслибъ разъ куда пошелъ.

— Да подь конецъ кинулъ шапку обь землю, бросилъ все золото и серебро, и домой пришелъ.

— Лучше-бъ онъ не кидалъ, а домой бы принесъ—сказалъ средній братъ.

А меньшей на Галю посмотрѣлъ, словно думалъ: „то-то бы утѣхъ тогда Галѣ“! И Галя словно поняла, что думалъ меньшей братъ. Она и улыбнулась такъ, какъ улыбаются, видя въ умѣ своемъ что-нибудь очень хорошее.

— Не слѣдовало бросать—промолвили братья съ сожалѣніемъ.

— Либо не братъ, либо не бросать: одно что-нибудь,—сказалъ старшій братъ.

— Потомъ, дѣточки, этотъ Ласунъ былъ при Днѣпрѣ рыбакомъ и потонулъ въ половодье, сказывалъ вашъ отецъ.

Они пришли домой и усѣлись всѣ около хатки подь грушею.

— И что-жъ, мама—спросилъ средній братъ:—до сихъ поръ эти разбойники тамъ разбой держать?

— Теперь не слышать ничего обь нихъ—отвѣчала вдова.

— Куда-жъ они дѣвались, мама?

— Кто ихъ знаетъ, мой голубчикъ! Перевелись что-ли они, или дальше ушли, на большее приволье. Охъ, измучилась я, дѣточки милыя! Лягу, не засну ли около васъ.

Вдова легла на травѣ и закрыла, было, глаза, но сонъ не сейчасъ пришелъ: глаза все открывались и устремлялись на дѣтей, пока Галя своихъ рученокъ не положила ей на лицо и не заплѣла баюканья и упала сама подлѣ въ крѣпкомъ снѣ.

Братья сидѣли да смотрѣли на высокія, лѣсистыя, далекія горы—глазъ не сводили. Только старшій братъ взглядывалъ иной разъ на городъ, тотъ веселый и шумный городъ. И такъ они заглядѣлись, такъ они задумались, что сумерки

наступили, а они не замѣтили, и очнулись только, когда проснувшаяся Галя вскрикнула: „Ой, какъ темно! Гдѣ-жъ солнце“?

Дни приходили и уходили. Много еще праздниковъ отпраздновалось, не одна ярмарка становилась еще, только вдовины дѣти ужъ больше никогда такъ праздника не ждали и на ярмарки не просились и не ходили. Они росли себѣ бродячи по лугу, глядя на шумный и живой городъ, да въ другую сторону—на тихія, высокія, лѣсистыя горы, на вьющуюся заглохшую и пропадающую тамъ дорогу. И чѣмъ больше выростали они, тѣмъ пристальнѣй глядѣли туда. И рано утромъ, при свѣтломъ солнцѣ, и поздно вечеромъ, при искрометныхъ звѣздахъ, все туда обращались ихъ глаза.

Время же шло, и они росли и выростали одинъ одного лучше. И когда они вошли въ лѣта, то старшій братъ сталъ еще молчаливѣй, угрюмѣй и задумчивѣй; средній братъ сталъ еще пытливѣй, а меньшей еще пылче—и всѣ братья стали безпокойны и недовольны. Мать убивалася, ихъ приголубливая да жалѣя; Галя падала, развлекая ихъ да лаская, а нужда и убожество придавливали все тяжелѣй, да тѣснѣй, да круче. Ходили всѣ братья, искали себѣ работы и службы въ городѣ и по селамъ, да или ужъ Божья воля, или такая несчастная доля, только не находилось имъ ни службы, ни работы и за малую плату. И ворочались они домой изъ этихъ поисковъ, все печальнѣй да мрачнѣй.

Какъ вдругъ и счастье посѣтило: нашлась служба вдругъ двумъ братьямъ, старшему и среднему. Оба они пошли въ наймиты. Старшій братъ пошелъ служить къ молодому зажиточному хозяину-огороднику, а средній братъ служить пошелъ у вдовца, у стараго хлѣбопашца: оба брата недалеко запропастились: тутъ же таки подъ городомъ нанялись.

Молодой огородникъ былъ человѣкъ веселый, да гордый, да счастливый, да жесткій, себялюбецъ и самонаравецъ. У него хата бѣлая, и жена милая, и родня значительная, и всякій достатокъ. Огородъ у него большой, славный, людей полнымъ-полно безпрестанно всякихъ, и горожанъ, и посе-

лянь. Онъ съ женою ходитъ да расхаживаетъ, да продаетъ, да деньги считаетъ и шутитъ съ покупателями своими и покрикиваетъ на своего наймита. На огородѣ все уродило: желтѣютъ дыни, зеленѣютъ арбузы и всякія овощи; около шалаша хозяйскаго мелькаютъ и пестрѣютъ кучка людей—наймитъ всѣмъ услуживаетъ, подаетъ, носитъ, возитъ, мететъ, складываетъ; хозяинъ шлетъ его—онъ идетъ, и ворочается—хозяинъ еще нарекаетъ; хозяйка торопитъ—онъ бѣжитъ, и спѣшитъ назадъ—хозяйка еще бранитъ; покупателямъ угрождаетъ, чужимъ людямъ прислуживаетъ, а тѣ даже не цѣнятъ ничего, можетъ, и никогда не скажутъ спасибо, никогда про его душу живую не вспомнятъ.

Ясное утро минуло, смеркъ жаркій день, стемнѣлъ вечеръ свѣжій, а сонъ не беретъ, нѣту покою, тяжело, да тоска давитъ. Когда-жъ отпуститъ тоска? Когда прояснится? Уничтожится ли когда-нибудь эта неровная напасть на свѣтъ? Будетъ ли облегченіе? Хотя немного уменьшится ли время испытанья? Будетъ ли что-нибудь когда-нибудь?

Хлѣбопашецъ былъ человѣкъ тихій, работающій, заботливый и осторожный: зналъ ужъ онъ, какъ надо жить на свѣтѣ простому человѣку между князей и вельможъ,—такъ и жилъ онъ, и все у него благополучно шло: онъ никого не трогалъ, и его никто не обижалъ; онъ вѣкъ вѣковалъ свой пріятно и спокойно съ дочкою: у него была дочка, единственное дитя. Хозяйство хоть не Богъ-знаетъ какое роскошное—можно бы его и оцѣнить—да такое порядочное и славное, что лучшаго и желать не надо.

„Будетъ ли онъ добрый? думалъ средній братъ, идя рядомъ съ своимъ хозяиномъ въ первый разъ въ хозяйскій дворъ да толкуя съ нимъ о томъ, какъ хлѣбъ уродитъ, добрый ли?—Похоже на то. Въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, говорятъ“.

Очень ему понравилась вся хозяйская усадьба, какъ онъ на нее взглянулъ; очень пріятно ему было, что въ хатѣ пѣлъ голосокъ, а вѣтерокъ теплымъ вѣяньемъ доносилъ и слова, и напѣвъ.

„Жилъ бы такъ до смерти! Если-бы мнѣ такъ Богъ далъ“! подумалъ онъ, входя въ хату за хозяиномъ, гдѣ пѣсенка не смолкала, а все громче слышалась и внятиѣй, пока двери открыли и гдѣ ихъ встрѣтила дѣвушка—точная краля дѣвушка! Она и поздоровалась, и завтракъ подала, и кое-что промолвила, и кое о чемъ спросила, и взглянула, и поблагодарила за все какъ-то небрежно, невнимательно, словно госпожа, словно начальница, и немножко этимъ запечалила она молодого наймита.

Да еще не то ему досталось, когда онъ послужилъ дольше, да когда сдѣлалась ему дѣвушка и свѣтомъ, и мракомъ въ жизни—что если она тутъ, такъ все сіяетъ и блеститъ, а нѣтъ ея, то будто кто солнце снялъ и звѣзды собралъ, да въ карманъ спряталъ. Дозналъ онъ и то, что когда спѣшилъ, мѣряя три шага въ одинъ, спѣшилъ истомленный скорѣй съ поля пожелать ей добраго вечера—а она отвѣчала: „Добрый вечеръ!“ и не оглядывалась на него. Попробовалъ онъ и того, что идя утромъ на работу, приостановится, дожидая, надѣясь, дрожа, что промолвитъ она ему слово какое-нибудь—а она, проходя мимо, прикажетъ: „Иди на работу“! Принялъ онъ и то, что когда вечеромъ сядетъ гдѣ-нибудь, приютится, да затужить, да заглядится на нее—она его пошлетъ куда-нибудь измореннаго, одинокаго, грустнаго—пошлетъ за какой-нибудь своей прихотью...

Перемучившись дни, не поспавши ночи, одинъ разъ наймитъ дождался встрѣчи съ своей госпожею любимую и признался, сказалъ ей всю истинную правду. Какъ же она удивилась, какъ она свое личико хорошенькое отвернула! Какъ услышала его слова неласково, какъ обидно отвѣтила! „Не затрогивай меня никогда больше, наймитъ—промолвила.—Развѣ я тебѣ ровня? Если хочешь у насъ служить, такъvedi себя, какъ добрый слуга. Не говори, не заговаривай со мной“.

А онъ таки затронулъ, а онъ таки заговорилъ, да и долженъ былъ навѣки проститься—потерялъ мѣсто и воротился домой къ матери, въ хатку на лугу. Такой онъ воротился, словно въ цвѣту прибитый.

Развлекала его, уговаривала мать, ласкала Галя, братья силы поддерживали; и со всѣми этими добрыми лѣкарствами онъ жилъ и не вылѣчивался, и дожидался, пока другая гдѣ нибудь служба ему отыщется.

А между тѣмъ на огородѣ много продавали всякой всячины огородной, и хозяинъ своего наймита иногда посылалъ въ городъ съ возомъ, развозить проданное да собирать незаплаченные деньги.

Одинъ разъ наймитъ или хорошо не счелъ, когда бралъ, или дорогой какъ потерялъ, только хозяинъ не досчитался своего счету и поднялъ бурю: назвалъ и воромъ, и пройди-свѣтомъ, и голышемъ; а хозяйка себя подсказываетъ, да подкрикиваетъ, да пищитъ, да верещитъ.

— Я больше у васъ выслужилъ: возьмите изъ моихъ заработанныхъ, да и не бранитесь больше,—говоритъ наймитъ.

— Иди вонъ и не показывайся никогда—гонитъ его хозяинъ.

— Чтобы и духу мы твоего не слыхали!—кричитъ хозяйка.

— Заплатите мнѣ—говоритъ наймитъ.

— Заплатить? Да я тебѣ, вору, щербатой копейки не дамъ! Иди вонъ! прочь!—пхаеъ хозяинъ.

— Я на васъ суда буду искать!—промолвилъ наймитъ.

— Суда на меня! Ты?—вскрикнулъ хозяинъ и захохоталъ отъ великой потѣхи.

— Смотри!—вскрикнула хозяйка, и хозяйкины хохотъ раскатился мелкимъ и веселымъ звукомъ.

Наймитъ пошелъ отъ нихъ, да и самъ засмѣялся, издѣваясь надъ самимъ собою, что собрался, было, хозяина засудить.

Вопросовъ да сожалѣній было вдоволь дома, а еще больше убожества да тоски.

Опять всѣ вмѣстѣ собрались ждать терпя, да надѣяться не имѣя. Непокойны, мрачны ходили братья; всѣхъ мрачнѣй старшій, всѣхъ грустнѣй средній. Мать ихъ развлекать не бралася, Галя ужъ ихъ не трогала, а у меньшого брата такъ сердце жалостью просто исходило.

Разъ вечеромъ старшій братъ говоритъ всѣмъ братьямъ:
— Житіе наше горькое и убогое; что вы думаете дѣ-
лать? Я присягаю дремучему лѣсу. Будете ли вы, братья,
товарищами?

И всѣ братья согласились и сказали:—Хорошо!

— А мать? А Галя?—спохватился меньшей.

— Да развѣ мы много помогаемъ имъ?—сказалъ стар-
шій. Братья-товарищи, не отступайте!

Всѣ отвѣтили:—не отступимъ!

Вошли они въ хатку. Мать и Галя уже спали.

Мать сейчасъ проснулась, услыхала и промолвила:—
Гдѣ вы такъ, дѣточки, замѣшкались?

И Галя проснулась, почувавши, что ее крѣпко обняли:
то меньшей братъ ее обнялъ. „Что?“ спросила Галя. Сердце
забилося у ней, почувало, что-то есть. Но меньшей братъ ни-
чего не отвѣтилъ и отошелъ.

— Старшій братъ сказалъ тогда:—Мама, идемъ мы
счастья искать; будь здорова, да насъ не поджидай! Прощай,
сестра!

Съ этимъ словомъ пошелъ онъ, а за нимъ всѣ братья
вслѣдъ.

Вдова только всплеснула руками и упала въ горѣ и въ
ужасѣ. Галя вскочила, догнала, уцѣпилась, было, за меньшо-
го брата, не пускала и рыдала, но и любимый братъ выр-
вался отъ нея и убѣжалъ за другими, и только издали она
еще услыхала его голосъ: „Прощай, Галя, прощай“!

Всѣ ушли. Ушли и не возвращаются.

— Кличь ихъ, Галя! кличь громче, зови!—твердила
вдова, какъ безумная.

И Галя кликала ихъ громко и звала: но даромъ разда-
вался свѣжій, отчаянный голосокъ: въ отвѣтъ только между
горъ звонко откликалось.

— Слышишь, Галя, слышишь шумъ? Они идутъ, идутъ!—
говорила вдругъ вдова.

Но это Дифпръ шумѣлъ и деревья шелестѣли: никто
не шелъ.

— Видишь, видишь, Галя, вонъ тамъ, тамъ—кто-то стоитъ! Это Ивась стоитъ, а подлѣ него, видишь?... видишь Грицка? Бѣги, бѣги туда, Галя!

Галя бѣжала то въ ту, то въ другую сторону, гдѣ тѣшили ихъ и обманывали ночныя тѣни и мгла.

И разсвѣло. Разсвѣтъ показалъ имъ, какъ пустъ зеленый лугъ и безмолвны горы кругомъ. Онѣ все ждали воротъ и обращали усталые глаза во всѣ стороны. И солнце вошло—такое ясное, будто хотѣло для нихъ нарочно лучше освѣтить пустыя дороги кругомъ. Онѣ все-таки ждали воротъ. Но съ той поры никто не воротился домой.

III.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Много прошло дней, недѣль, мѣсяцевъ, и лѣтъ прошло не мало, что вдова съ Галей еще прожила и прогоревала въ убогой хаткѣ на лугу, все ожидаючи, что возвратятся милые сыновья, что воротятся милые братья: то все слышался имъ шумъ шаговъ по мягкому лугу ввечеру, то передъ разсвѣтомъ пробуждалъ ихъ шумъ у дверей—спѣшили онѣ, и трепетали онѣ... Но на лугу кругомъ все пусто ввечеру, и передъ разсвѣтомъ у дверей нѣту никого. Пусто! никого!... Напрасно Галя летала туда и сюда, какъ ласточка, и вдова изъ силъ выбивалась, чтобы поспѣть себѣ за ней: пусто! никого!

Да, да, пусто и никого. И переставали онѣ на время рваться туда и сюда, будто успокоивались немножко, набирались терпѣнья.

— Галя!—говорить опять вдова:—слышишь, шумить?

— Это Днѣпръ шумить.

— Нѣтъ, нѣтъ, Галя, слушай!

— Деревья шелестятъ, мама!

— Все Днѣпръ шумить! все деревья шелестятъ!—промолвить вдова и вздохнетъ и прошепчетъ:—Боже мой! Боже мой!

И немного погодя вдова опять начинается:

— Галя! Галичка! выйди, погляди, послушай!

И Галя выходитъ, глядитъ и слушаетъ. Не слышно ничего, не видно никого—только Днѣпръ шумитъ, да деревья шелестятъ.

Галя, что подрастала, то все становилась разумнѣй. Ужъ она не боялась буки, ни волка, усердно работала, и когда теперь плакала горько, гдѣ-нибудь притаившись, никто бы ея не нашелъ по плачу: она тихонько-тихонько ужъ теперь умѣла плакать.

Жили онѣ все такъ же бѣдно. Все такъ же ходила вдова на поденщину, но все меньше ей платили, потому-что она все старилась и слабѣла, все становилась непроторнѣй и безсиленнѣй. Галя тоже ходила поденщицей и ей платили тоже немного, потому-что Галя была еще чересчуръ молода и невыкла. Рано-рано поднимались онѣ и шли въ городъ на работу. И скажу вамъ, никогда не уходили онѣ, не поглянувши на дорогу, что вилась по лѣсистой горѣ, не постоявши на лугу, напрасно не подождавши. Не дождавшись никого, кромѣ иногда пропорхнувшей мимо птицы, не увидавши ничего, кромѣ знакомыхъ тихихъ высокихъ деревьевъ, онѣ шли, приходили въ городъ и брались за работы, какія Богъ имъ посылалъ: носить воду, полоть огороды, мыть бѣлье, рубить капусту, бѣлить хаты—брали, что въ какое время Богъ посылалъ. Цѣлый день онѣ работали, изрѣдка вмѣстѣ въ одномъ домѣ, всегда почти врозь, и ввечеру сходились на дорогѣ домой. И тутъ-то Галинѣ свѣжій голосокъ звенитъ: Галя рассказываетъ, что видѣла, что слышала, что тамъ хорошо и что дурно ей показалось; вдова слушаетъ и время отъ времени сама что-нибудь скажетъ о видѣнномъ и слышанномъ. И приходили домой, въ свою хатку. Въ хаткѣ онѣ огня не зажигали, какъ и прежде; какъ прежде, свѣтили имъ только мѣсяцъ да звѣзды. И послѣ дневного труда сонъ не часто осѣнялъ ихъ. Особенно вдову мучила бессонница и она принималась плакать какими-то скудными старческими слезами, отъ которыхъ, кажись, разрывалось ея искрушившееся сердце. Галя обнимала ее и обѣ говорили, и обѣ печали-

лись, и обѣ надѣялись на лучшія времена, пока вдова не была утѣшена и не забывалась сномъ, а Галинъ сонъ не разгуливался и мысли не начинали бродить и роиться около хорошаго и радостнаго впереди далека-далека... Тамъ, въ этомъ далекомъ, братья видѣлись съ какими-то сіяющими лицами, въ какомъ-то блескѣ, и все кругомъ сіяло и блестяло... Жили онѣ жили, пока дожили до того времени, что вдова захворала и слегла.

Вотъ тутъ-то пришло самое трудное: и работать надо, и больную одну оставить нельзя. Тогда-то Галя показала рѣзвость своихъ ножекъ. Она нанималась за самую малую плату, съ уговоромъ провѣдывать мать, и раза по три въ день прибѣгала въ хатку и возвращалась въ городъ. Но чѣмъ дальше, вдова все слабѣй становилась да слабѣй, и Галя уже не отходила отъ нея.

Больная лежала тихо, безмолвно, все почти съ закрытыми глазами и было похоже, будто она отдыхала отъ тяжелой-тяжкой усталости и работы.

Разъ она спросила:—Галя! что это, Днѣпръ шумить?

— Нѣтъ, мама, Днѣпръ не шумить: зима, и онъ подо льдомъ.

— Галя, деревья шелестятъ?

— Нѣтъ, мама, зима, деревья въ иней.

Тогда зима была бѣлая, лютая, крѣпкая зима.

Долго лежала больная, не открывая глазъ и не молвя слова. И все блѣднѣла, и все слабѣла. И чуть слышно опять спросила:—Галя, Днѣпръ вѣдь не шумить? Я не слышу... Шумить, или нѣтъ?

— Нѣтъ, мама.

— Такъ деревья шелестятъ?

— Нѣтъ, мама.

Вдова поднялась, словно исполнилась силъ:—Галя, я слышу, я слышу! Отворяй двери скорѣй! Встрѣчай скорѣй!...

И потерявши вдругъ всѣ послѣднія силы, вдова упала и закрыла глаза. Галя припадала къ ней и звала ее: но она не откликнулась и глаза ея на-вѣки закрылись.

Добрые люди кое-какъ помогли Галѣ похоронить мать, и стала жить Галя одна-одинешенька въ своей хаткѣ.

IV.

Прожила Галя такъ цѣлую студеную зиму, сидячи вечеромъ подѣ скосившимся окошечкомъ, смотрячи на лугъ въ снѣжной пеленѣ, гладкой и бѣлой, безъ дорогъ и слѣдовъ кругомъ, кромѣ той тропинки, что проложила сама Галя, ходячи на работу.

Иногда Галя запѣвала какую-нибудь пѣсенку, что переняла, работаячи вмѣстѣ съ другими веселыми дѣвушками. Запѣвала пѣсенку Галя и долго пѣла, подперши усталою рукою свою одинокую головку.

Иногда ей вдругъ казалось, что вотъ кто-то заглянулъ въ окошечко, вотъ кто-то стукнулъ въ двери, вотъ кто-то пробѣжалъ мимо: это или мѣсяцъ вынырнулъ изъ-за облака, или вольный вѣтеръ пронесется по лугу, или морозъ ударить. И Галя стала ждать одинокими вечерами, когда мѣсяцъ заглянетъ въ окошечко, вѣтеръ пробѣжитъ мимо хатки или морозъ постучится, и привыкла ждать и принимать ихъ, какъ дорогихъ гостей.

И такъ прошла вся зима, и за зимой весна пришла теплая, свѣжая и цвѣтущая. Лугъ зазеленѣлъ, груша съ сломанною верхушкою около хатки одѣлась листвою и начала тихонько шелестѣть по утрамъ, при утреннемъ вѣтеркѣ и зашумѣлъ лѣсъ по горамъ кругомъ, и засинѣлъ, разлился Днѣпръ, и далеко забѣжалъ въ лугъ разливомъ, и налетѣли птицы изъ теплыхъ краевъ, запѣли и защибетали.

Однимъ весеннимъ вечеромъ сидѣла Галя у окошечка въ своей хаткѣ и пѣла. Она рада была теплой веснѣ съ цвѣтами и пахучими травами, и оттого громче и веселѣй тогда пѣла. Вдругъ что-то мелькнуло передъ окошечкомъ... Галя взглянула на небо—на небѣ мерцали слабо звѣзды; опять что-то мелькнуло и ужъ совсѣмъ заслонило окошечко. Галя увидала человѣка, встрепенулась и испугалась, и гля-

дѣла на него во всѣ глаза. Передъ ней стоялъ молодой и хорошій козакъ. Стоялъ и спросилъ:—Дѣвушка, тою ли дорогою въ городъ итти?—И показалъ на дорогу.

— Тою самою—отвѣчала Галя.

— И хорошо—промолвилъ козакъ.

Но хоть было хорошо, однако онъ все еще стоялъ подъ Галинымъ окошечкомъ, и то на нее заглядывался, то заиhrалъ въ хатку. Галинъ испугъ прошелъ, но сердце билось отъ удивленья и неожиданности.

— И я прямо этою дорогою войду въ городъ?—спросилъ опять козакъ, постоявши.

— Прямо войдете.

Узналъ козакъ и то, что войдетъ прямо въ городъ, а все еще его не несли ноги отъ Галиноваго окошечка.

— Не будетъ ли ваша ласка дать мнѣ напитокъ? попросилъ козакъ.

— Сейчасъ—отвѣтила Галя; и сейчасъ подала ему воды въ окошечко. Козакъ напился.

— Спасибо, дѣвушка—сказалъ онъ.—Какая славная вода! Изъ Днѣпра берете?

— Нѣтъ, изъ колодца.

— А гдѣ же тутъ у васъ колодецъ?

И козакъ принялся осматриваться въ вечерней тѣмѣ и искать колодца.

— Далеко, на лугу, вонъ тамъ, подъ горою—показывала ему Галя.

— Чудесный у васъ лугъ какой: и Днѣпръ шумить, и деревья кругомъ, и горы; свѣжо, благодатно! Хорошо вамъ вѣрно жить!

Галѣ самой вдругъ почему-то показалось, что тутъ вправду житье несравненное, и она отвѣтила козаку:—О, жить тутъ славно!

— А въ городъ вы часто ходите?—спросилъ козакъ.

— Каждый день хожу.

— Каждый день? на работу?

— Да, на поденьщину.

— Что-жь, работы въ-волю всегда? Хорошая работа?

И Галѣ опять почему-то показалось, что вправду работа хорошая, и она отвѣтила козаку:—О, хорошая работа!

— И родня у васъ въ городѣ есть?—спрашивалъ козакъ,—до того любознательный!

— Нѣтъ, у меня никого нѣту въ городѣ родного. Я сирота.

— И одинъ живете тутъ?

— Одна живу.

Кажись, такъ мало они говорили и сказали другъ другу, а времени много прошло. Звѣзды, все слабѣй и слабѣй мерцая, словно уходили все дальше въ лазурь; стало свѣжѣй; съ Днѣпра вѣтерокъ потянулъ и съ другого берега перенесъ запахъ цвѣтущихъ тамъ тополей. Не козакъ и не Галя спохватились, что разсвѣтъ близко, а наднѣпровская чайка его почувала и пронеслась съ крикомъ надъ Днѣпромъ.

— Прощайте!—промолвилъ козакъ.

— Прощайте!—промолвила Галя.

И козакъ ушелъ по дорогѣ въ городъ. И Галя, проводивши его глазами, еще долго провожала мыслями, пока забылась краткимъ сномъ до утра, тутъ же у окошечка, склонившись головой на сложенные руки.

Когда она проснулась, яркіе солнечные лучи задали ей свѣтомъ въ глаза неожиданно: она проспала утреннюю зарю— вотъ тебѣ разъ! И Галя засмѣялась небывалому случаю, и стала спѣшить на работу и, умываясь, уронила ковшикъ съ водой нечаянно, и опрокинула ведро ненарочно, и все смѣялась сама съ собой: потому-что все, видите, выходило какъ-то неожиданно, вдругъ...

Шибко шла Галя на работу, еще шибче билось у ней сердце, а еще шибче ронялись мысли... Ей представлялся одинокій-одинокій весенній вечеръ у окошечка, своя одинокая пѣсня, весеннее тепло, мгла и свѣжесть, и мерцаніе звѣздъ... И вдругъ заслоненный свѣтъ въ окошечкѣ и молодой козакъ... такъ вдругъ... вдругъ... такъ неожиданно!

Въ этотъ день Галѣ случилось работать на огородѣ вмѣстѣ съ другой женщиной, съ которой она и прежде иногда вмѣстѣ работывала и толковала о людскихъ бѣдахъ и напастяхъ, печаль дѣлила, лихо тѣшила.

— Хоть ложись да умирай!—сказала эта женщина Галѣ, когда онѣ принялись полоть.

— О, что это вы говорите, любочка! — вскрикнула Галя.

— Что-жъ я говорю? Что есть, то и говорю.

И вправду, женщина была не жилица на свѣтѣ: худа, блѣдна, измождена.

— Нѣтъ, нѣтъ—сказала Галя—вы не горюйте. Какъ знать, что впереди будетъ!

— Что же будетъ?—возразила женщина.—Ничего, кромѣ бѣды да лиха!

— Ой, нѣтъ—вскрикнула Галя:—все можетъ быть, все! Не ждешь совсѣмъ, не чаешь—и вдругъ неожиданно-нечаянно...

И Галя бросила полоть и оглянулась кругомъ, словно готова была встрѣтить что-то неожиданное—нечаянное...

— Да будетъ тебѣ: лиха да еще съ лихвою—проговорила женщина.

— Чего-чего не случается!—защебетала опять Галя.—Все случается! Все можетъ быть!

И Галя поглядѣла съ улыбкой на играющее солнце, будто думая: „Скатись ты сейчасъ на землю, ясное солнышко, такъ я не удивлюсь теперь; даже руки подставлю—не боюсь“!

А женщина промолвила:—Полно тебѣ, Галя! Ты на-скажешь такое, что на вербѣ груши, а на соснѣ яблоки растутъ!

И ввечеру дома, сидячи подъ своимъ окошечкомъ, Галя думала о томъ, что все можетъ быть и случиться, всего надо ждать нечаяннаго, и улыбалась и, кажется, смѣло и весело ждала всего; но когда показалась высокая фигура на дорогѣ къ хаткѣ, Галя обдало жаромъ и холодомъ. И чѣмъ ближе подходила фигура, тѣмъ жаръ жарче, а холодъ холоднѣй ее

обдавалъ. И когда вчерашній козакъ подошелъ къ окошечку и сказалъ ей: „добрый вечеръ“! Галя ему въ отвѣтъ едва вымолвила свой „добрый вечеръ“!

Въ этотъ разъ козакъ не спрашивалъ о дорогѣ, а подошелъ какъ знакомый, гуляя, и завелъ рѣчь о томъ, что за городъ Кіевъ, красенъ и великъ, и разсказалъ, что онъ недавно сюда пріѣхалъ съ товарищами на разныя дива поглядѣть, и очень радъ тому, что пріѣхалъ...

И въ самомъ дѣлѣ видно было, что козакъ радъ. И Галя рада была.

Потомъ онъ разсказалъ, какъ забрелъ на лугъ въ первый разъ. Товарищъ, видите, назначилъ ему свиданье подъ городомъ и онъ товарища искалъ, не нашелъ; увидѣлъ лугъ, Днѣпръ, захотѣлось ему надъ Днѣпромъ по лугу пройтись—онъ и пошелъ, и видитъ—хата, и подумалъ: чья эта тутъ хатка стоитъ? И услышалъ Галину пѣсню; слушалъ-слушалъ и подошелъ подъ окошечко...

И хоть козакъ не прибавилъ, что онъ радъ, что подошелъ, только это и безъ козацкихъ словъ было видно. И Галя рада была.

Потомъ онъ разсказалъ, что онъ тоже сирота, тоже безъ роду и племени; что онъ козакъ изъ далекаго села Глибова, зовутъ его Михайло Нарада. Тутъ онъ спросилъ, какъ зовутъ дѣвушку, и дѣвушка ему сказала: „Галею“. Разсказалъ, что село его большое и богатое: тамъ двѣ церкви, и у нихъ хаты все славныя, сплошь сады; село на горѣ, а подъ горой тотъ же самый Днѣпръ шумитъ, что и подъ Кіевомъ; что люди у нихъ все хорошіе и дѣвушки мастерицы вышивать сорочки.

Галя слушала-слушала-слушала, и они поздно растались.

И Галя не уснула въ эту ночь, а просидѣла до утра подъ окошечкомъ, и ей такъ же отчетливо, какъ бы во снѣ, грезилось большое бѣлое село на горѣ, въ зеленыхъ садахъ, двѣ высокія церкви съ золотыми крестами, синій Днѣпръ подъ горой; грезились люди съ такими привлекательными

лицами, какихъ она никогда еще не встрѣчала; дѣвушки такія разряженныя и милыя, какихъ она никогда ни видала. И будто весенній тихій, душистый вечеръ и далекое село грезилось ей безшумно, беззвучно, хоть живо—и ничего не слышно было нигдѣ, кромѣ своего сердечнаго бѣнья.

Козакъ сталъ приходить каждый вечеръ, и у нихъ велись рѣчи чуть не до зари утренней. Галя уже знала, что козакова хата стоитъ недалеко отъ церкви, изъ окна видѣнь Днѣпръ и далеко окрестныя горы и лѣса, что у него садъ большой и пасѣка. И узнала Галя тоже разныя многія тревоги, радости, тоску и блаженство, невѣдомыя ей до тѣхъ поръ. Съ того времени, какъ она неожиданно познакомилась съ козакомъ, Галя все ждала чего-то особеннаго и ждала смѣло и весело, но вмѣстѣ съ тѣмъ дало себя знать ей ожиданье ожиданнаго. Сначала она сиживала подъ окошечкомъ и ждала, а потомъ несносно стало ей сидѣть спокойно, когда душа вся волновалась, сердце колотилось и духъ захватывало; она начинала ходить по лугу, рвала попадавшіеся цвѣтки, страстно впивала ихъ запахъ, будто лѣкарство отъ нетерпѣнья; то она шла въ одну сторону, то въ другую, то стояла на одномъ мѣстѣ, пока козакъ Нарада не показывался на дорогѣ.

Разъ она воротилась съ работы и застала козака уже на лугу около хатки, и онъ сейчасъ же сказалъ ей:—Я ѣхать собираюсь домой.

Галя побѣлѣла, вспыхнула и опять помертвѣла. И ничего не могла ему отвѣтить.

— Галя, будь мнѣ женою и поѣдемъ со мной—сказалъ козакъ.

И тутъ Галя ничего не могла ему отвѣтить.

Но за то, погода, какъ она щебетала, плакала и смѣялась, краснѣла и блѣднѣла отъ своего счастья!

И въ первое воскресенье послѣ этого вечера Галя въ свѣжемъ вѣнкѣ, рука объ руку съ козакомъ Народою пошла

въ церковь—рано-рано поутру, безъ дружекъ и сватовъ, безъ родни и друзей, вдвоемъ—и перевѣнчалась съ нимъ.

И въ тотъ же воскресный вечеръ изъ Кіева выѣхалъ славный новый возъ, запряженный двумя могучими волами. На возу сидѣлъ красивый молодой козакъ, которому, видно, хорошо было жить на свѣтѣ, и около него сидѣла близко молодая козачка въ бѣлой намиткѣ—о, какая прелестная, счастливая козачка! Поѣхали они по дорогѣ въ село Глибово.

V.

Въ горахъ надъ Днѣпромъ есть много каменныхъ пещеръ, и въ одной такой пещерѣ собралось девять братьевъ-молодцовъ. Кто лежалъ, кто сидѣлъ; нѣсколько трубокъ курилось... У, какіе утесы кругомъ! Днѣпръ врывается между нихъ и гремитъ по каменьямъ, и высоко брызжетъ, перелетая черезъ нихъ. Отраженіе яснаго неба вертится въ скачущихъ и бьющихся волнахъ; кромѣ яснаго неба вверху, да гремящаго Днѣпра внизу, за окружными утесами видны въ вышинѣ далекіе темные лѣса, позлащенные искрящимъ солнцемъ.

Старшій братъ и всѣмъ имъ воевода сидитъ съ потухшей трубкой и смотритъ въ землю, и на лицѣ его ничего не видно, кромѣ обычной угрюмости и силы.

Но другіе не такъ: одинъ деньги считаетъ, а подлѣ него другой смотритъ словно съ гнѣвомъ, словно съ презрѣніемъ на нихъ; третій тоже смотритъ и не то въ чемъ-то сомнѣвается, не то раскаивается; одинъ, кажется, спитъ, отвернувшись отъ всѣхъ къ стѣнѣ; другой лежитъ съ открытыми глазами, закинувши руки подъ голову, точно порѣшивши съ докучными всякими думами; двое курятъ трубку за трубкой—только искры вылетаютъ и дымъ вьется и обвиваетъ невеселыя ихъ лица; самый младшій изъ нихъ сидитъ при входѣ въ пещеру, и съ перваго на него взгляда ясно, что полна его кудрявая голова грустныхъ мыслей, а бѣдное сердце полно горечи и тоски.

А въ пещерѣ ни золота, ни серебра, ни дорогихъ каменьевъ. Голая, сѣрая эта пещера и—больше ничего. Холодно, жестко тамъ преклонять голову.

Вечеръ наступалъ тихій и розовый. И все порозовѣло: кремнистые утесы, гремѣщій Днѣпръ внизу, далекіе, темные лѣса на вершинахъ и быстро пролетѣвшая птица надъ Днѣпромъ. Лѣсная повилка слабо откуда-то запахла, и глаза не находили, гдѣ бы могъ вырасти нѣжный цвѣтокъ тутъ, на дикихъ камняхъ.

Средній братъ, что, казалось, спалъ, вдругъ поднялъ голову и проговорилъ:—Не пора ли?

Всѣ оглянулись, и два голоса ему отвѣтили:—Еще не пора! Еще рано!

Средній братъ умолкъ и опять отвернулся, опять, будто, уснулъ.

Розовый вечеръ разгарался ярче, потомъ началъ темнѣть и темнѣть; мѣсяцъ вырѣзывался изъ-за горной вершины и засверкали звѣзды на небѣ.

— Пора!—говорить старшій братъ и встаетъ.

Въ одну секунду всѣ были на ногахъ, пещера опустѣла. Легко и быстро пробираясь по утесамъ, братья скрылись за ними.

VI.

Идетъ козакъ съ козачкой домой. О, веселая, веселая дорога! Куда ни глянешь—все цвѣтетъ и благоухаетъ, о чемъ ни вздумаешь—все ясно и любо! Какъ все теперь хорошо: и вспоминать прежнія напасти и лихо, и забѣжать мыслью въ радостное будущее! Говорили они о томъ, какъ теперь жить будутъ вмѣстѣ, какъ хозяйничать станутъ вмѣстѣ.

— Будемъ жить одни вдвоемъ—сказала козачка.—Вѣдь у насъ съ тобой никого нѣту.

И двѣ пары счастливейшихъ глазъ обратились другъ къ другу.

Вдругъ что-то больно кольнуло въ сердце козачку; она въ лицѣ перемѣнилась и проговорила:

— А гдѣ мои братья теперь? Живы ли?

И слезы такъ и побѣжали по ея счастливому лицу. Теперь было на чье плечо головкой припасть, было къ кому прильнуть. И наплакавшись горячими слезами, козачка подняла голову и промолвила:

— Никогда я ихъ такъ хорошо не оплакивала, какъ теперь. Какъ-то ихъ Богъ милуетъ, Михайло коханный, а?—спросила она и ждала козакова отвѣта, какъ ихъ Богъ милуетъ?

Пошли у нихъ рѣчи о братьяхъ и разныя предположенья удачныя, разныя надежды вѣрныя явились... И въ будущемъ пылкая козачка устроила и уладила все, какъ хотѣлось ея душѣ, какъ желалось ея сердцу. А козакъ на все согласенъ и всѣмъ доволенъ.

Въ такихъ рѣчахъ они безъ вниманія ѣхали по дорогѣ, не глядя кругомъ, пока ихъ не поразилъ шумъ мельничныхъ колесъ гдѣ-то по близости; оглянулись они и увидали темные лѣса со всѣхъ сторонъ, заходящее за нихъ солнце и справа какой-то хуторокъ бѣдный.

— Да мы съ дороги сбились, Галя!—сказалъ козакъ, усмѣхаясь.—Вотъ такъ-то гляди въ ясныя очи, такъ и дорогу проглядишь!

Ясныя очи такимъ взглядомъ ему отвѣтили, что онъ опять забылъ о дорогѣ.

— А вотъ дорога впередъ—сказала Галя, указывая впередъ.

Впередъ лежала дорога узкая, мало ѣзженная, на которую они попали сами не знали когда и какъ.

— Дорога-то есть, да куда она ведетъ?—сказалъ козакъ.—Надо подѣхать къ этому хутору и спросить.

И козакъ, зарекаясь напередъ глядѣть въ ясныя очи, повернулъ воловъ къ хутору.

Это былъ маленькій, бѣдный хуторокъ, вездѣ, гдѣ толь-

ко можно, заросшій краснымъ яркимъ макомъ: макъ сплошь укрылъ огороды около каждой хатки, снопочиками выросталъ у дороги; то взбирался на крыши однимъ пышнымъ цвѣткомъ, то цѣлой семьей, то, словно бахрамой, обнизывалъ кругомъ, прерываясь кое-гдѣ какъ оборванное коралловое ожерелье, и издали бѣдный хуторъ, казалось, горѣлъ въ огнѣ несгораемомъ.

— О, какой макъ!—вскрикнула Галя.—О, что за пышный макъ! Я себѣ заведу такой!

Подѣхавши къ первой хуторской хаткѣ, они встрѣтили женщину съ ребенкомъ на рукахъ и спросили, гдѣ дорога въ село Глибово.

— Не знаю, такого села нѣту—отвѣчала женщина.

— А какія же около васъ села?—спросилъ козакъ.

— Хрумово, Иваньково, Кривушино...

— Далеко Кривушино?

— О, далеко. Считаютъ больше сорока верстъ.

— А какъ туда проѣхать?

— Да вотъ этою дорогою; прежде вы пріѣдете въ Хрумово, потомъ... Да только эта дорога теперь не безопасная.

— Отчего?

— Да слышны разбои и убійства стали. Слышно, недавно убитъ богатый хозяинъ въ яру... Ну-ну!—унимала она ребенка, что тянулся къ воламъ:—ну-ну, не шали, а то сейчасъ занесу въ яръ, брошу къ разбойникамъ.

Но ребенокъ былъ, видимо, смѣлый, козачьей породы: онъ въ отвѣтъ на это только засмѣялся и схватилъ вола за рога.

— Малъ козакъ, да смѣлъ!—сказалъ Михайло.

Мать взглянула на малаго и смѣлаго, и усмѣхнулась. А Галино сердце, которому все, что ни видѣлось, ни встрѣчалось, придавало счастья и припопняло радости—Галино сердце всѣмъ и всему отзывалось.

— Ну, прощайте, спасибо вамъ!—сказалъ Михайло

женщинѣ. — Прощай, козакъ, да расти! — сказалъ онъ ребенку.

— Рости, милый, рости!—говорила Галя.

— Спасибо, счастливой дороги!—отвѣчала женщина.— Поклонись, сыночекъ, поклонись.

Сыночекъ не хотѣлъ кланяться и упрямо дралъ вверхъ голову, которую мать наклоняла.

— Видите каковъ!—промолвила женщина, смѣясь. И Михайло и Галя отвѣтили ей улыбкой.

— Такъ точно это дорога въ Хрумово?—спросилъ еще разъ Михайло.

— Эта, эта самая. Только какъ это вы не боитесь ѣхать? Говорять, опасно...

— Мало ли что говорить!—отвѣтилъ Нарада.— Не страшайте взрослого козака, коли малый не боится!

Еще улыбки, еще поклоны и пожеланья добрыя—и вотъ хуторокъ скрылся изъ виду съ своимъ алымъ макомъ, и мельница не шумить, и они ѣдутъ по лѣсу, то спускаясь къ Днѣпру и чуя его прохладу, то поднимаясь высоко и слыша только шумъ и плескъ волнъ.

VII.

— Коханный!—говорить Галя:—а что, если и вправду разбойники на насъ нападутъ?

— Боишься, Галя?—спрашиваетъ козакъ.

Галя не боится, но если разбойники нападутъ?

— Не бойся, мое сердце, это все сказки—говорить козакъ.—Будь спокойна, Галя.

— О нѣтъ, я не буду бояться, милый. Я не боюсь—отвѣчала Галя.

И они ѣхали дальше по темному лѣсу, и все, счастливые, говорили про счастье.

А лѣсъ все темнѣлъ и Днѣпръ все быстрѣй шумѣлъ. Сначала дорогу лѣсъ обступалъ, и, ѣдучи, они слышали за-

пахъ лѣсныхъ цвѣтовъ; потомъ лѣсъ вдругъ, будто, снялся и по обѣимъ сторонамъ высаты голые камни, и на нихъ, какъ натыканныя стрѣлы, рѣдкія сосны, и внизу навстрѣчу имъ бьется Днѣпръ, вдругъ повернувши свое теченье круто въ ущелье...

Только успѣло все это мелькнуть у нихъ передъ глазами, какъ на нихъ бросилась шайка людей. Мощныя руки остановили возъ, схватили козака. Галя могла только вскрикнуть; козакъ сталъ бороться...

Не долгая борьба: кто-то упалъ со стономъ; затѣмъ яростный крикъ—и козакъ зашатался и упалъ подлѣ Гали. Въ ужасѣ схватила она его и прижала къ себѣ; въ ужасѣ чувствовала, что теплая кровь обливаетъ ея руки.

Шайка хлопотала около сраженнаго товарища и слышались слова: „не дышетъ! мертвъ“! И страшный плачь слышался, и глухіе вопросы: „гдѣ схоронить?“ и шаги въ ту и другую сторону, поиски, и рытье земли, и выбрасываемая земля изъ ямы...

Ночь проходила, все свѣтлѣло кругомъ. Кровь, обливавшая руки, останавливалась и холоднѣла; вдали, за дѣревьями, копали яму и мелькали люди, вблизи никого...

Но вотъ кто-то приблизился. Еще въ большемъ ужасѣ Галя крѣпче прижала къ себѣ своего козака, и взглянула...

Около нея стоялъ молодой паробокъ съ убитымъ лицомъ и, казалось, ему было жаль ея; но когда глаза ихъ встрѣтились, онъ вдругъ весь затрепеталъ и быстро спросилъ:

— Откуда ты? Чья ты?

— Я сирота—отвѣчала Галя.—Я живу одна около Кіева, въ хаткѣ на лугу... Нѣтъ, нѣтъ, не то: я замужъ пошла и вотъ мой козакъ...

— Галя!—промолвилъ паробокъ, почти падая подлѣ нея:—Галя, сестра! Узнала ли ты своего брата меньшого?

— Охъ, братецъ милый, это ты? Здравствуй, здравствуй! Отчего ты долго такъ не приходилъ?

Она наклонилась къ нему и много разъ его съ жаромъ поцѣловала, все не выпуская изъ рукъ Михайлу своего, и потомъ спросила:

— А гдѣ-жъ другіе братья? Отчего вы такъ долго не приходили? Гдѣ-жъ братья?

Ужасъ ея будто уменьшился; она пристальнѣе поглядѣла кругомъ. Меньшой братъ покликалъ остальныхъ братьевъ и они пришли.

— Это сестра наша, Галя—сказалъ меньшой братъ.

— Это я, я, братцы!—промолвила имъ Галя.

Но они никто не подходили къ ней, и старшаго брата совсѣмъ не было, и лица у нихъ у всѣхъ такія страшныя, странныя... Ужасъ опять напалъ на Галю.—Гдѣ старшій братъ?—спросила она. Ужасъ все больше и больше охватывалъ и подавлялъ ее, и сначала она ничего не могла понять, потомъ поняла все, все увидѣла и узнала.

Она видѣла старшаго брата мертваго подъ дубомъ и знала, что его убилъ ея Михайло. Она была при похоронахъ и видѣла, какъ старшаго брата вмѣстѣ съ ея Михайлой опустили въ глубокую яму, усыпанную листьями, и она прощалась съ ними... Но странно какъ-то все перемѣшалось у нея въ умѣ, и даже видѣли странно глаза, и странно уши слышали: то она думала объ играхъ съ братьями на лугу, о покойницѣ матери—и внезапно являлась въ мысли улыбающаяся женщина съ смѣлымъ веселымъ ребенкомъ на рукахъ, въ бѣдномъ хуторкѣ, заросшемъ алымъ макомъ; то шла она изъ церкви и слухала Михайловъ голосъ, то шумъ Днѣпра все заглушалъ, то стоны слышались, голые камни видѣлись, темные лѣса—и вмѣстѣ вечеръ весенній, плѣнительная, цвѣтущая свѣжесть и вдали большое бѣлое село на горѣ; то все живое, радостное и дорогое, то все дорогое мертвое, похороненное.. Она ждетъ-ждетъ къ себѣ жениха, выглядываетъ его, высматриваетъ, ловить звукъ его голоса, а около нея меньшой братъ является. Вдругъ передъ ней это возмужавшее, но знакомое милое лицо—и она ему улыбается и очень рада... А вотъ и всѣ братья сидятъ рядомъ на землѣ,

только недостаетъ старшаго... Вдругъ какой-то свѣтъ—и память, и разумъ,—и ужасъ опять нападаетъ на нее—и въ ужасѣ она бросается бѣжать, и бѣжить-бѣжить къ Днѣпру, и въ ужасѣ бросается въ Днѣпръ. За ней по слѣдамъ братья, бѣгутъ, зовутъ... но днѣпровская пучина ужъ далеко унесла сестру и разбила по острымъ камнямъ, и напрасно братья ходятъ по дикимъ берегамъ: въ быстрыхъ волнахъ ничего не видно, кромѣ отраженія яснаго неба, окрестныхъ утесовъ и лѣсовъ...

НЕВОЛЬНИЦА.

Б. А. М.

Давно когда-то, въ Овручѣ, если знаете, родился у одного козака мальчикъ Остапъ, и какъ только этотъ мальчикъ Остапъ сталъ на свои ножки, сейчасъ пошелъ по Овручу, всюду поглядѣлъ, посмотрѣлъ, да и говорить: „Ге-ге! нехорошо людямъ въ Овручѣ жить! Надо-бъ этому помочь“!

А тогда, видите ли, дѣлала набѣги на Украину всякая бусурманщина, турки, татары—не такъ какъ теперь, что теперь хоть бываетъ тоже попустъ, да ужъ иначе, христіанскій—по-христіански—что почему-то не такъ, должно быть, обидно... Такъ вотъ—говорю вамъ, тогда дѣлала набѣги всякая бусурманщина, турки и татары жгли, грабили, совсѣмъ уничтожали прекрасные города; мало ли козачества съ свѣту Божьяго согнано преждевременно, побито, позамучено; много дѣвушекъ и женъ въ плѣнъ забрано.

Приходитъ Остапъ домой, а отецъ и мать его спрашиваютъ—извѣстно, единственное дитя, такъ въ глаза ему глядятъ и сейчасъ же подстерегутъ все, все замѣтятъ,—спрашиваютъ:—чего это ты, сыночекъ, задумался?

— А того я—говорить Остапъ—задумался, что нехорошо людямъ въ городѣ Овручѣ жить.

— Ге-ге-ге! говоритъ отецъ, а мать тяжелешенько вздохнула.

— Надо этому помочь! говоритъ Остапъ.

— Ге-ге-ге! опять промолвилъ отецъ. Радъ бы въ рай, да...

А мать еще тяжче вздохнула.

На томъ разговоръ и кончился, что отецъ и мать запечалились, каждый по своему: отецъ омрачился, повѣсивши голову, а мать, склонивши голову, загрустила, а Остапъ снова пошелъ по городу Овручу прохаживаться, да свою думу думать и свой совѣтъ держать.

А между тѣмъ время бѣжало своимъ чередомъ, какъ всегда, и Остапъ росъ своимъ порядкомъ. Только, какъ запахло ему въ мысль и въ душу, что въ Овручѣ нехорошо людямъ жить, что надо бы тому пособить, то какъ зернышко какое принялось, развилось, пустило корни: онъ уже не успокоился съ того часу и все только думалъ, да гадалъ, да замышлялъ. Въ то время, какъ другіе мальчишки дрались между собой, словно пѣтухи, за какую-нибудь свою обиду, или какъ медвѣди другъ друга одолѣвали за какую-нибудь цапку, или играли да шалили, да рѣзвились наилучшимъ образомъ, Остапъ все ходилъ, да глядѣлъ, да замыслы замышлялъ.

Какъ всѣ тѣ, которые себѣ очень голову ломаютъ, или заботятъ, или вполнѣ чему-нибудь преданы, Остапъ иногда, какъ пойдетъ прохаживаться, такъ и зайдетъ далеко, пока что-нибудь приведетъ его въ себя,—и вотъ одинъ разъ очень далеко онъ зашелъ, погруженный въ свою заботу, какъ вдругъ шуркнуло что-то, будто птица пропорхнула, звякнуло что-то, будто двѣ стрѣлы пролетѣли, встрѣтившись—едва его съ дороги не сбросило, едва успѣлъ онъ увидать вооруженнаго турка на легкомъ ворономъ конѣ, а у турка дѣвушку съ русою косою, что протянула руки къ нему и вымолвила: „спасай, козакъ!“ и все исчезло, будто бы и не бывало никогда.

— Если бы сила моя да лѣта мои! промолвилъ Остапъ, и очень горько ему стало, что еще не могуча его сила, не совершенны его лѣта.

Вотъ, если бы намъ съ вами, вамъ да мнѣ, встрѣтилось что подобное, такъ мы бы, я да вы, ахнули да вадохнули

(къ чему мы станемъ тутъ поминать, что тоже и страшно бы перепугались?) пришли домой, рассказали всѣмъ сосѣдямъ да и забыли,—а Остапъ нѣтъ—не забывалъ.

Опять тоже одинъ разъ послалъ его отецъ въ лѣсъ за дровами. Сами можете знать, каково веселешенько ѣхать веселымъ утромъ въ лѣсъ—самъ лѣсъ будто смѣется шумя на встрѣчу вамъ зелеными вѣтвями—кажись, всякое сердце радуется, всякій глазъ тѣшится,—Остапъ, что глянетъ вокругъ, то глазъ его опечалится пуще, сердце больше заносетъ.

Какъ вотъ небольшой оврагъ на дорогѣ и только что въ этотъ оврагъ спустились, конь какъ шархнетъ въ сторону—видитъ Остапъ, лежитъ козакъ убитый, молодой, въ самомъ цвѣтѣ своемъ, мощный, въ самой силѣ своей, загубленный на вѣкъ. Остапъ наклонялся, припадалъ къ нему, прислушиваясь—не дышетъ,—нѣтъ!

Если-бы такое намъ встрѣтилось, вамъ да мнѣ, такъ что-жъ дѣлать—развѣ первый это случай несчастный? Мы бы, вы да я, потужили можетъ бы и всплакнули, да и дали бы себѣ покой—а Остапъ нѣтъ—себѣ покою не давалъ.

Въ третій разъ случилось ему проникнуть въ самую страну свою отъ востока до запада, съ сѣвера на югъ, и такая страна всюду и повсюду разоренная, разграбленная, уничтоженная ему представлялась, что Остапъ, охая, за голову схватился.

Если-бы это мы, вы да я, такъ бы мы пожалѣвши сердечно, да загородивши себѣ какой-нибудь пріютъ въ уголку. сидѣли бы тамъ смирно и тихо—а Остапъ нѣтъ—не бросилъ на произволъ.

Не было Остапу ни сна, ни отдыха; не было покою, ни отрады. Какое страданье, какая тоска и кручина его одолевала, вы, дѣточки, того не можете и не въ состояніи знать. Словно голосъ какой-то его кликалъ, словно цѣлая страна родная стонаючи звала, будто все лихо людское и горе молило: спасай! спасай!

Развѣ каждого такой голосъ хоть иногда, хоть разъ въ жизни не покликалъ? О, да—почему же нѣтъ? Да видите ли,

иныхъ тоже много голосовъ кричить: „а что тебѣ будетъ? А какъ тебѣ удастся“? Кричать эти осторожные голоса сильно и заглушаютъ тотъ...

Начали добрые люди поглядывать на Остапа странно, почали немножко посмѣиваться надъ нимъ, подшучивать, кто съ горечью, а кто благодушно, а кто, то и запечалился, а кто, то и испугался...

Я знаю, что если-бы надъ нами, надъ вами да надо мною, почали люди такъ, или иначе подсмѣиваться да подшучивать, такъ мы бы страхъ застыдились, покраснѣли, краснѣй яркаго піона, все бы это покинули, и убѣжали, и спрятались; я знаю, дѣточки, что если-бы мы, вы да я, кого такимъ образомъ опечалили или перепугали, такъ бы мы скоренько и успокоили—да Остапъ, видите-ли, не такой былъ, то не такъ онъ и дѣлалъ.

Вотъ тогда за то и начались для него всякія напасти, бѣда да лихо. Вотъ какъ въ сказкѣ, что бабушка когда то рассказывала намъ, козаку надо было горы крутыя переходить, рѣки быстрыя переплывать, черезъ палящій огонь перепрыгивать,—помните, мы еще тогда съ вами въ мысляхъ совѣтъ давали тому неугомонному козаку все оставить и выкинуть изъ головы да домой воротиться—пропади оно совсѣмъ все!—и тогда же, помните, мы съ вами въ душѣ зареклись и дали обѣтъ, что сами никогда въ такія хлопотливыя, ужасныя дѣла не впускаемся—помните? Ну вотъ, Остапъ впутался, упорный! И возвысились передъ нимъ горы крутыя, такія что и не приступить, будто стѣны голыя; и поплыли передъ нимъ рѣки глубокія да быстрыя, что каменные берега рвутъ, сіяютъ, какъ алмазъ и плещутъ, и мечутъ волнами, какъ бы насмѣхаясь надъ пловцами; и запылалъ огонь передъ нимъ, сжигая все кругомъ себя, будто поѣдаючи поѣдомъ.

Дѣточки! что если-бы намъ подобное? Ножки наши рѣзвыя! было бы вамъ тогда работы! Однако думаю, что не пустили бы насъ на бѣду и пагубу, а развѣ занесли бы на другой конецъ свѣта Божьяго, гдѣ нѣтъ огня, кромѣ чтобы только кашу варить, или въ хатѣ засвѣтить, гдѣ на рѣкахъ

ловкіе перевозчики поставлены, а через горы удобныя дороги проложены, гдѣ смиренному, осторожному лакомкѣ жить не нажитья...

Вотъ ужъ вы и замечались, что за славная та страна—ну полно вамъ—теперь главная рѣчь идетъ про Остапа, какъ онъ взбирался на крутыя горы, срывался, катился внизъ, опять снова цѣплялся, снова срывался, да снова-снова-снова, пока взобрался на вершину; какъ онъ плылъ черезъ рѣки, черезъ пучины, захлебывался, тонулъ, вынырять и снова-снова-снова, пока на берегу сталъ; какъ онъ на огнѣ обжигался, жаривался, горѣлъ на большомъ и на медленномъ, и на маленькомъ, пока очутился на свѣжемъ мѣстечкѣ. Вспомните, что только птица скоро гору перелетаетъ, рыба быстро рѣку переплываетъ и только черезъ *купальскій* огонь можно въ мигъ перескочить,—такъ Остапъ не малое время побился,—я такъ и не могу точно вамъ опредѣлить сколько разъ солнышко всходило и закатывалось и снова, и снова, и снова, и тоже сколько разъ мѣсяцъ показывалъ золотые рожки свои на небѣ, пока Остапъ отбылъ и покончилъ свои труды...

Тяжкіе были! Я вижу, вы помните каковы были, потому-что вздыхаете и не желаете ни себѣ, ни мнѣ...

Вотъ послѣ всѣхъ трудовъ, да послѣ всѣхъ напастей, Остапъ ворочался домой... Вы просите разказать вамъ всякую его напасть подробно—полно! Это теперь, днемъ яснымъ, да и то покуда еще не слыхали и начала, такъ вы просите и храбритесь, а придетъ ноченька—спать не будете—прахъ ему! Лучше про это и не поминать!

Такъ вотъ, говорю, послѣ всѣхъ трудовъ, послѣ всѣхъ напастей, ворочался Остапъ домой, ѣхалъ съ воронымъ конемъ. Остапъ покинулъ свою хату, отца и мать совсѣмъ юношей—въ такихъ лѣтахъ одинъ мой родичъ еще пищу въ ухо проносилъ, неискусень еще былъ, мое сокровище, въ ротокъ вправить—а ворочался Остапъ уже мужественнымъ козакомъ, на той порѣ... вотъ на той порѣ, какъ нашъ сосѣдъ, знаете—тотъ, что возделывалъ себѣ такіе прекрасные усы, носить перстень съ изумрудомъ и ищеть, съ такимъ томленьемъ ищеть! купить себѣ пѣгихъ лошадокъ... Настоящій козакъ,

истый козакъ былъ Остапъ, и когда онъ ѣхалъ на ворономъ своемъ конѣ, такъ посмотрѣть было мило... Не могу я его хвалить, потому-что если хвалить стать, такъ надо съ чѣмъ-нибудь и сравнять, а съ чѣмъ же я козака, настоящаго козака, сравню, съ чѣмъ на свѣтѣ?

Ворочался Остапъ домой и уже близко было до города, уже знакомыя мѣста со всѣхъ сторонъ открывались и его привѣтствовали, уже городъ мрежился невдалекѣ. Онъ подъѣзжалъ къ нему очень рано,—тогда, когда мы съ вами еще спимъ крѣпкимъ сномъ.

Утро только зарумянилось и зазолотилось; только еще самыя раннія птички щебетали, только еще самыя заботные люди просыпались.

Подъѣзжалъ ли кто изъ васъ, дѣточки, нѣ роднымъ мѣстамъ когда-нибудь раннимъ утромъ, вспоминая все вмѣстѣ: и тогдашнія мысли свои и надежды, и упованья, и гдѣ тутъ плакалось, гдѣ тутъ радовалось, какъ прощались, покидали, разставались, все доброе и лихое время тогдашнее; чувствуя вмѣстѣ все: и какое-то сожалѣнье, какую-то легкую печаль, которою ваше сердце трогается, и живую радость, которая сердце наполняетъ? Не были ли вы въ такомъ состоянїи, что, какъ говорится, одинъ глазъ смѣется, а другой плачетъ, когда вы видѣли передъ собою родныя мѣста? Да! случилось вамъ. А случилось ли вамъ везти съ собой избавленье, освобожденье своему народу? Нѣтъ? Нѣтъ? Нѣтъ?—Всѣ нѣтъ? Ну такъ и не знаю, хорошо ли вы почувствуете, хорошо ли поймете то, что Остапъ чувствовалъ и испытывалъ подъѣзжая, потому что Остапъ везъ съ собою такое освобожденье, такое избавленье.

Въ тѣхъ напастяхъ да трудахъ, что мы про нихъ не хотѣли очень много толковать къ ночи, Остапъ собралъ себѣ хорошее войско козацкое понемножку и ужъ былъ на готовѣ, чтобы итти на турокъ. Войско ужъ и подвигалось прямою дорогою туда, въ Туречину, вели его полковники храбрые... Не такіе, можетъ, какъ нашъ дяденька полковникъ, отъ котораго такъ сильно пахнетъ жасминными духами и который

съ такимъ—съ *такимъ!* удовольствіемъ глядитъ всегда на свои желтыя перчатки, когда надѣнетъ ихъ, нарядившись куда-нибудь на пирь,—не такіе, можетъ, говорю, какъ дяденька нашъ, храбрые полковники это были, а таки порядочные... Такъ войско вели полковники прямымъ путемъ въ Туречину, а Остапъ самъ частехонько свертывалъ въ сторону и повсюду забиралъ съ собою молодежь. Вотъ это и въ свой родной городокъ завернулъ, гдѣ тоже, вѣроятно, у него не безъ знакомыхъ людей было.

Тихо было и рано, когда Остапъ въѣхалъ въ городъ, такъ еще тихо, что его конь вороной своимъ топотомъ разбудилъ многихъ—отворялись окошечки и выглядывали лица—нѣкоторые знакомыя Остапу, а нѣкоторые незнакомыя—тѣ, вѣрно, которыхъ безъ него выросли, или переселились сюда изъ чужихъ мѣстъ. Подъѣхалъ Остапъ къ своимъ воротамъ, къ отцу, къ матери. Мать отъ великой радости, отъ великой своей любви заплакала, увидавши его; отецъ отъ великой радости и любви даже усмѣхнулся... Потомъ сосѣди близкіе и далекіе прибѣжали, столпились, спрашивали... А Остапъ со всѣми здравствуется и всѣмъ одно говорить:

— Полно, полно, братья, въ ярмѣ ходить! Полно, полно, братья, въ неволѣ жить!

И всѣхъ кличетъ и зоветъ:

— Идемъ, братья, за край родной воевать! Идемъ, братья, освободиться!

Иногда людей на одни только красныя слова ловятъ, что-жъ послѣ того собственный примѣръ, дѣянье собственное можетъ! Въ одинъ мигъ около Остапа живыми толпами заройлись молодые и старые козаки, и козачки, и дѣти малыя, и всѣ слушали, всѣ соглашались.

Еще солнышко хорошенько не взошло на небѣ, ужъ повсюду въ городѣ вооружались чѣмъ кому Богъ послалъ, всюду коней выводили, сѣдлали—кому чего не доставало, тотъ бѣжалъ, спрашивая, ища, отыскивая; козачки помогали, какъ только въ силахъ были; надо сказать, что онѣ и любили тогда какъ только въ силахъ были: не разъ вы, вѣрно, дѣточки, замѣчали сами, что васъ съ большей нѣжностью глядели во

головкѣ, когда вы, по дѣтской неосмотрительности, падали, наприимѣръ, въ грязь—каково-жѣ должно быть чувство къ тому, кто идетъ честно на смертный бой? Дѣти хлопотали и суетились, словно имъ приходилось самимъ въ передовомъ отрядѣ на турокъ итти... Остаповъ отецъ, что все прежде только говорилъ: „ге-ге! радъ бы въ рай, да...“, теперь точно въ самомъ дѣлѣ въ рай собирался—помолодѣлъ, повеселѣлъ... Козакъ Пампушка, что ужъ десять лѣтъ лежалъ зимой на печи, а лѣтомъ на лавкѣ, раздулся какъ бочка, а жена его изсохла какъ щепка, едва поспѣвая лѣпить для него смачные вареники, тотъ самый козакъ Пампушка теперь стоялъ на ногахъ, подобно горѣ, и какъ иногда на горѣ сидитъ птичка, такъ у него за плечами виднѣлась маленькая сумочка съ сухариками, такая самая, что и у иныхъ постниковъ.

Говорю-жѣ вамъ, что еще солнышко не совсѣмъ запало за могилу Кривуху, что за городомъ зеленѣетъ, а уже отрядъ козацкій двинулся—кони играли, оружье блестѣло; очи козацкія сверкали отвагою, сердца козацкія кипѣли гнѣвомъ и мщеніемъ... Только представить себѣ, такъ ужъ за сердце беретъ, а что-жѣ бы это было, если бы увидать то войско козацкое, когда оно все собралось да двинулось за Остапомъ на врага!

Ведетъ Остапъ свое войско день все степью зеленою и безбрежною; степная трава колышется, степныя пташки щебечутъ и поютъ—щебетнетъ пташка разъ-другой голосисто и точно потеряется ея голосокъ въ этомъ степномъ безконечномъ раздолѣѣ—и уже другой голосокъ защебеталъ, и этотъ точно также пропалъ,—и безчисленно такихъ голосковъ услышится и пропадетъ, услышится и пропадетъ... Въ первый день ничего не встрѣтилось, ничего не приключилось козацкому войску, и спокойный былъ отдыхъ ему ночью въ степи.

На другой день все такъ же было тихо и спокойно и все степью подвигались до самаго вечера. Вотъ и вечеръ...

Тогда весна во всей красѣ царствовала, и такой былъ тотъ вечеръ ярко-розовый, что даже всѣ козаки, молодые и старые, притомленные долгимъ походомъ, всѣ порозовѣли,

какъ зори—молодыя, какъ зори раннія, утреннія, а старыя, какъ вечернія позднія, и ужъ солнышко спряталось, а мгла въ степи не темнѣла, а только все такъ розовѣла, что звѣзды, высыпавшіяся на чистомъ небѣ, казались будто изъ лучистаго серебра. Стало войско на отдыхъ, и такъ тихо сдѣлалось, когда движеніе и ходъ войска прекратился, что, можетъ, каждый козакъ почувалъ, что за вечеръ тихій, хоть никто того не сказалъ. Всѣ козаки закурили люльки; кое-кто всматривался въ даль, какъ атаманъ; кое-кто еще хлопоталъ около своего коня, недалеко въ степи, гдѣ кони паслись...

Какъ вотъ послышался Остаповъ голосъ и всѣ козацкія головы поднялись, всѣ козаки насторожили уши и открылъ глаза, кто дремалъ.

— Панове-молодцы! промолвилъ Остапъ: что-то отъ востока словно туча надвигаетъ?

Всѣ очи козацкія уже смотрѣли въ ту сторону.

Въ самомъ дѣлѣ, оттуда, какъ будто, находила туча.

— Это турчинъ, атамане! говоритъ одинъ старый козакъ и идетъ своего коня брать, вотъ какъ иногда, увидя стадо овецъ, говорятъ; „это наши!“ и идутъ за шапкой и за хвостиною ихъ загонять.

А молодые козаки въ одинъ мигъ очутились на коняхъ; войско сравнялось и стало; полковники давали приказанья; Остапъ выѣхалъ впередъ и сталъ впереди войска.

Турчинъ приближался, и уже зоркіе глаза разглядѣли въ той розовой мглѣ, при тѣхъ серебристыхъ звѣздахъ, турецкія чалмы и знамена и полу-мѣсяцъ на нихъ.

И козаковъ увидали турки... Вотъ крикъ, вотъ восклицанье... И полетѣлъ турчинъ на козаковъ, будто саранча на пышный цвѣтъ... Козаки тоже пустили коней... И началось... Иной бьется и рубится не отступая, точно стѣна каменная, пока или самъ упадетъ, или чисто около себя вырубить и и двинется дальше; иной словно птица—и отлетитъ, и налетитъ, и опять отлетитъ, и опять налетитъ; иной загнался въ самую середину враговъ рубячись; нѣсколько коней уже одни

безъ сѣдоковъ скачуть по степи... Бьются да бьются, да бьются, да все съ пущимъ рвеньемъ, съ пущимъ жаромъ, какъ будто бы что дальше, то живой жизни прибавлялось въ войскѣ, а не уменьшалось!

Прошлаго году пріѣзжалъ вашъ братецъ старшій изъ полку, да рассказывалъ, какъ онъ въ баталіи былъ, что какъ въ него самого, въ него одного только и цѣлено, въ него всѣ пули летѣли, въ него всѣ пушки палили и всѣ ружья стрѣляли, и не могъ онъ умомъ постичь, какъ это, дивомъ какимъ, онъ цѣлъ и невредимъ выскочилъ... Вотъ же можетъ въ тотъ вечеръ въ степи и козацкая баталія была немножко не такъ же страшна, какъ братцева... Сложила тогда головъ всякая вѣра—турецкая и козацкая; старый и молодой вѣкъ погасалъ, быстро и легко, какъ свѣчи отъ одного дуновения погасаютъ...

Бьется Остапъ и рубится такъ, что даже правая рука млѣетъ—отбился онъ далеко отъ своихъ—кругомъ его все только чалмы:—вотъ подъ нимъ убить вороной его конь—еще Остапъ бьется и рубится, соскочивши на землю. Какъ вороны налетѣли на него со всѣхъ боковъ турки съ саблями, съ мушкетами; какъ горохъ изъ мѣшка сыплется, такъ посыпались смертные удары на Остапа; оружье у него ужъ изщербилось—вотъ оно зазвенѣло въ послѣдній разъ и распалось, какъ перегорѣлое—вотъ онъ остался съ пустыми руками середѣ враговъ—вотъ его схватили—вотъ крѣпко и мучительно онъ связанъ и скрученъ—вотъ его перекинули черезъ сѣдло и помчалъ его бородатый турокъ по степи: все исчезло у Остапа изъ глазъ, ничего онъ болѣе не слышитъ. Въ темно-розовой мглѣ, при серебристыхъ звѣздахъ Остапъ видитъ только бородатое лицо съ большими, блестящими глазами, и слышитъ только, какъ быстрый легкій конь, мчась степью, касается земли звонкимъ копытомъ.

Дальше Остапъ ничего ужъ хорошо, явственно не помнилъ, а что помнилъ онъ, то все словно во снѣ, въ дремотѣ, смутно,—вотъ какъ будто конь гдѣ-то остановился; вотъ какъ будто его, Остапа, раскрутили и развязали и по изне-

могшему его тѣлу пробѣжала холодная дрожь и жаръ палящій; вотъ, будто, какія-то узенькія улочки и въ каждой улочкѣ дѣвическая фигура вся завернутая, закутанная тонкимъ кисейнымъ покрываломъ съ головы до ногъ; вотъ, будто, надъ нимъ, надъ самою его головою то желтая чалма, и черная борода, то черная борода и зеленая чалма, или красная, то все около него переливается семью цвѣтами, то жаркій день, то теплая ночь тихая, то солнце яркое, то звѣзды разсыпчастыя...

Онъ опомнился и совершенно пришелъ въ себя въ какой-то тѣсной, темной кельѣ, на соломенной рогожкѣ. Свѣтъ Божій западалъ кружкомъ и словно лампада освѣщалъ только часть одного уголка; когда этотъ кружокъ свѣта былъ яркій, веселый, значило для Остапа, что у людей день, а когда свѣтъ западалъ легкій и блѣдный—значило, что ночь обняла землю. Потомъ, черезъ нѣсколько времени Остапъ такъ изловчился и научился, что зналъ, въ который часъ, въ которомъ уголку стать, чтобы увидеть частичку яснаго неба и блескъ солнечнаго луча днемъ, а ночью десятковъ-другой звѣздочекъ, или кончикъ мѣсячнаго рожка, или краешекъ полнаго мѣсяца. Главное же дѣло было у Остапа думать да гадать, да выискивать, какъ бы вырваться изъ заключенья, убѣжать, добраться до Украйны, какъ снова войско собрать, да на врага двинуть.

А какая тоска его одолѣвала и сокрушала иногда, такъ и не сказать словами, а хотя-бъ кто и могъ словами сказать, то вчужѣ не постичь! Сколько разъ онъ толкалъ и пробовалъ каменные стѣны, и низкій потолокъ, и сырой полъ въ своей темницѣ! Если бы хотя долото какое-нибудь завалящее, если бы хоть какой негодящій кусокъ желѣза! Не было ничего.

Вотъ Остапъ своими собственными руками каждый день, каждую ночь, можетъ, каждый часъ, толкая стѣну, словно поколебалъ ее въ одномъ мѣстѣ немножечко. Вотъ дождалъ онъ и того часу, что ужъ изъ стѣны былъ въ состояніи вынуть два или три камня, вотъ шесть, десять—вотъ онъ уже и на волѣ...

Эта, видите, бусурманщина, такъ и темницы какъ слѣдъ не умѣетъ выстроить,—не то, что христіане...

Вотъ Остапъ на волѣ. Ночь. Видитъ онъ каменные стѣны кругомъ, да деревья темныя; слышитъ плескъ и журчанье безсчетныхъ фонтановъ поблизу. Подъ стѣнами онъ тихонько крадется, еще и самъ не зная хорошенько, куда путь держать. Все стѣны, все темныя деревья, все журчанье воды. Иногда онъ пріостанавливался, прислушиваясь, приглядываясь. Какъ вотъ мѣсяцъ ему освѣщаетъ женскую фигуру, что спѣшитъ въ ту сторону, откуда онъ идетъ—и она его увидала: сначала будто испугалась, потомъ словно узнала и вотъ она ужъ около него и отбрасываетъ покрывало съ лица, и слышитъ Остапъ родныя слова и узнаетъ козачку, дѣвушку съ русою косою, невольницу турецкую.

— Куда ты, дивчина? спрашиваетъ Остапъ. Бѣги вмѣстѣ со мною!

— Я шла тебя освобождать, козаче! говоритъ дѣвушка. Вотъ кинжалъ, пила, вотъ деньги, вотъ намисто... Бѣги! Бѣги скорѣе!

И она давала ему все: кинжалъ и пилу, и деньги, и намисто съ своей шеи...

— Убѣжимъ вмѣстѣ! говоритъ Остапъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! отвѣчаетъ козачка, нѣтъ! Дивчина тебя свяжетъ по рукамъ, по ногамъ—бѣги ты одинъ! Бѣги! А меня приходи послѣ освобождать! Бѣги!

— Только скажи мнѣ, дѣвушка, давно ли ты въ неволѣ? спрашиваетъ Остапъ.

— О давно давно-давнешенько! Дѣвочкою почти заполнили меня—до сихъ поръ служу невѣрному турку...

— Я вспомнилъ тебя, дѣвушка! говоритъ Остапъ—это ты когда-то руки ко мнѣ протянула, это...

— А я не забывала тебя, козакъ! промолвила дѣвушка,—и не забуду! и ждать буду! Приходи спасать! Приходи освобождать!

— Приду, освобожу, мое сердце! говоритъ Остапъ.

— Туда, туда—туда тебѣ лучше итти, научала дѣвушка. Я провожу... Я провожу тебя, козакъ!

И оба вмѣстѣ перебѣгали они темные сады, гдѣ розы цвѣли и благоухали, гдѣ журчала и плескала вода, и вмѣстѣ крались мимо жилищъ турецкихъ. Наконецъ вотъ уже дорога—за ними остались жилища и сады.

— Туда, туда! показала дѣвушка вдаль, и даже пошатнулась отъ страданья и муки.

— Дивчина, бѣжимъ! говорить Остапъ. На рукахъ тебя донесу до Украины!

— Нѣтъ! нѣтъ! отвѣтила дѣвушка. Я буду дожидать—приходи, спаси! Я буду ждать! Я буду ждать!

И легко, и быстро исчезла съ глазъ козака.

Бѣжить, бѣжить Остапъ. Бѣжить и битою дорогою и мѣстами, гдѣ слѣду ничего нѣту; иногда день цѣлый въ горѣ, въ пещерѣ лежить, прячется; иногда на деревѣ сидитъ, высматривая, нѣтъ ли погони, или какой опасности, или высматривая себѣ путь впередъ; не ѣсть, не пить, не спать... Вотъ какъ сестрица меньшая, нѣженка, всплеснула руками три раза, услышавши про эти три напасти: не ѣсть, не пить, не спать! Вотъ какъ ужаснулась она! Она, что любо спать, пить да кушаетъ мило! Да, Остапъ всего дозналъ и извѣдалъ—словно весь путь его полынемъ поросъ—знаете полынь, дѣточки? Горькій, горькій, горькій такой... Всего Остапъ дозналъ и все извѣдалъ, пока родная и любимая, свѣжая и зеленая Украина открылась передъ нимъ. Должно быть и вздохнулъ легко козакъ, когда ступилъ на свою родную землю.

Тихо въ турецкомъ городѣ. Вечеръ поздній, мѣсяцъ ясный. Кто почиваетъ, а кто не спитъ, нѣжится. Невольница козачка не спала и не нѣжилась. Стоитъ она у окошка да глядитъ, очей не сводитъ, все въ ту сторону, откуда султанъ бородатый опасается козаковъ молодцевъ. Не съ кѣмъ слова перемолвить молодой невольницѣ и слова не промолвить алыя уста, да и безъ разговору сердечнаго читается на дѣвичьемъ личикѣ всѣ дѣвичьи мысли и думы, вся тоска и

грусть, и сомнѣвающаяся надежда, и утѣшающее упованье, и тяжкое и любое страданье... Козакъ! козакъ! когда-жъ къ тебѣ прильнуть дѣвушка? Гдѣ ты? Дѣвушка въ неволѣ ждетъ да тоскуетъ, а ея господинъ безбожный надъ дѣвичьею тоскою глумится. О, козакъ! гдѣ-жъ ты замѣшкался? Донесъ ли тебя Господь до Украйны? Гдѣ ты, козакъ? гдѣ замѣшкался? Помнишь ли дѣвушку?

Въ который ужъ это разъ бѣдная невольница спрашивала и побивалась, и желала себѣ крыльевъ орлиныхъ полетѣть... полетѣть... иногда—тихую могилку—отдохнуть.

Тихо-тихо въ турецкомъ городѣ. Вечеръ поздній, мѣсяцъ ясный; розы благоухаютъ, свѣжіе фонтаны журчатъ; бѣдное дѣвичье сердце все такъ же проситъ и требуетъ, томится и занываетъ, и мысли дѣвичьи такъ же роятся и одолеваютъ...

Почему это вдругъ пробудились турки, лѣнливые и изнѣженные? Зачѣмъ бѣгутъ и толпятся испуганные? Козаки! Козаки осадили городъ!

Палать ружья, курится дымъ, горятъ крыши и разрушаются зданья, стонутъ люди. Роскошной тишины будто не бывало; не слышно журчанья воды, пропалъ запахъ розъ; мѣсяцъ яснымъ свѣтомъ освѣщаетъ горящій, въ дыму и пламени, городъ турецкій...

А когда солнце заиграло и заблестѣло въ небѣ надъ глубокимъ моремъ, по морю плыли чайки козацкія, ворочаясь домой. Раненые, больные козаки лежали, или сидѣли, а тѣ козаки, которые избѣгли всякаго лиха, работали около чаекъ, или поправляли прострѣленное, перерубленное оружье. Молодой атаманъ сидѣлъ задумчивъ и глядѣлъ въ воду—много, должно быть, имѣлось у него мыслей, много думъ передумывалъ!

А дѣвушка съ русою косою глядѣла на атамана милыми карими очами, и, видно, тоже мысль лелѣяла, тоже думу думала...

Вотъ ужъ и конецъ...

Атаманъ Остапъ благополучно воротился на этотъ разъ съ козачествомъ и съ дѣвушкою на Украйну... Вотъ ужъ и

конецъ... Развѣ дѣло намъ вспоминать о тѣхъ козакахъ и туркахъ, что сложили въ бою головы? Что за печаль намъ думать о томъ, какъ плакала тамъ какая-нибудь турчанка, или козачка? Къ чему намъ допускать, что можетъ иной убитый въ бою, если-бы вѣкъ свой дожилъ, такъ много бы, можетъ, полезнаго сдѣлалъ? Кое-чему, можетъ бы, доброму научилъ? Кое-чему, можетъ, много бы помогъ? Что, можетъ, огромное благо отъ него бы далось людямъ? Что злой, или добрый, худой, или хорошій, онъ жилъ своей жизнью, а теперь сраженъ? Да, всѣ тѣ, которые полегли въ бою, какъ ихъ теперь ни жалѣй, не встанутъ—имъ царство небесное, мѣсто покойное!

МЕДВѢДЬ.

Стояла въ полѣ, около лѣса одна козачья пасѣка. Надо полагать, что всѣ вы знаете, что это за вещь пасѣка? Можеть, иногда пытались тамъ пожитья медкомъ, а вмѣсто того вамъ пчелиныя жалы достались,—а то и медъ добывали временемъ? Эта пасѣка, о которой рѣчь теперь, была огорожена плетнемъ изъ лозы и въ огорожу козакъ загородилъ семь высокихъ, старыхъ коренастыхъ дубовъ и восьмую вѣтвистую вербу. Кто, бывало, увидить вербу ту, то всякій спросить какимъ образомъ она выросла тутъ, между величавыхъ дубовъ, прѣстая да веселая! А верба каждую весну подавала вѣсточку, что хоть одна она между дубами, да расти ей тутъ привольно, потому что росла она, гнала быстрѣй козакова внука Михайла.

Говорю Михайла, потому что онъ не любитъ, когда кто его покличетъ „Михалко“—и не дослышитъ, хоть вы крикнете десять разъ,—а если покликать его уважительно „Михайло“, сейчасъ онъ словно родится передъ вами въ широко-рукавной бѣлой сорочкѣ, въ неизмѣримыхъ шароварахъ, въ червонномъ поясѣ—въ томъ самомъ поясѣ, что онъ самъ купилъ на ярмаркѣ, въ самомъ Кролевцѣ. Тогда же онъ купилъ себѣ и чоботы свои, съ червонными отворотами, и ту шапку черную, къ которой онъ очень пристрастился и такъ надѣваетъ и носить ее бережно... (какъ надѣнетъ онъ эту шапку, такъ дѣдъ смѣется и говорить: „Смотри, Михайло, смотри! разнесутъ твою славную шапку лакомки пчелы на медъ“!) Бѣленькая, бѣлокуренькая босоножка, Михалкова

маленькая сестрица Мелася какъ услышитъ, что дѣдъ говорить такъ, сейчасъ и смѣется и себѣ тоже подзвониваетъ... Только Михайло не обращаетъ большого вниманія на насмѣшку, низко надвигаетъ черную шапку на черныя брови и прохаживается вдаль, какъ гетманъ передъ непріятельскимъ станомъ... Вотъ же, говорю, если покликать его уважительно „Михайло“, сейчасъ онъ будто родится передъ вами, и встряхивая свои темныя кудри, спроситъ учтиво „чего вамъ надобно“? И если вамъ надобно дѣда, онъ побѣжитъ во весь духъ и приведетъ стараго отъ ульевъ, а если вамъ надо его сестрицу Меласю, онъ примчитъ и сестрицу Меласю. Иногда Мелася застыдится и спрячется въ травѣ, или за улей—потому что Мелася маленькая, какъ узликъ и вездѣ можетъ схорониться, а къ тому же она думаетъ, что если зажмурить хоть одинъ глазокъ—(обоихъ она ни за что въ свѣтѣ не зажмурить—хочетъ все видѣть)—хоть одинъ глазокъ если зажмурить, такъ и не найдетъ ея никто,—а Михайло таки отыщетъ ее и, если не уговорить итти по доброй волѣ—Мелася имѣетъ свою волю—такъ принесетъ ее силою смѣло и браво, и смѣясь, хотя, можетъ, Мелася и щипнетъ его дорогою... Отчего нѣтъ? Одна любая, тихая дѣвочка даже кусается до живой крови, если ее насильно взять на руки... Не хорошо кусаться, слова нѣтъ,—не хорошо, да не пригоже и приневоливать. Не сталъ бы и Михайло сестру обижать несправедливо, если-бы она въ самомъ дѣлѣ гнѣвалась. Нѣтъ, Мелася не отъ гнѣву такъ или иначе защищалась, а отъ стыдливости, потому что страхъ какая застѣнчивая и стыдливая была Мелася: какъ увидитъ чужого человѣка, такъ не только что личико, даже ножки, кажется, вспыхнуть румянцемъ убѣгаячи. И вы сами не знаете, что это убѣждало отъ васъ: зайчикъ ли сигнулъ, птичка ли порхнула, или дѣвочка исчезла—не можете вы себѣ ясно-точно представить, ни людямъ описать порядочно,—а когда-бъ вы слышали какъ васъ Мелася вырисовываетъ, и вашу одежду, и вашу походку, и вашъ видъ, и вашъ взглядъ! Она успѣла васъ и видѣть, и разглядѣть, и такъ обрисуетъ словами, что въ другой разъ васъ всѣ въ хатѣ узнаютъ когда прійдете; „а это тотъ господинъ или та

госпожа, что Мелася рассказывала“. Хоть это, сами видите, трудно, а я таки буду вамъ совѣтовать съ Меласею познакомиться, потому что она разумная дѣвочка и много знаетъ кое-чего, и такая снисходительная, ласковая, что и васъ кое-чему научить. Сколько пѣсенъ славныхъ она поетъ! Сколько забавныхъ сказокъ умѣетъ рассказывать! И не только что дорогу въ Кіевъ, знаетъ она даже какимъ путемъ и въ Херсонъ ѣхать.

Дѣдъ пасѣчникъ—звали его Загайный—огородивши ограду, поставилъ тамъ не мало ульевъ—было тамъ ихъ, какъ снопокъ на доброй нивѣ—и ужъ должно быть не сосчитаю, какъ много теперь у него ихъ нажито—должно быть много-премного, потому что рой тамъ роились такъ отлично, что только бы въ лихой часъ подивившись не сглазить—отлично роились! То и дѣло, бывало, слышно: рой! Отъ лѣсу! Отъ поля! Летить! То Михайло вскрикнетъ: „Рой!“ а Мелася за нимъ точно въ колокольчики перезваниваетъ: рой-рой! рой-рой! то Мелася зачиститъ: летить-летить-летить-летитъ! а Михайло бѣжитъ повѣрять, правда ли; то дѣдъ, плетя кошики, вдругъ точно святымъ духомъ угадаетъ, что надлетаетъ рой и идетъ его покрывать... Страхъ сколько было дѣла и занятій въ пасѣкѣ!

Въ уголку тамъ дѣдъ сплелъ шалашъ изъ лозы, а Михайло покрылъ его соломой,—и чудесно покрылъ,—а Мелася промела передъ дверьми и сказала: Вотъ! теперь ужъ всеѣмъ готово! Дѣдъ съ Михайломъ насадилъ въ пасѣкѣ и калины, и бузины, и розъ прекрасныхъ, а Мелася насѣяла всякой всячины и все принялось и возшло и цвѣло смѣшанно да перемѣшанно, какъ люди въ праздникъ на гуляньяхъ, на великое диво Меласѣ, что, говорить, сѣяла я все особнячкомъ, рядочками правильными, а выросла такая мѣшанина. Михайло на эту сестрицыну рѣчь молчить, потому что не хочетъ связываться, спорить съ маленькою дѣвочкою,—молчить да только поглядываетъ какъ роза, склоняясь на своей вѣточкѣ, точно спрашиваетъ, съ какой это стати такъ близко присосѣдился къ ней прекрасной, низенькій василекъ;

а василекъ низенькій, не обращая вниманья на вопросъ, не въ свою голову распускаетъ цвѣтки, отбившись отъ своего роду, другихъ васильковъ, которыхъ заступили задорные купчаки; широколистый любистокъ тутъ побратался съ горсткой конопли, а конопля забралась между махроваго маку, а макъ загнался въ волоскій горошекъ, а повсюду колоски ржи по-выскакивали гдѣ одинъ, гдѣ два, а гдѣ и цѣлая семейка, и ужъ гдѣ только семейка, такъ переманила съ собою и червоный куколь и синія волошки. А развѣ мало зелья несѣянаго, непрошеннаго, нерощенаго забралось въ дѣдову пасѣку! И надъ всѣмъ летаютъ пчелы и жужжать. Славно въ той пасѣкѣ! Дышать—не надышаться! Легко-вольно! Куда глянешь—все поля широкія, чистыя, и по полямъ кое-гдѣ изрѣдка дубы стоятъ, словно шатры раскинутые отъ солища; въ село дорога вьется, но самаго села не видать за островерхою могилою—видно только съ востока лѣсъ огромный, темный...

Славно было проводить въ пасѣкѣ лѣто Михайлу съ дѣдомъ, и маленькая Мелася, покинувши дома мать съ старшею сестрой распорядиться хозяйствомъ, какъ себѣ знаютъ и вѣдаютъ, сама приластилась къ дѣду и хозяйничала у дѣда въ пасѣкѣ: пѣла пѣсни, ходила въ поле за клубникою, разбила два горшечка и одну миску, тоже уходъ имѣла за пчелами такой усердный, что пчелы, нечестивыя, даже кусали ее, и тѣмъ, случалось, превращали ея миленькое личико въ невѣсть что такое: съ одного боку глянь—Мелася: ея щечка, ея глазокъ, а съ другого боку глянь—какой-то дутикъ, а не Мелася... Вставала Мелася ранѣе всѣхъ и ложилась спать позднѣе всѣхъ, потому, что, сказано, хлопоча по дѣдовому хозяйству было ей столько дѣла, что ай-ай-ай!

Вотъ это однимъ вечеромъ, утомившись, лежалъ Михайло на травѣ въ пасѣкѣ и глядѣлъ въ небо. Уже звѣзды горѣли и тоненькій мѣсячный серпокъ блестѣлъ надъ дубомъ, словно зацѣпившись за кудрявую вѣточку. Мелася тоже, утомившись, лежала и ворочалась, дремала и спрашивала: отчего это до сихъ поръ дѣда нѣту?

А дѣда какъ нѣтъ, такъ и нѣтъ—и въ дали не видать.

Пошелъ дѣдъ въ тотъ вечеръ въ село, да что-то очень долго замѣшкался, потому-что ужъ ночь глухая, звѣзды искрятся, мѣсячный серпокъ высоко поднялся, Михайло заснулъ, а дѣда все нѣту! И не слышать—все тихо!

Какъ вдругъ земля загудѣла точно съ той стороны, гдѣ лѣсъ темнѣлъ и вотъ что-то тяжелое приближается къ насѣкъ. Такое тяжелое, такое тяжелое, такое тяжелое, что и не свѣсится на вѣсахъ! Вотъ оно! вотъ оно! Уронило плетень, лѣзетъ между ульевъ и улы валитъ, и цвѣты давитъ, и розы и калину ломаетъ, и крѣпкій дубъ встряхнуло мимоходомъ... Господи Боже!

Что-жъ бы вы думали? Страшный, косматый, взѣрошенный, тяжелый медвѣдь пожаловалъ въ гости!

Что Меласѣ дѣлать? Дремота отлетѣла, какъ спугнутая птица, и маленькія ручки сцѣпились въ страхъ и ужасъ. Ужасный-ужасный гость!

Нѣту спасенья! Братецъ Михайло коханный! Какъ милаго брата избавить отъ гибели!

Михайло спалъ сладкимъ сномъ около самаго шалаша, подлѣ дверей, и слышитъ трепещущія ручки обвилися около него, словно цѣпкій хмѣль, и голосокъ шепчетъ: братецъ! братецъ!

— А что? спросилъ онъ, не открывая сонныхъ глазъ.

— Иди, иди сюда, братецъ! О, иди же, иди въ шалашъ—я здѣсь одна... я одна боюсь... Иди, иди, братецъ, иди!

И крошечныя ручки тянули его соннаго изо всей своей крошечной силы, и жаркія слезы испуга, ужаса и смятенія падали на него, и сердечко маленькое, вѣрное и преданное, колотилось около него, а онъ сонный переступилъ два шага къ шалашу безсознательно, да и припалъ опять, склоненный сномъ, на траву. Онъ не слыхалъ, какъ трепещущія ручки понапрасну мучились и хрустѣли, силясь его приподнять, не слыхалъ тихонькаго, горькаго, отчаяннаго плача.

А медвѣдь словно хозяинъ сунется и оглядываетъ, гдѣ лучшій улей, ищетъ гдѣ самый сладкій медъ, и какъ попался такой улей сейчасъ онъ туда косматую лапу, выдираетъ медъ и лакомится.

О Боже, Боже! Если бы Михайло спалъ, не проснулся! Если бы! Что будетъ, если онъ проснется? Онъ не послушается маленькой сестры и пойдетъ на медвѣдя—онъ давно собирается на медвѣдя... Боже! Боже! Сейчасъ медвѣдь съѣстъ ее, сейчасъ съѣстъ! Будетъ ли онъ сытъ послѣ этого? Хоть бы онъ насытился ею и братца не тронулъ! Ничего, пусть ее съѣстъ, пусть только братца не трогаетъ!

Маленькія ручки сдѣпливались крѣпче и слезы лились обильнѣй и жарче.

А страшный косматый лакомка подчищаетъ, да знай себѣ подчищаетъ медъ на раздольѣ и на волѣ,—иногда поглядитъ на мѣсячный серпокъ, будто говоря: ты, серпокъ, хорошо мнѣ свѣтишь! Иногда точно прислушивается, будто думаетъ: кажется мнѣ, что здѣсь гдѣ-то дѣвочка плачетъ?

Лихо-лихо! Какъ въ дребезги не разбилось маленькое сердечко, бившись такъ быстро, долго, больно!

Вотъ медвѣдь точно кашлянулъ—жди, что зареветъ. Нѣтъ! онъ упалъ наземь и давай по травѣ кататься да валиться, космачъ необразованный!

Тогда маленькія ручки опять схватились за соннаго братца, едва не переломились во всѣхъ суставчикахъ, и приподняли его немножечко и толкнули въ шалашъ и захлопнули тамъ.

— Что такое? что такое? вскрикнулъ молодой козакъ, проснувшись и очутившись въ темнотѣ и, можетъ, немножечко испугавшись,—отворите же! Что такое?

— Братецъ милый... ничего—это я... это я—отвѣчалъ ему дрожащій голосокъ.

— Отвори-жь, Мелася, крикнулъ опять Михайло, пусть я дверей не порчу! Отвори!

И опять потрясаетъ дверкою.

— Братецъ, говоритъ Мелася, братецъ!

А сама оглядывается и видитъ: медвѣдь всталъ и слу-

шасть, точно наблюдаетъ и слѣдитъ за нею... И вотъ точно засмѣлся и щелкнулъ бѣлыми зубами...

— Пусти-пусти, Мелася! кричитъ Михайло.

Дверь отскочила и Мелася какъ снопокъ упала, а медвѣдь опять щелкнулъ бѣлыми зубами. Тутъ такой раздался крикъ громкій, да тонкій, да звонкій, что Михайло отшатнулся назадъ, а медвѣдь, подавая Богъ ноги, ударился въ лѣсъ, вдавливая землю подъ своимъ бѣгомъ...

И когда Михайло опомнился, поднялъ маленькую сестрицу и допытался, что случилось, уже никого не было ни видно, ни слышно, и понапрасну они удерживали дыханье и наставляли уши, прислушиваясь. Тихо все было. Мѣсяць свѣтитъ, звѣзды сіяютъ.

— Расскажи-жъ, Мелася, Расскажи мнѣ все подробно, какъ что было, говоритъ Михайло сестрѣ.

— Нѣтъ-нѣтъ! О, еще нѣтъ! Еще боюсь! отвѣчала Мелася.

— Какая-жъ ты трусиха, Мелася! говоритъ Михайло, усмѣхаючись.

— Ой-ой! ой-ой! отвѣчаетъ Мелася и прижимается ближе и крѣпче къ нему, какъ къ обрѣтенному сокровищу.

Мѣсяць уже едва свѣтилъ слабымъ свѣтомъ и звѣзды чуть блестѣли, когда они услышали козацкую пѣсню, что дребезжала какъ надтреснутый колокольчикъ или порванная струна, и увидали вдаль челоуѣческую фигуру—это дѣдъ шелъ и пѣлъ. Сейчасъ они къ нему навстрѣчу, а дѣдъ смѣется и говоритъ:

— А что, дѣтки, соскучились, вѣрно, безъ стараго дѣда,—ге? Нельзя, нельзя было мнѣ раньше воротиться—давняго друга повстрѣчалъ—замѣшкался...

И дѣдъ опять началъ налаживать козацкую пѣсню:

„Якъ булы мы, козаки, на морі,
Якъ булы мы, козаки, на раздолі
Унадились мы, козаки, до невѣрнаго турка“.

— Дѣдъ, а дѣдъ! говоритъ Мелася: у насъ медвѣдь былъ!

— Вотъ, дѣдъ, говоритъ Михайло, вотъ Мелася увѣряетъ, что медвѣдь былъ въ нашей пасѣлкѣ... Я спалъ очень крѣпко, какъ она меня схватила, бросила въ шалапъ и затворила, и перепугала... Кричу: выпусти! пусти! Не пускаетъ—долженъ былъ испортить дверку—выскочилъ, а она какъ вскрикнетъ, какъ взвизгнетъ, ажно у меня въ глазахъ ясно стало—точно въ самое ухо мнѣ выстрѣлили... Опомнися—вижу, она лежитъ у меня въ ногахъ, никого нѣту, улы попадали наземъ, трава помята, кусты поломаны... Говоритъ она, клянется, что былъ медвѣдь...

Дѣдъ, слушая, все припѣвалъ сначала да усмѣхался, а какъ дошло до того, что „улы на земли, кусты поломаны“ такъ дѣдъ проговорилъ—„гай-гай“ и прибавилъ шагу.

— И чтобъ ты до вѣку не дождался и попробовать меду, лихой космачъ! проклиналъ дѣдъ, поднимая улы и ставя на мѣсто. Смотри, какихъ хлопотъ да вреда надѣлалъ!

А Михайло, помогая дѣду, совѣтовалъ приобрести хорошее ружье на будущее время и въ умѣ своемъ уже цѣлил въ ужаснаго медвѣдя съ великимъ удовольствіемъ. А Мелася, ходячи въ слѣдъ за обоими ими, въ десятый разъ ужъ рассказывала, какъ *тотъ* все ломалъ, и валилъ, и давилъ, какъ катался по землѣ и щелкалъ бѣлыми зубами, и какъ медъ пожиралъ, и какъ приближался-приближался, ближе-ближе... А у самой Меласи глазки блестѣли и сіяли ярче звѣздъ въ небѣ,—звѣздный свѣтъ уже погасалъ-погасалъ, потому что ужъ начинало свѣтать—скоро и полоса розовая запылала на востокѣ.

— Ну Мелася! ну дѣвочка! На диво сотворена, ей-Богу! говорятъ дѣдъ, усмѣхаясь и глядя въ сіяющее, перестрадавшее тяжело личико. Даромъ что теперь поблѣднѣла, а настоящая ты козачка! Не диво ли, что такой бутончикъ взялся брата защищать и избавлять отъ медвѣжьихъ зубовъ! Не диво ли, что такая беззащитная да безсильная прогнала и застрашала страшнаго медвѣдя!

Первое не казалось дивомъ Меласѣ, потому что братецъ милый, и дорогой, и безцѣнный... Какъ же его не защищать, не умирать за него? а другое—другое, должно быть, Мелася

тоже считала, какъ и прочіе, за диво,—за диво потѣшное и не ничтожное, потому что, какъ вспоминала, такъ сейчасъ смѣялась весело, а можетъ немножко и съ похвалбой...

— Мелася-сестрица! когда-жъ я-то тебя буду защищать? спрашивалъ иногда Михайло, распаляясь отвагою и оглядываясь, нѣтъ ли гдѣ чего страшнаго, или труднаго, чтобъ все уничтожить.—Когда мнѣ доведется тебя избавлять?

И не разъ ложился Михайло спать съ тайнымъ упованьемъ, что вотъ медвѣдь опять пожалуетъ, и ночью не спалъ, и брался за ружье, которое себѣ купилъ—только еще до сей поры, слышно, не дождался онъ косматаго гостя.

— О, братецъ, братецъ! Не дай Боже, чтобъ... Матерь Божія заступница пусть заступитъ! говорить Мелася, когда слышитъ такія его слова пламенные. Сохрани тебя Господь, милый!

И встревожится такъ, что даже поблѣднѣетъ.

Вотъ и конецъ. Дальше что было, или будетъ, не знаю—такъ не могу, не знаючи, выдумывать. Извините и дай Боже намъ здоровья—вамъ и мнѣ, и пошли Боже намъ, вамъ и мнѣ, такую сестрицу Меласю, чтобъ защищала и избавляла отъ всякаго страшнаго медвѣдя насъ—васъ и меня, которые, можетъ, и отъ вида зайца-прыгуна чуть Богу душу не отдаемъ, если заяцъ храбрый... потому что мы... мы люди смирные...

КАРМЕЛЮКЪ.

I.

Кто бывалъ на Украинѣ? Кто знаетъ Украину?

Кто бывалъ и знаетъ, тотъ пусть вспомнить, а кто не бывалъ и не знаетъ, тотъ пусть себѣ представить, что тамъ вездѣ въ деревняхъ бѣлыя хаты при вишневомъ садикѣ, и весною... весною тамъ хорошо очень, когда всѣ садики зацвѣтутъ и всѣ соловьи запоютъ. Сколько соловьевъ тогда поетъ, и счесть кажется нельзя. Разъ, въ дорогѣ случилось мнѣ заночевать въ деревенькѣ, въ маленькой такой хаткѣ съ вишневымъ садикомъ. Приѣхали поздно ввечеру и сейчасъ спать легли. Въ деревенькѣ скоро послѣ захода солнца посмолкли голоса и замерло всякое движеніе.

Все очень тихо кругомъ было—слышенъ только шорохъ листьевъ подѣ окошечкомъ, да шумъ рѣчной воды подѣ мельницей, да гдѣ-то неподалеку кто-то потихоньку дитя баюкаетъ,—и глаза смыкались. И уже начало грезиться, что видѣнная проѣздомъ быстрая рѣка подѣ горою приливаетъ все ближе да ближе, что деревья растутъ и шумятъ не подѣ окошечкомъ, а надѣ самымъ изголовьемъ, и невидѣнное дитя баюканное приняло образъ рѣзваго, умаявшагося мальчика, а баюкающая—образъ молодой, стройной, задумчивой козачки... Вдругъ подѣ самымъ окошечкомъ щелкнулъ соловей въ вишняхъ, подальше другой, третій, и ужъ не знаю сколько ихъ начало посвистывать, словно они перекликались. Перекликались-перекликались да потомъ какъ запѣли всѣ вмѣстѣ—все

заглушили: ни шороху листьевъ, ни шуму рѣчной воды, ни баюканья,—и весь сонъ прогнали, всю дремоту и грезы. Что ни сомкнешь глаза, то соловьиное пѣнье, кажись, голосистѣй, раскатистѣй, громче...

Усталость все пуще томить, сонъ все клонить сильнѣй, да ни усталость томящая, ни сильный сонъ не одолѣли этого пѣнья. Лучше, думаю, подняться да посидѣть у окошечка. Узкую улочку какъ сейчасъ передъ собой вижу и бѣленькія хатки съ темными окошечками, черезъ низкіе плетни вишенникъ въ бѣлыхъ сіяющихъ цвѣтахъ, неполный свѣтъ серпо-рогаго мѣсяца, мерцающія звѣзды,—и какъ сейчасъ чую, какъ было свѣжо, и душисто, и тепло... А пѣнье гремѣло и раскатывалось до самаго свѣта,—такъ-таки и не дали соловьи уснуть до утра.

Такъ вотъ такая-то была одна деревенька на Украинѣ. Небольшая была деревенька—всего дворовъ двадцать, и небогатые тамъ жили люди.

Въ самой крайней деревенской хаткѣ къ полю жила вдова и у вдовы былъ сынъ, единое дитя, и звали того сына Иванъ, а по прозванью Кармель. Такого смѣльчака, такого красавца, такого умницы, какъ этотъ мальчикъ, поискать по цѣлому свѣту, да еще днемъ, да еще съ огнемъ. Самые глубокіе омуты рѣчные переплывать, на самыя высокія деревья влѣзать, въ самыя гущи лѣсныя забираться, въ самыя пропастныя овраги спускаться для него это не по чемъ бывало. Тоже куда ни пошли его, найдетъ дорогу, все, за что ни возьмется, сдѣлаетъ. А ужъ если товарищъ его попросить о чемъ, такъ онъ, кажись, изъ подъ земли достанетъ, а не откажетъ, и если бѣднякъ какой ему поклонится, такъ онъ голову, кажись, сложить, а ужъ удовлетворить. Голодъ, холодъ, всякую напасть готовъ онъ былъ всегда вынести для другого. Чѣмъ больше подрасталъ этотъ мальчикъ, тѣмъ онъ становился лучше, и вотъ это онъ росъ, росъ и выросъ, и когда пошелъ ему восемнадцатый годъ, такимъ онъ сдѣлался красавцемъ, что кто его въ первый разъ встрѣчалъ,—останавливался передъ нимъ и нѣмѣлъ, и послѣ никогда не могъ позабыть его прекраснаго лица. А мать такъ никогда не могла на него взгля-

нута безъ улыбки и безъ поцѣлуя. Жили они также, какъ и прочіе въ деревенькѣ, немножечко подостаточнѣе иныхъ, немножечко потѣснѣе другихъ.

Только вдругъ откуда ни возмись бѣда съ молодымъ Кармелемъ: съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ Кармель печальнѣй да печальнѣй,—а что за печаль такая, по комъ и по чемъ, никто того не знаетъ,—ни мать, ни товарищи, ни чужіе люди.

Прежде между товарищами его голосъ слышнѣй всѣхъ, его смѣхъ звонче всѣхъ, а теперь смѣхъ не раздается и голосъ чуть слышенъ, да и самого его почти не видать стало,—развѣ случайно встрѣтится, такъ сойдется съ товарищами ненадолго, блѣденъ и молчаливъ.

Что, бывало, ввечеру, послѣ работы, съ товарищами походить-поговорить, то теперь онъ все норовитъ куда-нибудь отъ всѣхъ захорониться,—въ лѣсъ, или въ поле далеко уходить одинъ.

Мать не знаетъ, что ей дѣлать, какъ ей быть, вся измучилась. Ужъ какъ она ломала себѣ голову: не хочетъ ли онъ того, другого, пятого, десятого, сотаго—всего, что только было въ ея силѣ и волѣ—нѣтъ, онъ ничего не желаетъ! Со стороны всѣ диву давались, что это такое съ нимъ подѣялось. Люди стали разсуждать да разбирать и прошелъ слухъ, что это съ той поры ему попритчилось, какъ началъ онъ по чужимъ селамъ ѣздить, да съ чужими всякими людьми знаться, и думали, что, можетъ, подружился онъ съ какимъ нехорошимъ человѣкомъ, да и смущается.

Какъ только мать это услышала, сейчасъ же стала его спрашивать: ты туда-то и туда-то ѣдишь (а онъ ѣздилъ по сельскимъ ярмаркамъ, по хуторамъ, по деревнямъ и городамъ съ хлѣбнымъ зерномъ, съ овощами, съ фруктами, свое что было на продажу возилъ продавать и тоже у людей иногда нанимался, и самое большое для него бывало удовольствіе куда-нибудь такъ поѣхать), какихъ ты тамъ людей видаешь?

— Какихъ же людей видаю я? отвѣчалъ Кармель—богатыхъ да бѣдныхъ.

— Съ какими ты людьми пріятельствуешь? спрашивала мать.

— Мои друзья бѣдняки, говоритъ Кармель—вотъ мои друзья!

Ну, мать сейчасъ думаетъ, что его кто-нибудь изъ богачей обидѣлъ чѣмъ и сейчасъ спрашиваетъ:

— Мое ты сердце милое, кто же это тебя обидѣлъ?— Скажи мнѣ!

И ужъ обнимаетъ его, и прижимаетъ къ себѣ,—ждетъ только, чтобы онъ ей пожаловался, а она тутъ и приголубить, и прилежеть.

Но онъ только посмотрѣлъ на нее и ничего не промолвилъ.

Мать еще пуще беспокоится и тревожится и не вѣсть что себѣ представляетъ, какъ обидѣли сына, и все „скажи“ да „скажи“, уговариваетъ да упрашиваетъ.

— Нѣтъ, говоритъ ей Кармель, меня не обижали.

— Да точно ли не обижали, голубчикъ мой, серебро мое, золото мое!

— Точно не обижали, говоритъ Кармель.

— Такъ чего-жъ ты такой у меня сталъ? О чемъ то-скуешь? чего тебѣ недостаетъ.

Тогда и сказалъ Кармель матери:

— Повсюду, говоритъ, повсюду, куда я ни пойду, повсюду вижу убогихъ людей, рабочихъ горемыкъ да гордыхъ богачей, лѣнивыхъ и жестокихъ господъ надъ ними,—вотъ что душу мою раздираетъ и мое сердце надрываетъ.

Мать давай его уговаривать да утѣшать всячески: ведется такъ, молъ, на свѣтѣ споконъ вѣку, да „такъ видно суждено“ да „дѣлать, знать, нечего“.... Утѣшала, уговаривала, какъ умѣла, а гдѣ словъ не станетъ, такъ за мѣсто ихъ тамъ нѣженъе да ласканье.

Только Кармель ничѣмъ не утѣшается и ничѣмъ не успокаивается.

Однимъ вечеромъ—чудесный такой былъ вечеръ весенній, что сама веснянка на мысль напрашивалась—однимъ

вечеромъ вдова Кармелиха прилегла въ своей хаткѣ, и лежа думала да горевала, что за бѣда съ ея Ивасемъ. Солнце уже закатилось и звѣзды мерцали въ хатнее окошечко; издали дѣвичьи голоса доносились—пѣли веснянку; не вполнѣ распустившіеся цвѣты чуть пахли, соловьи только что налаживали свои пѣсни, какъ вдругъ послышался шумъ тихихъ шаговъ, дверь хатняя растворилась и вошелъ Кармель, оглянулся по хатѣ, не замѣтилъ матери и сѣлъ у окошка. Можетъ, отъ неяснаго свѣта вечерняго показался онъ вдовѣ такимъ блѣднымъ, только онъ показался ей страшно блѣднымъ и измученнымъ, и сердце у ней такъ больно сжалось, и такъ ей стало жаль свое дитя милое, что и голосу не хватило слово ему вымолвить. Молча и тихо она лежала и на него глядѣла. А онъ глядѣлъ въ окно, глядѣлъ и вдругъ запѣлъ пѣсню...

Ой идутъ дни за днями, часы за часами,
А я счастья не зазнаю, горе мині зъ вами!
Нещасливымъ уродився, нещасливымъ сгину
Мене мати породила въ нещасну годину!
И здається молодому нічого бъ журитися,
А прійдеться молодому зъ туги утопитися!
Болить моя головонька, оченьками мружу
Самъ незнаю, не відаю, зачѣмъ же я тужу!
Вбоги люде! вбоги люде! скрізь васъ всюди бачу...
Якъ згадаю вашу муку самъ неразъ заплачу.
Весно моя, весняночко! усімъ несешъ дари
Тільки мині безщасному жадної віраді.
Скрізь дивлются тні очі, що меркнуть відъ муки,
Скрізь усюди потомлені простягають руки.
Ізъ за квіту пахучого, якъ сонце злотится,
Зъ за дерева веселаго, якъ місяць ясниться!
Въ день, и въ нощі, и ввечері, и всяку годину!
Я жъ немаю порадоньки! Я отъ журби гину!

Ахъ что это за пѣсня была!

Онъ спѣлъ и замолкъ и тогда едва опомнилась старая мать и сказала: Кармель! гдѣ, у кого выучился ты такой пѣснѣ?

Кармель вздрогнулъ, услыхавши голосъ, узналъ мать и отвѣтилъ ей: сама у меня сложилась!

И ужь какія онъ пѣсни складывалъ и какъ ихъ онъ пѣлъ, Господи Боже! Чародѣйскія это просто пѣсни были!

Иному случилось подслушать, какъ онъ пѣлъ и перенять кой что, только не на веселье были его пѣсни сложены и кто ихъ ни перейметъ, ни услышитъ, всякій голову склонитъ и призадумается.

II.

Разъ поѣхалъ Кармель въ одно чужое село, верстъ, можетъ, за двадцать немѣренныхъ, на мельницу. Рано-ранешенько утромъ онъ выѣхалъ и долго ѣхалъ все полемъ. Утро было ясное прясное и теплое претеплое; поле зеленѣлось и бархатилось, росинки блестя, солнце всходило, жаворонки такъ и заливались подъ небесами, послѣ ночного дождичка пыль чуть поднималась съ дороги—свѣжесть такая кругомъ и просторъ такой, что не надышешься. Онъ все ѣхалъ и пѣлъ. То пѣлъ тихо, про себя, то громко, на все поле разносилась его пѣсня. Но и этимъ утромъ, радостнымъ, ликующимъ утромъ, все про то же пѣла его тоскующая, вопрошающая пѣснь,—все просила покою, совѣта, объясненія; все тѣ же ему видѣлись фигуры убогія и обиженныя, когда взгляды его переносились по цвѣтущимъ полямъ.

Вотъ большой лѣсъ ему на дорогѣ. Большой, густой, темный лѣсъ и дорога этимъ лѣсомъ пошла. Огромные, сплошные, могучіе дубы стоятъ безъ шуму и шелесту, а между ними цвѣтутъ калиновые кусты, цвѣтетъ дикая роза, а при самой землѣ растетъ трава густая и всякія зелья.

Кармель ѣдетъ по лѣсу и поетъ, и вдругъ видитъ не-подалеку отъ дороги молодая дѣвушка собираетъ какія-то зелья и плачетъ горько. И въ такой она была кручинѣ и печали, что едва ли оглянулась, заслышавши его пѣсню. А Кармель въ тотъ же мигъ, какъ ее увидѣлъ, соскочилъ съ воза и прямо къ дѣвушкѣ: день добрый! говорить ей.

— День добрый! отвѣтила ему дѣвушка, подняла на него печальные очи, взглянула и остановились слезы у ней:

отъ роду еще она не видала такого красавца, каковъ передъ нею стоялъ. И не слышитъ она, что онъ у ней спрашиваетъ: „о чемъ ты, дѣвушка, плачешь?“ А онъ ждетъ отвѣта и глядячи на дѣвушку, глазами хочетъ выпытать.

Видитъ онъ, что это бѣдная и горькая дѣвушка: сквозятъ бѣлыя плечи сквозь худенькую рубашку, юбка на ней линиялая и вся въ заплаткахъ; на молодомъ лицѣ румянецъ не играетъ, алыя уста не привыкли усмѣхаться, хорошія очи впали и печальны, и слезы на щекахъ, какъ остановились при его видѣ, такъ каплями и дрожать. Въ рукахъ дѣвушка держала собранное зелье.

— О чемъ ты, дѣвушка, плачешь? спросилъ опять Кармель. Тогда дѣвушка его услышала, да хотя услышала, ничего не сказала, перестала смотрѣть на него, а стала смотрѣть въ лѣсную чащу.

— Чья ты? гдѣ живешь? спросилъ Кармель.

— Я наймичка изъ Лановъ, служу тамъ у хозяевъ, у Кнышей, отвѣтила ему дѣвушка.

— Лихіе это люди Кныши! сказалъ Кармель.

Дѣвушка на это не отвѣтила и начала собирать зелье. Кармель тоже рядомъ идетъ и тоже зелье рветъ и ей подаетъ, а она беретъ,—и все Кармель ее спрашиваетъ про житье-бытье. Да какъ сталъ онъ говорить объ томъ, каково тяжело да тошно жить у чужихъ людей, стала опять дѣвушка сильно и горько плакать. Такъ слезы и льются, такъ и катятся у нея по щекамъ. А Кармелю жалко ее до того, что хотъ умирай ложись!

— Не плачь, не плачь! говоритъ онъ ей.

— Какже не плакать мнѣ? отвѣтила она—сами слезы льются!

И долго слезы ея лились передъ Кармелемъ, словно ей сладко было передъ нимъ свое горе выплакать.

Потомъ дѣвушка сказала: „Пора мнѣ домой!“ двѣ послѣднія слезы скатились, алыя уста печально улыбнулись, хорошіе глаза глянули довѣрчиво и ясно.

— Прощайте, промолвила она.

А Кармелю прощаться съ ней все равно, что ножъ острый, и просить онъ ее: Садись на мой возъ, я подвезу тебя до Лановъ—миѣ по дорогѣ.

Глядь кругомъ, а возъ его далеко—волы свернули съ дороги и траву щиплютъ. Кинулся Кармель, вывелъ воловъ на дорогу, посадилъ дѣвушку на возъ, сѣлъ самъ и вмѣстѣ поѣхали.

Ѣдутъ, помалчиваютъ, да подумываютъ, Ѣдутъ по зеленому лѣсу.

Они вдругъ очутились, какъ въ Божьемъ раю въ какомъ-то нерѣшительномъ еще блаженствѣ: на лицахъ ярче краска выступила, губы слегка раздвинуты—точно будто сердца бились сильнѣй.

И показалось имъ, что они доѣхали до села такъ быстро, какъ птица легкокрылая бы перепорхнула... Видно въ сторонѣ село Ланы, большое, богатое село; панскій домъ изъ бѣлаго камня стоитъ, какъ дворецъ надъ всѣмъ селомъ, на возвышенѣ, кругомъ его цвѣтники пестрые, аллеи темныя... Великолѣпный это домъ былъ и бросился въ глаза Кармелю. Словно какое-то облако темное набѣжало на его прекрасное лицо. Ясныя дѣвичьи очи глядѣли на Кармеля и въ тотъ же мигъ и себѣ затуманились, и тихій голосъ спросилъ у него: „Знаете вы этотъ панскій домъ“?

— Въ первый разъ вижу, отвѣтилъ Кармель, да много-много я видѣлъ такихъ—они заслоняютъ свѣтъ бѣдному человѣку!

Вѣхали они въ самое село, проѣхали три улицы и дѣвушка встала съ возу, простилась, пошла и скрылась въ переулкѣ, а Кармель дальше поѣхалъ.

Ѣхалъ Кармель да все только оглядывался, все жалѣлъ, что простился съ дѣвушкой, все завѣрялъ самъ себя, что опять ее скоро увидитъ:—и на мельницу онъ пріѣхалъ, дѣвушка у него изъ ума не шла. Сталъ онъ спрашивать мельника, что это за люди Кныши и какъ живутъ они, и какого нраву.

А мельникъ этотъ былъ человѣкъ пресуровый, предлин-

ноусый и превысокій и разговаривать не любилъ, а еще меньше любилъ рассказывать,—и отъ него Кармель ничего бы не узналъ, если-бъ не было мельниковой дочки. Дочка любила говорить, а еще больше любила рассказывать, а еще больше любила спрашивать и она начала-то было распросами, да отъ Кармеля не могла толку добиться: какъ новорожденный младенецъ, что ничего не вѣдаетъ и только обращаетъ глазки и протягиваетъ ручки къ свѣту, Кармель, ни во что не вникая, все обращался къ своему. Тогда мельникова дочка и начала, и пошла... Маленькая она была и быстрая какъ птичка, да ни одна птичка въ свѣтѣ бѣломъ не нащебетала бы столько въ часъ, сколько она. Живо Кармель узналъ отъ нея, что Кнышъ съ Кнышихой старые, взыскательные, богатые люди; что у нихъ есть семь воловъ и двѣ коровы, и пшеница взошла хорошо, и прошлаго году тоже все на полѣ у нихъ уродило; что ихъ дочь замужемъ за богатымъ и носить золотые очипки, что у Кнышей наймичка служить, сирота Маруся, безъ роду и племени дѣвушка, и малая Марусѣ плата, и тяжелая работа.

Долго бы еще щебетала мельникова дочка, если-бы Кармель хоть время отъ времени слово промолвилъ, а то узнавши отъ нея то, что хотѣлъ, онъ сидѣлъ, какъ пѣмой передъ нею... И мельниковой дочкѣ, должно быть, наконецъ, наскучилъ безотвѣтный такой гость—она бросила его, взяла шитье, сѣла поодаль, и запѣла пѣсню. Пѣсня звонко пѣлась, работа быстро шилась и суровый мельникъ, стоя въ дверяхъ мельницы, глядя и слушая, подумалъ: нѣтъ на свѣтѣ ничего безпечнѣе этихъ глупенькихъ, молоденькихъ дивчатъ,—тоже ничего свѣтъ не создавалъ и тщеславнѣе—ишь, глаза-то, то и дѣло зазирають въ воду—не наглядится на себя, хвастунья!

Мельникова дочка точно частенько зазирала въ воду, гдѣ отражалось ея смуглое личико съ блестящими глазами, но можетъ она не однимъ своимъ личикомъ любовалась,—кро-мѣ его вода отражала весь зеленый скатъ холма, на которомъ она сидѣла, старые дубы, которымъ, мельникъ рѣшилъ, цѣны не было, и замечтавшася козака, забывшаго, кажи-ся,

все на свѣтѣ... Такъ, можетъ, быть мельникова дочка не однимъ своимъ личикомъ любовалась,—но мельникъ былъ, какъ сказано, человѣкъ пресуровый—его ничѣмъ нельзя было урезонить, и съ той поры, какъ онъ послѣ смерти жены своей нашелъ у нея семь зеркальцевъ, какихъ постницъ и смиренницъ онъ ни встрѣчалъ на вѣку, онъ сохранилъ твердое убѣжденіе, что всѣ до одной глядятся въ семь зеркаловъ. А мельникова дочка... Но мельникова дочка, прощай! Не узнается тутъ, что ты дальше запоешь и что ты дальше сдѣлаешь,—мельникъ кличетъ Кармеля и вмѣстѣ складываютъ смолотую муку на возъ, и Кармель уѣзжаетъ домой.

Кармель ѣдетъ домой и все думаетъ объ дѣвушкѣ, объ наймичкѣ. Проѣзжаетъ черезъ село Ланы ужъ до того тихо, словно опасно больного везетъ, а глаза-то какъ у него разбѣгаются во всѣ стороны! Но никто не показался на сельской улицѣ и вплоть до дому все вздыхалъ Кармель.

Дѣвушка не идетъ у него изъ мыслей. Перебылъ одинъ день Кармель съ этими мыслями—тяжко и сладко; пребылъ другой день—еще тяжче и слаже; пребылъ третій—совсѣмъ не въ моготу: голова горитъ, и сердце кипитъ, и тѣло болитъ. Еще кое-какъ перемогъ онъ себя до полудня, а тамъ запрягъ, да и поѣхалъ въ село Ланы.

Онъ не зналъ, не видалъ, какъ проѣхалъ чистымъ полемъ, какъ проѣхалъ темнымъ лѣсомъ, только ногонялъ все да погонялъ, потому что поле, казалось ему, разбѣгалось все шире да дальше, лѣсъ разросался все длиннѣй и громаднѣй.

Приѣхалъ онъ наконецъ-таки въ Ланы. Приѣхалъ. Тихій вечеръ, солнце низко, по селу пусто—еще съ работы люди не ворочались, только попадались играющія дѣти да двѣ наймички прошли по воду къ рѣкѣ. „Выйдетъ и она по воду“, подумалъ Кармель, и тоже поѣхалъ къ рѣкѣ и сталъ ждать.

И она показалась съ ведрами, и она пришла—Кармель и ахнуть бы не могъ, такъ духъ ему захватило.—Дѣвушка, увидя его, вся занялась румянцемъ, будто розовымъ огнемъ.

и пламенемъ. Никого тогда не было около рѣки,—только они вдвоемъ.

— Пойдешь ли ты за меня замужъ, моя дивчина коханая? спрашивалъ Кармель.

А она ему отвѣчаетъ: Я твоя.

И сѣли они рядомъ надъ рѣкою, на зеленомъ низкомъ берегу и просидѣли тамъ до ясныхъ звѣздъ вмѣстѣ. И не слыхала въ тотъ вечеръ Маруся-наймичка, какъ ее бранила хозяйка за поздній приходъ, какъ язвительно корила ее и допекала, и не доходило въ тотъ вечеръ ничто горькое Марусѣ до сердца. Когда всѣ спать легли, сидѣла Маруся подъ окошечкомъ и глядѣла на ясныя звѣзды, на прозрачное небо съ трепещущимъ сердцемъ, полнымъ блаженства новаго, невѣдомаго и любаго. И ѣхалъ Кармель тихо и тоже глядѣлъ на ясныя звѣзды и на ясное небо, и тоже сердце его трепетало, полно того же блаженства новаго, невѣдомаго и любаго. Такъ глядятъ люди на небо, когда любятъ на землѣ.

Говорить Кармель своей матери:

— Хочу я, мама, жениться на наймичкѣ Марусѣ.

Мать давай его уговаривать и просить: не женись ты, сыночекъ мой милый, на той Марусѣ! Не бери, соколъ мой, наймичку! Возьми ты лучше жену себѣ богатую!

— Мама! мама! промолвилъ Кармель, а самъ такъ и задрожалъ, такъ и затрясся. Развѣ ты мнѣ не родная?

Старушка испугалась его лица и виду: Женись, милый, женись на ней! Если ужъ она тебѣ такъ дорога, то и мнѣ будетъ тоже дорогою невѣсткою!

И женился Кармель на наймичкѣ Марусѣ.

III.

Первый годъ послѣ женитьбы Кармель, было, совсѣмъ перемѣнился и поправился: тоски прежней помину, кажись, не было. Жена его расцвѣтала, какъ пышная роза, и жили они душа въ душу. Родилась у нихъ дочка, и старая Кар-

мелиха говорила, возсылая благодаренія Богу, что лучшей доли ни себѣ, ни дѣткамъ своимъ не желаетъ.

Только вдругъ Кармель затосковалъ по прежнему. Затосковалъ да и затосковалъ. Опять уходитъ сталъ изъ дому, одиноко бродить, опять началъ блѣднѣть и вздыхать.

Отчего съ чего это лихо воротилось? Откуда, что нагнало его? Развѣ же не былъ онъ счастливъ и любимъ, и на все достаточенъ, всѣмъ надѣленъ? Зачѣмъ еще гнаться? Стремиться къ чему? Чего желать?

Вотъ одинъ разъ сидѣли они всѣ ввечеру послѣ работы, тогда, знаете, какъ уже все утихаетъ, солнышко уже закатилось за зеленый лѣсъ и вотъ-вотъ появится первая звѣздочка; тогда, когда человѣкъ, утомленный дневнымъ трудомъ, отдыхаетъ и посящаютъ его думы и мысли, и чувствуетъ онъ свою правоту, сознаетъ совѣстливо свои проступки и ошибки, когда острѣй, живѣй касается его всякое явленіе жизни и упивается онъ своимъ счастьемъ, или несчастьемъ живѣй и глубже,—тогда сидѣли они всѣ вмѣстѣ и поглядѣть на нихъ, въ самомъ дѣлѣ казалось, что они уже не могли выискать чего себѣ пожелать; даже маленькое дитя, кажется, ничего не желало себѣ на забаву и игрушку, потому, что сидѣло смирнехонько между ними и только усмѣхались розовыя губки и блестѣли ясные глазки. Чего въ самомъ дѣлѣ было желать себѣ—чего?

Какъ вдругъ мысль кака-то смутила и омрачила Кармеля, будто испугала, будто свѣтъ Божій ему въ мракъ обратила. Онъ вдругъ какъ-то весь измѣнился, словно переродился и вышелъ изъ хаты, говоря: „Душно что-то мнѣ, пойду пройдуся немножко“. Старая мать озаботилась, ужъ не хворость ли это какая проявляется,—онъ ее упокоилъ: „Нѣтъ, мама, я здоровъ“. Вѣрная жена любящими очами спрашивала его что съ нимъ,—онъ въ отвѣтъ только крѣпко ее прижалъ къ груди.

Поздно Кармель воротился въ свою хату съ одинокой прогулки—ужъ мѣсяцъ и звѣзды сіяли на небѣ, все село уснуло. Спала его дочка маленькая, спала старая мать—не заснула только молодая жена. Она стояла на хатнемъ поро-

гѣ и ожидала, высматривала, выглядывала его, встрѣтила и прижалась къ нему, какъ бы спрашивая: не надо ли ему жизни, или смерти, не надо ли ему ея напасти, или блаженства?

— Маруся коханая! говорить Кармель, прижимая ее къ себѣ, Маруся коханая! Я не выношу людского лиха и убожества! Я долженъ этому помочь! Я хочу исправить эту бѣду!

Да и сталъ онъ думать да гадать, да тужить.

Старая мать туда и сюда бросается, ищетъ лекарствъ, со всѣми совѣтуется и плачетъ,—то бѣжить къ лекаркѣ, то спѣшить къ знахаркѣ—сынъ сохнетъ! сынъ тоскуетъ! Съ ногъ старушка сбилась, отъ тревоги да кручины совсѣмъ потерялась.

Молодая Кармелиха не зоветъ ни знахорокъ, ни лекарокъ, не совѣтуется ни съ кѣмъ, не жалуется никому,—что тамъ у ней на душѣ и на сердцѣ, тантъ она про себя, молчить, никому не рассказываетъ. Только краска пропала съ лица у ней, пѣсни ея смолкли и хорошія очи опечалились.

Подумали бы со стороны люди, что у Кармеля съ женой что нибудь не ладно, такъ нѣтъ: стоитъ только разъ взглянуть на нихъ, такъ и въ слѣпые, кажись, глаза бросится, какая тутъ вѣрная, неизмѣнная любовь, какаѣ неразрывная дружба. Въ хозяйствѣ тоже у Кармеля все благополучно... И говорили добрые люди про Кармеля, что „совершенно онъ счастливый человекъ,—чего бы еще надобно ему? Всѣмъ его Богъ надѣлилъ и утѣшилъ—совсѣмъ счастливый! Избаловался отъ своего счастья и вотъ дурить,—себя томить да людей удивлять.“

Иные такъ и въ глаза укоряли Кармеля такими словами. Онъ ничего не отвѣчалъ; ходилъ онъ иногда по цѣлымъ днямъ, не промолвляючи никому ни слова, скорбя видимо, тоскуя и иногда неожиданно раздавалась его пѣсня, словно кличь:

Кажуть люди щомъ счастливий, я зъ того сміюся,
Бо не знають, якъ я часто слезами зальюся.
Куди пійду й попнуся скрізь богачъ панує

У роскошахъ превеликихъ днюе и ноче.
Убогому безщасному тяжкая работа,
А ще гіршая неправда и вічна скорбота.
Молодосте-одрадоште, единая сило!
Порадь мене якъ зрїняти нерівнее діло.
Лїта жъ мої, лїта мої, лїта молоденьки
Ой коли жъ вы такъ даремні, будьте коротеньки!

И нашлись между людьми люди, что содрагались, откликались на этотъ кличъ и останавливались, словно въ упованїи суда праведнаго, въ ожиданїи нежданнаго избавленїя.

Можеть, не одинъ наймать горькій, который погоняючи чужихъ воловъ да напївая свою старую пїсню, что „нема гірше такъ никому, якъ бурлаку молодому“ умолкнулъ, услыша Кармелеву пїсню и воротился въ хозяйскую хату задумчивъ, и въ тотъ вечеръ не слыхалъ брани, не заботился о презрѣнїѣ, не обратилъ вниманья на хлѣбъ, въ мѣру отрѣзанный ему на ужинъ, а на другой день дѣлался точно больной, словно неспособный на свою работу, негодный на свою службу, а глаза у него дѣлались блестящіе и ясные, и будто молодѣлъ онъ и расцвѣталъ...

Можеть не одинъ богачъ, услыхавши Кармелеву пїсню переставалъ пѣть свою безпечную и веселую, и обращалъ свои удивленные взгляды во всѣ стороны, и шелъ оглядывать всѣ свои пожитки, владѣнья и имѣнья, и былъ прискорбенъ, и не могъ разстаться съ ними, какъ тотъ давній богачъ всѣмъ извѣстный, добродѣтельный; можеть тоже выискался не одинъ и такой богачъ, что тяжелыя цѣнныя сокровища пожертвовалъ съ легкимъ сердцемъ...

Вдругъ пропалъ Кармель. Нѣту его день, нѣту другой, третій—нѣту его цѣлую недѣлю. Пропалъ, никому не сказавшись, словно въ воду канулъ.

Мать почти помѣшалась отъ горя да отъ страха, ходить ищетъ его, какъ иголку, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ; жена сидитъ въ хатѣ, какъ съ креста снята; маленькая дочка кличетъ: тато! тато! спрашиваетъ: гдѣ тато?

— Маруся! что намъ дѣлать, какъ быть, гдѣ его искать? спрашиваетъ старая Кармелиха у невѣстки.

— А невѣстка отвѣчаетъ: Будемте его ждать, мама.

— Ждать! Можетъ ужъ его, Маруся, и на свѣтъ бѣломъ нѣту!

Маруся тогда говоритъ старушкѣ: „Въ ту ночь, какъ онъ уходилъ, говоритъ, я услышала и спросила его: что намъ дѣлать, мое сердце? а онъ сказалъ мнѣ: не ищи меня, не спрашивай обо мнѣ,—жди меня—я самъ приду“.

— Ну хорошо, хорошо, будемъ его ожидать, промолвила старая Кармелиха, будемъ его дожидать!

И такъ обрадовалась, словно Кармель ужъ на дорогѣ домой, и въ окошко выглянула, и на хатній порогъ вышла, на всѣ стороны посмотрѣла.

Однако проходятъ дни за днями, все онѣ ждутъ и все Кармеля не дождутся, все нѣтъ Кармеля.

Вотъ это одинъ разъ—день былъ праздничный и погожий—сидѣла старая Кармелиха около своей хаты на заваленкѣ и глядѣла въ поле на дорогу, а невѣстка сидѣла подлѣ нея съ дочкой на рукахъ и дочка говорила: „мама, ты теперь стала нѣма и глуха“ и тянула мать за монисто, и прикладывала свои пальчики матери къ устамъ и къ ушамъ, и все дразнила: „мама, ты теперь стала нѣма и глуха! Нѣма и глуха“!

Молодая Кармелиха время отъ времени усмѣхалась дочкѣ и время отъ времени крѣпче ее прижимала къ себѣ.

Подошелъ къ нимъ сосѣдъ ихъ, поздравствовался, да и говорить:

— А слышали вы, что около Чернаго Лѣсу разбой? Ни пройти теперь, слышно, ни проѣхать.

Вдова, было, встрепенулась, какъ сосѣдъ сказалъ „А слышали?“ да какъ услышала, что рѣчь объ Черномъ Лѣсѣ, такъ и перестала вниманье обращать: Черный Лѣсъ далеко, въ другомъ уѣздѣ и Кармелю туда незачѣмъ, хоть не сказала бы она, зачѣмъ ему и въ своемъ уѣздѣ пропасть, и почему полагала она, что онъ близко гдѣ-то, а не далеко,—перестала она слушать сосѣда и опять заглядѣлась на дорогу. Но печальные хорошіе глаза молодой Кармелихи не отры-

вались отъ сосѣда и внимательно-внимательно она слушала его. А сосѣдъ рассказываетъ: „Вотъ, рассказываютъ, купцовъ обобрали, господъ обобрали.. Только есть тутъ диво одно“.

— Какое диво? спросила молодая Кармелиха.

— А такое диво, говорить сосѣдъ, и присѣлъ на заваленкѣ около нея,—такое диво, что никого тамъ не рѣжутъ, не убиваютъ, только оберутъ да и пустятъ на волю, если ты богатъ, а посмотреть—ты бѣдный и убогій человѣкъ, такъ ступай себѣ цѣль и невредимъ,—пальцемъ тебя не тронуть.

Сказываютъ, ѣхалъ одинъ горемыка, повстрѣчался съ ними да и засмѣлся: не боюсь я васъ, говорить, паны мои молодцы! Голому разбой не страшенъ и жизнь не очень дорога—можно оцѣнить. Коли бить такъ бейте, а нѣтъ такъ пускайте—миѣ некогда стоять—хозяинъ дожидаетъ, бранить станеть! Тогда сказываютъ, выходитъ старшой ихъ, атаманъ, и бросилъ ему мѣшокъ денегъ и сказалъ: „Поѣзжай себѣ, другъ“! И самъ, и всѣ молодцы его ушли сейчасъ же въ лѣсную чащу отъ него. А бѣдный человѣкъ совсѣмъ оторопѣлъ отъ такого добраго дива и самъ не свой пріѣхалъ домой и привезъ мѣшокъ денегъ съ собой—чистѣйшее серебро!

Ничего не промолвила на это молодая Кармелиха, только побѣлѣла, какъ бѣлый платокъ и поцѣловала свою маленькую дочку, что утихла у ней на рукахъ и тоже слушала, настороживши ушки.

IV.

Опять идутъ дни за днями, часы за часами, и съ каждымъ днемъ, и съ каждымъ часомъ все больше и больше слуховъ да вѣстей объ разбойникахъ въ Черномъ Лѣсу.

Точно, чудные и небывалые это появились разбойники и чудный, и небывалый они разбой держали: попадался имъ богачъ въ руки—они его обирали, попадался имъ бѣднякъ—они его надѣляли; никого не убивали, не рѣзали. Чуденъ и

дивенъ тоже у нихъ былъ атаманъ ихъ. По слухамъ, такая неописанная красота его была, что нельзя словами разсказать, ни перомъ написать, да нельзя было и глазами наглядѣться досыта, потому что слѣпила она, какъ яркое солнце.

Ѣхала, сказывали, одна скупая пани и везла съ собой всѣ свои сокровища,—такъ она была скупа, что никогда не разставалась съ ними ни днемъ, ни ночью—Ѣхала она черезъ Черный Лѣсъ и попалась разбойникамъ. Обступили ея коляску, кучеровъ ея, прислужниковъ въ сторону, говорятъ ей: „пани, давай деньги!“ А пани страшно и дико закричала на весь зеленый лѣсъ и вцѣпилась руками, какъ желѣзными когтями, въ свое добро—не даетъ. Хотѣли у ней отнять, такъ только хрустятъ ея старые пальцы, а не отрываются, и сверкаютъ жадные глаза при мѣсячномъ свѣтѣ, какъ у волчицы. Вышелъ тогда атаманъ самъ изъ чащи и промолвилъ ей: „Отдай, пани, деньги! Пожила ты въ золотѣ—будетъ съ тебя—дай другимъ!“ И какъ взглянула пани на атамана, такъ даже свое сокровище изъ рукъ выпустила—какъ молнія поразила ее эта чарующая красота,—безъ памяти она упала, потому что жадность и скупость ее разъярили, а красота эта ее силъ лишила.

И Ѣхала еще молодая богатая дѣвушка съ братомъ, и тоже попались они разбойникамъ. Братъ былъ человѣкъ храбрый—оглянувшись кругомъ—лѣсъ черной стѣной стоитъ со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ сторонъ окружили сильные, высокіе люди—видитъ онъ плохо дѣло, однако думаетъ: попробую отбиваться. „Сиди смирно и не бойся“ сказалъ сестрѣ и обращается къ разбойникамъ, говоритъ: „Пропустите, добрые люди“. А они ему на это: „Деньги подавай, богачъ!“ Сестра ни жива, ни мертва сидитъ. „Нѣту у меня денегъ про васъ“, отвѣчалъ братъ. „Давай волею, а то возьмемъ силою“, грозятъ они и подступаютъ ближе. Сестра закричала, заплакала и закрыла лицо руками. И слышитъ она между шумомъ, говоромъ и борьбою чей-то голосъ ее уговариваетъ: „Не плачь, дѣвушка, и не бойся!“ Быстро отняла она руки отъ лица и глянула кто передъ нею и ужъ никогда не вышла у ней изъ

памяти чудесная красота. Страхъ ея и ужасъ исчезли и такое спокойствіе нашло на нее, что хотъ жить, хотъ умирать сей-часъ—все-равно. Она сложила руки, глядѣла и слушала...

У брата взяли деньги и отпустили ихъ. „Много на свѣтѣ горемыкъ что гибнуть съ голоду, съ холоду—помните“ промолвилъ голосъ—тотъ самый что уговаривалъ дѣвушку: „не плачь и не бойся“—атамановъ голосъ. Никто не снялъ у дѣвушки дорогого намиста съ шеи, а она сняла его сама и бросила къ ногамъ атамана и слышала отъ него: „Спаси-бо, дѣвушка!“

Тихо съ братомъ ѣхали они и молча.

Съ той поры все для этой дѣвушки какъ-то словно поблекло и потеряло краски: и мѣста и лица всѣ стали для ней безцвѣтны. Сказала она отцу и матери: „Мамо—тато, пойду я въ монастырь“. И пошла въ черницы.

А братъ ея, не сказавшись ни отцу, ни матери, ни другу, ни товарищу, забравъ все добро, какое имѣлъ, покинулъ всѣ удобства и покой, ушелъ и присталъ самъ къ разбойничьей шайкѣ въ Черномъ Лѣсу.

V.

Вдругъ въ Кармелевой деревенькѣ пронесся слухъ, что это ихъ Кармель атамануетъ въ Черномъ Лѣсу и взволновалъ стараго и малаго, и добраго и злого. Который козакъ ни встрѣчался, то все озабоченный козакъ; которая козачка ни проходила, то все растревоженная козачка.

Доносится слухъ до Кармелевой старой матери и до его молодой жены. Старая мать говоритъ со слезами невѣсткѣ: „Вотъ люди-то недобрые, Марусечка! вотъ напраслина-то злая на моего Кармеля коханаго! Не вѣрю я этому! Не вѣрю! А какъ повѣрю—умру! А ты, Маруся, ты что“?

— Я жить буду и любить буду, говоритъ Маруся.

А маленькая дочка стояла тутъ слушала, и тоже себѣ лепечетъ: „И я съ мамой! И я съ мамой“!

Прошло еще много дней и разъ ночью—ночь была ясная и теплая, мѣсяцъ свѣтилъ и звѣзды сіяли, сады стояли въ цвѣту, хаты въ тишинѣ и снѣ, соловьи пѣли,—Кармелева дочка сладко спала и легко дышала; уснула тоже и старушка-мать, нагоревавшись и наскорбѣвшись, и спала безпокойнымъ сномъ—то во снѣ она вздыхала, то рыдала—сонъ-то сломилъ слабую старушку, да успокоенья ей не далъ. Не спала Кармелева жена. Ужъ много ночей она не спала и много еще вѣрно спать не будетъ—она молода и крѣпка, а каждый часъ множитъ ея печаль. Не спала она и думала объ томъ, кого любила. И вдругъ она слышитъ, тихо-тихо отворяются двери, и видитъ: онъ входитъ, и чувствуетъ его въ своихъ рукахъ. И не знала она, потемнѣлъ ли тогда свѣтъ Божій или просвѣтлѣлъ, было ли то страданье или благо,—и когда она опомнилась въ садикѣ и видѣла пахучіе цвѣты, ясный мѣсяцъ и звѣзды, и тогда еще она долго ничего не понимала, не знала, кромѣ того, что у него на рукахъ она, что онъ тутъ около нея. Она понемногу пришла въ себя и они начали тихо разговаривать и цѣлую ночь проговорили.

Мѣсяцъ зашелъ, звѣзды попрятались, соловьи смолкли, розовая заря начала заниматься и древесные листочки затрепетали... Кармель обнялъ вѣрную подругу и пошли они вмѣстѣ по полю за село, по дорогѣ въ лощинку за селомъ,—въ лощинкѣ паслося три коня вороныхъ и два товарища дожидались, куря трубки.

Тутъ еще разъ попрощался Кармель съ женою и слышали товарищи, что сказалъ онъ ей: „Буду къ тебѣ“. И всѣ трое вскочили на коней и помчались—только искры посыпались изъ подъ копытъ—и исчезли изъ виду.

А Маруся воротилась домой. И дома и у сосѣдей все и всѣ спали еще, только заря занялась ярче да древесные листочки трепетали сильнѣй.

И опять пошли дни за днями и часы за часами; съ каждымъ часомъ разбойничья шайка въ Черномъ Лѣсу умножалась, съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, богатые и знатные люди все пуще и пуще пугались и тревожились; и положили они, во что бы то ни стало, поймать атамана, сна-

рядили множество ищиковъ и сыщиковъ, посулили имъ большую плату и награду „только бы поймали атамана“. И вотъ ищики и сыщики разсыпались повсюду толпами на поиски.

Но время шло, а все еще атамана поймать не могли. Не разъ разносился слухъ: „пойманъ атаманъ“ и цѣлыя толпы сбѣгались глядѣть на него, волнуемая учащемъ, недо-вѣріемъ, удивленіемъ, любопытствомъ, сомнѣніемъ—но до сихъ поръ все слухъ оказывался ложнымъ. Правда, пойманъ былъ человѣкъ въ лѣсу подозрительнаго вида, но это былъ какой-то горемыка, котораго выгнала на большую дорогу нужда да бѣда, а то и совсѣмъ невинный разъ попался. Ходили еще слухи, что чароваль всѣхъ атаманъ, отводилъ глаза, трогалъ сердца; ходили слухи, что его голоса слышать, его взгляда встрѣтить, его красы видѣть никто равнодушно, холодно не могъ—всякаго онъ очаровывалъ и привлекалъ къ себѣ. Ходили даже слухи, что многіе изъ сыщиковъ его и въ рукахъ держали, но пускали, обольщенные имъ, и послѣ ужъ до-вѣку не годились въ свою прежнюю службу.

Да находятся на бѣломъ свѣтѣ такіе люди, что никакая краса ихъ не очаруетъ, никакая прелесть не прельститъ—и вотъ выискались такіе люди на атамана, и принялись его слѣдить и преслѣдовать такъ же безустанно, неусыпно, какъ онъ безустанно и неусыпно отъ нихъ убѣгалъ,—день и ночь, вечеромъ и утромъ по широкимъ полямъ, раздольнымъ степямъ, по низкимъ долинамъ и лугамъ, по высокимъ горамъ...

VI.

Въ одну темную ночь, когда всѣ спали, Кармелева жена стояла, словно изваянная, въ своемъ садикѣ, подъ вишнею, пока не завидѣла высокую фигуру по дорогѣ отъ ло-щинки—тогда она кинулась навстрѣчу, будто душа въ рай, и встрѣтила своего Кармеля.

Онъ, задыхающійся, измороженный, усталый, измученный, прижавши ее къ своей груди, не былъ въ силахъ держать крѣпко обезсиленными, ослабѣлыми руками,—едва онъ могъ слово промолвить.

— Охотятся за мной, какъ за хищнымъ звѣремъ, Маруся, промолвилъ онъ. Уже три дня и четыре ночи бѣгаю съ мѣста на мѣсто, прячусь, не останавливаясь, безъ отдыха... Товарищей распустилъ...

— О, коханный, говорить Маруся, и у насъ тутъ были, искали тебя, всѣхъ допрашивали—всѣ отвѣтили: ничего не знаемъ... Вчера... Что это такое? вдругъ встрепенулась она, замирая вся, потому что въ самое-это время что-то застучало, гдѣ то загремѣло, и хата ихъ освѣтилась изнутри яркимъ свѣтомъ, въ хатѣ громкій разговоръ слышался, восклицанія и жалобы, и близехонько около нихъ самихъ въ садикѣ голоса и люди со всѣхъ сторонъ.

„Держи! Лови! Держимъ! Схватили!“—разнеслось по тихому, погожему ночному воздуху.

Схватили Кармеля.

— Маруся! промолвилъ быстро Кармель, отвѣчай на все, что ты ничего не знаешь,—слышишь меня, Маруся?

— Слышу, отвѣтила Маруся.

Старая мать прибѣжала въ ужасѣ, спрашивая, неужели это правда, умоляя отпустить сына, убиваясь, что его берутъ. Маленькая дочка пробудилась и, какъ была, въ растегнутой рубашечкѣ, падающей съ плечекъ, кинулась къ отцу и уцѣпилась за него рученками...

Всѣхъ оторвали отъ Кармеля, связали его, заковали, посадили въ телѣжку и повезли изъ села. Все уже село поднялось и сбѣжалось. Словно рой пчелиный, гудѣли людскіе голоса и всѣ глядѣли въ слѣдъ телѣжкѣ, а за телѣжкой Кармелева жена спѣшила съ дитятей на рукахъ; старая мать не въ силахъ была итти пѣшкомъ; то и дѣло лишаясь чувствъ, она дожидалась, пока запрягали для нея лошадей взволнованные, растроганные паробки дрожащими руками.

И привезли Кармеля въ цѣпяхъ въ большой городъ и посадили въ каменную, темную темницу. Богачи кричали: „Доигрался Кармелюкъ! догулялся! Вотъ и плата Кармелюку! вотъ и награда!“ Бѣдные люди тихо между собой разговаривали; молодицы и дѣвушки плакали, старые люди кре-

стились, молясь: „помилуй, Боже милосердный!“! Слѣдомъ за Кармелемъ пришла его жена съ дитятей и привезли его старую мать. Начали судить Кармеля и очень долго этотъ судъ длился.

Шелъ ли кто, или ѣхалъ мимо, каждый тогда видѣлъ во всякій часъ дня на площади противъ нѣмой, замкнутой тюрмы старуху, лишенную послѣднихъ старческихъ силъ, что тутъ сидѣла на большомъ камнѣ да плакала, а когда кто подходилъ къ ней и спрашивалъ, рассказывала свое лихо убиваясь, и видѣлъ молодую молодицу, что тихо безмолвно сидѣла около нея, словно утративши до капли все милое и дорогое въ жизни, какъ до капли исчезъ румянецъ съ ея лица, а подлѣ нея маленькую дѣвочку. Никогда не видали, чтобы эта дѣвочка играла, или шалила, или побѣжала и очутилась въ смежной улицѣ, гдѣ, видно было издали, продавались всякія лакомства и игрушки,—никогда. Смирнехонько около молодицы сидѣла маленькая дѣвочка, иногда потихоньку спрашивала ее о чемъ-то, или что-то говорила ей, иногда подходила, ласкалась къ старушкѣ, которая съ плачемъ обнимала ее и прижимала къ себѣ слабыми, дряхлыми руками. Онѣ, можно сказать, почти жили на площади противъ темницы,—тутъ на большомъ сѣромъ камнѣ, неизвѣстно кѣмъ, когда и для чего положенномъ среди площади, бывалъ у нихъ обѣдъ и ужинъ—вѣрно онѣ и ночевали бы тутъ, но не позволяли этого городскіе порядки, такъ должны онѣ были уходить на ночь въ хижинку, гдѣ нанимали себѣ мѣстечко. Вечеру послѣдній взглядъ былъ на темницу, на ея мрачныя окошечки съ желѣзными рѣшетками и послѣдняя мысль носилась надъ тюрмою; поутру первая мысль летѣла въ темницу и первый взглядъ жаждалъ того же угрюмаго виду темницы.

Никакого облегченія, никакой перемены не было, только что погода становилась холоднѣй;—ударили осенніе морозы—вечерами и утрами начало морозить; всѣ добрые люди завернулись въ кожухи, всѣ печи затопились въ домахъ и маленькая дѣвочка скорѣй да скорѣй бѣгала вечеромъ въ хижину, а утромъ на свое мѣсто, на большомъ камнѣ посреди

площади, противъ тюрьмы; а старушка не могла уже двигаться, не опираясь на молодую невѣстку.

Всѣ онѣ знали, какой будетъ судъ и дожидали только дня, когда онѣ кончится. Пришелъ этотъ день—ясный, холодный день; снѣжокъ слегка порошилъ, когда отворилась тюрьма и, глухо звякая цѣпами, преступники начали выходить попарно, пара за парю. На площади собралась небольшая толпа; двѣ какія-то женщины плакали, высматривая своихъ межъ скованными парами. Сколько зловѣщихъ лицъ, сколько отчаянныхъ прошло въ этихъ парахъ!

Вотъ Кармель. Кому было съ кѣмъ попрощаться, тому позволили попрощаться. Кармелева мать упала, увидавши его, кто-то чужой, близъ стоявшій, ее подхватилъ; жена его съ дочкою были около него, совсѣмъ готовыя за нимъ въ далекій путь.

Но Кармель попрощавшись съ матерью, сталъ прощаться и съ женою, и съ дочкою, и что-то тихо женѣ говорилъ. Жена вспыхнула какъ зарево, услышавши его слова, словно отъ внезапной боли, а дочка вскрикнула: „мы тебя не хотимъ покидать, тато!“ вскрикнула раза два, три, а потомъ, обнявши скованнаго отца маленькими ручками, заплакала.

Между тѣмъ въ толпѣ пронеслось: Кармелюкъ! Кармелюкъ! Вотъ Кармелюкъ! Это Кармелюкъ! Гдѣ онъ? Вотъ онъ! и цѣлая толпа волновалась и колыхалась, какъ волна морская.

Велѣно трогаться ссыльнымъ и ссыльные тронулись. Толпа бѣжала за ними даже за городъ, далеко по дорогѣ, и толпа безпрестанно увеличивалась и все громче слышались восклицанья:—Кармелюкъ! Кармелюкъ! Бросали деньги со всѣхъ сторонъ, посылали вслѣдъ: „помоги Боже!“ Старую мать вели подъ руки за Кармелемъ, а жена съ дочкою шли около него. Толпѣ приказано, наконецъ, было воротиться.

— Умру я... скоро умру!... простонала старая мать, едва дыша, а дочка маленькая, цѣлуя и лаская отца, вскрикнула: если-бъ съ тобой итти!

— Все будетъ, какъ ты приказалъ, промолвила вѣрная жена Кармелю.

— Будемъ надѣяться на лучшія времена, промолвилъ Кармель.

— Трогаться! трогаться дальше!

И тронулись ссыльные дальше.

Все они дальше да дальше уходили. Ужъ не слышать глухого брязанья цѣпей. Едва уже обозначаются фигуры. Вотъ и совсѣмъ исчезли—только придорожные деревья вырѣзываются на ясномъ небѣ съ той стороны.

Старую мать вели добрые люди; молодая жена вела плачущую дочку, вся толпа ворочалась сожальѣя, сострадая, судя да разсуждая. Въ тотъ же день выѣхалъ возокъ изъ города въ Кармелово село—повезъ туда его семью домой. Снова огонь засвѣтился вечерами въ его хатѣ, и всѣ тамъ, тоскуючи, не разлучались съ нимъ мыслями и душой провожали его по незнакомой дорогѣ въ назначенную ссылку.

VII.

Прошелъ годъ послѣ того. Старая мать, какъ пообщалась скоро умереть, такъ и умерла, и весною ея могилка уже травой поросла густо и высоко.

Въ хатѣ жила Кармелева жена съ дочкою. Какъ-то вскорѣ послѣ того, какъ сослали Кармеля, сосѣдка, глядя по головкѣ его дочку, ласково спросила у нея: а что вы подѣлываете съ мамою? а малютка отвѣтила: „ждемъ“—потому что онѣ ждали. Сказалъ Кармель его ждать, велѣлъ оставаться дома: легче мнѣ будетъ освободиться одному,—освобожусь и ворочусь—ждите! „Будетъ, какъ ты велишь“ отвѣтила ему вѣрная, преданная жена и на все согласилась. Послѣ ужъ дочка подросла, научилась осмотрительной быть въ словахъ, никто ужъ не слыхалъ, что ждутъ онѣ чего нибудь, но онѣ ждали. Ждали каждый день, каждую ночь, каждый часъ. Ждали на разсвѣтѣ, и утромъ, и днемъ, и ввечеру, и въ полночь, отъ зари до зари, отъ ночи до ночи,—все ждали. И такъ проходили для нихъ въ ожиданіи часы, дни, недѣли, мѣсяцы. Днемъ работа, трудъ дневной, хлопоты и все то же

ожиданье; ввечеру отдыхъ и все то же ожиданье. Днемъ, иногда, заглянеть сосѣдка къ нимъ, дневной шумъ, движенье и занятые немного ихъ занимали и озабочивали разными мелкими заботами житейскими и нѣсколько поглощали собою, а ввечеру, когда все утихало и ни малѣйшаго шума, ни движенья вокругъ не поднималось, мать съ дочкою сидѣли, засвѣтивши огонь, словно на привѣтъ. Маленькая дочка не забавлялась игрушками—любила она съ матерью разговаривать, да иногда пѣла своимъ маленькимъ голоскомъ отцовы пѣсни, и какъ старалась спѣть ихъ получше! Такъ старалась, что личико начинало рдѣть румянцемъ, сердечко колотиться и сама вся малютка начинала трепетать. Материнскіе глаза глядѣли на нее и руки къ ней протягивались—брала ее мать на колѣни и прижимала къ себѣ—маленькія ручки обвивались около материнской шеи и такъ долго, долго онѣ оставались вмѣстѣ—долго, иногда до поздней ночи.

Поздно! Поздно! Ужъ ночь проходитъ, огонь погасаетъ, ребенка, не согласившагося лечь въ постельку, смогаетъ сонъ около матери; молодая Кармелиха, въ печали и тоскѣ, закрываетъ лицо свое руками...

И такимъ образомъ время шло для нихъ, да шло, да шло, а онѣ ждали, да ждали, да ждали.

Однимъ вечеромъ сидѣли онѣ въ хатѣ, засвѣтивши огонь, какъ всегда, и думали тѣ же думы, и надѣялись тѣми же надеждами. Который уже это вечеръ и вечеромъ который уже разъ подумавши: „можетъ сегодня“? безмолвно онѣ тутъ сидѣли!

Какъ вдругъ двери отворились и онъ, ожидаемый, чаянный явился передъ ними!... Боже мой всемогущій! Боже мой великій!

На другой день въ селѣ все просыпалось и село наполнилось мирнымъ ежедневнымъ шумомъ и движеньемъ, и солнце ясно всходило,—и какъ всегда выходила молодая Кармелиха на работу, такъ и теперь вышла она. Вышла и посмотрѣла кругомъ,—посмотрѣла такъ, какъ будто все кругомъ приняло видъ другой, будто все измѣнилось,—и вдругъ запла-

кала обильными, жаркими слезами... Не отъ страданья были слезы тѣ, потому что, когда дочка къ ней кинулась, она такъ блаженно улыбулась дочкѣ, такая живая отрада, такое утѣшенье лучилось изъ хорошихъ очей, когда взглянула на дочку!

Вскорѣ Кармелиха продала свою хату, простилась со всѣми и покинула съ дочкой село.

Слышали отъ нея, что, можетъ, пойдетъ она въ ближній городъ и тамъ поселится, тоже, можетъ, доберется даже и до Кіева,—вѣрно никто не зналъ, куда она пошла, ни гдѣ она на житье осталась.

Правда, болтнулъ кто-то, что-то, гдѣ-то: будто бы видѣли молодую Кармелиху съ дочкою въ далекомъ одномъ глухомъ хуторѣ, гдѣ она себѣ кусокъ хлѣба зарабатывала; по другому же слуху молодая Кармелиха съ дочкою была въ городѣ и ходила тамъ на поденщину. Всѣ кто зналъ, всѣ жалѣли молодую, тихую женщину съ маленькою дочкою, вспоминая, какво было ихъ прежнее счастливое житье, да толкуя объ ихъ настоящей теперешней бѣдѣ, что и несчастье и бѣдность въ одно и то же время на нихъ пали—потому что съ той поры, какъ несчастье случилось, онѣ много истратили, да можетъ тоже и не такъ, какъ прежде когда-то, заботились, свое добро не такъ блюли тщательно...

Въ ихъ хатѣ хозяйничала другая семья, въ садикѣ были вырублены нѣкоторыя старыя деревья, посажены молодыя; въ огородѣ иные цвѣты были посѣяны въ эту весну.

Этою же самою весною повсюду опять разнесся слухъ, что снова появились разбойники Кармелюкова товарищества, что снова Кармелюкъ атамануетъ,—освободился, воротился. Бѣдные люди словно сдѣлались здоровѣй на лицѣ и не одинъ попадался тогда бѣднякъ горемыка на сколько ободранный, нищій по одеждѣ, на столько же богатый своимъ смѣлымъ и вѣрующимъ видомъ; не у одного тогда на лицѣ, изсушенномъ, сокрушенномъ нуждою лицѣ, играла усмѣшка вызывающая, блестя глаза бодро и живо...

А съ другой стороны богачи начали метаться, перепу-

гались, засуетились снова, стали собирать свои совѣты да на-
вѣты—всѣ суды взбударажили, щедро деньгами закупа я дѣя-
тельность судейскую—хотѣли они, жаждали опять Кармелю-
ка схватить и покрѣпче запереть, подальше заслатъ. И на-
чали опять рыскать за Кармелемъ; сыщики и ищики нача-
ли опять слѣдовать его. Не мало жъ и дѣла имъ было, по-
тому-что товарищество собралось теперь несравненно больше—
засѣло почитай-что по всѣмъ большимъ лѣсамъ и глубокимъ
оврагамъ, въ разныхъ уѣздахъ.

VIII.

Быль огромный лѣсъ не очень далеко отъ города и близ-
ко около маленькаго глухого хутора; этотъ лѣсъ темно зе-
ленѣлъ и свѣжо шумѣлъ. Если бы кто болтливый ходилъ
тутъ глухими, безлюдными дорогами, то рассказалъ бы какъ
часто встрѣчаетъ онъ тутъ молодую женщину съ маленькою
дѣвочкою. Молодая женщина шла съ кошикомъ въ рукахъ,
дѣвочка съ другимъ и, если спросить у нихъ: куда Богъ не-
сетъ? онѣ отвѣчали „за грибами“ или „за ягодами“ на про-
дажу въ городъ,—и въ самомъ дѣлѣ ихъ можно было видѣть
каждую недѣлю, черезъ каждыя три дня въ городѣ на база-
рѣ съ грибами или съ ягодами на продажу. Въ этомъ огром-
номъ лѣсу все было спокойно и еще никогда не слышно бы-
ло тамъ ни о какихъ разбояхъ.

Молодая женщина съ дѣвочкой входила въ лѣсъ и вдругъ
пропадала между деревьями, словно ужъ въ зеленой стѣнѣ—
легко и быстро,—не останавливаясь, знакомыми лѣсными хо-
дами и тропинками, доходили онѣ до прогалинки въ самой
гущѣ лѣса и тамъ садились отдыхать.

Въ дремучемъ лѣсу тихо, какъ въ церкви. Столѣтнія
деревья подпираются молодыми,—мощныя широкія ихъ вѣтви
лежатъ на молодыхъ гибкихъ верхушкахъ и гнутъ ихъ книзу
своей тяжелой силой, а кое гдѣ проскальзывала таки гибкая
вѣточка между ними и росла въ вышину, извиваясь и бро-
саясь изъ стороны въ сторону, словно пугаясь, какъ бы не

остановили, какъ бы не помѣшали. Между деревьями росли разные кустарники. Солнце западало туда только искорками и цвѣты тамъ распускались въ тѣни и прохладѣ. Калиновый и бузиновый цвѣтъ распускался вдвое бѣлѣе и крупнѣе; алый яркій шиповникъ цвѣлъ гораздо блѣднѣй и пышнѣй и пахъ слабѣе.

Тутъ молодая женщина съ дѣвочкою сидѣли и отдыхали, прислушиваясь. Никто и ничто не мѣшало имъ прислушиваться—ни птичка не порхала, ни вѣтеръ не вѣялъ—дремучій лѣсъ стоитъ тихъ и спокоенъ, темень и прохладенъ.

Тихо. Тихо, пока не захрустятъ легонько вѣтви и обѣ—женщина и дѣвочка—улыбнутся и встрепечутся, и явится человекъ, хоть блѣдный, задыхающійся, изморенный, голодный, запыленный, но прекрасный, какъ солнце. Тутъ его встрѣчали и ласкали; тутъ была для него готова пища и отдыхъ; тутъ его называли любимымъ и лелѣяли; тутъ молодая женщина пересказывала ему все, что она видѣла, слышала, думала и гадала; дѣвочка тѣшила его своимъ дѣтскимъ лепетомъ и иногда, случалось, приносила ему какое-нибудь лакомство, за которое онъ очень благодарилъ ее и улыбался ей; и клалъ онъ свою измученную голову молодой женщинѣ на колѣни и засыпалъ, а маленькая стража сторожила ревностно и бдительно, не поднимала пустой тревоги, во время знать давала, если что гдѣ опасностью грозило.

Проходило время пожертвованное, отмиренное на отдыхъ, прощались они также, какъ любились—съ болью, съ большимъ страданьемъ, но еще съ большею вѣрою и упованьемъ. Человекъ исчезалъ въ глубинѣ лѣса, молодая женщина съ дѣвочкой ворочалась въ городъ. Три дня и три ночи надо было переждать, пока опять можно въ лѣсъ пойти и тѣмъ временемъ молодая женщины ходила на поденную работу, оставляя дѣвочку одну въ хаткѣ. Какую-то крошечную, прилипнувшую къ горѣ хатку онѣ себѣ нанимали, почти за городомъ, неподалеку отъ рѣки.

Молодая женщина цѣлый день работала на поденщинѣ; дѣвочка, хоть небольшая, а не гуляла тоже: бралась воду

носить для старой сосѣдки, въ огородѣ у ней полоть. „Что за умница дѣвочка!“ каждый вечеръ говорила старая сосѣдка, глядя по головкѣ и давая грошикъ, другой въ крошечныя ручки—и потомъ шла въ свою хату на покой, пригласивши дѣвочку къ себѣ работать и на завтра. Дѣвочка выходила на берегъ, откуда виденъ лѣсъ и думала тамъ наединѣ съ самой собой, и гадала, и пѣла иногда пѣсню—ту пѣсню, что тато научилъ ее, держа въ своихъ объятьяхъ, прижимая ее къ себѣ, тамъ, въ зеленомъ дремучемъ лѣсу.

Повернувся я зъ Сибирі—нема жъ мині долі!
Хотя же я не въ кайданахъ, однакъ же въ неволі!
Слідять мене въ день и въ ночи, и всяку годину,—
Нігде мині подітися; відъ журби я згину!
Зібравъ собі жвавихъ хлопцівъ и що жъ мині зъ того?
Засідають по дорогахъ, ждуть подорожного.
Ой чи іде, чи не іде, дарма! треба ждати!
Ой прийдеться Кармелюку марно пропадати!
Зовуть мене розбійникомъ, кажуть розбиваю—
Я жъ никого не вбиваю, бо самъ душу маю!
Якъ що візьму зъ богатого, я вбогому даю,
А такъ гроши поділивши я грѣха не знаю!
Маю жінку, маю дитя—коли жъ я їхъ бачу?
Якъ згадаю про їхъ лихо, може самъ заплачу!
Пійшовъ же бъ я до їхъ въ село—красу мою знають:—
Куди тільки повернуся, то заразъ піймають.
Пришла туга до серденька—якъ у світі жити?
Світъ великій й розкішний, та нігде ся діти!
У неділю дуже рано у всі дзвони дзвонять,
Охъ, а мене Кармелюка, якъ звірюку гонять!
Нехай гонять, нехай ловлять, нехай загоняють,
Нехай мене Кармелюкомъ въ світі споминають!

По дорогѣ изъ города показывалась мать, встрѣчались онѣ и вмѣстѣ ворочались домой, разговаривая, вспоминая, или уповая, или горюя.

А между тѣмъ Кармелевы враги не дремали—велѣно вооружить сыщиковъ, приказано стрѣлять, когда нельзя живьемъ взять.

Много-много тѣхъ дней минуло, когда молодая женщина и дѣвочка каждый день встрѣчали всякое лицо—не несетъ ли оно страшной вѣсти, прислушивались къ каждому слову, не

скажетъ ли горькое извѣстіе. Много-много пережили онѣ такихъ дней, пока пришелъ тотъ день, въ который пронеслась по всему городу новость, точно стрѣла пролетѣла: Кармелюкъ раненый! Кармелюка везутъ!

И привезли его. И снова ему темная темница, разгнѣванные судьи, грозный судъ и осужденіе, тяжелые кандалы крѣпче, и ссылка, дольше и жесточе. Опять его встрѣтила и проводила шумная и шумящая толпа... Тогда нашлась его жена и дочка—какъ въ первый разъ простились съ нимъ, какъ въ первый разъ промолвила ему вѣрная жена: „будетъ, какъ прикажешь“, а дѣвочка цѣловала и плакала, а онъ уповалъ на лучшія времена; какъ въ первый разъ погнали ссыльную толпу по дорогѣ, и онъ скрылся изъ виду, и только придорожныя деревья вырѣзывались на ясномъ небѣ съ той стороны. Снова дальше и дальше его гнали, а жена съ дочкою тяжеле да тяжеле трудились и... и ждали.

Въ послѣдній разъ видѣли Кармелеву жену съ дочкой тогда, какъ въ послѣдній разъ слухъ пронесся, что Кармель освобожденъ опять, опять воротился—слухъ такъ и замолкъ,—и ни Кармеля, ни его жены, ни дочки уже послѣ никогда не отыскалось.

Куда они дѣлись? Какъ погибли? Никто до сей поры не вѣдаетъ.

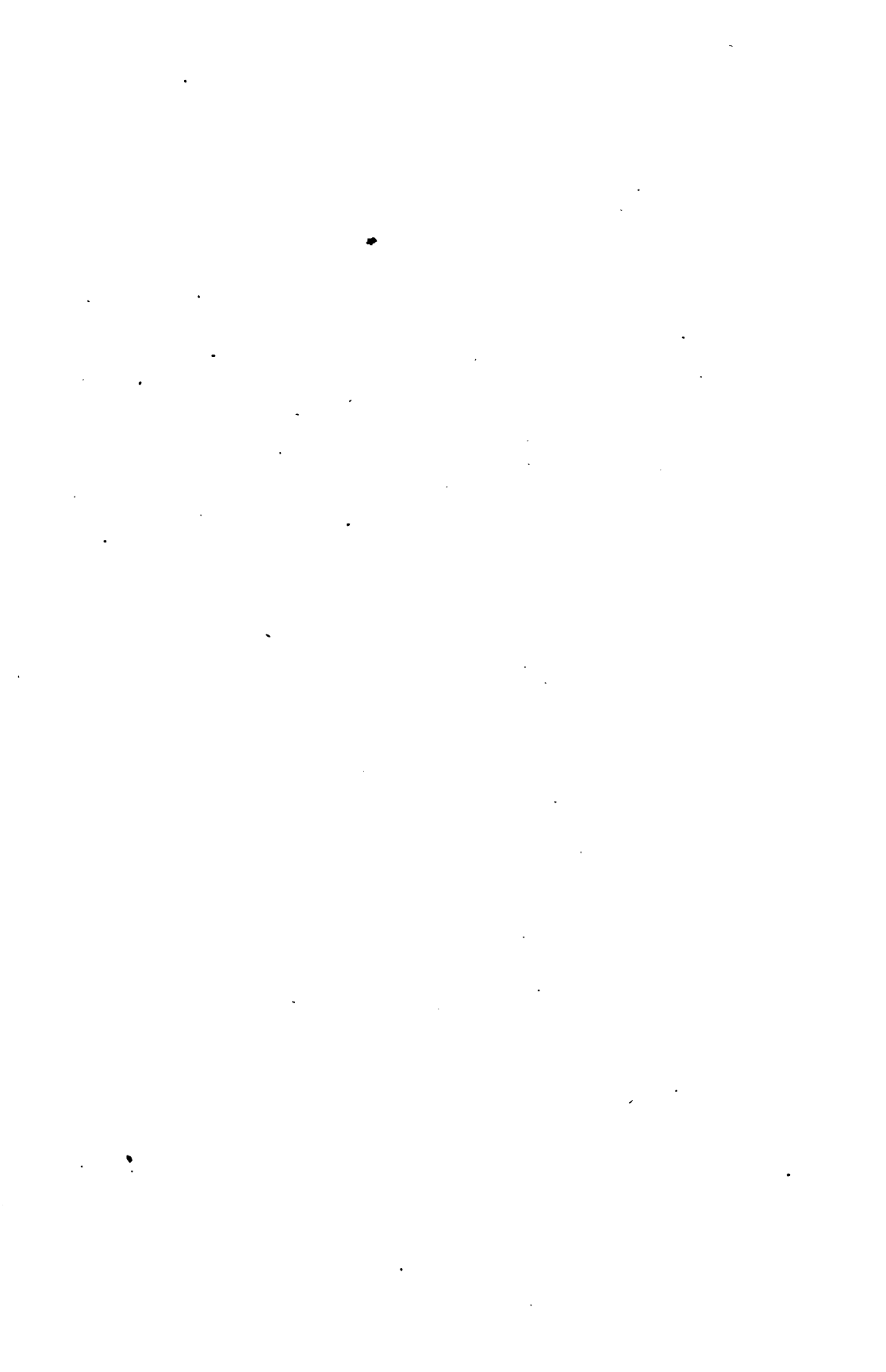
Исчезли они и пропали, какъ многое исчезаетъ и пропадаетъ на свѣтѣ—доброе, злое, вредное, благое, любовь и ненависть, сила и слава—только живительная память кое-гдѣ остается.

МАРУСЯ.

МАРУСЯ.

I.

То, что я расскажу вамъ, дѣялось давнымъ-давно на Украинѣ, въ самой глуши, и до сихъ поръ по свѣту еще не разнеслось. Старушка, которая мнѣ рассказывала, увѣряла, что будто въ глуши есть не мало честныхъ великихъ дѣлъ, все равно какъ пышныхъ цвѣтовъ. И говорила старуха,—а она была очень стара, прожила не мало на бѣломъ свѣтѣ, много кое-чего повидала и много кое-чего поиспытала,—ничто въ мірѣ не можетъ сравняться съ этими, въ тиши растущими, цвѣтами, ни съ этими, въ глуши таящимися, дѣлами. Вѣка идутъ, проходятъ, говорила она, а всегда одинаково пышные, свѣжіе цвѣты радуютъ взоръ своею прелестью, а тихія великія дѣла сладостно смягчаютъ сердце человѣческое.

Давнымъ-давно на Украинѣ стоялъ хуторъ, а въ этомъ хуторѣ жилъ козакъ Данило Чабанъ съ женою и съ дѣтьми.

Хуторъ этотъ, гдѣ они жили, таковъ, что лучшаго не пожелалъ-бы себѣ самый прихотливый человѣкъ. Достался онъ Данилу, перешедъ черезъ руки Богъ-знаетъ сколькихъ пра-дѣдовъ и прабабокъ, а вѣдь извѣстно всякому, что гдѣ поселится украинецъ съ украинкою, тамъ сейчасъ-же зацвѣтеть вишневый садикъ около бѣлой хатки, заблагоухаютъ всякіе цвѣты, разбѣгутся извивчивыя тропинки по степи и по роцѣ и раздадутся мелодическія пѣсни,—такъ можете вы себѣ представить, что за садъ это былъ, взлелѣянный столѣ-

кими поколѣньями Чабановъ, каково обилѣ цвѣтовъ, сколько избранныхъ мѣстечекъ и въ степи, и въ лѣсу, и на лугу по сосѣдству, и что за богатство пѣсень.

Кромѣ того, самъ Богъ счастливо помѣстилъ этотъ хуторъ между степью и лѣсомъ, рѣкою и лугомъ, горою и долиною: съ одной стороны степь убѣгала изъ глазъ, зеленая, безбрежная, пахучая, волнующаяся переливными волнами зелени; съ другой стороны возносились горы, то убранныя въ деревья, въ мягкую мураву, то каменистыя и обнаженныя. Прелестная долина, совсѣмъ уединенная, безъ слѣдовъ и дорогъ, какъ-то блаженно цвѣла себѣ съ третьей стороны—а съ четвертой катилась рѣка, то по лугу, вровень съ мягкими берегами, отражая въ своихъ водахъ одно небо съ его свѣтилами, да гирлянды гибкихъ камышей, то вдругъ попадалась между двухъ скалистыхъ утесовъ и шумѣла подъ ихъ громадною аркою.

Боже! какъ хорошо бывало въ лѣтнее утро, когда солнце всходило, лугъ сверкалъ подъ росистыми каплями и выпархивали птицы, притаившіяся въ камышахъ, и легкая пелена тумана казалась надъ рѣкою!—Боже! какъ сладки бывали въ безмятежной долині, при первыхъ лучахъ солнца, первыя утреннія благоуханія травъ и цвѣтовъ! А освѣженные ночью тишиною горы, позлащенные утреннимъ свѣтомъ и блескомъ! А тихо шелестящіе лѣса! А степь безграничная, вся въ тѣняхъ и разливахъ свѣта!

Это утро,—а день какой! День, когда все въ природѣ проснулось, живетъ въ полномъ разгарѣ свѣта, жизни и дѣятельности! Какъ шумѣли тогда свѣжіе лѣса и какъ сіяла безмятежная долина! Какъ нѣжила роскошная степь, и что творилъ съ человѣческою душою ропотъ глубокой рѣки, соединенный съ трепетомъ звонкихъ камышей!

А вечеръ? Тихій, розовый вечеръ, обнимающій землю темнотою и прохладой! А выступающія звѣзды и всходящій мѣсяцъ—полоса луннаго свѣта по темной степи,—часть лѣсной опушки, посребренная сіяніемъ,—чашечки ночныхъ цвѣтовъ въ долині, мягко освѣщенные луннымъ лучомъ,—свер-

кающія изъ рѣчной глубины и струящіяся въ текущихъ струяхъ звѣзды, одна гора, вся помраченная, другая вся освѣтлѣвшая, и ясный огонекъ въ хаткѣ, потонувшей въ серединѣ цвѣтущаго сада!

И кромѣ этого благодатнаго сосѣдства мягкаго луга съ глубоководною рѣкою, величавыхъ горъ и цвѣтущей долины, шумящаго лѣса и волнующейся степи, было еще доброе сосѣдство хорошихъ людей козацкаго рода.

Каждый праздникъ ужь непременно или сами Чабаны выбирались въ гости, или надо было имъ приглядываться и узнавать, кто это подвигается по степовой дорогѣ къ хаткѣ: Семень-ли Ворошило или Андрій Крукъ; или надо было выходить навстрѣчу, слышавъ по долинѣ звонкій говоръ веселой и миловидной дѣвушки Ганны, появляющейся впереди другихъ дѣвушекъ и молодежи, въ исполинскомъ яркомъ, только-что по дорогѣ сплетенномъ, вѣнкѣ на головкѣ; или надо было ждать на берегу, пока приближалась утлая лодочка Ивана Грима.

Да что проку перечислять всѣхъ друзей и пріятелей, и къ чему рассказывать всѣ ихъ увеселенія и забавы, пріятныя встрѣчи, дорогія свиданья, ласковыя разставанья? Вчужѣ самая милая забава можетъ показаться самою скучною, самая большая радость непонятною—это извѣстно, и извѣстно тоже, что иногда никакія заманчивыя игры и ликованья не сравнятся съ тихою бесѣдою добрыхъ знакомыхъ людей, и никакія краснобайчивыя рѣчи не замѣнятъ молчаливаго сообщества надежнаго, вѣрнаго друга. Мнѣ кажется, лучше всего будетъ просто сказать, что на хуторѣ житье было очень хорошее, такое хорошее, что никому и въ голову не приходило его въ чемъ-нибудь измѣнить, ни у кого не являлось желанія чѣмъ-нибудь его украсить.

Но жизнь человѣческая, какъ говорится, не прямоѣзжая ровная, гладкая дорога. Охъ, сколько рытвинъ, пропастей и всякихъ напастей!

И вотъ по Украинѣ стали носиться недобрые слухи, а что еще и того хуже, стали твориться недобрыя дѣла.

Чѣмъ цвѣтокъ душистѣе и свѣжѣе, тѣмъ быстрѣе протягиваются руки къ цвѣтку, и „за его прелесть срывають его“,— хороша была Украина, и вотъ татары и прочіе разные враги льнули къ ней и раздирали ее, соперничая другъ съ дружкой въ обманѣ, ненасытности и предательствѣ.

Много было кровавыхъ, грозныхъ сѣчь, трудныхъ переворотовъ, печальныхъ и ужасныхъ событій,—о нихъ долго бы рассказывать.

При Богданѣ Хмельницкомъ,—я надѣюсь, что вы всѣ слышали и знаете немножко, что за гетманъ былъ Богданъ Хмельницкій?—при Богданѣ Хмельницкомъ Украина, какъ-будто, пріотдохнула, но послѣ его смерти такія смуты опять наступили, такія бѣды, что, говорятъ, тогда самые грозные глаза плакали и самыя мудрыя головы кружились.

Народъ украинскій раздѣлился на партіи: кто стоялъ за великороссовъ, кто за поляковъ, кто за дружбу съ татарами. Какъ всегда почти, къ сожалѣнію, бываетъ, къ общимъ дѣламъ примѣшались частныя дѣлишки, возникли ссоры, распри и въ концѣ концовъ вышло по пословицѣ: запрягли-то и прямо, да поѣхали криво.

II.

Разъ ввечеру собрались гости у Данилы Чабана. Вечеръ былъ тихій, темный, гости были задумчивы и смирны, хозяйева не хлопотливы и не веселы. Больше мѣнялись взглядами, чѣмъ словами. Всѣхъ, кажется, занимали однѣ и тѣ же мысли, всѣхъ тяготили однѣ и тѣ же заботы. Изрѣдка обращались къ Андрію Круку съ вопросами о городѣ Чигиринѣ, и если рѣчь велась, то велась она все о томъ же городѣ Чигиринѣ.

Видно было, что Андрій Крукъ хорошо зналъ этотъ городъ: онъ отвѣчалъ безъ запинки и точно рисовалъ своимъ рассказомъ и стѣны чигиринскія, и улицы, и крѣпостные валы.

Женщины тоскливо прислушивались къ мужскимъ раз-

говорамъ, а когда разговоры эти умолкали и клубы дыма начинали обвивать усатые лица, онѣ тихо перешептывались. Въ ихъ шепотѣ все слышалось о разныхъ битвахъ, о спаленныхъ городахъ, о разоренныхъ селахъ, о павшихъ въ сѣчѣ людяхъ. Безпрестанно женскія лица блѣднѣли, безпрестанно слезы сверкали на глазахъ.

Одна старуха сидѣла, точно изваянная, неподвижно, изрѣдка только, когда всё умолкали, она, какъ бы очнувшись, говорила:

— Мои оба пошли. Я сама снаряжала!

— Твой тоже ушелъ? тихо спросила одна молодая дѣвушка, судя по блѣдности лица и лихорадочному оживленію, сама недавно проводившая „своего“, у подруги.

— Ушелъ. Вчера ввечеру мы...

Она хотѣла что-то рассказать, но губы у ней задрожали и помертвѣли—она ничего не рассказала, и подруга ее больше не спрашивала.

Дѣти не возились, не рѣзвились, а ютились гдѣ-нибудь въ уголку и, съ омраченными личиками, тоже думали свои думы, или, усѣвшись около стариковъ, настораживали уши и, казалось, ловили всё взгляды и запоминали всё слова.

Одна только крошечная гостья, съ бѣлокудрою головкою, съ огромнѣйшими блестящими глазами и съ яркими губками, была совершенно предана своему дѣлу: отъ усердія и заботы она даже высунула остренькій язычокъ и, сбочивъ головку, вязала какіе-то снопики изъ травы.

Все больше вечерѣло и въ хатѣ все больше утихало. Уже крошечная гостья, выпустивъ изъ рученокъ снопики, сама снопикомъ лежала около ногъ матери, обѣтая крѣпкимъ сномъ, завѣсившись спустившимися прядями свѣтлыхъ кудрей.

Было темно на дворѣ, и стало очень тихо въ хатѣ.

Вдругъ постучались въ хатное окошечко...

До того это было неожиданно, что сначала никто не повѣрилъ своимъ ушамъ. Но стукъ повторился опять и опять, и повторился очень отчетливо, ясно, громко.

Хозяинъ поднялся съ своего мѣста и пошелъ отворять двери; его гости и пріатели раскурили съ прежнею невозмутимостію трубки; женщины заволновались, дѣти встрепенулись.

Данило пріотворилъ двери и спросилъ, кто стучится. Ему отвѣтилъ такой голосъ, отъ раскату котораго запѣло хатное окошечко, что прохожій де человекъ, усталый странникъ, просить позволенія отдохнуть у ласковаго хозяина.

Данило на это отвѣтилъ: „милости просимъ!“ и, распахнувъ двери настежь, пригласилъ странника войти.

Въ распахнутыя двери ворвалась струя пахучаго вечерняго воздуха и на мгновеніе сверкнуло нѣсколько слабосіяющихъ звѣздъ, потомъ двери заслонила собою исполинская человѣческая фигура, во всѣхъ углахъ отдалось и прогудѣло „помогай Боже“, и, низко наклонивъ голову, бокомъ пронесши могучія плечи, вошелъ въ хату странникъ:

Будь въ хатѣ люди съ болѣе шаткимъ, съ менѣе невозмутимымъ нравомъ, они навѣрно бы потерялись и не знали бы какъ принять этого странника. Хотя на Украинѣ не въ диво могучая и блистательная козацкая красота, не скоро бы, однако же, нашелся ровня вошедшему къ Данилѣ Чабану страннику. Этотъ высоченный ростъ при удивительной стройности и змѣиной гибкости, это загорѣлое суровое лицо съ огненными очами, чуткость и вниманье ко всему, и, виѣстъ съ тѣмъ, свободное, невозмутимое спокойствіе хоть кого заставили бы вздрогнуть.

Но въ хатѣ у Данилы собрались все люди неподатливые на переполохи, и потому усталый странникъ былъ принятъ, какъ подобаетъ усталому сраннику: его привѣтливо просили садиться и радушно угостили чѣмъ Богъ послалъ.

Странникъ отличался и простотою, и скромностью, и добротичіемъ, и благоприличіемъ. Какъ человекъ переходжій и никому здѣсь неизвѣстный, онъ себя вовсе и не выдвигалъ на видъ и на показъ, а также не впивался онъ любопытными взглядами во всѣ уголки хозяйской хаты, не вывѣдывалъ

хитрыми, не испытывалъ вѣтренными вопросами о житьѣ-бытьѣ хозяйскомъ,—вовсе нѣтъ. Ничуть. Странникъ, если велъ рѣчи, то все велъ рѣчи общія, всѣхъ тогда занимавшія и волновавшія: о непріятельскомъ хищничествѣ, о разореніи и опустошеніи Украины, о видѣнныхъ имъ по пути грабежахъ и буйствахъ; спросилъ хозяина, мирно ли пока у нихъ и безопасны ли окружныя дороги.

Хозяинъ и хозяйскіе гости, съ своей стороны, показали себя примѣрно: глядя на такого странника, вѣрно имъ приходили въ голову вопросы, отъ которыхъ до смерти чесался языкъ: откуда онъ, странникъ, явился и куда путь держить? Сколько онъ перешагнулъ горъ и долинъ, пока утомилъ свои мощные члены? По обѣту ли странствуетъ онъ, по нуждѣ или по прихоти? Гдѣ онъ родился и крестился, что говорить о невѣрномъ туркѣ, какъ о не разъ ловленномъ звѣрѣ, о полякахъ, какъ о не разъ испытанныхъ панахъ, о москаляхъ, какъ о не разъ извѣданныхъ боярахъ? Знаетъ онъ, кажись, немножечко и Сѣчь Запорожскую, повидалъ и всю Украину изъ конца въ конецъ.

Но никто не побеспокоилъ странника, а себя не унижилъ ни лукавымъ, ни прямымъ вопросомъ. Разговаривая, только глядѣли на него, на его сельскую одежду, да соображали про себя, гдѣ та мирная нива, воздѣланная его руками, на которой онъ приобрѣлъ себѣ шрапище черезъ всю щеку, отъ горбатого носа до чуткаго уха.

Однако, чѣмъ дальше шла бесѣда, тѣмъ странникъ становился разговорчивѣе: вѣроятно, ободренный общимъ вниманіемъ и безмолвнымъ участіемъ, онъ принялся описывать съ такою живостью и яркостью недавнія битвы, что всѣ притаивали дыханье, точно присутствовали сами зрителями при настоящихъ сѣчахъ. На видъ невозмутимые козаки вспламенились; женщины вскрикивали и плакали; дѣти, потерявъ всепобѣждающій сонъ, съ полуотверстыми ротиками, съ широко-раскрывшимися глазами, не шевелились на своихъ мѣстахъ, словно зачарованные.

Вдругъ рѣзко раздался два пистолетные выстрѣла одинъ

за другимъ. Все въ хатѣ смолкло и наострило слухъ. Выстрѣлы прокатились откуда-то изъ степной дали и прежняя безмятежная тишина наступила. Молчаніе длилось, но больше ни единого звука не донеслось, кромѣ вѣянья душистаго воздуха въ цвѣтущихъ вѣтвяхъ сада, обступавшаго со всѣхъ сторонъ хату.

— И до вашего хутора долетаетъ голосокъ! проговорилъ странникъ.

— Это никакъ съ чигиринскаго шляху? промолвилъ Андрій Крукъ.

— Слышно отовсюду! сказалъ хозяинъ.

Въ это время женщины стали тихо прощаться съ хозяйкою, собираясь по домамъ. Иныя вели, иныя несли дѣтей. Между женщинами были и старыя, и молодыя, и совсѣмъ юныя, но всѣ ихъ разнородныя лица, когда яркій свѣтъ освѣтилъ ихъ при прощаньѣ, выражали тысячью разнородныхъ выраженій одну и ту-же непреклонную волю, которая огненными чертами отпечатлѣвалась на лицахъ мужчинъ. Потопленная въ душисто-цвѣтущемъ саду хата, гдѣ трепещущій свѣтъ каганца отбрасывался на усатыхъ лицахъ, на порогѣ полуоткрытой двери фигура хозяина, провожающаго глазами удаляющіяся фигуры гостей, тихо исчезающихъ по окружнымъ тропинкамъ, дворъ, соединяющійся со степью, нигдѣ заборовъ, ни оградъ, кромѣ шелестящихъ деревьевъ—это представляло, казалось, мирную сельскую картину, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, картина эта тоже дышала, если можно такъ выразиться, какою-то особою, безсмыслною и тихою, но грозною силою.

Изъ гостей остались только Андрій Крукъ и Семень Ворошило.

III.

— А каково теперь пробираться къ Чигирину? спросилъ странникъ, понижая голосъ, какъ человѣкъ невольно дѣлаетъ въ опасныя времена, заводя рѣчь о чемъ-нибудь для себя важномъ.

— Да, труденько, отвѣчалъ хозяинъ.—Повсюду польскіе отряды...

Хозяйскіе пріатели безмолвно выпустили изъ устъ по огромному клубу дыма, причемъ слегка приподнялись ихъ густыя брови, и все это вмѣстѣ безъ словъ краснорѣчиво выразило, что мнѣніе ихъ совершенно согласно съ мнѣніемъ хозяина.

Глаза странника устремились на собесѣдниковъ и переходили съ одного невозмутимаго лица на другое.

Одинъ взглядъ этихъ огненныхъ, зоркихъ глазъ говорилъ, сколько пережито уже имъ опасностей, сколько перебыто трудностей и каковъ есть навыкъ къ встрѣчѣ съ бѣдою, какова ловкость въ борьбѣ съ напастью.

— А мнѣ путь прямо въ Чигиринъ, сказалъ странникъ.

— Теперь туда прямо и ворона не пролетитъ, замѣтилъ Андрій Крукъ.

— А далеко до Чигирина? спросилъ странникъ.

— Лучше-бъ *далеко*—*да легко, а то близко, да склизко!* отозвался Ворошило, а Андрій Крукъ пристальнѣй поглядѣлъ на странника, а хозяинъ на Андрія Крука.

— Нашему брату, страннику, не разбирать дорогъ, отвѣчалъ странникъ:—хоть часомъ дорожка лежитъ и докученькая, а берешь ее... Отрада, если добрый товарищъ встрѣтится, панове! Я, скажу вамъ, былъ у меня добрый товарищъ—была у меня съ нимъ и добрая рада, и щирая правда!

При послѣднихъ словахъ странника что-то особое мелькнуло на лицахъ его слушателей.

— Конечно, сказалъ хозяинъ,—доброе братство лучше великаго богатства!

— Хороши у поляковъ паны, у турокъ султаны, у москалей ребята, а у насъ братья! сказалъ Андрій Крукъ.

— Да не всякаго пана познать по жупану! сказалъ Ворошило.

— Плохой тотъ попъ, что угадываетъ праздники тогда, какъ минули! отвѣчалъ странникъ, обводя ихъ своими искрометными глазами.

Ему отвѣчали не менѣе говорящими взглядами.

Нѣсколько времени длился этотъ нѣмой разговоръ, но до того краснорѣчивый, что послѣ него и словъ не понадобилось: другъ друга признали.

— Съ Сѣчи товарищи поклонъ шлютъ! сказалъ странникъ:—а меня посломъ въ Чигиринъ.

— Мы вамъ вѣрные друзья и слуги! отвѣтили ему козаки въ одинъ голосъ.

— Что новаго? спросилъ сѣчевикъ.

— Да одинъ поладилъ было съ Москвою, а другой съ Польшею переговаривается, турковъ на помощь призвалъ. Тяжкія времена!

Глубокое уныніе омрачило козацкія лица. Горестъ, прикрытая наружною безмятежностью, вырвалась наружу и высказалась во всей своей мощи.

— Миѣ надо пробраться въ Чигиринъ, сказалъ сѣчевикъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Всѣ дороги перерѣзаны.

— А Гунинь ходъ?

— У нихъ въ рукахъ!

Сѣчевикъ призадумался, но видно было, что его не обманутая надежда огорчала, не пугала трудность, а что онъ просто прибиралъ въ умъ новые средства и способы, какъ лучше достичь предположенной цѣли.

— Слушайте, товарищи, сказалъ онъ подумавъ:—миѣ надо пробраться въ Чигиринъ до Петра Дорошенка. Дѣло идетъ тутъ не объ одной головѣ, а идетъ дѣло объ цѣлой Украинѣ... Если опоздаю въ Чигиринъ, то...

Тутъ сѣчевикъ оглянулся на всѣ стороны.

Хозяйки не было въ хатѣ, дѣти поснули сидя, и онъ уже хотѣлъ, было, продолжать свою рѣчь далѣе, какъ вдругъ встрѣтилъ устремленные на него глаза, словно два огромные алмаза, горящіе участіемъ и вниманіемъ. Глаза эти сіяли изъ темнаго неосвѣщеннаго угла хаты, и только всмотрѣвшись хорошенько, сѣчевикъ распозналъ уютившуюся тамъ граціозную фигурку дѣвочки, неподвижно рисовавшуюся въ

тѣни: какъ она оперлась на сложенные ручки, вытянувъ головку, устремивъ глаза, такъ и замерла, словно, заслушавшись.

— Это моя маленькая дочка, сказалъ хозяинъ, оглянувшись по направленію глазъ сѣчевика.—Маруся, подойди сюда!

Маруся подошла къ отцу. Свѣтъ ярко ударилъ ей прямо въ личико и разсыпался по всей ея стройной фигуркѣ. Это была настоящая украинка-дѣвочка, съ темными бархатными бровями, съ загорѣлыми щечками, въ вышитой рубашкѣ съ широкими рукавами, въ синей запаскѣ и въ червонномъ поясѣ. Густые русые волосы, сплетенные въ косы, и въ косахъ слегка кудрявились и блестѣли, какъ шелкъ. На головкѣ былъ вѣнокъ цвѣтовъ, изъ которыхъ иные уже поуявили, иные еще сохраняли свою свѣжесть и слабо пахли.

— Маруся! сказалъ отецъ,—что ты слышала изъ нашего разговора?

— Все, отвѣчала Маруся.

— А что?

Марусины глаза обратились на сѣчевика.

— Надо въ Чигиринъ, промолвила она:—надо до пана гетмана...

— Слушай, дочка, сказалъ отецъ медленно и тихо:—что ты слышала, не говори ни одной душѣ живой, какъ будто бы ты и не слыхала. Понимаешь?

— Понимаю, тато! отвѣчала Маруся.

Отецъ не повторилъ наказу и Маруся не давала никакого общанья, но въ непоколебимой вѣрности дѣвочки никто не усумнился.

— Не надо тебѣ слушать нашихъ рѣчей, Маруся, сказалъ Данило.—Поди, покличь мать изъ саду; скажи ей, что братья послули.

Маруся покорно пошла къ двери, но въ эту минуту вдругъ послышался лошадиный топотъ; скакалъ, какъ-будто, цѣлый отрядъ конныхъ, слышались разнотонные крики грубыхъ голосовъ и блѣдное, какъ смерть, лицо хозяйки показалось въ дверяхъ.

— Скачутъ конные... отрядъ... проговорила она.—Прямо къ нашей хатѣ... вотъ они...

— Пропало все дѣло! глухо воскликнулъ Данило.

Сѣчевикъ уже былъ на ногахъ и держалъ въ рукахъ шапку. Козаки стояли молча. Суматохи не было ни малѣйшей, но видно было, что мысли страшно работали въ каждой головѣ и что тысячи плановъ и намѣреній перевертывались у всякаго въ умѣ.

Хозяйка затворила дверь со двора въ сѣни и изъ сѣней въ хату и стояла, не сводя глазъ съ мужа, въ ожиданіи приказанья и распоряженья.

Около нея, такъ же блѣдна и въ такомъ же смятеніи стояла Маруся.

— Вы спите! проговорилъ Данило, обращаясь къ козакамъ.—Ты работай, шей! сказалъ онъ женѣ.—Я пошелъ къ товарищу еще засвѣтло... Козаки пришли воловъ поглядѣть, торгуютъ у меня...

— Есть выходъ изъ свѣтлицы въ степь, обратился онъ къ сѣчевнику:—иди за мною!

Все это было быстро сказано, а вслѣдъ за сказаннымъ исполнено быстрѣе, чѣмъ можно разсказать словами.

Въ одно мгновеніе оба козака лежали на лавкахъ, погруженные въ завидный сонъ, подложивъ подъ головы люльки и шапки; свѣтъ игралъ на ихъ лицахъ, нисколько не тревожа ихъ крѣпкаго сна, дыханье ихъ было такъ мѣрно, что по немъ можно было, какъ по часамъ, считать время; хозяйка сидѣла за работою, Маруся тоже, и обѣ прилежно погрузились въ мудрости узорчатыхъ рукавовъ.

Данило съ сѣчевикомъ быстро перешагнули темныя сѣни, отворили и затворили за собою дверь свѣтлицы.

IV.

Между тѣмъ, прискакавшій отрядъ былъ уже у крыльца; храпѣнье лошадей, переговоры всадниковъ отчетливо были слышны въ хатѣ; потомъ нѣсколько человѣкъ спѣши-

лось, потомъ раздался наглый стукъ въ двери и грубый голосъ закричалъ:

— Эй, вы!... открывайте!

Не успѣла хозяйка встать и спросить, кто тамъ, какъ двери чуть не слетѣли съ петель отъ повтореннаго стука и разбитое стекло съ звономъ посыпалось въ хату вмѣстѣ съ вышибенною рамою. Жесткоусая, широкоскулая образина заглянула въ окно, быстро, недовѣрчиво и подозрительно все обозрѣла и крикнула:

— Чего не открываешь?.. Чего не открываешь?...

Хозяйка выпустила изъ рукъ работу, но еще стояла на одномъ мѣстѣ въ нерѣшимости.

— Отворяй! закричало вдругъ нѣсколько угрожающихъ голосовъ и двери такъ задрожали подъ ударами, что вся хата содрогнулась.

Хозяйка отворила дверь. Ватага иноземныхъ солдатъ ворвалась въ хату и съ шумомъ и гамомъ кинулась шарить по всѣмъ угламъ.

Хозяйка, собравъ около себя маленькихъ дѣтей, внезапно разбуженныхъ, пораженныхъ страхомъ и изумленіемъ и жадно слѣдящихъ за всею суматохою глазами полными слезъ, стояла въ сторонѣ и безстрастно глядѣла, какъ все ея домашнее убранство, вся ея хозяйственная утварь валилась, билась и уничтожалась.

Между тѣмъ, какъ одни пристали съ допросами къ Андрію Круку, который зѣвалъ во весь ротъ вмѣсто всякаго отвѣта и, словно опьянѣлый отъ сна, качался изъ стороны въ сторону, какъ качается свитка, перекинутая черезъ жердь въ вѣтряную погоду, другіе толкали подъ бока Семена Ворошила, которой приподнимался, взглядывалъ на нихъ, принималъ ихъ то за кума Герасима, то за кума Евдокима и опять падалъ на лавку, точно подстрѣленный.

— Это онъ! Онъ самый!.. Нѣтъ, не онъ!.. Нѣтъ, онъ!.. кричала военная ватага, споря между собою и теребя обоихъ козачковъ.

— Гдѣ хозяинъ?.. Подавай хозяина! кричалъ, выходя изъ-себя, начальникъ, повидимому, ватаги.

— Съ утра къ пріятелю ушелъ въ гости, отвѣчала хозяйка.

— Въ гости?.. Дамъ я вамъ гости! Измѣнники! Матежники!.. Что это за люди?

И онъ, вмѣсто указки, ударилъ со всего размаху нагайкою прежде Крука, потомъ Ворошила, и съ такимъ видомъ подступилъ къ хозяйкѣ, что она подалась назадъ, какъ передъ разсвирѣпѣвшимъ звѣремъ.

— Знакомые люди, отвѣчала она, послѣ этого невольнаго движенія снова одолѣвая свое смятеніе.—Они пришли воловъ торговать у насъ,—дожидаются мужа.

— Такъ, такъ, ваша милость, отозвался Андрій Крукъ, вставая и отряхивая, повидимому, послѣднія грезы,—мы пришли воловъ торговать и не застали хозяина. Что-жъ, говорю я куму,—вотъ ему, объяснилъ онъ, указывая на Ворошила, который тоже отрясъ грезы и смиреннѣйше поводилъ глазами по всѣмъ лицамъ, избѣгая встрѣчи съ устремлявшимися то на него, то на Крука со всѣхъ сторонъ взглядами.—Что-жъ, кумъ, говорю я ему... Нѣту, кумъ, хозяина дома, а?.. Нѣту—такъ нѣту. На нѣтъ и суда нѣтъ...

— Перестань болтать, глупый мужикъ! Хитрецы! предатели! знаемъ мы васъ! Перевязать ихъ! крикнулъ онъ своимъ и тѣ въ ту же минуту бросились на козаковъ, словно коршуны.

Въ это самое время дверь отворилась и въ хату вошелъ Данило.

— Кто такой? закричалъ начальникъ, бросаясь на него.

— Да когда-то люди здѣшнимъ хозяиномъ звали, отвѣчалъ Данило.

— Гей! вы! стоитъ ли караулъ около двора? Не дремать! слышите?

— Если ты дорожишь своею жизнью, началъ онъ, обращаясь къ стоявшему передъ нимъ Данилу:—отвѣчай мнѣ сейчасъ же безъ увертокъ: гдѣ матежникъ-запорожецъ? Отвѣчай прямо!.. Или я тебя сотру въ порошокъ!

Все это было сказано надменно и крикливо. Данило по-

глядѣлъ на стоявшую передъ нимъ довольно тучную фигуру, едва достигающую ему по плечо козацкое, и отвѣтилъ спокойно:

— Не знаю никакого мятежнаго запорожца!

— Я хату твою испепелю! Я у тебя бревна на бревнѣ не оставлю! Слышишь?

— Ваша воля и ваша сила! такъ-же покойно отвѣчалъ Данило.

— Да не уйдетъ онъ отъ насъ! Стоить-ли изъ-за этого горячиться! сказалъ другой, тоже, повидимому, офицеръ, съ самаго своего появленія усѣвшійся на лавкѣ и курившій трубку съ янтарнымъ мундштукомъ.—Мы вѣдь почти съ утра не ѣли! прибавилъ онъ съ протестующимъ, хотя кроткимъ вздохомъ.

— Что есть съѣстного? закричалъ гнѣвный старшой, внезапно и яростно начиная кидаться изъ стороны въ сторону и нюхать воздухъ.—Что есть? Подавай сюда! Живо! Подавай!

И онъ топалъ ногами и колотилъ своею саблею по столу.

— Жинка! проговорилъ Данило:—поспѣшай съ вечерюю.

Хозяйка быстро принялась за сборы къ угощенію. Глаза ея обѣжали всю хату, всѣ уголки, будто ища кого-то и, казалось, нѣкоторая тревога промелькнула на ея безстрастномъ лицѣ.

Она искала глазами Маруси и теперь только замѣтила, что дѣвочка незамѣтно исчезла во время суматохи.

V.

Чудесная, темно-голубая, прозрачная, теплая ночь таинственно звѣздилась, когда Маруся поспѣшно выскользнула изъ хаты, проползла подъ кровомъ стелющихся по землѣ вѣтвей цвѣтущей калины и очутилась въ саду. Тутъ ее скрыли кудрявыя яблони и густыя, какъ сѣть, черешни.

Тутъ она стояла, унимая бѣненіе сердца. Каждая ея жилка билась, ноги подламывались подъ нею, мысли роились и

мѣшались; какіе-то сверкающіе образы носились передъ глазами, а изъ глазъ струились горячія слезы, исторгаемыя новою, дотолѣ невѣданною сердечною скорбію, перемѣшанною съ какою-то восторженною надеждою.

Свѣжій ночной воздухъ привелъ ее въ себя, наконецъ, и слезы пріостановились, и мысли приняли строй.

Все было вокругъ такъ душисто и свѣжо, и цвѣтуще! Все такъ мило и близко душѣ! Вся преисполненная любовью и горемъ, она склонилась и жарко стала цѣловать травы, цвѣты, склонявшіяся вѣтви, обращая туда и сюда глаза свои, выражая всѣмъ существомъ своимъ и недоумѣнье, и беззавѣтную преданность чему-то, несовсѣмъ еще ясно усвоенному, уразумленному, но уже поглотившему всю душу.

Легкій шелестъ между деревьевъ обдалъ ее холодомъ и жаромъ. Она припала къ землѣ и ея бѣлая фигурка утонула въ бѣлоцвѣтущихъ вѣтвяхъ.

Все снова затихло.

Она оставалась нѣкоторое время неподвижна среди этого безгласнаго сада, подъ мягкимъ свѣтомъ и мерцаніемъ звѣздъ, при спокойномъ благоуханѣ цвѣтовъ и травъ—все было около нея тихо и долетавшія со двора восклицанья рѣзко дрожали въ тепломъ воздухѣ.

Она уже хотѣла, было, устранить прикрывавшія ее вѣтви, какъ снова легкій шорохъ, тотъ самый, что и прежде, пролетѣлъ и какъ разъ передъ нею поднялась громадная фигура сѣчевика между двухъ высокихъ черешень.

Марусино сердце радостно вздрогнуло и, вслѣдъ затѣмъ, тоскливо и пугливо затрепетало.

Постоявъ нѣсколько минутъ, сѣчевикъ двинулся дальше—видимо онъ пробирался къ выходу изъ сада со стороны рѣки. Исполинская его фигура была точно тѣнь исполинская, такъ легко, такъ безшумно и ловко скользила она между густо и тѣсно свивающихся черешень и кудрявыхъ яблонь: ни шелесту не было слышно, ни колебанья не было видно.

Не отдавая себѣ отчета, почему и зачѣмъ, Маруся про-

биралась слѣдомъ за сѣчевикомъ, иногда только приостанавливаясь отъ сильнаго сердечнаго біенья и замиранья.

Такъ они оба минули весь садъ, перебрались за ограду изъ живой вьющейся и ползучей зелени и очутились надъ рѣкою.

Рѣка колыхалась въ берегахъ съ какимъ-то беспокоющимъ ропотомъ. Прибрежные камыши серебрились во мракѣ; золотыя звѣзды мигали въ волнахъ и сверкали въ небѣ. У ракиты, потопившей нижнія вѣтви въ рѣкѣ, привязана была лодочка, хрупкая и легкая, какъ скорлупка. Прилежащій лугъ, горы—все было преисполнено тишины, теплоты и прозрачной теплой мглы.

Тутъ сѣчевикъ снова остановился, посматривая во всѣ стороны и соображая, какъ вдругъ услышалъ за собою дѣтскій тихій голосокъ и въ ту же минуту почувствовалъ прикосновеніе дѣтскихъ нѣжныхъ ручекъ. Онъ обернулся, какъ человѣкъ, котораго ничто не въ силахъ ни увидить, ни поразить, и увидалъ передъ собою Марусю.

— А что, дѣвчина? спросилъ онъ ее такъ ровно, словно и въ заводѣ не бывало никакого лиха, ни напасти.

Но Маруся не могла вымолвить слова и, только ухватившись за его руку, обращала къ нему съ мольбою глаза.

Однако, эти глаза говорили такъ краснорѣчиво и много, что сѣчевикъ погладилъ ее по головкѣ. Что-то похожее на ласковую нѣжность, на сострадательное участіе выразилось въ его склонившейся фигурѣ.

— Можно пробраться въ Чигиринъ! вымолвила Маруся.

— Какъ же это можно, *дѣвчино-порадонько*? *) спросилъ онъ, слегка улыбаясь.

— У батько въ степи стоитъ возъ съ сѣномъ, проговорила Маруся:—волы пасутся тоже въ степи... Я все знаю, гдѣ что... Запряжемъ воловъ... Ложись въ сѣно... Я повезу до Кнышова хутора... Тамъ рѣка... За рѣкою ужъ чигиринская сила!

---

*) Слово *порадонько* можно перевести русскимъ *советный* другъ.

Сѣчевикъ глядѣлъ въ сіяющіе глаза, на трепещущую легкую фигурку, стоявшую передъ нимъ и слушалъ, какъ стучитъ маленькое сердечко. Онъ вдругъ почувалъ, что его мужественное, закаленное сердце словно расплывается въ груди и что-то такое чудное съ нимъ сотворилось въ тотъ мигъ, что и послѣ онъ никакъ не могъ рассказать хорошенько, а только задумывался, вспоминая.

— Кто это тебѣ такую мысль подалъ, Маруся милая? спросилъ сѣчевикъ.

— А я знаю сказку, отвѣчала Маруся:—какъ дѣвушка отъ разбойниковъ бѣжала.

— А расскажи мнѣ эту сказку, Маруся, сказалъ сѣчевикъ.

— А до Чигирина? робко спросила Маруся.

— А до Чигирина поѣдемъ, отвѣчалъ сѣчевикъ, будто сулилъ ей пряникъ.—Вѣдь мы, надо полагать, взявши берегомъ въ эту сторону проберемся въ степь?... Проберемся? Ну, и ладно! А дорогою сказку послушаемъ.

Рука съ рукою они начали пробираться берегомъ со всевозможною осторожностью.

Сначала до нихъ долетали шумъ и голоса съ Данилова двора, но потомъ ихъ окружила совершеннѣйшая тишина, какая только бываетъ въ ночную пору на пустынныхъ берегахъ водъ, когда самые переливы и всплескъ волнъ только увеличиваютъ, а не нарушаютъ безмолвіе.

— А, ну рассказывай сказку, Маруся, сказалъ сѣчевикъ только что они ступили шагъ.

Много тревогъ, много надеждъ и страховъ волновало Марусю и она поглядѣла на сѣчевика съ тоскливымъ недоумѣніемъ; сѣчевикъ глядѣлъ на нее и усмѣхался. Даже при невѣрномъ мерцающемъ свѣтѣ ночныхъ свѣтилъ столько видѣлось въ немъ чуткости, мужества, такимъ чародѣемъ глядѣлъ онъ, что вдругъ у Маруси отлегло отъ сердца и исчезла вся трепетная суетливость.

— Ну, начинай, Маруся милая, начинай! сказалъ сѣчевикъ.—Я страхъ какъ люблю сказки слушать.

VI.

Маруся начала:

— Жилъ былъ козакъ и отдалъ свою дочку замужъ.

— Коли за добраго человѣка, то и съ Богомъ! замѣтилъ сѣчевикъ.

— Козачкѣ не полюбилися женихъ, продолжала Маруся:—да она покориласть батьку, вышла замужъ и молодой увезъ ее въ свою *господу* *).

— Бѣдная дѣвушка! замѣтилъ сѣчевикъ.

— Только чудная это была *господа* у молодого, продолжала Маруся.—Стояла она среди дремучаго лѣсу и никуда дорогъ не было битыхъ, ни откуда никто не показывался—пустыня кругомъ. Очень затосковала молодая...

— Еще бы не затосковать! замѣтилъ сѣчевикъ.

— И сначала ни на что она не глядѣла—все горевала, а потомъ съ горя ко всему стала приглядываться и присматриваться... Все роскоши... только ей не нужны были роскоши, а захотѣлось ей узнать, куда мужъ ея всякій вечеръ уѣзжаетъ съ товарищами. Но какъ только они сядутъ на лошадей, такъ сейчасъ и пропадутъ въ чащѣ, только минутку слышенъ конскій топотъ, а потомъ все тихо и глухо...

Ходила она по всему дому и отъ всего дома были у нея ключи. Только никогда мужъ не пускалъ ее въ одинъ погребъ. Погребъ этотъ стоялъ подъ густыми разметными дубами; дверь чернѣлась изъ-подъ зеленой листвы, точно звѣрная пасть.

— Что они такое прячутъ? подумала молодая.

Подумала и сейчасъ къ погребу. И видитъ на засовѣ такой замокъ, что десятерымъ его не поднять.

Постучала въ дверь, словно въ камень—такъ глухо. Поглядѣла въ щелочку—черно, какъ въ колодцѣ.

Вдругъ изъ-подъ порога что-то блеснуло, какъ искорка. Она прилегла на землю. Что-то блеститъ!

---

*) *Господа*—усадьба.

— Что это такое? думаетъ она.

И хоть страшно, а просунула руку и схватила.

Чуетъ что-то холодное. Глядь, а это отрубленный бѣленькій мизинчикъ и на немъ колечко.

— Дозналась я, думаетъ молодая: — ѣздить они на разбой.

А молодой былъ такой ласковый...

— Поди-ка узнай людей по виду! сказалъ запорожецъ.

(А между тѣмъ ночь уже свѣтлѣла. Передъ-утренній вѣтерокъ пролеталъ по степи. Они все шли по-надъ тихими берегами рука съ рукою).

— Стала молодая думать, что ей дѣлать; такъ думала она, что у нея въ головѣ шумѣло, словно у мельничнаго колеса. Кругомъ все чернѣли лѣса, такіе сплошные, точно стѣны. Пустыня такая со всѣхъ сторонъ, что въ ней только потеряться, а ни пріютиться, ни выбраться въ жилой міръ.

Куда бѣжать!

Долго она думала и передумывала. Солнце уже закатилось, она все думаетъ. Звѣзды высыпали, а она все думаетъ.

И слышать: ѣдутъ!

Входитъ мужъ и радъ ей.

— Я по тебѣ скучалъ! говорить.

Протянулъ къ ней руки, а она видитъ на рукавѣ у него кровь!

— Что это на рукавѣ? спрашиваетъ.

— А это я охотился за краснымъ звѣремъ, отвѣчаетъ и смѣется.

Услыхали товарищи и тоже засмѣялись.

Поглядѣла она на мужа—былъ онъ ей нелюбый, а теперь еще сталъ и страшный.

Поглядѣла она на его товарищей—ни одного хорошаго лица нѣтъ!

Подумала, каково это жить съ ними и забыла всѣ другіе страхи и положила убѣжать:

— Убѣгу, куда глаза глядятъ!

Сѣчевикъ очень нравилась сказка: какія важныя дѣла

ни заботили его голову, онъ такъ глядѣлъ на Марусю и такъ улыбался, точно его сладкимъ медомъ поили.

— Только дождалась, что всѣ выѣхали изъ дому, сейчасъ она на-глухо позатворяла и ворота, и двери, и окна, и пустилась бѣжать по лѣсу.

Ни дорогъ, ни тропинокъ, никакого слѣда не было, только вечерняя звѣзда ей свѣтила и по ней она путь держала.

Цѣлую ночь она все шла да шла, а лѣсъ все гуще да гуще, все сплошнѣй да сплошнѣй.

Вотъ чуть-чуть забрежжилась утренняя заря и тихо-тихо пробирались въ лѣсъ алая полоски. Она уже подумала, что съ зарею ей веселѣй станеть, какъ вдругъ слышитъ за нею погоня, и все ближе, все ближе. Вѣтки трещать, кони фыркаютъ, мужнинъ голосъ грозить: найду! и его товарищи переговариваются: вотъ тутъ она! вотъ тамъ она!

Поглядѣла она туда и сюда—нѣтъ нигдѣ пріюту!

Только одно дерево стоитъ косматымъ шатромъ; она по-скорѣй кинулась къ тому дереву, взобралась на самую верхушку и притаилась.

Да въ поспѣхѣ она уронила платокъ съ шеи, и какъ погоня ворвалась на это мѣсто, сейчасъ они всѣ и увидѣли бѣлый платокъ на землѣ...

— Ай-ай! сказалъ сѣчевикъ съ живостію.

— Сейчасъ всѣ закричали: ея платокъ! ея платокъ! она тутъ! она недалеко! она въ эту сторону бѣжить!

И начали искать, шарить, саблями вѣтви рубить, конямы кусты топтать.

А мужъ и говорить: не забралась ли она куда на дерево?

Схватилъ свою пику и со всей руки почаль ея колоть промежду вѣтвей.

— Ай-ай! сказалъ сѣчевикъ.—Бѣдная молодлица! натерпѣлась же она лиха!

— Вдругъ острое копые вошло ей въ бокъ, потомъ попало въ руку, потомъ тронуло плечо—она не вскрикнула,

не ахнула, да теплая кровь такъ и закапала, такъ и закапала съ дерева...

Сѣчевикъ совсѣмъ разжалобился надъ бѣдною молодичею: охи и ахи его были самые жалостливые.

— Капельки ея крови попали прямо на голову мужу. „Охъ, какая теплая роса каплетъ съ этого дерева!“ сказалъ.

— Видно она побѣжала дальше, говорить ему товарищи. Дальше въ погоню за нею!

И всѣ разсыпались между лѣсною гущиною.

А она тогда тихонько слѣзла съ дерева и опять пустилась бѣжать.

Долго она бѣжала, очень долго, и выбѣжала на дорогу, и видитъ, ѣдетъ по дорогѣ старый козакъ, и везетъ возъ съ сѣномъ. Кинулась она къ козаку и почала его просить: „Возьми меня, добрый человѣкъ, схорони меня гдѣ-нибудь! За мною погоня! Меня поймать и убить хотятъ!“—А козакъ ей говорить: „Да вотъ я везу сѣно; ложись на возъ, закопайся поглубже, да только лежи смирно!“

— Бравый козакъ! дай ему Боже здоровья *чорзна поки!* *), сказалъ сѣчевикъ съ удовольствіемъ.

— Только успѣлъ старый козакъ закопать ее въ сѣно, да махнуть на воловъ батогомъ, а тутъ и наскакала погоня.

— Не видалъ-ли молодичи? кричатъ козаку.—Куда она побѣжала?

— Не видалъ, отвѣчаетъ козакъ.

— А что ты везешь?

— Сѣно везу.

— Хорошее сѣно у тебя? А ну, удѣли-ка немножко нашимъ конямъ.

Козакъ остановилъ возъ и накидалъ сѣна ихъ конямъ.

— А у тебя, кажись, люлька не погасла? спрашиваетъ одинъ разбойникъ.

— Нѣтъ, курится еще, отвѣчаетъ козакъ.

— Дай-ка раскурить.

---

*) Чортъ знаетъ, до конхъ поръ.

Козакъ подалъ имъ свою люльку и они почали другъ-другжѣ ее передавать да свои раскуривать.

А атаманъ ни люльки не раскуриваетъ, ни коня, своего не кормить, подошелъ къ возу и приклонилъ къ нему свою грозную голову, да все только глухо твердить: найду я ее! найду!

А она все это слышитъ и даже его горячее дыханье чуетъ.

Такъ время шло долго, пока товарищи закричали:

— Атаманъ! на коня! на коня! ужъ день бѣлѣтся!

И всѣ они вскинулись на коней и ускакали въ темный лѣсъ...

А старый козакъ поѣхалъ дальше и довезъ молодицу до батькова двора.

— Пусть служить ей доля! сказалъ сѣчевикъ.— Чудесная сказка, Маруся милая, и великое тебѣ спасибо за нее! Славная, славная сказка! Такая славная, что и не выразить словомъ!

VII.

Они ни на минуту не убавляли быстрого шагу и успѣли уже далеко уйти.

Заря еще не занималась, но мягкій, теплѣй ночной воздухъ уже посвѣжѣлъ; изъ далекаго, невиднаго за неясными очертаніями дальнихъ лѣсовъ, монастыря разносился слабый благовѣстъ; какой-то особый тихій звонъ пробѣгалъ по прибрежнымъ камышамъ, и рѣка, залившись далеко въ мягкій берегъ сонною струею, возвращалась оттуда, словно внезапно разбуженная и взволнованная, катилась впередъ и бурлила беспорядочно и шумно, потомъ все болѣе и болѣе унимала порывы волнъ и брызги и исчезала изъ глазъ съ глухимъ ропотомъ.

У этого залива они повернули.

Ни дороги не было, ни тропинки, но Маруся хорошо знала мѣста и скоро вывела сѣчевика въ чистую степь.

На нихъ пахнуло сильнымъ, крѣпкимъ, трезвымъ ароматомъ свѣже-скошенныхъ степныхъ травъ и цвѣтовъ отъ огромныхъ, разбросанныхъ по степи стоговъ сѣна; сѣчевикъ пристально оглянулся во всѣ стороны. За собою невдалекѣ онъ увидалъ въ полутѣмѣ жилия строенья, укутанныя въ сѣнь густыхъ деревьевъ.

— Это наша хата, сказала ему Маруся.—Загородъ близко—впереди.

— Веди, Маруся, сказалъ сѣчевикъ.

И хоть нигдѣ поблизу не видно было и признака никакой загороди, онъ, нимало не сомнѣваясь, зашагалъ по легкимъ слѣдкамъ Маруси.

Не успѣли они сдѣлать пяти шаговъ, какъ Маруся промолвила: здѣсь! и они очутились надъ чѣмъ-то въ родѣ обширной впадины посреди ровной степи, спустились въ нее и на самомъ днѣ сѣчевикъ разглядѣлъ вербовую загородъ, а въ ней двѣ пары величавыхъ круторогихъ воловъ, представлявшихъ крутыми холмами на ровной поверхности.

Маруся отворила загородъ и дрожащею рукою слегка погладила прежде одну, потомъ другую рогатую голову. Легкое ласковое мычанье было ей въ отвѣтъ и, будто уразумѣвъ что самое главное теперь осмотрительность и тишина, волю, выведенные изъ загороди, пошли по степи, какъ тяжелыя лады по тихимъ волнамъ—безшумно, ровно и быстро.

Возъ стоялъ неподалеку у стога, доверху уже наваленный сѣномъ.

— Что? спросила Маруся, видя, что сѣчевикъ остановился и глядитъ на нее.

— Какая-же ты малая, Маруся! промолвилъ сѣчевикъ.— Какая же ты малая! Всякій тебя скорѣе приметъ за степного жаворонка, чѣмъ за дѣловую особу!

И вправду Маруся не велика была, а среди безбрежной степи, у громаднаго воза, запряженнаго мощными волами, подлѣ исполинскаго сѣчевика она казалась еще того крохотнѣе, еще хрупче и еще беззащитнѣй.

— А вотъ, маминъ большой платокъ забыть у воза,

отвѣтила Маруся.—Я его надѣну по-старушечьи и какъ сяду на возъ, то покажусь старушкою...

И уже ея большіе глаза глядѣли на сѣчевика изъ-подъ старушечьей повязки, подъ которою исчезла кудрявая свѣтло-шелковистая головка и розовыя плечики.

Сѣчевикъ не могъ не улыбнуться и нѣсколько минутъ не могъ, или не хотѣлъ промолвить ни одного слова.

Голосъ его былъ очень тихій, когда онъ снова заговорилъ.

— Ты хорошо знаешь шляхъ, Маруся?

— Знаю. Все прямо до озерца, а у озерца шляхъ повернетъ вправо и уже видѣнъ будетъ хуторъ пана Кныша, а за хуторомъ уже вольный путь до Чигирина, сказывалъ панъ Крукъ батьку...

— А ты знаешь пана Кныша?

— Знаю. Онъ ѣздитъ къ батьку, разныя разности покупаетъ.

— А какъ онъ тебя, думаешь, приметъ?

— Не знаю, какъ меня приметъ.

— А какъ худо?

— Но онъ вѣдь не измѣнитъ?... и отвѣтила и вмѣстѣ спросила Марусю.—Онъ къ батьку ходитъ... онъ пріятель...

— А знаешь, Маруся, что теперь повсюду войска стоятъ, всюду враги шатаются? Знаешь, Маруся, что теперь, вмѣсто цвѣтовъ, должно быть по обѣимъ сторонамъ дороги дымъ клубится отъ стрѣльбы? рѣзня идетъ!

— Знаю! отвѣчала Маруся.

— Будутъ глядѣть недобрые вражескіе глаза тебѣ въ лицо, и если ты собьешься въ одномъ словечкѣ, если только дрогнешь—все пропало!

— Я не собьюсь въ словѣ, не дрогну... Я не боюсь врага, а только боюсь неудачи.

— Маруся, знаешь, можетъ, смерть насъ постигнетъ...

— О, прежде до Чигирина тебѣ добратся! промолвила Маруся.

И столько мольбы и рѣшимости прозвучало въ ея тихихъ словахъ!

На этомъ разговоръ у нихъ прервался. Волы быстро были запряжены.

— Маруся, сказалъ сѣчевикъ:—если кто тебя остановить, не падай около воза, какъ птичка около гнѣздышка... разумѣешь?

— Разумѣю! Надо быть, какъ ты.

— Всѣмъ говори, что везешь сѣно пану Кнышу, а коли благополучно доберемся до Кнышова двора, то ты скажи тому, кто выдетъ на встрѣчу: „чудесныя зеленыя у васъ, хоть и неспѣлыми жать—такъ хорошо“! Слышишь?

— Слышу, отвѣтила Маруся.

Сѣчевикъ зарылся въ громаду сѣна, наваленнаго на возу, Маруся заняла мѣсто возницы, волы тронули и возъ, пошатываясь и переваливаясь, потянулся по росистой степи.

Звѣзды уже начинали меркнуть; вѣтерокъ сталъ живѣе и капельки росы виднѣе заиграли по травѣ.

VIII.

Тихо подвигался огромный возъ по степной дорогѣ; при свѣтѣ меркнувшихъ звѣздъ мерцала степь, недавно скошенная и уже густо и мягко застлавшаяся новыми травами и цвѣтами, усыпанная еще неувядшими стогами пахучаго сѣна. Тихо подвигался огромный возъ по дорогѣ. Тихо было кругомъ и два-три далекихъ крика, два-три далекихъ выстрѣла еще больше давали чувствовать эту тишину.

Передъ Марусею видъ разстился во всѣ стороны широко и далеко. Каждый легчайшій звукъ уловляло ея чуткое ушко; и самонамѣншій шорохъ травъ, и шелестъ птичьихъ крылышекъ, и безустанно ея глаза обращались во всѣ стороны и слѣдили за каждою точкою.

Во тьмѣ лѣтняго разсвѣта неясно видно было ея личико, ничѣмъ не выражала она своихъ мыслей, ни чувствъ, но вся фигурка ея на высотѣ косматаго зеленого воза говорила о ея неусыпной бдительности, о ея томительной тревогѣ.

Вдругъ послышался топотъ многоконнаго отряда; спра-

ва показалась толпа верховыхъ и неистово неслась прямо къ Марусиному возу.

Нѣсколько дикихъ, охрипшихъ голосовъ издали закричали ей:

— Стой! стой!

Она остановила возъ.

Мгновенно ее окружили и грубые вопросы на чуждомъ ей нарѣчїи посыпались со всѣхъ сторонъ:

— Куда?.. Откуда?... Чья ты?..

— Изъ хуторка, отвѣчала Маруся.—Данила Чабана дочка. Везу сѣно въ хуторъ Гоны, къ пану Кнышу.

Успокоенные всадники раздались немного и сильный голосъ сказалъ съ досадою:

— Вѣдь я-же говорилъ вамъ, что фальшивая тревога, а вы полошиться, какъ степная птица! Ну, гдѣ-жъ ваши польскіе шпионы?

— Да вѣдь никакой бѣды не случилось оттого, что мы проскакали полверсты въ сторону? возразилъ на это другой голосъ, явно принадлежавшій молодому, подвижному и безпечному человѣку.

— Когда въ головѣ вѣтеръ ходитъ, такъ все не бѣда! съ неудовольствіемъ проворчалъ первый.

Остальное ворчанье заглушилъ свистъ взмахнутой нагайки и топотъ рванувшагося впередъ коня.

— Экъ сердитый какой! промолвилъ второй голосъ съ легкимъ смѣхомъ.—За мной, ребята. Возъ захватите!

Отрядъ двинулся и подъ его прикрытіемъ двинулся Марусинъ возъ.

Куда дѣвочка ни обращала глаза, со всѣхъ сторонъ она видѣла около себя мрачныя, зловѣщія фигуры, грубыя, суровыя лица; всѣ ѣхали шагомъ и словно предавались отдохновенію, погрузившись въ свои мысли и думы и на время отбросивъ свои сторожкіе наѣздническіе приемы. На иныхъ лицахъ выражалось уныніе, на другихъ забота, или неутомная отвага, или усталое равнодушіе ко всему на свѣтѣ.

Впереди гарцовали два офицера и, казалось, спорили.

Не слыша ихъ словъ, Маруся угадала веселаго молодого по его живой, подвижной осанкѣ, по его быстрымъ, словно дразнящимъ, движеньямъ около недовольнаго тучнаго товарища, казавшагося тяжелымъ чугуннымъ слиткомъ, мучительно подавлявшимъ нетерпѣливаго, горячаго коня. Стараясь не проронить ни одной фразы, которыми изрѣдка перебрасывались между собою въ отрядѣ, Маруся старалась тоже угадать, о чемъ спорять впереди гарцующіе начальники—не объ ея-ли возѣ! Или они забыли о немъ? И что будетъ дальше? И какъ встрѣтитъ ее панъ Кнышъ? И доѣдетъ-ли она до пана Кныша? И удастся-ли добраться *ему* до Чигирина?..

Тихо раскачиваясь и разваливаясь, подвигался возъ. Последнія ночныя тѣни уже готовы были исчезнуть; предразсвѣтная трезвая, проникающая свѣжесть уже чувствовалась; важные волю выступали теперь бодрѣе, муштрованные лошади, не измѣняя привычнаго военнаго шага, жались ближе къ возу и, вытягивая головы, съ наслажденіемъ выдергивали клоки пахучаго сѣна.

Вдругъ что-то заставило Марусю невольно обратить устремленные вдаль глаза налѣво, и она встрѣтила испытующій, пронизательный взглядъ другихъ сверкающихъ глазъ—взглядъ, слѣдящій за нею со вниманіемъ и сомнѣніемъ.

Около самаго воза, касаясь его, ѣхалъ пожилой всадникъ. Глаза дѣвочки, привыкшіе къ полутьмѣ, хорошо различали каждую рѣзкую черту его живого, смышленаго лица. Онъ пристально глядѣлъ на нее и безъ словъ понятно говорилъ его взглядъ: странна, однако, эта маленькая дѣвочка! Чуденъ и тотъ, кто выбралъ возницею эту хрупкую игрушку, возницею среди ночи, въ смутныя, ненадежныя военныя времена!

— У тебя, дѣвочка, родной отецъ-мать или нѣтъ? спросилъ онъ внезапно у Маруси и, видя, что она не понимаетъ его словъ, ломанымъ украинскимъ языкомъ перевелъ ей свой вопросъ.

— Родной отецъ и родная мать, отвѣчала Маруся.

Его взглядъ впился въ нее еще съ большимъ сомнѣніемъ и сдѣлался еще пытливѣе и пронизательнѣе.

Марусѣ показалось, что какой-то ледяной покровъ обвилъ всѣ ея члены и холодъ проникъ ей до самаго сердца. Степь перевернулась у нея въ глазахъ, словно небо въ бурливыхъ водахъ, и голова закружилась, но она помнила наказъ сѣчевика и, желая быть *какъ онъ*, вымолвила ровнымъ, хотя потерявшимъ всѣ живыя нотки, голоскомъ:

— А у васъ живы отецъ-мать?.. Много у васъ родичей?... Есть у васъ дѣти? Дочки, или сыновья у васъ?..

Тихій-ли сдержанный голосокъ, или простой вопросъ разбудилъ заглохшія радости и сердечныя печали, только сильно они проснулись и испытующее, наблюдающее лицо, исполнившее Марусю томительною тревогою, сдѣлалось какимъ-то игралищемъ то омрачавшихъ его тѣней, то освѣщавшихъ его проблесковъ: воспоминанья, образы, сожалѣнья, опасенья, надежды, казалось, душили сильнаго человѣка, подступая живыми терзающими приливами. Странно смотрѣли теперь на Марусю эти подозрительные, прежде испытующіе глаза, будто ища въ ея образѣ какого-то другого, далекаго образа, заставлявшаго, можетъ, когда-то улыбаться теперь дрожавшія губы.

— Да, у меня есть дочка, проговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Большая? спросила Маруся.

Онъ усмѣхнулся. Должно быть, передъ его духовными глазами пронеслась очень маленькая, непрочная, хрупкая фигурка, судя по его нѣсколько томительной улыбкѣ.

— Съ тебя, коли еще не меньше, отвѣтилъ онъ и очень задумался.

Впереди гарцовавшіе офицеры все спорили; одному не надоѣло подзадоривать, другому не опостылѣло ворчать; казалось, каждый поставлялъ въ томъ свою забаву среди незанятой, дикой, скучной жизни.

Вдругъ въ заднихъ рядахъ отряда кто-то вполголоса запѣлъ: „вспомни, вспомни, моя любезная, нашу прежнюю любовь!“, и Маруся, у которой каждый звукъ заронялъ вереницы видѣній о Чигиринѣ, о панѣ гетманѣ, о немъ, вся

содрогнулась при звукахъ глухого, мощнаго голоса пожилого всадника, ея допрощика, тихо про себя подхватившаго запѣтую пѣсню. Пѣнье скоро перешло у него въ какой-то страстный, горькій шопоть, между тѣмъ какъ запѣвало, видимо увлекаясь, разливался все громче и такими волнами грусти и безпечности, сожалѣнія и удалства, что мучительно задиралъ за живое. То тотъ, то другой голосъ подхватывалъ пѣсню; наконецъ, всѣ голоса дружно ее подхватили и слились въ одинъ гулъ, перекатами разносившійся по степи.

Когда пѣсня стихла, вдругъ замѣтили, что разсвѣло, точно разсвѣтъ выступилъ изъ-за внезапно распахнутой двери, а не разгорался мало-по-малу. Не вдалекѣ отъ дороги видно было тихое, небольшое озеро, накинутае словно дымчатою пеленою, утреннимъ туманомъ; отъ озера вправо вилась мягкая черная дорога къ хутору, надъ которымъ стояла тонкая прямая струйка дыма.

Это виднѣлся хуторъ пана Кныша.

Жутко было въ полутьмѣ теплой ночи, въ полутьмѣ утренняго разсвѣта, но при засіявшемъ блескѣ благодатнаго утра еще стало жутче. Веселое великолѣпіе природы какъ-то чудно дѣйствовало на душу, то растравляя ее, то смиряя, то исполняя какимъ-то двухстороннимъ чувствомъ—страха и надежды, которые схватывались и боролись, не одолевая другъ-друга, какъ борятся между собою равно сильные и не сливающіеся огонь и вода.

Маруся искала глазами пожилого всадника, который отъѣхалъ отъ нея и замѣшался въ толпу другихъ, и ея глаза скоро отыскали его и встрѣтились съ его глазами. Въ его взглядѣ не было уже ни пытливости, ни пронзительной наблюдательности,—какая-то нерѣшительность, какое-то недоумѣніе и опасеніе разлились по всѣмъ чертамъ его рѣзкаго, хищнаго лица и странно его смягчали.

— Господи ты, Боже мой! экая мелкота! сказалъ одинъ изъ отряда, увидавъ Марусю при свѣтѣ утра.—И ѣдетъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало: ни пороху, ни пули не боится.

— Да этакую малость ни одна пуля, надо полагать, не возьметъ, возразилъ другой.—Все одно, что маковое зерно!

— У нихъ и дѣвчонки не боязливы—это уже такой народъ, вмѣшался третій.—Я, скажу вамъ, видалъ, что во время самой свалки,—кровь хлещетъ, земля дрожить, и рубятъ, и мрутъ, а она себѣ ходить промежду да подбираетъ своихъ, словно по саду ягоды, ей-Богу!

— Да и пропадаетъ же ихъ сколько! сказалъ еще присоединившійся собесѣдникъ.

— Да всѣ мы пропадемъ такъ или иначе, отвѣтилъ кто-то сбоку.—Въ томъ только и дѣло, чтобы пропасть самымъ лучшимъ манеромъ! Вотъ что!

Издалека пронеслось нѣсколько выстрѣловъ и ихъ звукъ, словно волшебствомъ, въ одно мгновенье спугнулъ всѣ инныя мысли, всѣ прочія чувства: овладѣвшее, было, раздумье, начатое разсужденіе, полувыраженное мнѣніе, невысказанное возраженіе,—все это прервалось, какъ перехваченная острыми ножницами нитка, и весь отрядъ вдругъ превратился какъ бы въ одно существо, чутко насторожившее слухъ и готовое къ отпору.

Офицеры тоже приостановили своихъ лошадей и перестали спорить и дразнить другъ-друга.

Выстрѣлы раздались снова.

— Это съ нашей стороны! Нѣтъ сомнѣнья, это съ нашей стороны! вскрикнулъ молодой офицеръ.

— Маршъ-маршъ! На выручку! Это наши дерутся! Гей, Иванъ! доставь возъ до хутора и распорядись... Впередъ!

Маруся еще не успѣла сообразить хорошенько, въ чемъ дѣло, какъ уже отрядъ ускакалъ вихремъ и скоро исчезли изъ виду всѣ, кромѣ Ивана, которому отданъ былъ приказъ „доставить возъ и распорядиться“. Словно дикія птицы, безъ оглядки всѣ они снялись и улетѣли, только пожилой солдатъ, говорившій съ нею, обернулся и еще разъ глянулъ на нее.

— Трогай, трогай, каплюха! проговорилъ Иванъ, раскуривая коротенькую трубочку.

Маруся поглядѣла на Ивана. Онъ ей представился чѣмъ-то въ родѣ ежа.

— Трогай! трогай! повторилъ онъ суровѣе.

Возъ подвигался понемногу впередъ, къ Кнышеву хутору; замелькали засѣянные, но мѣстами жестоко вытоптанные, выбитыя поля; выстрѣлы долетали все чаще и чаще и, незамѣтно поднимаясь на отлогую могилу, черезъ которую вилась вдаль дорога, Маруся завидѣла какіе-то палатки и шатры, надъ которыми вились клубы черного дыма и вырывались время отъ времени огненные языки красного пламени. Иногда, по звонкому утреннему воздуху слабо доносились людскіе крики и стоны, чуть явственное жалобное мычанье домашнихъ животныхъ, и дѣтскій плачь, и смѣшанный крикъ домашнихъ птицъ, и трескъ падающихъ развалинъ жилищъ.

Поднявшись на самую вершину *могилы* *), Маруся, какъ на ладони, увидѣла вдали мѣсто самой битвы. Она увидѣла пылающую деревню, двѣ дѣтскія фигурки, бѣжавшія, схватившись руками, въ испугъ и ужасъ, сами не зная куда, различила нѣсколько неподвижно распростертыхъ по степи женскихъ фигуръ; на ея глазахъ падали люди со стономъ, мчались испуганные лошади безъ сѣдоковъ, рѣдѣли свирѣпыя отряды, устилаясь земля трупами и ранеными, трава, смачиваясь теплою кровью, темнѣла. Небо принимало какой-то зловѣщій багровый оттѣнокъ. Пороховой дымъ ходилъ волнами.

А прямо передъ нею зеленѣлъ и благоухалъ хуторокъ пана Кныша и возъ тихо къ нему подвигался все ближе да ближе. Въ чащахъ густого сада уже обозначались разнородныя деревья и кустарники съ своими узорчатыми листьями и цвѣтами; въ открытыя ворота она распознала темножелтыхъ, пестрыхъ куръ, расхаживающихъ по широкому двору, заросшему мягкою бархатистою муравою и преисполненному всевозможныхъ хозяйственныхъ орудій и снарядовъ; у воротъ сидѣла громадная, косматая собака; она уже завидѣла подъѣзжающій возъ и ждала его хладнокровно и бдительно, какъ

---

*) Могила—курганъ.

особа, вдоволь уже повидавшая въ жизни и давно взявшая себѣ за правило не спѣшить съ выраженіями своихъ чувствъ.

IX.

Только что возъ остановился у воротъ, какъ передъ Марусею очутился орленкообразный мальчикъ лѣтъ пяти, румяный и мощный. Будь онъ вправду степнымъ орленкомъ, онъ и тогда не могъ-бы ни быстрѣе налетѣть, ни устремить на Марусю смѣлѣе взгляда, ни мгновеннѣе обозрѣть и ее, и возъ, и воловъ.

— Дома панъ Кнышъ, хлопчикъ? спросила Маруся.

— А вы пріѣхали къ дѣду въ гости? спросилъ хлопчикъ, вмѣсто отвѣта.

— Къ дѣду; дома дѣдъ?

— Дома.

— Гдѣ-жъ онъ?

— Онъ въ саду, а можетъ, въ хатѣ, а можетъ, на толокѣ.

— Покличъ дѣда, хлопчикъ.

Но дѣдъ уже подходилъ къ воротамъ.

Нѣсколько сгорбленный, простодушный старичекъ въ сельской полотняной одеждѣ,—въ рубашкѣ и въ широкихъ шароварахъ, въ соломенной шляпѣ.

Онъ почтительно поклонился прибывшему къ нему воину и тотчасъ же узналъ Марусю,—и нисколько не показалъ удивленія при ея видѣ, словно ея ждалъ, словно такое посѣщеніе было самымъ пустымъ и обычнымъ дѣломъ.

— А, дивчина малая! сказалъ онъ:—все-ли здорова, все-ли весела? Милости просимъ въ хату, а коли въ хатѣ соскучишься, то вотъ Тарасъ знаетъ, гдѣ водится земляника и гдѣ спѣетъ малина. Можно тоже развлечься пампушками, или маковниками. Тоже имѣются пироги въ запасѣ,—такіе пироги, что утѣшать голодную душу.

Иванъ услышалъ слова *маковники*, *пироги*.

— У тебя, кажется, домъ не безъ запасовъ? промолвилъ

онъ суровымъ голосомъ, но въ которомъ уже звучала нотка, смягченная представившимися видѣніями пироговъ и другихъ яствъ.

— Благодарю моего Создателя! отвѣчалъ хозяинъ:— милости прошу, пожалуйста въ хату!

Что это за радушный, что это за простосердечный, что это за безхитростный, казалось, былъ хозяинъ панъ Кнышъ!

— Пожалуйста, дорогой гость... не ждалъ, а Богъ и послалъ... и послалъ!... Вотъ неожиданный, да за то дорогой гость... Пожалуйста, пожалуйста...

„Нежданный, но дорогой гость“, усталый и голодный, отложилъ всѣ разговоры и объясненія и пошелъ за хозяиномъ, расправляя измученные члены, позѣвывая, почесываясь, однимъ словомъ, пользуясь рѣдкимъ случаемъ понѣжиться тѣломъ и духомъ, рѣшивъ безсомнѣнно, что хозяинъ простакъ и добрякъ—мужикъ, и только заботяся о томъ, что это за пироги у него, что за яства и за питія.

Маруся вѣхала во дворъ и тоже пошла за ними, а за Марусею хлопчикъ Тарасъ.

— Панъ Кнышъ! сказала Маруся:—что за чудныя зелья у васъ! Хоть и неспѣлыми ихъ пожать, то все хорошо!

— Слава Богу, дивчинка, славу Богу! нынѣшній годъ все хорошо уродило! отвѣчалъ панъ Кнышъ, не обертываясь.

И хоть бы сколько-нибудь дрогнулъ у него голосъ, или повысился, или понизился, хоть бы сколько-нибудь встрепнулась его фигура, ускорился, или замедлился мелкій, спѣшный шагъ, хоть-бы крошку измѣнился въ чемъ-нибудь его видъ домовитаго хозяина, немножко тщеславнаго своими пирогами, съ тайнымъ торжествомъ спѣшащаго угостить и напередъ уже лукаво усмѣхающагося при видѣ пріятнаго изумленія гостя на первомъ кускѣ его яствъ, которыя, казалось, ставилъ онъ выше всего на свѣтѣ.

— Что-же это? онъ не понялъ?

У Маруси страшно заныло сердце; она не знала, что думать и какъ быть, и рѣшила опять тоже: *быть, какъ онъ*.

Поэтому она больше ничего не сказала и вошла въ хату.

Это была просторная, прохладная, снѣжнобѣлая хата, съ широкими лавками, со столомъ подъ бѣлою скатерью, съ глинянымъ поломъ. На стѣнахъ мѣстами висѣли пучки полуувядшихъ душистыхъ степныхъ травъ; въ углу, за образами, подъ бѣлымъ рушникомъ, тоже висѣли травы и мѣшались съ сухими прошлогодними цвѣтами, со свяченою вербою и *зеленосвятковымъ зильемъ* *).

Хозяинъ просилъ садиться и, повидимому, единственно погруженный въ заботы угощенія, единственно поглощенный тщеславнымъ желаніемъ не ударить лицомъ въ грязь и показать свое хозяйство въ лучшемъ видѣ, суетился, собирая на столъ, бѣгалъ въ погребъ, рылся въ коморѣ, гремѣлъ посудю, ронялъ ложки, переливалъ какія-то бутылки, лазилъ подъ крышу за копченою колбасою, и всѣми этими усердными хлопотами держалъ въ постоянномъ ожиданіи голоднаго гостя и обращалъ всѣ его помыслы только на эти хлопоты и ихъ лакомыя послѣдствія, внушая ему признательность, смѣшанную съ досадою и нетерпѣніемъ, которыя, однако, не пересиливали ее.

— Да ты, хозяинъ, ужъ такъ не падай для меня! говорилъ время отъ времени гость.

— Нельзя... нельзя... позвольте... позвольте, панъ... какъ зовутъ васъ, добродію? отвѣчалъ усердный хозяинъ.

— Да меня зовутъ Иваномъ, отвѣчалъ тотъ со вздохомъ и смиряясь.

— Ужъ позвольте, пане Иване, угостить васъ, чѣмъ Богъ послалъ. Ужъ позвольте!

— Мы люди военные, мы не сластоѣжки вѣдь—намъ лишь бы сытъ, и довольно! въ свою пользу старался внушить панъ Иванъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ вы позвольте! отвѣчалъ хозяинъ.

Маруся сидѣла на лавкѣ, стараясь быть, *какъ онъ*, на видъ спокойная и тихая, но такіе приливы и отливы надеждъ и страховъ она испытывала, что никто того раска-

---

*) Травы и цвѣты, которые святятся на *зеленыхъ святкахъ*, т. е. на Троицынъ день.

зать словами не сможетъ, да и рѣдко кто сможетъ себѣ вообразить.

Хлопчикъ Тарасъ, вволю наглядѣвшись изъ угла на гостей, смотрѣлъ въ окно и считалъ лѣтственно долетавшіе до хутора выстрѣлы.

Наконецъ, завтракъ былъ окончательно собранъ; панъ Иванъ, послѣ долгаго ожиданія накинудся на него съ нѣкоторымъ враждебнымъ чувствомъ и съ суровымъ видомъ воина, не цѣнящаго наслажденій вкуса; но скоро, очень скоро, онъ какъ-то весь смягчился, даже проникся нѣкоторымъ умиленіемъ, а послѣ нѣсколькихъ чарокъ разныхъ наливокъ глаза у него посоловѣли и начала блуждать неопредѣленная улыбка на устахъ.

Хозяинъ время отъ времени припоминалъ о какой-нибудь новой, хранившейся у него сласти, и то ходилъ въ погребъ, то лазилъ подъ крышу, спрашивая напередъ позволенія у пана Ивана.

А панъ Иванъ уже не возражалъ, а только кивалъ ему головою въ знакъ того, что ему это кажется хорошо и что онъ на все согласенъ.

— А ты что, Тарасъ, галокъ считаешь? сказалъ хозяинъ внучку:—пошелъ бы ты да сѣна далъ воламъ. Это у меня такой работникъ, что лучшаго и не надо, даромъ, что еще не до неба доросъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ пану Ивану.

На это панъ Иванъ хотѣлъ отвѣчать что-то серьезное, но серьезнаго не отвѣтилъ, а только слабо и неопредѣленно улыбнулся.

Тарасъ сейчасъ же спрыгнулъ съ лавки и пошелъ къ дверямъ.

Маруся не смогла выдержать муки, тоже встала и сказала:

— И я пойду съ Тарасомъ.

— Иди, иди, малая, отвѣтилъ ей хозяинъ, и когда она проходила мимо него, онъ погладилъ ее по головкѣ—только погладилъ по головкѣ и словно какимъ волшебствомъ возвратилъ ей увѣренность и бодрость.

— Хозяинъ! вдругъ сказалъ панъ Иванъ, съ отчаяннымъ усиленіемъ собирая мысли и уясняя дѣло:—сѣно наше... взято сѣно въ плѣнъ... давай выкупъ... большой выкупъ давай... это хорошо... очень хорошо...

— Ваша воля, панъ Иванъ, отвѣчалъ хозяинъ.—Хоть сѣно, хоть выкупъ берите, ваша воля!

— Ну, это хорошо, отвѣчалъ панъ Иванъ.—Это... это хорошо...

Х.

Вышедъ во дворъ, Маруся увидала свой возъ на прежнемъ мѣстѣ; Тарасъ таскалъ изъ него охапками сѣно и подкладывалъ воламъ, а волы важно, съ достоинствомъ принимали должное угощеніе.

Съ тайнымъ трепетомъ ходила Маруся около воза, стараясь угадать то, что ее мучило.

Долго она такъ кружила, какъ раненая птичка надъ заваленнымъ гнѣздомъ; Тарасъ, сдѣлавъ порученное ему дѣло, заговаривалъ съ нею о томъ и о другомъ, но она отвѣчала ему кратко—все ея существо было поглощено заботою, тревогою и упованіемъ.

Сообразивъ, что это круженье около воза можетъ навлечь подозрѣнье, она удалилась отъ него и стала бродить по широкому двору; она заглянула въ густой садъ, посмотрѣла вдаль на поле.

— Что дѣлать? Что будетъ? думала она.

Вдругъ, проходя мимо груды камней, наваленной во дворъ, она услышала голосъ, явственно промолвившій:

— Спасибо, Маруся малая! Не бойся ничего, все благополучно!

Она въ то же мгновеніе узнала этотъ голосъ и, пораженная радостію, какъ стрѣлою, вдругъ восхищенная и обезсиленная внезапно отлетѣвшими муками и тревогами, запаталась, чуть не упала и сѣла на землю, не имѣя силъ ступить дальше шагу.

Понемногу она пришла въ себя и внимательно разглядѣла мѣсто: груда камней, у которой она сидѣла, видно была навалена здѣсь очень давно, когда строился погребъ, каменною отдушиную выходившій во дворъ, и камни, оставшіеся отъ постройки, съ той поры, очевидно, не трогались, потому что они проросли травой и крапивою по всѣмъ извивчивымъ направлєніямъ.

— Не ослышалась ли я? подумала Маруся, вся замирая отъ томленія.

Но голосъ, выходя изъ-подъ земли, прозвучалъ снова:

— Вѣрная моя дѣвочка! развесели свое сердечко! Переплыли мы самую быструю; на берегу, Богъ дастъ, не потонемъ!

Маруся долго оставалась недвижима, все еще прислушиваясь. По ея слову, какъ по волшебному велѣнью, сердце ея исполнилось живою радостью, и потому на лицѣ заигралъ такой яркій, счастливый румянецъ, очи такъ засіяли и засвѣтились, что Тарасъ, гарцовавшій по дѣдовому двору, то въ гордомъ видѣ гетманскаго коня, то въ грозномъ видѣ самого гетмана, то въ личинѣ храбрыхъ козацкихъ вождей и полковниковъ, то, наконецъ, разгоряченный представляемыми имъ прекрасными и славными ролями, необузданно предаваясь прыжкамъ и скачкамъ въ собственномъ своемъ видѣ, очутившись передъ чужою дѣвочкой пораженъ былъ преобразившею ея переменною, остановился передъ нею въ нѣкоторомъ недоумѣніи и устремилъ на нее свои орлиные взгляды.

— Что ей дѣдъ далъ? подумалъ онъ.—Что?

Передъ нимъ замелькали и заносились какія-то неясныя видѣнья смачныхъ маковниковъ въ меду, сластенъ, пряничныхъ коней, каленыхъ орѣховъ и прочихъ благъ. И чѣмъ больше глядѣлъ онъ на чужую дѣвочку, тѣмъ видѣнья эти становились фантастичнѣе, заманчивѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе раздражали и волновали его. Недоумѣвающий, чающій, онъ стоялъ и глядѣлъ, болѣе чѣмъ когда-либо подобный хищному орленку, расправившему крылья, наострившему клювъ, зорко оглядывающему окомъ, въ какую сторону летѣтъ на добычу.

Онъ весь вздрогнулъ, когда Маруся заговорила:

— А что, хлопчику, пойдемъ, можетъ, мы съ тобою въ садокъ?

— Пойдемъ, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, какъ человѣкъ, который еще не увѣренъ выиграетъ-ли онъ отъ этого, или проиграетъ.—А что дѣдъ даль?

— Кому? спросила Маруся.

— Тебѣ?

— Ничего.

— Такъ пообѣщаль? Что пообѣщаль?

— Ничего.

Тарасъ поглядѣлъ на гостью пристально и недовѣрчиво.

— Чего-жъ такъ рада? спросилъ онъ.

— Я?

Она хотѣла было сказать: „я не рада“, но не могла и сказала только:

— Пойдемъ въ садокъ.

И они пошли въ садокъ, и гуляли тамъ, и рвали ягоды, и разсуждали о разныхъ разностяхъ.

Хлопецъ Тарасъ разсуждать былъ охотникъ; особенно разсуждать о томъ, какъ бы онъ то, или другое устроилъ на мѣстѣ пана гетмана, и ужъ конечно, не счесть никому, будъ онъ хотя и звѣздочетъ, сколько на словахъ перекрутилъ онъ разнородной *невіры*, сколько городовъ обезпечилъ, сколько селъ и деревень обогатилъ. Рѣчи хлопца Тараса были заманчивы въ этомъ случаѣ, какъ медъ; впрочемъ, глядя на него, можно было увѣренно положить, что и дѣла его не будутъ полынью.

Я не знаю, много-ли есть на свѣтѣ вещей лучше прогулки по душистому, свѣжо благоухающему, густому саду, когда сердце играетъ и все ваше существо, послѣ жгучаго ожиданья и томительнаго сомнѣнья, точно смѣется! Дай Богъ погулять такъ всякому доброму человѣку хоть одинъ разъ въ жизни!

Такъ гуляла Маруся, слѣдя за Тарасомъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ сада и толкуя съ нимъ о томъ и о семъ.

А Тарасъ, водя гостью по саду, угощая ее ягодами и занимая разговорами, все-таки, время отъ времени взглядывалъ на нее съ сомнѣніемъ и никакъ не могъ отогнать отъ себя тѣхъ неясныхъ, заманчивыхъ видѣній таинственныхъ маковниковъ, бубликовъ, сластенъ и всякихъ другихъ смаковъ, гдѣ-то близко сущихъ и являвшихся передъ нимъ всякій разъ, какъ только обращалось къ нему сіяющее личико гостыи.

XI.

А солнце, между тѣмъ, высоко взошло, и сіяло, и играло такъ, что нигдѣ почти тѣни не было, а если гдѣ и отыскивалась, то, все-таки, ее какъ-нибудь да пронизывалъ, какъ-нибудь да пересѣкалъ, какъ-нибудь да задѣвалъ солнечный лучъ. Его теплый и яркій свѣтъ наискось палъ въ хатнее окно, подъ которымъ уснулъ насыщенный панъ Иванъ, и, должно полагать, своею мягкостію и теплотою разбудилъ его, непривыкшаго или давно уже отвыкшаго отъ всякой мягкости и теплоты на бѣломъ свѣтѣ.

Панъ Иванъ хотя проснулся, но нѣкоторое время не открывалъ глазъ, а только вздыхалъ и какъ-то жалобно усмѣхался. Эта усмѣшка точно хотѣла сказать: вѣдь я знаю, что всей теперешней нѣги и слѣдъ простынетъ, какъ только я открою глаза; вѣдь, я знаю это и понимаю!

Но вдругъ онъ вскочилъ, какъ обожженный, лицо приняло обычное равнодушно-суровое и даже нѣсколько враждебное выраженіе и, проворно оправляясь и собираясь, онъ недоброжелательно оглядывалъ бѣлыя стѣны, по которымъ играли веселые солнечные лучи.

Никого не было въ хатѣ; онъ крикнулъ громко и отрывисто:

— Эй, хозяинъ!

Зыченъ былъ голосъ у пана Ивана и раскатился по двору во всѣ концы. Маруся и Тарасъ бросились къ хатѣ и, притаившись за цвѣтущими кустами сирени и калины, ожидали, что будетъ.

Все тихо было кругомъ и ничего не было слышно, кромѣ шума и движенія лѣтняго погожаго дня.

Панъ Иванъ крикнулъ снова, громче и отрывистѣе прежняго:

— Эй, хозяинъ! Али уши заложило?

И совсѣмъ прибравшись въ дорогу, въ шапкѣ и прилаживая половче пику, панъ Иванъ толкнулъ хатнюю дверь каблукомъ сапога, распахнулъ ее настежь и пріостановился, не зная, куда лучше итти: сѣни были сквозныя и съ обѣихъ сторонъ по муравѣ разбѣгались тропинки, и тамъ и сямъ стояли разные сельскіе снаряды. Съ третьей стороны полуотворена была дверь въ свѣтлицу.

Но уже слышался привѣтливый голосъ хозяина въ отвѣтъ на зовъ, голосъ, прерываемый легкимъ; вовсе не непріятнымъ кашлемъ и быстрою спѣшною походкою.

— Иду, пане Иване, иду! привѣтливо и радушно звучало издали.

Но панъ Иванъ никакъ не могъ уловить, откуда голосъ приближался и, понапрасну повертѣвъ шею туда и сюда, нетерпѣливо двинулся въ какую дверь попало и лицомъ къ лицу сошелся съ ласковымъ и запыхавшимся хозяиномъ.

— Хорошо-ли отдохнули, пане Иване? спросилъ хозяинъ, участливо и простодушно глядя въ недовольные глаза гостя.— Не кусали мухи?

— Чортъ съ ними, хоть бы и кусали! отвѣчалъ панъ Иванъ, чувствовавшій себя что-то неладно послѣ отдыха и сна.

— Конечно, прахъ имъ, пане Иване, конечно, отвѣчалъ хозяинъ, охотно присоединяясь къ выраженному мнѣнію гостя, и между тѣмъ, какъ гость на минуту призадумался, сурово и раздражительно покручивая усы, онъ тоже, подумавъ съ минутку, прибавилъ:

— Однако, скажу вамъ, часомъ въ самый-этакъ смакъ любого сна, обидно бываетъ доброму человѣку отъ этой драни...

— Отъ какой? спросилъ панъ Иванъ, выходя изъ задумчивости.

— А отъ мухъ-то, добродію. Подумаешь, что добрый человѣкъ имъ слаще меду иной разъ...

— Голова болитъ, перервалъ сурово панъ Иванъ словоохотливаго хозяина.—Ты лучше чарку водки поднеси, чѣмъ попусту калякать...

— Пожалуйте, пожалуйста, пане Иване, подхватилъ хозяинъ, заторопившись съ такимъ довольствомъ, словно ему село съ угодами подарили.

И мелкимъ радостнымъ шажкомъ онъ пробѣжалъ впередъ пана Ивана въ хату, а панъ Иванъ вступилъ за нимъ слѣдомъ, сохраняя все тотъ же суровый и раздраженный видъ, но уже поглаживая и расправляя щетинистые усы.

— Садитесь, пане Иване, а я сейчасъ чарочку наполню, говорилъ хозяинъ, суетясь по хатѣ.

— Некогда садиться, отвѣчалъ, не смягчаясь, панъ Иванъ:—давай скорѣе, я такъ, на ходу, хлебну. Да деньги у тебя готовы? Миѣ мѣшкать не приходится...

— Жалко, страхъ какъ жалко, что такой вамъ спѣхъ, пане Иване, промолвилъ хозяинъ.—Такую горѣлку пить бы, да смаковать, скажу неместно...

— А деньги готовы? спросилъ панъ Иванъ.

— Готовы, пане Иване, хоть и тяжеленько нашему брату...

Тутъ хозяинъ вздохнулъ и меланхолически поглядѣлъ на вынутый изъ кармана кошель, а потомъ на пана Ивана.

— Толковать объ этомъ нечего, возразилъ панъ Иванъ, успѣвшій проглотить огромную чарку водки, словно ягодку.

Хозяинъ покорился съ новымъ вздохомъ и больше не толковалъ, молча вынулъ гроши, гривны и сталъ ихъ на всѣ стороны обертывать, разглядывать, а потомъ принялся шопотомъ считать.

— Ты до трехъ-то сочтешь, или не сила твоя? спросилъ панъ Иванъ, но не очень сердито, потому что, спрашивая, наливалъ вторую чарку горѣлки, а спросилъ больше насмѣшливо, даже игриво.—Ты какъ считаешь-то?

— А я все *копами* считаю, пане Иване, отвѣчалъ хо-

зяинъ:—пять, шесть... нѣтъ лучше счета, какъ *копами*... семь, восемь... батько покойный отъ роду не ошибался... девять... и ни одинъ жидъ его не сбиль... одиннадцать... а ужъ извѣстно, что жида...

— Жида первые въ свѣтѣ хриstopродавцы! разсѣянно перебилъ панъ Ивалъ и, наливъ третью чарку, выпилъ ее и нѣкоторое время смирно и безмолвно слушалъ сужденія хозяина о нравахъ жидовъ, перерываемыя счетомъ грошей, устанавливаемыхъ кучками на столѣ.

Но послѣ четвертой чарки вся суровость пана Ивана возвратилась съ лихвою, лобъ насунился, лицо омрачилось. На ласковыя прощанія хозяина онъ ничего не отвѣтилъ, строго пересчиталъ поданныя деньги, засунулъ ихъ въ карманъ нетерпѣливою рукою, вышелъ быстрымъ шагомъ изъ хаты, отвязалъ кормившагося коня, назвавъ его прожорою, сурово приподнялъ шапку на всѣ привѣтствія, нахлопнулъ ее сейчасъ же почти на самые глаза, пустился вскачь со двора и скоро исчезъ среди широкой степи, ярко зеленѣвшей при играющемъ веселомъ солнцѣ.

XII.

Между тѣмъ какъ орлиныя очи Тараса жадно слѣдили за скакавшимъ вдоль по степи паномъ Иваномъ, Марусины очи, проводивъ всадника со двора, обратились на хозяина.

Хозяинъ стоялъ у воротъ и, казалось, безъ цѣли и мысли глядѣлъ вслѣдъ скакавшему пану Ивану, наблюдая, подобно Тарасу, его быструю ѣзду, да машинально прислушиваясь къ звуку копытъ по степи. Одною рукою ласкалъ онъ подошедшую собаку, а другою, въ видѣ зонтика, прикрывался отъ лучей солнца, бьющихъ ему въ лицо. Потомъ онъ, словно вдоволь насытившись зрѣлищемъ, медленно и безмятежно повернулъ отъ воротъ къ хатѣ, посматривая туда-сюда по двору съ тѣмъ пытливымъ видомъ, съ какимъ аккуратный, исправный и бдительный хозяинъ иногда посматриваетъ,

выискивая, нѣтъ ли гдѣ въ его исправномъ и безукоризненномъ хозяйствѣ чего такого, къ чему бы можно прицѣпиться и на что бы можно обратить свою ретивую хозяйскую дѣятельность.

— Дѣдъ! крикнулъ Тарасъ, очнувшись, наконецъ, отъ упорнаго созерцанія давно исчезнувшаго всадника.—Гдѣ вражеское войско стоитъ? Я думалъ въ Великой Ярузи, ажъ...

— А, дѣтки, вы тутъ въ садку гуляете? ласково промолвилъ панъ Кнышъ, останавливаясь на ходу и кивая головою.—Коли нагулялись, то берите дорогу до хаты, да „нехай хлѣбъ святыи не даромъ родить“!

И онъ, усмѣхаясь, пошелъ къ хатѣ, а они за нимъ.

Въ мгновеніе была принята прочъ фляжка и чарка, служившія пану Ивану; на столѣ появились вареники и коржи, и рѣзкій запахъ горѣлки замѣнился запахомъ свѣжей сметаны.

Тарасъ, хотя озабоченный тѣмъ, гдѣ теперь расположилось вражеское войско, при заботѣ этой не хуже кого другого уписывалъ вареники — уписывалъ такъ проворно, словно кидаль за себя,—но Марусъ не шла ѣда на умъ, и между тѣмъ, какъ ея тоненькіе пальчики ломали и крошили коржикъ, ея глаза не отрывались отъ хозяйскаго лица.

— Дѣдъ, а дѣдъ! снова началъ Тарасъ:—коли онъ поскакалъ къ Кривымъ-Хрестамъ, значитъ, ужъ войско не въ Великой Ярузи стоитъ?

— Надо полагать, хлопчикъ, надо полагать, отвѣчалъ снисходительно дѣдъ, усердно подставлявшій имъ яства.—А вотъ ты напомнилъ мнѣ одно дѣло, Тарасъ: надо бы провѣдать, что наши верши близъ Великой Ярузи.

— Я совсѣмъ забылъ про нихъ! вскрикнулъ Тарасъ, вскакивая съ мѣста, словно его кто скинулъ однимъ махомъ.

— Эхъ ты, хозяинъ! промолвилъ панъ Кнышъ, усмѣхаясь.

— Ну, дѣдъ! сказалъ Тарасъ:—и не знаю, какъ это я забылъ!

И онъ стоялъ передъ дѣдомъ въ совершенномъ недоумѣ-

ни, точно ему-то ужь никакъ не пристало, никакъ не годилось упускать изъ виду подобныхъ вещей въ хозяйствѣ.

— Пойду скорѣе, погляжу! проговорилъ онъ, приходя, наконецъ, въ себя отъ удивленія и прогоняя смущенье быстрымъ исполненіемъ рѣшеннаго вопроса.

Онъ выскочилъ изъ хаты, на минуту раздался его усердный топотъ, разъ донесся уже издали его голосъ, призывавшій Рябка—и все стихло.

Маруся осталась наединѣ съ хозяиномъ и теперь хозяинъ стоялъ передъ нею и смотрѣлъ на нее—смотрѣлъ инымъ взглядомъ, отъ котораго у нея сильно-сильно начало биться и трепетать сердце.

На ея глазахъ свершилась мгновенная, точно волшебная перемѣна или, точнѣе, преображеніе: панъ Кнышъ переродился. Вмѣсто лукаво-простодушнаго, добродушно-озабоченнаго хозяйскаго образа, передъ нею сверкали пронзительныя, проникающія, словно острый кинжалъ, очи; всѣ мягкія морщины исчезли, всѣ черты какъ-то иначе выяснились—не шутливо и не безмятежно было теперь это лицо,—даже ростъ сталъ выше, плечи шире, рамена мощнѣе.

Нѣсколько минутъ Кнышъ глядѣлъ на Марусю, а Маруся на него, словно зачарованная птичка, потомъ онъ сказалъ,—и голосъ у него иной сталъ: до того звучнѣе и полиѣе, что на прежній походилъ только, какъ походить скрипка съ оборванными струнами на скрипку настроенную и поющую подъ искусною рукою.

— Маруся, сказалъ онъ:—тутъ недалеко находится одинъ пріятель твой и хочетъ съ тобою словца два перемолвить,—можетъ, ты-бы поспѣшила къ нему?

Понявъ Марусинъ отвѣтъ безъ словъ, которыя сильная радость перехватила, какъ острый ножъ, онъ сдѣлалъ ей знакъ слѣдовать за собою.

Онъ вышелъ изъ хаты во дворъ. Марусины глаза съ радостнымъ недоумѣніемъ остановились на ворохѣ старыхъ камней, около котораго она слышала голосъ, возвратившій ей бодрость и радость, но Кнышъ не сдѣлалъ къ нему и

шагу—онъ остановился, зорко поглядѣлъ во всѣ стороны и свиснулъ; сторожившій у воротъ Воронъ въ два прыжка очутился подлѣ, сѣлъ на заднія лапы, закинулъ голову и толково и внимательно глядѣлъ въ глаза хозяина, въ ожиданіи приказаній.

— Нѣтъ чужого близко, Воронъ? спросилъ Кнышъ.

Воронъ въ отвѣтъ какъ-то особенно тихо и выразительно взвизгнулъ, будто говоря: охъ, будьте спокойны! и, какъ бы въ большее доказательство, что можно на этотъ счетъ быть совершенно безпечными, началъ ловить и глотать мошекъ, пользуясь свободнымъ временемъ, выпадающимъ между серьезныхъ заботъ и важныхъ занятій.

Кнышъ снова ввелъ Марусю въ сѣни, но, вмѣсто хатныхъ дверей, отворилъ двери напротивъ, въ комнату, преисполненную запасами всего, что служить на поддержаніе жизни человѣку: едва можно было двигаться между многочисленными мѣшками муки, крупъ, пшена, гороху, маку, бобовъ; свѣтъ затемняли гирлянды висѣвшаго хмелю, колбасъ, сушеныхъ яблокъ; коши яицъ, готовыхъ раскатиться отъ неосторожно сдѣланнаго шага, заставляли боязливо пріостанавливаться, въ немалую тревогу вводили и строи бутылей и флажекъ, пересѣкавшіе путь.

Маруса остановилась при входѣ, выбирая, куда лучше ступить—всюду былъ шагъ опасенъ. Она обратила глаза на Кныша, притворявшаго за собою двери, и вдругъ увидала у самаго порога отверстіе внизъ подъ полъ и ведущую въ подполье лѣстницу.

— Тихонько спускайся, дивчино, сказалъ Кнышъ.— Береги свои ножки!

XIII.

Они начали спускаться внизъ по ненадежной лѣсенкѣ, которая гнулась и трепетала подъ ними, какъ живая.

Маруса не замѣтила, какимъ образомъ открылось подполье, и какъ оно закрылось, она замѣтила только потому, что они вдругъ очутились въ темнотѣ.

Чѣмъ ниже они спускались по лѣсенкѣ, тѣмъ воздухъ становился свѣжѣе и сырѣе, какъ бываетъ въ погребѣхъ, куда не заглядываетъ отъ роду теплый и ясный лучъ солнца. Время отъ времени она чувствовала прикосновеніе надежной и увѣренной руки, заботливо ее поддерживавшей.

Наконецъ, лѣстница окончилась и Маруся очутилась на днѣ глубокаго погреба.

Въ то же мгновеніе проводникъ взялъ ее за руку и повелъ за собою.

Шли они не долго; едва сдѣлали нѣсколько шаговъ въ темнотѣ, какъ широкая полоса дневного свѣта ярко пала сверху и освѣтила Марусѣ просторное подземелье, по которому спокойно прогуливался взадъ и впередъ сѣчевикъ, погруженный въ какія-то соображенія, но не утратившій ни крошки своей обычной чуткости и бдительности и въ ту же секунду слышавшій и завидѣвшій посѣтителей.

— А, Маруся малая, порадица вѣрная! промолвилъ онъ, встрѣчая ихъ съ спокойною улыбкою, словно гостей на мирномъ и пріятномъ праздникѣ.

Онъ не выказалъ волненія и только на мгновеніе, не больше, его свѣтящіяся очи потонули въ устремленныхъ на него съ радостію и упованіемъ глазахъ дѣвочки.

Но существуетъ какая-то тайная, непонятная сила, выдающая въ инны минуты жизни даже глубоко сокровенное біеніе сердца, и панъ Кнышъ отлично угадалъ и понялъ, что маленькая дѣвочка уже стала для запорожца всѣмъ, что красить и освѣжаетъ, что чаруетъ и наполняетъ отрадою и нѣжностію трудную, суровую, одинокую жизнь, исполненную опасностей.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ угадалъ и порѣшилъ это дѣло, на лицѣ его мелькнуло то особое выраженіе какого-то томленія, какой-то жажды обрѣсти предметъ нѣжности, какое то выраженіе горечи, что не встрѣчаютъ его глаза такого предмета, куда ни обращаются, то особое выраженіе промелькнуло, которое рано или поздно промелькаетъ у всякаго, даже самаго сильнаго духомъ, самаго твердаго нравомъ одинокаго человѣка.

— Пройдемте подальше, сказалъ Кнышъ:—тамъ удобнѣе будетъ присѣсть и потолковать: слышнѣе будетъ, въ случаѣ какого неожиданнаго посѣщенья...

Они прошли еще впередъ по подземелью, которое то суживалось, то распирилось, то не пропускало ни искорки свѣта, то свѣтъ его освѣщаль, падая сверху, кругами, полосами, звѣздами, треугольниками и всевозможными фигурами, смотря по тому, какую лазейку устроила природа. Иногда этотъ свѣтъ падалъ сквозь трещину, словно сквозь круглое окно, иногда снопомъ лучей проникалъ чрезъ маленькіе отдушники, или узкою полосою дрожалъ на черной земляной стѣнѣ.

Вездѣ, гдѣ только свѣтъ проникалъ, были подмоцены лѣсенки и скрытый въ подземельѣ могъ, по своему желанію, не только наслаждаться свѣтомъ дня, но даже и видѣть, что творится во дворѣ, между тѣмъ, какъ самъ оставался невидимъ.

Всѣ помолчали, какъ часто бываетъ, когда за живое задѣнетъ и сильно повернетъ сердце человѣческое какая мысль, или какое чувство.

— А временемъ мы не богаты! проговорилъ Кнышъ, обращаясь къ сѣчевiku.

— За то не бѣдны вымысломъ, отвѣчалъ сѣчевикъ:— не побираемся ни отвагою, ни здоровьемъ!

— По-моему, коли въ путь, то въ путь!

— А вже-жъ! выражай меня, пріятель, а я такъ охотъ, какъ поповна замужъ!

— Такъ за дѣло! сказалъ Кнышъ.

Онъ отошелъ нѣсколько шаговъ въ бокъ и тотчасъ-же вернулся съ полною охапкою поношенныхъ убогихъ сельскихъ одеждъ, съ накладною сѣдою бородою, усами и бровями, съ сумою и съ бандурою, точно все это досталъ изъ-подъ земли.

— Такъ дивчина пойдетъ съ тобою? сказалъ Кнышъ, разбирая принесенную охапку.

— Маруся, пойдешь со мною? спросилъ сѣчевикъ.

— Пойду, отвѣчала Маруся.

— А знаешь, куда итти-то, дивчина? спросилъ Кнышъ.

— Знаешь куда? повторилъ сѣчевикъ.

— Не знаю. Пойду, куда скажешь, отвѣчала Маруся.

И радостно, и тепло, и бодро было у нея на сердцѣ при мысли итти.

— Такъ вотъ уборъ дивчинѣ, да пусть принаряжается, коли думаетъ итти, сказалъ Кнышъ, выбирая изъ охапки убогій дѣвичій уборъ и подавая его Марусѣ, какъ подаетъ изъ яйца букетъ цвѣтовъ искусный отводчикъ глазъ человѣческихъ—фокусникъ.

— Славный бандуристъ изъ тебя выйдетъ, пане пріятелю! говорилъ Кнышъ, глядя, какъ сѣчевикъ прибирался въ одежды странствующаго пѣвца.—Да и поводырь у тебя будетъ щирый! прибавилъ онъ, перенося взглядъ на Марусю и улыбаясь усердію, съ какимъ она вся предалась переодѣванью, далеко отбрасывая свои красивыя одежды и жадно облакаясь въ ветхія и плохія „дранки“.

— Пойдемъ, Маруся, къ самому пану гетману! сказалъ сѣчевикъ.

Сіяющій взглядъ, отвѣтившій ему, навелъ на него какую то думу, но не надолго.

— Тѣмъ временемъ, какъ мы прибираемся въ путь, пане пріятелю, сказалъ онъ Кнышу:—ты, будь ласковъ, поучи насъ уму-разуму. Расскажи толкомъ, что тутъ у васъ дѣется. Вотъ я уже больше мѣсяца *никаю* помежъ людомъ, а до сего часу ничего не добился ни путнаго, ни вѣрнаго: больше согласья у молодежи на великомъ торгу, чѣмъ у васъ на слаеной Украинѣ!

Кнышъ все молча слѣдилъ за переодѣваньемъ и, какъ человѣкъ, больше знакомый съ осмотрительностью, чѣмъ съ откровенностью и отвагою, вмѣсто знаковъ согласія или отрицанія, только время отъ времени слабо проводилъ рукою по струнамъ бандуры, которую держалъ.

— У тебя каковы вѣсти? Ты вѣдь на свободѣ толкуешь, безъ спѣху, а мое дѣло такое, какъ въ догонку цѣловаться... ты, значить, лучше все разумѣешь и разбираешь, чѣмъ я, продолжалъ сѣчевикъ.

— Да что! отвѣтилъ Кнышъ,—ропщеть народъ... *То-юбочному* давно не вѣрить и *сеюбочному* вѣрить перестаетъ... Времена незавидныя. Съ одного боку москаля, съ другого—ляхи, съ третьяго—татары, а дома два гетмана другъ на друга *чеснокъ товчуть*...

— Сказывали, что нашъ подался здоровьемъ; правда?

— Боленъ онъ не былъ, а съ лица спалъ; да и не диво: горе только одного рака красить! отвѣчалъ Кнышъ.

— А *тотъ*?

— *Тотъ*? О *толзъ*, коли добрые слухи собирать, то, исхивши всю Украину, вернешься съ пустыми руками, а коли собирать худые, то оглохнуть можно всюду, куда ни приду.

— Кто тамъ около него изъ нашихъ?

— Антонъ еще держится, да и тотъ говорить, что уже не втерпежъ: такимъ еще плюгавцемъ никогда, говорить, я не бывалъ. Въ случаѣ чего, помни, что жинка у него добрая.

— Вправду? Та великая пани?

— Да, та великая пани. Бываетъ, что и между крапивою растетъ *кйло* *).

— Она у него откуда?

— Не знаю.

— Коли съ ихъ поля ягода, такъ не вѣрь: будетъ все тотъ самъ звѣрь, только подъ другой приправой. Такъ нашъ крѣпко подался?

— Подался.

— Кто тамъ у него въ совѣтчикахъ теперь?

— Никого. Сидитъ одинъ, какъ подстрѣленный орелъ.

— Ему трудно.

— Трудно.

Сѣчевикъ былъ уже готовъ и принялъ бандуру изъ рукъ Кныша.

Маруся тоже была готова и всѣ вышли изъ подземелья.

---

*) Кйло—ковыль-травя.

Отряды, проѣзжавшіе подъ вечеръ мимо хутора, видѣли почтеннаго бандуриста, сидящаго на заваленкѣ хаты пана Кныша, тихо перебирающаго струны и протяжно поющаго божественные псалмы, между тѣмъ, какъ поводырь его, пользуясь отдыхомъ, спалъ на травѣ, а панъ Кнышъ, склонивъ голову, смиренно и нѣсколько трусливо слушалъ эти божественные гимны, какъ человѣкъ, смутно чувствующій, что онъ не всегда шествовалъ по стезѣ, указанной въ псалмахъ.

XIV.

Въ сумерки бандуристъ съ своей поводыркой уже были около стана, расположившаго свои походныя палатки недалеко отъ рѣки, на пригоркѣ, среди широкихъ, благоухающихъ свѣжихъ полей.

Вечернія тѣни уже сгущались и только на западѣ свѣтила ярко-алая полоса вечерней зари.

Въ станѣ было очень тихо. Стража, позлащенная вечерними лучами, казалась вылита изъ металла по своей неподвижности и блеску. Нѣсколько фигуръ ходило быстро, суетливо, нѣсколько другихъ медленно бродило; въ одной палаткѣ, несмотря на еще несовсѣмъ погасшій дневной свѣтъ, теплилась уже, сквозь бѣлое полотно, зажженная свѣча; время отъ времени звякало тамъ, или сямъ оружіе, раздавался голосъ.

Появленіе бандуриста издалека было усмотрѣно и замѣчено, но онъ спокойно приблизился къ самому стану и потому никакого сомнѣнья, ни опасенья не возбудилъ.

Его появленіе многимъ даже доставило видимое удовольствіе; когда онъ заигралъ на бандурѣ и медленно, торжественно запѣлъ божественный псалмъ, всѣ слушали, задумавшись.

Многія головы, перевязанныя окровавленными повязками, приподнялись съ очевиднымъ намѣреніемъ кинуть приношеніе къ ногамъ пѣвца, и сознаніе слабости вырвало у иныхъ восклицаніе досады, у иныхъ грустную усмѣшку; одинъ сдѣ-

лалъ знакъ проводницѣ подойти ближе, показывая ей издали грошъ.

Дѣвочка, однако, стояла въ нерѣшимости—бандуристъ ей ничего не говорилъ, вѣроятно, потому, что, по крайней слабости старческаго зрѣнія, не видалъ сдѣланнаго знака.

— Подойди, красная дѣвушка, проговорилъ раненый:— я тебя не укушу, а грошикъ дамъ!

Другія руки тоже протянулись съ приношеніемъ, другіе голоса тоже звали дѣвочку, и она пошла кругомъ, кланяясь и собирая дрожащею рукою приношенія, встрѣчая ласковые взгляды, выслушивая шутливыя привѣтствія.

Но тутъ бандура такъ зазвучала у бандуриста, что все вниманіе обратила на себя.

Что это была за пѣсня—разобрать было трудно: не то угрожающій гимнъ, не то мучительный стонъ.

Все притихло, слушая, поглощенное непонятною силою; робкая дѣвочка съ опущенною головкой и дрожащею ручкой была забыта. Всѣ увлеклись бандуристомъ.

Въ прозрачномъ тихомъ воздухѣ, въ свѣтозарной мглѣ розоваго вечера гудѣло, дрожало и разливалось:

Ой ты ремезо, ой ты ремезонько,
Да не мости гнізда, да по надъ Десною!
Бо Десна—Десны що дня прибуває,
Вона твоихъ дітокъ да позатоплює *)!

Какой-то молодой офицеръ, красивый, какъ картина, самодовольный, удалой, съ военными ухватками и военнымъ выраженіемъ лица, вышелъ изъ палатки.

Онъ вышелъ, очевидно, отъ скуки, отъ нечего дѣлать, но, услыхавъ пѣнье бандуриста, пріостановился, потомъ пересталъ пускать дымъ колечками, потомъ забылъ курить трубку, потерялъ воинское выраженіе лица и фигуры.

Что-то давнымъ-давно заглохшее, что-то давнымъ-давно позабытое ему вспомнилось.

---

*) О, ремезъ, не свивай гнѣзда около Десны: вода въ рѣкѣ съ каждымъ днемъ прибываетъ и твои дѣти будутъ затоплены.

Въ инныя минуты странно преображаешься ты, образъ человѣческій!

На лицѣ офицера, всего за нѣсколько секундъ предъ тѣмъ являвшемъ, такъ сказать, одинъ воинскій парадъ, теперь заиграло совсѣмъ иное.

Даже черты словно стали другія. На гладкомъ, отлогомъ лбу собрались, можетъ, отъ роду тутъ небывалыя складки, губы, щеголявшія, какъ лучшимъ украшеніемъ, самодовольною и нѣсколько наглою улыбкою, сжались, глаза, имѣвшіе только способность глядѣть по-военному, чудесно смягчились.

Грозное, зловѣщее пѣнье бандуриста перешло въ другое, до того преисполненное отчаянной, безсильной тоски, что одинъ раненый солдатъ проговорилъ:

— Ахъ, жилы изъ меня тянуть!

Зажурилась Украина *),
Що нігде прожити,
Вытоптала орда киньми
Маленькія дити.
Що малині вытоптала,
Старин побила,
Молодую челядоньку
У полоня забрала!

Слушая это незатѣйливое изложеніе фактовъ, офицеръ какъ-бы спрашивалъ себя о многомъ такомъ, о чемъ прежде спрашивать не было помышленія.

Можно было навѣрное сказать, что въ этотъ моментъ онъ не крикнулъ бы съ прежнимъ удалствомъ:

— Пли!

Какой-то усатый солдатъ, напоминавшій цвѣтомъ и изъ-янами израненнаго тѣла старую, поломанную мѣдную статую грубой работы, могущую олицетворять собой представленіе грубой, свирѣпой жестокости, сначала мрачно, но неподвижно, слушалъ пѣніе, потомъ отошелъ дальше, потомъ скрыл-

---

*) Плачетъ Украина, потому что негдѣ укрыться отъ бѣды. Татарская орда потоптала дѣтей, позабивала старыхъ, а молодежь забрала въ плѣнъ.

ся за палатку, легъ на траву, прикрылся шинелью и по его закаленному лицу потекли обильныя теплыя слезы—слезы, не выдавшія себя ни рыданьемъ, ни вздохомъ, совсѣмъ тихія, тише весенняго благодатнаго дождя въ степи.

Вдругъ пѣнье оборвалось, бандура зазвучала быстрѣе, быстрѣе, быстрѣе и воинскій станъ огласился плясовыми звуками.

Да продала дівчиненька юпку *),
Да купила козакови люльку,
Люльку за юпку купила—
Вона жъ его вѣрно любила!
Да продала дівчиненька душу,
Да купила тютюну папушу,
Папушу за душу купила—
Вона жъ его вѣрно любила!

Раздался съ разныхъ сторонъ хохотъ; нѣкоторые принялись подтягивать, качать въ тактъ головою.

— Ай да бандуристъ! слышались восклицанія:—ай да бандура!

Много шутилыхъ пѣсенъ еще пѣлъ бандуристъ въ потѣху воинамъ, и не безъ сожалѣнія они распрощались съ нимъ, не безъ удовольствія приняли его обѣщаніе возвратиться снова и снова ихъ потѣшить.

— Куда идешь? говорили нѣкоторые.—Ночь вѣдь на дворѣ, а дороги-то, извѣстно, не надежныя...

— Старцу разбой не страшенъ, отвѣчалъ безпечный бандуристъ, уходя, и скоро скрылся съ своею проводницею во мглѣ лѣтняго вечера.

---

*) Прдала дѣвушка душегрѣйку да купила козаку трубку. Не пожалѣла душегрѣйки—она его вѣрно любила. Прдала дѣвушка душу и купила козаку пачку табаку. Не пожалѣла души—она его вѣрно любила!

XV.

Уже звѣзды загорѣлись въ небѣ, а сѣчевикъ съ Марусею все шли тихою, безбрежною, задремавшею степью.

Все вокругъ нихъ безмолвствовало и сами они не промолвили слова.

Да и что говорить, когда рука съ рукою идешь на доброе дѣло?

Да, хорошо было такъ идти рука съ рукою по дремавшей степи, среди ночного безмолвія, чувствуя только бѣенье своего переполненного сердца!

Они не знали, долго-ли шли, и мы не станемъ высчитывать того—часы эти были добрые, значить, нечего было знать ихъ—сами пролетѣли птицею.

Передъ ними мигающими точками мелькнули во мглѣ огни, а скоро во мглѣ-же очертились и темныя очертанія стѣнъ и зданій.

Угрюмъ и мраченъ былъ видъ этого города, черно рисовавшася въ ночной темнотѣ, сверлаваго мелкими огненными точками. Обычнаго торопливаго городского шума не было слышно, обычной вертлявой городской суеты не было замѣтно; совсѣмъ иная жизнь здѣсь проявлялась: не тѣ были отзвуки шаговъ, не тѣ отклики голосовъ. Какъ въ природѣ видно приближеніе наступающей грозы, такъ въ этомъ городѣ все дышало готовностью къ битвѣ и отпору; чѣмъ это особо выражалось—нельзя опредѣлить точно, но выражалось на всемъ: и на убогихъ низкихъ хатахъ среди садиновъ, и на высокой *дзвоницѣ* *), и на старыхъ городскихъ стѣнахъ, и на свѣже-подсыпанныхъ валахъ. Все здѣсь приняло характеръ рѣшительнаго отпора, хотя соловьи по весеннему заливались и щебетали по садикамъ, и женскія фигуры спокойно проходили по улицамъ.

Никто не окликнулъ ихъ, когда они подошли къ городскимъ воротамъ, и они ступили въ городъ безъ помѣхи и

*) Колокольня.

затрудненья; но всякая пара глазъ, казалось, замѣтила ихъ и слѣдила за ними бдительно и зорко.

— Эй, братику! сказалъ сѣчевикъ, обращаясь къ молодому козаку, ждавшему чего-то, опершись на садовый плетень около хатки съ свѣтившимся окошечкомъ.— Эй, братику! будь ласковъ, покажи старому бандуристу, какъ достигнуть до пана гетмана!

Молодой козакъ, приподнявъ шапку и указавъ во мглу улицы, усѣянной, словно искорками, отблесками изъ окошечекъ, проговорилъ:

— Минувши эту улицу, направо будетъ гетманская хата.

Они, поблагодаривши козака, минули указанную улицу и угадали, которая направо гетманская хата, по болѣе яркому освѣщенію и по тому, что двѣ дивчины, проходя мимо, приостановились, заглянули въ окошко и сказали: „панъ гетманъ, должно быть, не спитъ“.

Въ этомъ окошечкѣ ярко обрисовывалась голова уса-таго козака, точно вырѣзанная изъ чернаго камня, склонившаяся на руку въ глубокой думѣ. Прислушавшись, можно было слышать мужскіе шаги по свѣтлицѣ, шаги то медленные, то быстрые, удивительно-выразительные шаги.

Сѣчевикъ постучался.

Усатый козакъ покинулъ думать, всталъ и отворилъ двери.

Шаги въ свѣтлицѣ прекратились мгновенно и наступила совершенная тишина.

— Пану гетману пріятели поклонъ прислали, промолвилъ сѣчевикъ, вступая въ хату рука-объ-руку съ Марусею.

То была незатѣйливая свѣтлица; въ слѣдующую двери были затворены.

— Спасибо за пріятельскую ласку! отвѣчалъ усатый козакъ равнодушно-привѣтливо, словно подобныя посѣщенія случались сплошь да рядомъ.

— А можно видѣть гетманскія ясныя очи, братику? спросилъ сѣчевикъ.

Но двери изъ слѣдующей свѣтлицы уже распахнулись, самъ панъ гетманъ стоялъ передъ ними, и вся его фигура спрашивала безъ словъ: откуда гости? каковы вѣсти?

Свѣтъ огня освѣщаль его не всего, а полосами и искрами: то сверху, то сбоку, то снизу. Онъ весь являлся въ черныхъ тѣняхъ и въ трепетномъ узорномъ освѣщенъѣ. Чертъ лица невозможно было хорошо уловить, только очи, пронзительныя и пытливыя, сверкали въ полутемнотѣ, какъ уголья.

— Челомъ бю пану гетману! сказалъ сѣчевикъ, увидя его, и низко поклонился.

Низко поклонилась и Маруся пану гетману.

— Спасибо, отвѣтилъ панъ гетманъ.—А какую пѣсню пропоешь намъ, ласковый бандуристъ?

Самый звукъ голоса уже показалъ человѣка, привыкшаго повелѣвать, а не слушать повелѣнья—человѣка, привыкшаго безъ запинки высказывать свои желанья и мнѣнья и безъ колебанья и страху ихъ оспаривать и за нихъ стоять.

— Развѣ свою, пане гетмане, потому что не сижу на чужомъ возу и не подтягиваю за хозяйскую ласку.

Панъ гетманъ ничего не отвѣтилъ на это, но никакія слова не передали бы лучше удивленія, гнѣва и горести, чѣмъ это молчаніе.

— Откуда Богъ несетъ? спросилъ панъ гетманъ.

— Изъ Запорожья, отвѣчалъ сѣчевикъ.—Запорожцы приказали низко кланяться вельможному пану гетману.

— Спасибо, промолвилъ гетманъ.—Милости просимъ до моей свѣтлицы.

Сѣчевикъ послѣдовалъ за гетманомъ во вторую свѣтлицу, и Маруся, все еще державшаяся за его руку, вошла тоже въ гетманскій покой.

Убранства въ этомъ покоѣ не было никакого особеннаго: тѣ-же бѣлыя стѣны, тѣ-же липовыя лавки, какъ и въ простой козацкой хатѣ, только много разнаго и дорогого оружія и по стѣнамъ висѣло, и по угламъ стояло; на столѣ лежалъ бунчукъ и бумаги. Гетманскіе жупаны висѣли на

колкахъ и блестяи шитьемъ. Кровать стояла какою-то неприступною для сна и успокоенья и столкнутая съ изголовья подушка ярко и несомнѣнно выражала, въ какомъ жару и мукѣ была приклонявшаяся къ ней не надолго голова.

— Прошу садиться, промолвилъ панъ гетманъ.

И самъ сѣлъ и устремилъ огненные очи на сѣчевика.

Всѣ его члены видимо трепетали, точно онъ сдерживалъ себя и эта узда докучала ему и раздражала его.

— Извини, пане гетмане, отвѣчалъ ему сѣчевикъ:— вотъ видишь, у меня поводырѣ маленькій, утомился—ажъ привялъ; надо бы отдохнуть ей бѣдняжкѣ...

Панъ гетманъ всталъ и, сдернувъ съ ближайшаго колышка великолѣпный жупанъ, кинулъ его сѣчевику. Потомъ глаза его пали на персидскій коверъ, покрывавшій большую скамью; онъ сдернулъ его однимъ движеніемъ и тоже кинулъ сѣчевику, съ нетерпѣніемъ слѣдя за его заботами о поводырѣ.

Ни одна нянька не перещеголяла бы сѣчевика въ быстротѣ и ловкости, съ какою онъ постлалъ персидскій коверъ на лавкѣ, искусно устроивъ изголовье безъ подушки; да и какая-же нянька могла бы бережнѣе и нѣжнѣе приподнять Марусю и заботливѣе, ласковѣе опустить ее на постель и прикрыть великолѣпнымъ гетманскимъ жупаномъ?

Съ какимъ наслажденіемъ усталые члены коснулись этого ложа, приготовленнаго вѣрно и надежною рукою!

Но спать дѣвочка не могла; сна у нея совсѣмъ не было. Она даже не дремала; изъ подъ падавшихъ складокъ гетманскаго жупана очи ея приковывались невольно и непобѣдимо къ двумъ собесѣдникамъ и слѣдили за ихъ малѣйшимъ движеніемъ, ловили самое мимолетное выраженіе ихъ лицъ.

Они сидѣли у стола, другъ противъ друга и свѣтъ ярко плававшей восковой свѣчи совершенно освѣщалъ ихъ лица и фигуры.

Что за мощная фигура сѣчевика! Сила, краса его исполняли сердце дѣвочки какимъ-то благоговѣніемъ и упованіемъ.

Но другая фигура!

Душа ея исполнилась жалостью и трепетомъ, когда она глядѣла на эти впалыя очи, мрачно и тревожно сверкавшія изъ подъ густыхъ бровей, на несвоевременныя морщины, избороздившія величавое и гордое чело, на всѣ слѣды разрушенія внутреннимъ огнемъ—огнемъ, казалось, неугасаемымъ, палившимъ безостановочно и неотступно.

Они оба тихо говорили. Очень тихо и сдержанно.

Она долго вслушивалась въ этотъ разговоръ, какъ вслушиваются въ отдаленный шумъ моря.

Наконецъ, усталость взяла свое, глаза ея вдругъ сомкнулись и она уснула..

XVI.

Маруся спала, какъ спятъ на берегу моря: и спишь, и чуешь, что вокругъ тебя грозная пучина, и улавливаешь сквозь сонъ ея грозный ропотъ, и хотя грезится многое свое, но неотступно мерещатся безбрежно колыхающіяся волны.

Ей представлялся отцовскій хуторъ, благоухающій вишневый садикъ, знакомыя родныя лица, но все это какъ-то странно, не то чтобы линияло, а лучше сказать, тонуло въ туманѣ, отодвигалось на задній планъ; на первомъ планѣ ярко сіяли новые образы.

Вдругъ она мгновенно пробудилась и быстро приподнялась на своемъ ложѣ.

Сѣчевикъ сидѣлъ, по прежнему, облокотясь на столъ и, по прежнему, его очи горѣли, какъ двѣ яркія звѣзды, ослѣпительно, спокойно и ровно, какъ настоящее свѣтило.

Панъ гетманъ стоялъ посреди хаты. Видно было, что онъ рванулся съ мѣста въ ту самую минуту, когда его уязвила страшная боль, рванулся и остановился, какъ бы ошеломленный мѣтко попавшимъ ударомъ.

У пана гетмана тоже горѣли очи, но горѣли иначе; мучительно замирало сердце, чувствуя, что изъ этихъ очей могутъ сейчасъ же хлынуть отчаянныя, жгучія слезы. Гордое

чело побѣлѣло отъ обуревавшихъ мукъ и терзаній и залегшія на немъ морщины, казалось, видимо бороздились все глубже и глубже.

— *Чи плакавъ бы слѣпъ, якъ би стежку бачивъ! *)* проговорилъ онъ, наконецъ.—А время идетъ! время идетъ! А согласія нѣтъ! помощи нѣтъ! Я знаю, я сунулся въ воду, не спросившись броду, знаю! Да и вы къ доброму берегу не приплывете!! Вижу я, какой конецъ будетъ!

Голосъ у него прервался.

Сѣчевикъ молчалъ и только пристально глядѣлъ на пана гетмана.

Панъ гетманъ заговорилъ снова:

— Такъ вы такъ ужъ и посчитали, что я на Іудины гроши соблазнился, а? Добрые люди! добрые люди! Вы...

— Пане гетмане! почтительно прервалъ его сѣчевикъ:— позвольте вашей милости притчу доложить?

— Говори!

— Жили-были два добрыхъ пса...

— Знаю, знаю, знаю!

Панъ гетманъ кинулся на скамью у стола, протянулъ руки на столъ и припалъ на нихъ головою.

Лица его не было видно, но по одному склоненью немѣющей гнутья шеи угадывалось, какъ тяжела бываетъ гетманская шапка.

Такъ оставался онъ нѣсколько минутъ.

Сѣчевикъ, все также пристально и внимательно глядѣвшій на него своими звѣздоподобными глазами, казалось, не считалъ нужнымъ обращаться къ собесѣднику съ какими бы то ни было вопросами, объясненіями или рѣчами.

Наконецъ, панъ гетманъ поднялъ голову.

— Такъ что-жъ мнѣ, по вашему, нести вамъ повинную голову, а?

Голосъ его былъ сдержанъ, но въ немъ слышалась глубокая, ѣдкая горечь; блѣдное лицо какъ-то медленно пердегивалось.

— А мы же присягали, пане гетмане, эту голову нашу нести, куда надо, за родину. Не въ нашей головѣ тутъ сила.

Панъ гетманъ быстро всталъ, прошелся по свѣтлицѣ, какъ вдругъ вскакиваютъ и дѣлаютъ кругъ раненные звѣри, подошелъ къ окну, поглядѣлъ во мглу благоухающей, тихой и теплой ночи, на сверкающія мириады звѣздъ и опять сѣлъ у стола.

Наступило долгое молчаніе и такъ стало тихо, что Маруса слышала биенье своего сердца.

Наконецъ, панъ гетманъ снова всталъ, подошелъ къ полкѣ въ углу, взялъ оттуда чернильницу, перо и бумагу, перенесъ на столъ, разложилъ какъ бы для письма и опять удалился къ окну, опять глянулъ въ благоухающую мглу теплой ночи, на искрометныя звѣзды и оттуда проговорилъ глухо, какъ будто горло его сдавливала желѣзная рука:

— Я ему напишу все, что требуется.

— Доброе дѣло, отвѣтилъ на это сѣчевикъ.

Еще на нѣсколько минутъ наступило молчаніе.

Между тѣмъ, глаза сѣчевика встрѣтились съ глазами Маруси и онъ ласковымъ знакомъ головы и улыбкой далъ ей понять, чтобы она постаралась снова заснуть и отдохнуть.

Но она, въ отвѣтъ, указала на пана гетмана.

Онъ понялъ, что ее мучить, и опять отвѣтилъ ей успокоивающимъ знакомъ.

Панъ гетманъ подошелъ къ столу и началъ писать.

Важное, надо полагать, было это письмо и трудно ему было писать.

Когда оно было окончено, панъ гетманъ передалъ его сѣчевику.

— Прочти! проговорилъ онъ.

Сѣчевикъ прочелъ исписанный листокъ, сложилъ и, взявъ свою бандурскую шапку, бережно засунулъ его подъ шапочную подкладку.

— Когда-жъ доставишь? спросилъ панъ гетманъ.

— Какъ только донесетъ меня Богъ и добрая доля, такъ и доставлю, отвѣтилъ сѣчевикъ.

И съ этими словами онъ всталъ.

— Идешь? спросилъ панъ гетманъ.

— Иду, пане гетмане; счастливо вамъ оставаться.

Маруся въ одно мгновенье была тоже на ногахъ.

— Меня не покинешь? спросила она.

— Нѣтъ, не покину, отвѣтилъ ей сѣчевикъ, слегка наклоня надъ нею свое смуглое лицо.—А коли утомилась, такъ на рукахъ понесу.

Маруся схватила его за руку.

— Бью челомъ пану гетману, сказалъ сѣчевикъ, низко кланаясь.

— Онъ продать насъ! глухо проговорилъ панъ гетманъ.

— Милостивый Богъ не выдастъ, супоросная свинья не съѣстъ! возразилъ сѣчевикъ.

— Съ нимъ нельзя правдою! воскликнулъ панъ гетманъ;—нельзя...

— Ничего, пане гетмане, ничего: *de ne хватае вовчої шкіри, тамъ мы наставимо лиса* *), проговорилъ сѣчевикъ:—будьте здоровы и насъ поджидайте. Пойдемъ, Маруся малая.

Они вышли изъ гетманской свѣтлицы и направились опять къ городской заставѣ.

Все было тихо и темно по улицамъ; вишневые садики мягко бѣлѣлись; гдѣ-то глухо журчала вода.

Отойдя нѣсколько шаговъ, Маруся оглянулась на гетманскую хату.

Въ отворенныхъ дверяхъ, чрезъ которыя они только что вышли, стоялъ панъ гетманъ, и глядѣлъ имъ въ слѣдъ.

При неясномъ свѣтѣ мерцающихъ звѣздъ, едва виднѣлась его фигура, но и это неясное очертанье было до того преисполнено выраженьемъ муки, что у Маруси сердце больно забилося.

---

*) Гдѣ не хватаетъ волчьей шкуры, тамъ мы наставимъ лисей.

— Утомилась, Маруся? спросилъ сѣчевикъ, пробираясь по излучистымъ переулкамъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она.—Мнѣ хорошо итти. Далеко могу, куда хочешь!.. Мы далеко пойдемъ?

— Далеко.

Нѣсколько времени они шли молча. Раза два или три, имъ то навстрѣчу попадались, то перегоняли ихъ чигиринскіе жители—все сильные, крѣпкіе люди, которые, какъ будто, мимоходомъ, только взглядывали на нихъ и затѣмъ повертывали своею дорогой.

У заставы вдругъ поднялся съ земли какой-то гигантъ, съ аршинными усами и воздвигся передъ бандуристомъ на подобіе колоколни.

— Куда Богъ несетъ, ласковый пане бандуристъ? спросилъ онъ.

— Туда, гдѣ добрые люди, шановный земляче.

— Ну, а какъ повстрѣчаются злые, пане бандуристъ?

— Волка бояться, такъ и въ лѣсъ по ягоду не ходить, земляче.

— Кабы я былъ козакъ сильный, пане бандуристъ, я бы поклонился тебѣ и попросилъ-бы... да несмѣлый я козакъ!

Маруся пожелала лучше поглядѣть на этого „несмѣлаго“, но голова его была такъ отъ нея высоко, что она могла видѣть только висячіе, какъ снопы свѣжей степовой травы, усы.

— Ничего, осмѣлся, отвѣтилъ бандуристъ.

— Спой ты мнѣ какую ни на есть думку.

— Изволь.

Бандуристъ тихонько заигралъ на бандурѣ и тихо запѣлъ:

Ой послушайте, ой повідайте,
Що на Вкраїні постало:
Підъ могилою, підъ Сорокою,
Множество ляхівъ пропало *).

---

* Послушайте, поглядите, что на Украинѣ дѣлается: подъ Сорокою-Могилою побито множество ляховъ.

Когда пѣнье смолкло, „несмѣлый“ козакъ отодвинулся въ сторону и бандуристъ съ Марусею свободно вышли за заставу.

Дорога вилась далеко-далеко черной змѣю по мягкой, густой муравѣ. Въ чигиринскихъ садикахъ пѣли соловьи.

XVII.

Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ свиданья съ паномъ гетманомъ, тихимъ чудеснымъ вечеромъ, старый бандуристъ съ своимъ поводыремъ медленно подходилъ къ сожженному селу.

Видно было, что эти путники не баловали себя излишнимъ отдыхомъ: впалые глаза блестѣли какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ на запыленныхъ, загорѣлыхъ лицахъ; губы пересохли и потрескались.

Однако они шли бодро и спокойно между собой разговаривали.

Ни души имъ не попадалось по дорогѣ; всюду молчанье, тишь.

Прямо передъ ними чернѣлись обгорѣлыя хаты и садики, вдали дымились села и хутора.

Миновавъ выжженную улицу, на которой уже кое-гдѣ бархатились пятна свѣжей зеленой муравы, они повернули къ разрушенному засоренному колодцу.

— Пріятно испытъ свѣжей криничной водицы! сказалъ бандуристъ.

Съ этими словами онъ запустилъ руку въ глубокую торбу, висѣвшую у него черезъ плечо, досталъ оттуда деревянный ковшикъ, размахнулъ имъ плавающія по верхъ воды головешки, зачерпнулъ и подалъ своему поводырю съ такою дружескою улыбкой, которая несомнѣнно показывала, что онъ своимъ поводыремъ доволенъ и счастливъ вполнѣ.

— Милости просимъ, Марусю! сказалъ онъ.

— Спасибо, отвѣтила Маруся.

И ея улыбка такъ же несомнѣнно показала, что и она довольна и счастлива своимъ спутникомъ.

Она прильнула запекшимися губами къ ковшику съ холодною водой, но утоление жажды не поглотило ее вовсе; она пила какъ-то разсѣянно и глаза ея безпокойно, тоскливо, пристально и жадно оглядывали разрушенный колодезь и въ глубинѣ его, покрытую головешками, водную поверхность.

Вдругъ она вскрикнула:

— А!

Вскрикнула она такъ, словно обрѣла, наконецъ, мучительно ожидаемое. Лицо ея вспыхнуло, глаза засіяли, увлажнились и обратились на спутника.

Взглядъ, который обратилъ на нее спутникъ при этомъ восклицаньи, былъ не вопросительный, а скорѣе взглядъ шутливаго торжества, какимъ напоминають забывчивымъ дѣтямъ о ихъ повторившемся, не взирая на усердныя за себя ручательства, промахѣ.

— Охъ, какъ звонко ахнула! проговорилъ онъ.—Видно, очень сладка ключевая водица, Маруся?

Маруся опять вспыхнула, но уже глаза ея не засіяли, а вдругъ померкли, брови сдвинулись и омрачившееся лицо понятно сказало:

— Опять я не выдержала!

— Ну, что ужъ съ возу упало, то пропало, сказалъ бандуристъ.—Кинемъ лихомъ объ землю! Еще не всѣ наши чайки потонули! Маруся, полно! не запечатывай своего сердечка, не топи очей въ землю, не смыкай устъ! Некому ни подслушивать, ни подглядывать тутъ на пожарницѣ. Сядемъ-ка, закусимъ, а закусивши, дальше потянемъ.

Изъ торбы была вынута краюха хлѣба, нѣсколько свѣжихъ огурцовъ, мѣшечекъ съ солью, и путники принялись за закуску.

Что же заставило радостно вскрикнуть Марусю, точно она вдругъ обрѣла сокровище, на которое и надѣялась, и нѣтъ?

Ничего не видать было около разрушеннаго, обгорѣлаго колодца, кромѣ обуглившихся головешекъ.

Развѣ вогъ только бросается въ глаза свѣжая плетеница зеленаго барвинка, которая, вмѣстѣ съ обуглившими головешками, кружится на всколыхавшейся водѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ попала сюда эта свѣжая плетеница?

Бандуристъ и его поводырь или это знаютъ, или этимъ вовсе не интересуются, потому что они ведутъ разговоръ про городъ Батуригъ и ни единымъ словомъ не поминаютъ про барвинокъ.

Закуска окончена.

— Что, Маруся, отдохнула? спрашиваетъ бандуристъ.

— Отдохнула! отдохнула! громко отвѣчаетъ Маруся.

И вотъ уже она на ногахъ и закинула дорожную котомку за плечи и глядитъ на своего спутника блестящими глазами.

Передъ уходомъ съ мѣста отдыха, ея спутникъ опускаетъ свой старческій посохъ въ колодець и вытягиваетъ изъ воды свѣжую плетеницу барвинка.

— Маруся! говоритъ онъ:—отличный будетъ вѣнокъ!

Маруся схватываетъ протянутую ей зелень, стряхиваетъ съ нея воду и быстро обвиваетъ ею свою голову.

— О, вѣнокъ чудесный! говоритъ она.

И снова бандуристъ съ поводыремъ пускаются такъ же бодро и спокойно въ путь.

— Теперь ужъ недалеко, говоритъ бандуристъ:—не успѣетъ блеснуть въ небѣ первая звѣздочка, а ужъ мы увидимъ могилу Наддѣйпровку.

И точно: не успѣла еще блеснуть въ небѣ первая звѣздочка, какъ они уже завидѣли эту могилу.

Солнце уже зашло и наступила вечерняя мгла, но мгла особая, какая-то золотисто-лиловая. Молоденькія деревья, густые кусты и высокая трава, которыми поросла могила, казалось, тихо пылали; каждая вѣточка, каждая былинка вырѣзывались до того отчетливо на горизонтѣ, что глазамъ становилось какъ-то трудно на нихъ глядѣть.

Черный обломанный крестъ освѣщался такъ мягко, что казался бархатнымъ, а рѣющія въ высотѣ темныя птицы, точно какимъ волшебствомъ, превращались въ радужныхъ, изъ радужныхъ опять въ темныхъ и затѣмъ снова въ радужныхъ, смотря по направленію своего полета.

Съ могилы открывался Днѣпръ.

Онъ представлялся отсюда громаднымъ разливомъ вороненой стали. На противоположномъ берегу высились лѣсистыя горы—снизу совсѣмъ черныя, а сверху точно подернутыя золотистымъ огнемъ.

Доходилъ ропотъ воды снизу и звонкій шелестъ очерета; кругомъ чувствовалась удивительная свѣжесть; время отъ времени, въ общемъ безмолвіи, пронсился крикъ чайки и сама она мелькнула надъ рѣкой чуть замѣтною точкой.

— Вотъ тутъ мы сядемъ и запоемъ, сказалъ бандуристъ.

„Та все пани, та все дуки,
„Позаїдали наши поля, луги, луки!“

прокатилось надъ водами, грянуло въ ущельяхъ и откликнулось далеко за горами.

Окончивши пѣсню, бандуристъ нѣсколько минутъ перебиралъ струны бандуры, между тѣмъ, какъ зоркіе глаза его неподвижно были устремлены на Днѣпръ.

Маруся тоже не сводила глазъ съ рѣки.

Вдругъ гдѣ-то неподалеку, въ очеретахъ, крикнула чайка.

Глаза бандуриста блеснули ярче и снова загудѣло надъ рѣкой пѣнье:

„Та не має гірше такъ нікому,
„Якъ бурлаці молодому!
„Гей, гей, якъ бурлаці молодому!
„Що бурлака робить—заробляє,
„Ажъ піть очи заливає!
„Гей, гей, ажъ піть очи заливає!

Опять неподалеку въ очеретахъ крикнула чайка.

„Ажъ піть очи заливає,
„А хазяинъ нарікає,
„Гей, гей, а хазяинъ нарікає!
„А хазяинъ нарікає
„А хазяйка въ вічі лає,
„Гей, гей, а хазяйка въ вічі лає!

Съ той стороны, гдѣ кричала чайка, изъ камышей выплылъ узенькій челнокъ и, едва отличаясь отъ темныхъ водъ, быстро заскользилъ по нимъ, направляясь къ маленькой бухточкѣ, устроенной самою природой какъ разъ противъ могилы Наддѣйпровки.

Вглядѣвшись пристально, можно было различить неясныя очертанія пловца, или, лучше сказать, его высокой шапки.

Но и не видя пловца, можно было навѣрно сказать, что рука у него мощная и ловкая.

Эта рука дѣйствовала весломъ, какъ игрушкой. Челнокъ неся по водѣ, какъ легкая пушинка по вѣтру.

— Ну, Маруся, сказалъ бандуристъ:—пора намъ наберегъ.

Не разбирая дороги—тутъ, впрочемъ, тропинокъ не было проложено—они быстро спустились съ могилы, обогнули каменистый, крутой выступъ берега и очутились внизу, у самой рѣки, тихо плескавшей въ прибрежныя травы и каймившей ихъ узкою полоской бѣлой пѣны.

— Здоровы були и Богу милі! привѣтствовалъ ихъ ласковый знакомый голосъ.

Легкій челночекъ былъ вытянуть на прибрежный песокъ, а около челнока, облокотясь подбородкомъ на весло, стоялъ добродушный хуторянинъ, панъ Кнышъ.

— Бьемъ челомъ! отвѣтилъ бандуристъ, снимая шапку.

— А что, дивчинка? Какъ живешь-можешь? спросилъ панъ Кнышъ, пристально вглядываясь въ Марусю своими ясными сокольными глазами.

— Благополучно, отвѣтила Маруся.

Да если бы она этого и не отвѣтила, онъ бы легко могъ угадать отвѣтъ по каждой фибрѣ ея оживленнаго лица.

Однако, какъ человекъ, привыкшій не полагаться на отдѣльный, хотя бы и самый доказательный фактъ, онъ, не довольствуясь свидѣтельствомъ лица Маруси, улыбаясь и глядя ее по головкѣ, кинулъ быстрый, но насквозь проникающій, взглядъ на ея спутника.

Тотъ, въ эту минуту, глядѣлъ, усмѣхаясь, на Марусю.

Пану Кнышу, вѣроятно, эта усмѣшка показалась доста-

точно выразительною, потому что онъ пересталъ кидать на нихъ взгляды и обратилъ глаза на Днѣпръ.

— Скоро поплывемъ? спросилъ бандуристъ.

— А вотъ сейчасъ. Славно будетъ плыть, тихо... Тихо такъ, что не шелохнется... Кабы не свѣжестъ отъ воды, такъ жарко бы было.

Судя по выраженью лица и голоса пана Кныша, онъ съ наслажденьемъ упивался этой тишью и слова бессознательно срывались съ его устъ, какъ это бываетъ, когда человекъ весь находится подъ обаяньемъ какого-нибудь ощущенья.

Вдругъ раздался крикъ чайки, и раздался, какъ будто изъ-за плеча пана Кныша.

Тотчасъ же издалека, съ противоположнаго берега, понесся такой же отвѣтный крикъ.

— Пара откликается! замѣтилъ бандуристъ.

— О, эти птицы пречуткія! отвѣчалъ панъ Кнышъ, усаживаясь въ челнокъ. Садись, дивчина, прибавилъ онъ, обращаясь къ Марусѣ и протягивая ей руку.

— Гдѣ другое весло? спросилъ бандуристъ, впрыгивая такъ легко и ловко въ челнокъ, что челнокъ даже не покачнулся.

— Въ челнокъ, на днѣ. Отчаливай!

Челнокъ быстро соскользнулъ на воду и понесся по темному Днѣпру.

XVIII.

Очень хорошо плыть по большой рѣкѣ въ лѣтнюю теплую ночь!

Звѣзды горятъ надъ вами и звѣзды горятъ подъ вами, сверху плыветъ мѣсяцъ и снизу плыветъ мѣсяцъ.

— Вотъ тамъ берега! думаете вы, всматриваясь въ темныя линіи. Вотъ тамъ непременно растетъ сосна, потому что сильно вдругъ потянуло оттуда смолистымъ запахомъ, а вотъ тамъ, навѣрно, пропасть цвѣтовъ, потому что порывъ теплаго вѣтра словно кинулъ вамъ въ лицо цѣлый, только что сорванный, обрызганный ночью росой букетъ.

— Ну, что новаго? спросилъ бандуристъ.

— Немного, отвѣтилъ панъ Кнышъ, работая весломъ.

— А какъ немного?

— Да такъ, что и малому дитяти двумя пальченятами захватить нечего.

— Что-жъ, онъ дома?

— Дома, каплуновъ жарить, прожорливыхъ гостей ждетъ.

— Ужъ коли каплуновъ жарить, значить, что-нибудь порѣшилъ: даромъ тратиться не будетъ, не такой хозяинъ!

— Кто его разберетъ, что онъ замышляетъ, у него *задохъ, якъ у пса стежокъ!* *)

— Ну, да ужъ въ святое мѣсто не забѣжить; развѣ что нечаянно.

— Разумѣется. А *тотъ*?

— Э! кабы всѣ такіе были, какъ *тотъ*, такъ еще бы можно людямъ на свѣтѣ жить. *Тотъ* человѣкъ. У того душа, какъ пойдетъ на небо коржя съ макомъ ѣсть, такъ не станетъ жаловаться, что въ пнѣ жила!

— Написалъ?

— Написалъ. А не легко было ему написать! Такъ его всего и поводило, какъ бересту въ огнѣ.

— Половина дѣла сдѣлана, и за то спасибо Богу. Этотъ охотникъ-таки водить...

— Можетъ, со мной немного круговъ обойдетъ: я такой карась, что трепетывался на удочкѣ... Маруся, измори-лась, а? Легла бы ты да отдохнула, а? А я бы сказку сказывалъ.

— Это дѣло, замѣтилъ Кнышъ.

— Я не хочу спать, я посижу, начала было Маруся.

Но двѣ сильныя, ловкія руки въ одно мгновенье, однимъ махомъ, разостлали по дну лодки толстую суконную свиту, приподняли Марусю и бережно положили на это ложе.

— А я буду сказку сказывать, повторилъ сѣчевикъ.

— У, роскошъ! сказалъ Кнышъ, — Бѣда моя, что у меня всего-на-всего два уха: кабы могъ, я бы еще десятка два въ займы взялъ и всѣмъ бы слушалъ.

— Жилъ былъ козакъ, началъ сѣчевикъ: — козакъ добрый, благочестивый, да только дурень. Онъ съ виду-то и ни-

---

*) У него столько замысловъ, сколько у пса тропинокъ.

чего, и съ первыхъ словъ ничего, а чуть зачерпни его поглубже, такъ такая ужъ тамъ дуровина, что другіе умные козаки пьянѣли отъ нея, какъ отъ какого поганого зелья. Вотъ и задумалъ этотъ козакъ строить себѣ хату. И говорить онъ женѣ:

— Ну, жена, удивлю-жъ я тебя: такую хату выстрою, какой еще не бывало на свѣтѣ. И строить я ее стану не такъ, какъ люди.

— А какъ же? спрашиваетъ жена.

Онъ моргнувъ этакъ глазомъ: дескать, не на такого напала, не проговорюсь! засмѣялся и пошелъ въ лѣсъ руб...

— Поглядите, вдругъ вскрикнула тихонько Маруся:— поглядите!

И указала впередъ, вправо.

Но Кнышъ, сидѣвшій лицомъ туда, давно уже слегка щурилъ свои соколины глаза, какъ бы всматриваясь и распознавая знакомые предметы.

Сѣчевикъ, при возгласѣ Маруси, не шелохнулся, а только спросилъ Кныша:

— Что тамъ?

— Они, отвѣчалъ Кнышъ.

Рѣка въ этомъ мѣстѣ значительно суживалась и челнокъ плылъ почти у самаго праваго берега.

На песчаной косѣ, какъ-бы серебряной лентой входившей въ темныя, сверкающія звѣздами, воды, стояли два человѣка, въ свитахъ и высокихъ шапкахъ и, казалось, поджидали плывущій челнокъ.

Хотя до песчаной косы оставалось еще, по крайней мѣрѣ, добрыхъ четверть версты, но стоящіе на ней такъ ясно и отчетливо вырисовывались въ воздухѣ, что Маруся безъ труда узнала знакомыя фигуры Семена Ворошила и Андрія Крука.

Чѣмъ ближе подплывалъ челнокъ къ песчаной косѣ, тѣмъ яснѣе можно было различить, что поджидающіе кого-то козаки не веселы.

Андрій Крукъ стоялъ, опершись на свою дубинку, и въ мрачномъ безмолвіи глядѣлъ, не спуская глазъ, на приближающійся челнокъ; Семенъ Ворошило о чемъ-то, повидимому,

разсуждалъ нерадостномъ, и лѣвая рука его безпрестанно дѣлала такіе жесты, какими, обыкновенно, смертные выражаютъ свою раздражительность, говоря объ обманувшихъ ихъ надеждахъ, пріятеляхъ или врагахъ.

Когда челнокъ коснулся носомъ отмели, оба козака сняли шапки и проговорили:

— Будьте здоровы!

— Будьте здоровы! отвѣчали Кнышъ и сѣчевикъ.

Они посмотрѣли нѣсколько мгновеній другъ на друга.

Лица сѣчевика и Кныша были спокойны, глаза ихъ внимательно были устремлены на обоихъ козаковъ и только.

Лица козаковъ были замѣтно угрюмы, а глаза не то, чтобы избѣгали встрѣчи съ приплывшими пріятелями, но какъ-то или разбѣгались, или прятались подъ нахмуренныя брови.

— Челнокъ-то вотъ сюда-бы, къ этой сторонкѣ, угрюмо проговорилъ Семенъ Ворошило.

И съ этими словами усердно принялся помогать Кнышу тащить челнокъ.

— Маруся, сказалъ Андрій Крукъ, вынимая изъ-за пазухи узелокъ:—вотъ мать тебѣ прислала.

И онъ подалъ ей посылку.

— Спасибо, отвѣтила Маруся:—что они тамъ? Всѣ здоровы?

— Всѣ здоровы. И ничего, все сошло благополучно.

— А мнѣ гостинца никакого не будетъ? спросилъ сѣчевикъ.—Коли принесли, то, будьте ласковы, дайте, а коли нѣтъ, то такъ и скажите.

— Были мы всюду, началъ Андрій Крукъ:—да не такъ то все дѣлается, какъ...

— Мы ходячи вокругъ тѣхъ ледачихъ полупанковъ паву чоботъ стоптали, подхватилъ Семенъ Ворошило.—Сказано: не такъ и сами паны, какъ тѣ полупанки!

Челнокъ былъ уже на песокъ и теперь всѣ четверо стояли другъ противъ друга.

— Такъ дѣло не выгорѣло? спросилъ сѣчевикъ.

— Оно не то, чтобы совсѣмъ не выгорѣло, и не то, чтобы выгорѣло, отвѣтилъ Семенъ Ворошило.

— Да вы видѣли Самуся?

— Нѣтъ, Самуся не видали.

— Отчего?

— Да мы ждали его, а онъ не пришелъ.

— Отчего-же вы сами къ нему не пошли?

— Да мы и думали было пойти, а потомъ разсудили, что его не застенешь, потому онъ, сказывали, въ Кіевъ уѣхалъ.

— Такъ сходка безъ него была?

— Безъ него.

— Такую сходку и сходкой срамъ назвать, сказалъ Андрій Крукъ.—Пришли семь бабъ да сказали семь радъ, а другіе сѣли на колоды, поговорили про пригоды, табакъ понюхали, рады послушали, да и до дому пошли!

— На чемъ-же порѣшили?

— А ни на чемъ не порѣшили. Подумаемъ, говорятъ; еще надо, говорятъ, подумать.

— А долго будутъ думать?

— Въ ту субботу опять рада сберется.

— Ну, такъ вотъ что, панове козацтво: вы, не дожидаячи этой субботней рады, потрудите свои шановныя ноги, обойдите кого слѣдуетъ и скажите, что коли къ положенному сроку не будетъ все въ исправности, такъ дѣло пропадетъ. А коли теперь дѣло пропадетъ, такъ пусть ужъ на насъ не рассчитываютъ.

Ни Андрій Крукъ, ни Семень Ворошило ничего на это не отвѣтили, можетъ, потому, что въ эту самую минуту начали раскуривать свои трубки.

Трубки, впрочемъ, какъ то дольше обыкновеннаго раскуривались.

Наконецъ, когда уже дымъ пошелъ клубомъ, Семень Ворошило проговорилъ:

— Оно-бы, можетъ, и лучше, кабы пообождать вѣстей отъ Бруя и отъ Попика... Можетъ, оно-бы надежнѣй... Ужъ больше ждали... Ужъ можно бы еще подождать малую толику...

— Да, оно точно бываетъ, что поспѣшишь, да людей только насмѣшишь, замѣтилъ Андрій Крукъ, застала себя цѣлымъ облакомъ дыма.

— Скорыя-то дѣла подъ лавкой лежать, прибавилъ Семень Ворошило.

— Оно, разумѣется, всякое бываетъ, отвѣтилъ сѣчевикъ.

— Кабы тогда не послушались вашего первохода, да не поспѣшили, такъ вотъ теперь бы, можетъ, и не попались въ дурни, сказалъ Андрій Крукъ.

— А по моему глупому разуму, такъ вы потому-то и попались, какъ вы рассказываете, въ неразумные, что вы и тогда выбирались, какъ паньчи за море утять стрѣлять.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, Кнышъ, не теряя ни слова изъ него, набралъ сухого очерету, зажегъ костеръ и мгновенно устроилъ все, необходимое для варева кулеша.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Потомъ сѣчевикъ, съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ, спросилъ:

— Такъ на чемъ же вы порѣшите, панове козацтво? Снесете вы мой поклонъ кому надо, или нѣтъ?

— Да отчего-жъ, это можно, отвѣтилъ Андрій Крукъ.

— Это можно, повторилъ Семень Ворошило.

— Только вотъ что, сказалъ Андрій Крукъ:—напрасно вы такъ погоняете...

— Пане Андрій, отвѣтилъ сѣчевикъ:—намъ съ вами, надо полагать, не сговориться. У меня, какъ у той завязтой жинки, что мужъ ее топилъ, да не научилъ, все будетъ стрижено, а не брито. Киньте вы меня въ днѣпровскую пучину, а я, какъ пойду ко дну, еще покажу вамъ пальцами ножницы.

— Горе да и только! проговорилъ, какъ бы про себя, Семень Ворошило.

— А что, скоро кулешомъ угостишь? спросилъ сѣчевикъ Кныша.

— Закипаетъ. Садидесь, да берите ложки.

Всѣ усѣлись вокругъ котелка.

— Что, Маруся, такая старая сидишь? спросилъ сѣчевикъ.

— Изморилась, должно быть, сказалъ Андрій Крукъ.

— Нѣтъ, отвѣтила Маруся:—я не изморилась.

— Заскучала по своимъ, сказалъ Семень Ворошило.

— Нѣтъ, отвѣтила Маруся:—я не скучаю.

Глаза ея, однако, были съ тревогой и тоской обращены на сѣчевика.

— А вотъ я ее развеселю, попробую, сказалъ сѣчевикъ.—Хочешь, Маруся, я тебѣ еще сказку расскажу, а? Хочешь?

— Хочу, отвѣтила Маруся.

— Ну, слушай. Я тебѣ расскажу, какъ ракъ по воду ходилъ!

Жилъ былъ ракъ. Отличный ракъ. И случилось такъ, что вся вода пересохла около его хаты и надо, хоть умирай, добыть воды.

Вотъ ракъ сидитъ и говорить:

— Кого послать по воду? Кого послать по воду?

— Милости просимъ, кулешъ готовъ, провозгласилъ Кнышъ.

Всѣ принялись за ужинъ.

— Такой кулешъ, друже, что хоть бы и турецкой царицѣ, такъ и она бы съ пальчиками его съѣла, скакалъ сѣчевикъ, откидывая усы за уши.

— Добрый кулешъ, подтвердилъ Андрій Крукъ.

— Коли угодилъ вамъ, панове, значить, доля еще служить, сказалъ Кнышъ.

— Ну, вотъ долго этакъ ракъ думалъ, рассказывалъ сѣчевикъ:—кого бы это по воду ему послать и все никого не подыскивалъ: тотъ, думалъ онъ, дороги не знаетъ, а вотъ этотъ хоть и знаетъ, да ненадеженъ, одинъ не женатъ, такъ, пожалуй, застрянетъ гдѣ на дорогѣ, другой въ церковь рѣдко ходитъ, такъ кто его знаетъ, какъ съ нимъ и связываться, пятый малосилень, у десятаго вѣтеръ въ головѣ, куда ни кинь—все клинь.

— Пойду самъ! порѣшилъ ракъ.

Взялъ посудину и пошелъ:

Шелъ, шелъ, шелъ... Идетъ и все кипятится:

— Чего это я такъ бѣгу! Эхъ сбили меня съ толку вражіе пріятели! Не будетъ проку!

— Кабы въ этотъ кулешъ да еще перцу! сказалъ Семень Ворошило.

— Хорошо бы перцу! согласился Андрій Крукъ.

— И ходилъ ракъ семь лѣтъ по воду, продолжалъ сѣче-

викъ:—на восьмой годъ пришелъ, сталъ перелѣзать черезъ хатній порогъ и разлилъ.

— Э, горемыка! сказалъ Кнышъ.

Розлилъ да и говорить:

— Вотъ такъ чортъ скорую работу беретъ!

Маруся разсмѣялась, Кнышъ тоже, но Андрій Крукъ и Семень Ворошило сидѣли такъ чинно, какъ сидятъ только просватанные поповны.

— Эге! мѣсяцъ-то ужъ куда забрался! сказалъ Кнышъ. Пора.

Всѣ встали.

— Такое, значить, послѣднее ваше слово? спросилъ Андрій Крукъ сѣчевика.

— Такое.

— Пока прощайте.

— Счастливо.

— А коли что тамъ у насъ порѣшати, кому вѣсть подавать?

— А вотъ Кнышу.

— Хорошо. Счастливо.

— Спасибо.

Челнокъ быстро отчалилъ, понесся снова по темному Днѣпру и песчаная отмель, съ черными фигурами и угасавшимъ костромъ, скоро скрылась изъ виду.

XIX.

Черезъ три дня послѣ описаннаго плаванья по Днѣпру, было воскресенье и въ городѣ Гадячъ глухо гудѣли старые колокола, призывая жителей къ заутрени.

Чуть только свѣтало и городъ Гадячъ со всѣми своими узенькими улицами, низенькими постройками и густыми садами, точно, казалось, повить дымкой. Даже фигуры, стекавшіяся со всѣхъ сторонъ къ собору, и тѣ представлялись какъ бы укутанными въ дымку.

Впрочемъ, не взирая на эту предразсвѣтную мглу, все-таки, очень легко было распознать и по походкѣ, и по всей манерѣ держаться, что здѣсь, по большой части, люди ратные.

Наканунѣ шелъ дождь, теперъ въ воздухѣ была влажность и повсюду тишина величайшая.

Такая тишина, что издали были слышны шаги по мокрымъ улицамъ и переулкамъ; нога, ступившая неосторожно въ лужу, производила звонкій всплескъ и капли, скатывавшіяся съ садовой листвы, капали такъ явственно, что ихъ можно было считать.

На церковной паперти, чрезвычайно походившей на садикъ, потому что тутъ не только цвѣла калина, черемуха, бузина, шиповникъ, розы, кизильникъ, бѣлыя, желтыя и розовыя акаціи, но въ изобиліи росли яблони, груши, сливы, вишни, черешни, а сочная, бархатистая, мягкая трава пестрѣла всевозможными садовыми цвѣтами и зельями, собралось уже порядочное количество православныхъ и въ ожиданіи заутрени, толковали про разныя житейскія дѣла.

Знакомый читателямъ бандуристъ съ своею поводирыкой тоже былъ тутъ. Онъ сидѣлъ на нижней ступенькѣ церковнаго крыльца и поучительнымъ, нѣсколько протяжнымъ голосомъ рассказывалъ помѣщавшимся около него повыше и пониже на ступенькахъ и стоявшимъ передъ нимъ полукругомъ козакамъ и козачкамъ, какъ и какія мытарства должна проходить душа для того, чтобы попасть въ царство небесное.

Закончивъ сказаніе о послѣднемъ мытарствѣ глубокимъ вздохомъ, которому завторила большая часть слушателей, бандуристъ погрузился на нѣсколько минутъ въ благочестивыя размышленія и задумчиво поводилъ глазами по начинающимъ понемногу выступать изъ мрака окружающимъ предметамъ.

Всеобщее безмолвіе было прервано двумя подошедшими молодыми козаками, отличавшимися необычайно длинными усами, необычайно тонкимъ и гибкимъ станомъ и какою-то особливо щеголеватостью и развязностью, которая пріобрѣтается частымъ участіемъ въ многочисленныхъ собраніяхъ, большихъ пирахъ и всякихъ такихъ парадахъ.

— Здравствуйте! сказали козаки и такъ ловко сбросили и снова накиннули шапки, словно этимъ только и занимались всю свою жизнь.

— А что панъ гетманъ будетъ? спросило хоромъ нѣсколько голосовъ.

— Будетъ, отвѣчали козаки.

Эти слова, сказанныя звучными и громкими голосами, какъ-бы пробудили бандуриста изъ благочестивой задумчивости и онъ, какъ-бы съ сожалѣніемъ оставляя горній міръ, гдѣ виталь мыслию, счелъ долгомъ своимъ снизойти къ интересамъ прочихъ смертныхъ.

— Поглядятъ и мои очи на яснаго пана гетмана, сказалъ онъ.

— И гетманша будетъ? спросила вертлявая, маленькая, кругленькая, похожая на узелокъ, молодлица.

— И гетманша будетъ, отвѣтили козаки.

— А братчиха?

— Надо думать, и братчиха будетъ.

— А это какая же такая братчиха? спросилъ бандуристъ.

— Гетманскаго братчика жинка, отвѣтило нѣсколько голосовъ:—Мееодіевна.

— Мееодіевна? повторилъ бандуристъ. — Въ нашихъ краяхъ ничего про нее и не слышно. Что-жъ она въ милости, что-ль, у пана гетмана?

— Еще-бы не въ милости! отвѣтила узелко-подобная молодлица.—Она только бровью поведетъ, такъ все сейчасъ по ея дѣлается!

— Такъ въ большой милости? Бываетъ, даетъ Господь Богъ такое счастье людямъ! замѣтилъ бандуристъ:—бываетъ!

— Да что это вы толкуете: „въ милости, въ милости“! отозвался старый, сѣдовласый старикъ, у котораго глаза сверкали изъ-подъ косматыхъ бровей, какъ ярко освѣщенные окошки изъ-подъ взѣрошенной соломенной кровли.—Она такая, что милостей ничьихъ не просить. Вы поглядите только на нее: пряма, какъ стрѣла; видно, что отроду ни разу ни передъ чѣмъ спины не гнула и головы не клонила!

— Что-жъ, горда? спросилъ бандуристъ.—Приступу къ ней нѣтъ?

И тутъ-же прибавилъ нравоучительнымъ тономъ:

— Гордость—грѣхъ. Человѣкъ гордый, что пузырь водный: сегодня вздулся, а завтра лопнулъ!

— Какое, приступу нѣтъ! возразила какая-то старуха, высокая, прямая, съ блестящими, какъ черные алмазы, гла-

зами:—да она словно палючая искра, гдѣ ни появится, куда ни попадетъ, такъ все вокругъ нея и вспыхиваетъ!

— Подождла и пана гетмана? спросилъ бандуристъ, несходительно переходя изъ нравоучительнаго, для обыкновенныхъ слабыхъ смертныхъ нѣсколько стѣснительнаго, тона въ шуточный.

— У нея и что ни на есть сырое дубе вспыхиваетъ, отозвался кто-то, сидѣвшій тоже на ступенькахъ церковнаго крыльца, но довольно далеко и не видный за рядами высокихъ шапокъ и широкихъ плечъ. По голосу, впрочемъ, можно было съ достовѣрностью сказать, что отозвался человѣкъ молодой, крѣпкій и здоровый, потому что голосъ этотъ съ успѣхомъ могъ бы замѣнить старый шипящій и свистящій соборный гадячскій колоколь.

— Что-жъ, панъ гетманъ дарить ее всякими дарами, атласами и аксамитами? спросилъ бандуристъ.—Ходить она небось, краля-кралей?

— Ее разъ козакъ встрѣтилъ, такъ попросилъ коня напоить! отвѣтила старуха съ алмазо-подобными глазами.

— Она ходитъ, какъ простая молодлица, подтвердилъ одинъ изъ щеголеватыхъ козаковъ, съ необычайно длинными усами, необычайно тонкимъ и гибкимъ станомъ:—ей, хоть и старайся, такъ никакъ не послужишь, потому что она все сама умѣетъ и все сама дѣлаетъ. Она никакихъ подарковъ не принимаетъ.

— А мужъ ея что за панъ? спросилъ бандуристъ.

— Ничего, съ виду панъ, какъ панъ.

— И живутъ между собой дружно?

— Дружно.

— Онъ хоть съ виду-то и ничего, а тонкая штука, сказалъ пожилой козакъ, стоявшій около бандуриста, опершись на свою дубинку, который и самъ былъ съ виду хоть и ничего, а тоже тонкая штука.

— А какіе это у васъ около Гадяча бородатые паны разгуливаютъ? спросилъ бандуристъ.—Вчера, какъ подходили мы къ городу, такъ встрѣтили двоихъ—этакіе вельможные да гордые, одна пыха! Глаза этакъ вкось да подъ поволоку, носы вверхъ, губу нижнюю на сажень впередъ...

— Это московскіе паны, гости пана гетмана, объяснилъ молодой гетманскій козакъ.

— Теперь еще поразѣхались, замѣтилъ его товарищъ:— а прежде ихъ еще больше у насъ гостило.

— Поразѣхались? Чего-жъ такъ?

— Да кто его знаетъ, какъ-то ужъ теперь не то, что было прежде. Панъ гетманъ и подчуеъ ихъ, и ласковыя рѣчи говорить имъ, а все не то. Слышно, и послѣдніе скоро уѣдутъ.

Наступило молчаніе и длилось нѣсколько минутъ.

Слышны были шаги по улицамъ, паденье дождевыхъ капель съ садовой листвы. День занимался. Все освѣщалось, выступало изъ мрака, принимало свои настоящія очертанія, точно кто понемногу приподнималъ мглистое покрывало.

Справа раздалась медленная, мѣрная, увѣренная походка и между деревьями появилась высокая, видная фигура въ темной рясѣ, направляющаяся къ церковнымъ дверямъ.

— Вотъ отецъ Михаилъ! Вотъ отецъ Михаилъ! пронеслось между народомъ; кто сидѣлъ, поднялись съ своихъ мѣстъ, кто стоялъ, опершись на дубинки, выпрямились.

Отецъ Михаилъ былъ, если можно такъ выразиться, чрезвычайно картиненъ. Почтенная осанка, строгія черты лица, смягченныя кроткимъ и ласковымъ выраженіемъ, сѣдая, волнистая, похожая на каскадъ борода, спокойныя движенія, проницательные, свѣтлые и, въ то же время, совершенно безмятежные, сіяющіе глаза; все это представляло идеальный типъ пастыря, какихъ приходится встрѣчать чаще на картинахъ, чѣмъ въ жизни.

По тому, какъ его всѣ окружили, можно было замѣтить, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ своихъ прихожанъ.

Бандуристъ тоже подошелъ подъ благословеніе и подвелъ своего поводыря.

— Благословите, батюшка, сказалъ онъ:—мы изъ дальнихъ мѣстъ, пришли помолиться въ богоспасаемый городъ Гадячъ. Благословите, батюшка, и поводырку мою. Стараемся, батюшка, жить по-христіански, другъ другу помогаемъ. Я не изъ одной печи хлѣбъ ѣдалъ, всего повидалъ на долгомъ вѣку, такъ вотъ могу ее наставить на путь житейскій

истинный, а у нея рѣзвыя молодыя силы, такъ она меня, стараго, гдѣ подѣ горку сведетъ, гдѣ на горку поддержитъ... Надо помогать другъ другу. Въ священномъ писаніи сказано: „носите тяготы другъ друга“. Одною рукою и узла не завяжешь...

Отецъ Михаилъ, спокойно и кротко внимавшій рѣчамъ словоохотливаго бандуриста, при послѣднемъ его выраженіи не то, чтобы вострепнулся—этого нельзя было положительно утверждать—а какъ-то особенно пристально взглянулъ ему въ глаза.

— Да, продолжалъ словоохотливый бандуристъ:— сказано: одна головня и въ печи гаснетъ, а ворошекъ и въ полѣ курится.

Свѣтлые, ясные глаза отца Михаила все также пронизательно, пристально, кротко и безмятежно глядѣли на бандуриста.

— Хорошо рѣкъ съ притоками, хорошо доброму воеводѣ съ...

— Разумныя рѣчи говоришь, прервалъ спокойно отецъ Михаилъ:— все доброе на землѣ держится согласіемъ православныхъ и каждый, по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнья, обязанъ помогать ближнему. Издалека Богъ принесъ къ намъ?

— Да почти-что всю Украину исходилъ, пока сюда добрался.

— Трудно теперъ по дорогамъ?

— Голому разбой не страшенъ, всюду проходили благополучно.

— А каковы жита?

Отецъ Михаилъ спросилъ это тѣмъ же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, но съ какою-то особой медленностью и внятностью.

— Такія жита, что хоть зелеными жать, такъ можно, отвѣтилъ странствующій бандуристъ, своимъ обычнымъ, безпечно-наставительнымъ тономъ, который вошелъ у него, казалось, въ привычку, но тоже какъ-то особенно внятно и медленно.

— Панъ гетманъ! Панъ гетманъ! вскрикнули щеголеватыя козаки.

Всѣ обратили глаза въ ту сторону, откуда слышался стукъ колесъ и топотъ борзыхъ коней.

Отецъ Михаилъ прошелъ въ церковь.

Видъ пана гетмана и пани гетманши былъ внушительнъ, какъ слѣдуетъ: атласы, аксамиты, золотыя запястья и вышивки, драгоценныя камни и яркіе цвѣта достоительно соединялись съ вельможною тучностью, спѣсивостью, развѣлистю походкой и изнѣженнымъ, блѣднымъ цвѣтомъ лица.

Они величаво, какъ двѣ тяжело нагруженныя ладьи, проплыли во внутренность церкви, милостиво кивая головами въ отвѣтъ на почтительныя низкіе поклоны простого люда.

Не взирая на эту величавость, нѣкоторые, вѣроятно, ближе и лучше изучившіе пана гетмана, нашли въ немъ, на этотъ разъ, что-то необычное.

— Панъ гетманъ сегодня пасмуренъ! сказалъ одинъ.

— Панъ гетманъ сегодня не веселъ! сказалъ другой.

— Что это панъ гетманъ начинаетъ задумываться? задалъ вопросъ третій.

— Я его встрѣтила въ четвергъ, ѣхала съ хутора, вмѣшалась круглая крохотная молодлица, похожая на узелокъ:—такъ онъ такой ѣхалъ, точно хмара! Поводья опустилъ, голову наклонилъ, а брови такъ чуть не перекрестились! И такой онъ былъ...

Но дальнѣйшее описанье прервалось появленіемъ новыхъ двухъ лицъ.

— Братчиха! братчиха! прошумѣло кругомъ.

Бандуристъ обратилъ глаза на братчиху.

Сравненіе съ „палючею искрою“ было сравненіе не дурное, а предположеніе, что эта прямая какъ стрѣла, спина отроду не передъ кѣмъ не гнулась, что это смѣлая голова никогда ни передъ кѣмъ не клонилась, имѣло, несомнѣнно, много вѣроятія.

Когда братчиха ступила на ступеньку церковнаго крыльца, поводырка странствующаго бандуриста остановила ее тихонько за широкій рукавъ сорочки.

— Пани, сказала поводырка:—хустку обронили.

И протянула ей красную хустку.

Высокая стройная фигура пріостановилась, обернулась, глянула на красную хустку, на державшую ее дѣвочку, взяла хустку и сказала:

— Спасибо, дѣвчина.

Видно было, что нервы у нея были крѣпкіе, что она не вздрогнетъ при какой бы то ни было неожиданности, не вскрикнетъ отъ какого бы то ни было испуга или изумленія, что темные, большіе, глубокіе, какъ море, глаза прямо глянутъ на все и такъ же мало померкнуть или зажмурятся, какъ яркія звѣзды, озаряющія съ высоты грѣшную землю.

— Какъ тебя зовутъ, моя ясочка? спросила она.—Ты, кажется, не здѣшняя?

— Нѣтъ, я издалека.

— Издалека? То-то ты такая измореная! Откуда же ты?

— Ей и не припомнить всѣхъ селъ и хуторовъ, черезъ которые мы проходили, ласковая пани, вмѣшался бандуристъ.—Повидали мы всего: и добра и лиха, и правды, и кривды, бродили по берегамъ, и по болотамъ; ну да, благодаренье Господу милосердному, выбрались-таки на добрый шляхъ. Криво запрягли, да прямо поѣхали.

— Ну, и слава Богу, отвѣтила братчиха.—Вы придите на гетманскій дворъ, прибавила она:—панъ гетманъ и пани гетманша любятъ слушать божественные псалмы.

Съ этими словами она скрылась въ дверяхъ храма.

Когда она скрылась, тогда сталъ очень замѣтенъ стоявшій тутъ и внимательно слушавшій панъ-братчикъ, о которомъ старый козакъ говорилъ, что онъ съ виду ничего, а тонкая штука.

— Приходите на гетманскій дворъ, повторилъ панъ братчикъ.

Бандуристъ низко поклонился и отвѣтилъ:

— Спасибо ласковому пану за милость. Послѣ службы сейчасъ придемъ.

Изъ внутренности собора уже раздавался спокойный сильный голосъ отца Михаила, запахло ладономъ, грянулъ хоръ голосистыхъ пѣвчихъ.

Заутреня началась и всѣ разомъ двинулись въ старое соборное зданіе, задѣвая локтями и плечами многочисленныхъ чертей, подкладывающихъ уголья подъ грѣшниковъ и грѣшницъ, пручающихся, съ разинутыми рта́ми и выпученными глазами, на огнь и, такимъ образомъ, наглядно представляющихъ страшное будущее тѣхъ слабыхъ смертныхъ, которые не въ силахъ противостоятъ земнымъ соблазнамъ.

XX.

День былъ томительно зноенъ, не смотря на то, что капли вчерашняго, обильно пролившагося дождя искрились на травѣ и какая-то молодая, чернобровая козачка, разговаривая съ чернобровымъ и молодымъ, какъ сама, козакомъ, повѣрившимъ ей, по всѣмъ видимостямъ, какія-то чрезвычайно для него интересныя и важныя вещи, вдругъ обдала своего собесѣдника градомъ теплыхъ, чистыхъ, сверкающихъ капель, незамѣтно потянувъ густолиственную, цвѣтущую вѣтку старой, раскинувшейся широкимъ шатромъ калины, подъ которой они стояли.

Испуганный козакъ подскочилъ съ несвойственною ему, судя по средоточенному и рѣшительному виду, какой представляла до того его физіономія, стремительностью, а лукавая красавица звонко захохотала, отирая вышитымъ рукавомъ бѣлоснѣжной сорочки свѣжую щеку, на которую тоже попали брызги.

Гадяцкія улицы издали представляли изъ себя подобіе черныхъ бархатныхъ лентъ, перехваченныхъ мѣстами блестящими запястьями и отороченныхъ ярко-зеленою бахромой, вблизи—размягченный дождемъ черноземъ, окаймленный густою муравой и испещренный довольно глубокими лужичами.

Безпрестанно слышался стукъ отпираемыхъ и запираемыхъ дверей и въ воздухѣ далеко разносились разноголосныя привѣтствія, которыми встрѣчали хлѣбосольные хозяева своихъ праздничныхъ гостей.

Нетолько ослѣпляло солнце своимъ золотымъ блескомъ, но ослѣпляло и небо своею яркою лазурью, отчего черныя тучи, надвигавшіяся съ запада, казались еще чернѣе и края ихъ вырѣзывались еще рѣзче.

— Къ ночи будетъ сильная гроза, проговорилъ панъ гетманъ.

И проговорилъ это панъ гетманъ съ такимъ безпокойствомъ и при этомъ такой тяжелый вздохъ вырвался у него изъ груди, что сидѣвшій напротивъ него на рундукѣ *) за столомъ русобородый московскій бояринъ спросилъ:

— Панъ гетманъ, видно, боится грозы?

— Проявленіе силы Господней, а потому каждый хри-

---

*) Рундукъ—крытое крыльцо, родъ террасы.

стіанинъ долженъ трепетать, отвѣтилъ панъ гетманъ задумчиво.

— Господь милостливъ, авось помилуетъ! сказалъ московскій русобородый бояринъ.—А тучи надвигаются большія!

— Да, большія, подтвердилъ панъ гетманъ, взглянувъ разсѣянно на темную гряду облаковъ, которыя быстро надвигались на яркую синеву неба.

Панъ гетманъ каждое слово выговаривалъ какъ-то вяло, неохотно, часто проводилъ пальцами по лбу, словно чувствовалъ тутъ какую несносную боль; потускнѣвшіе глаза его обращались все куда-то вдаль, на всемъ его полномъ, откормленномъ лицѣ, да и не только на лицѣ, даже на всей массивной, ожирѣвшей фигурѣ лежалъ отпечатокъ какой-то внутренней тревоги и утомленія,—утомленія, явившагося, быть можетъ, слѣдствіемъ вышепоименованной тревоги, невыносимой для изнѣжившагося пана.

Насколько панъ гетманъ былъ вялъ, разсѣянъ и озабоченъ, настолько же его собесѣдникъ и гость, русобородый московскій бояринъ, былъ оживленъ, юрокъ и безпеченъ.

Массивная, неповоротливая фигура пана гетмана казалась еще массивнѣе и неповоротливѣе въ сравненіи съ его плотной, но вертлявой и гибкой фигурой, полузакрытые глаза пана гетмана еще тусклѣе и безжизненнѣе въ сравненіи съ его разбѣгающимися во всѣ стороны, пытливыми, блестящими глазами.

Когда онъ снова повторилъ, вскинувъ безпечно своими блестящими глазами на двигавшіяся тучи и поглаживая бѣлой рукой свою русую бородку: „авось Господь помилуетъ“, онъ какъ-бы выразилъ этою фразой весь свой характеръ.

Можно было навѣрное сказать, что въ немъ хватить и сметливости, и находчивости, и проницательности на десятерыхъ, но что надъ всѣмъ этимъ преобладаетъ беззаботное „авось“, которое заправляетъ всѣмъ остальнымъ.

Можно было поручиться, что въ виду, напримѣръ, переправы черезъ пропасть по тонкой, пляшущей жердочкѣ, онъ отлично пойметъ и сообразитъ всѣ послѣдствія подобной переправы, но, встряхнувъ кудрями, скажетъ „авось, переберусь!“, и отправится.

И не только въ томъ случаѣ, если благополучно перебе-

рется, но даже въ томъ, если поломаеть кости, но удѣлѣть голова, онъ опять при первой же оказіи также тряхнетъ кудрями, также скажетъ „авось, переберусь“ и также беззаботно отправится.

— Всѣ мы люди грѣшные, возразилъ панъ гетманъ:— и никто изъ насъ не можетъ сказать: сегодня я не получу за грѣхи свои должнаго возмездія!

Панъ гетманъ сказалъ это докторальнымъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятся подобныя вещи, но въ докторальности его проглядывала скорѣе раздражительность трусливаго вельможи, чѣмъ сокрушеніе христіанина.

— Господь долго грѣхамъ терпѣть, отвѣтилъ московскій бояринъ, видимо считая своею обязанностью при этихъ словахъ поднять свои блестящіе, живые, разбѣгавшіеся во всѣ стороны глаза къ небу, но на полпути къ сіяющему эфиру опуская ихъ на вившуюся по широкому двору тропинку, по которой медленно приближался старый бандуристъ съ загорѣлою дѣвочкой, въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ цвѣтовъ.

Глаза пана гетмана, искоса устремившіеся на собесѣдника, въ ту-же минуту обратились по направленію его взгляда тоже на тропинку, и странно подѣйствовало на него появленіе стараго бандуриста: вялое апатичное лицо вдругъ вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло и губы слегка задрожали; онъ поспѣшно провелъ рукою по лбу, заморгалъ и тревожно, пытливо глянулъ на московскаго боярина, какъ-бы желая прочесть на его лицѣ, не закралось ли къ нему въ душу какое подозрѣніе.

Но лицо московскаго боярина, на которомъ, кстати сказать, читать было возможно только съ его боярскаго позволенія, ничего не выражалось, кромѣ того празднаго, скучающаго любопытства, какое одолѣваетъ людей, долго проживающихъ въ глуши и уединеніи, или долгое время вращающихся въ средѣ, давнымъ-давно ими вдоль, поперекъ и насквозь узнанной и не представляющей уже для нихъ ровно никакого интереса.

Не нашедъ на лицѣ московскаго боярина ничего для себя знаменательнаго, панъ гетманъ опустилъ рѣсницы на свои руки, сложившіяся тѣмъ манеромъ, какимъ онѣ складываются у духовныхъ или у очень набожныхъ особъ, полу-

чившихъ привычку не только къ молитвѣ, но и къ сценическому, если можно такъ выразиться, ея проявленію, и въ этомъ положеніи впалъ, казалось, въ глубочайшую задумчивость, или, точнѣе, въ набожныя размышленія, уносящія изъ міра грѣшной дѣйствительности въ міръ горній, который благочестивое воображеніе щедро населяетъ двукрылыми ангелами и херувимами, шестикрылыми серафимами, чудеснымъ блескомъ, божественнымъ сіяніемъ и райскою музыкой.

И такъ глубоко задумался панъ гетманъ, такъ всецѣло унесся въ иной, лучшій міръ, что московскій бояринъ долженъ былъ дважды повторить:

— Панъ гетманъ, нищіе пришли. Панъ гетманъ! пришли нищіе!

Панъ гетманъ, наконецъ, очнулся, обратилъ глаза на пришедшихъ нищихъ, милостиво наклонилъ свою вельможную голову въ отвѣтъ на ихъ низкіе, чуть не до самой земли, поклоны, позвалъ козака, стоявшаго, въ ожиданіи гетманскихъ приказаній, за дверями и протяжнымъ, благодушнымъ голосомъ отдалъ распоряженіе угостить пришельцевъ.

— Позволить ли ясно-вельможный панъ гетманъ сыграть и спѣть старому бандуристу? почтительно спросилъ старый бандуристъ, сопровождая каждое слово или низкимъ поклономъ, или такимъ смиреннымъ взглядомъ, который стоитъ всякаго низкаго поклона.

Панъ гетманъ милостиво позволилъ и пригласилъ усталаго пѣвца сѣсть.

Панъ гетманъ даже простеръ свою милостивую внимательность до того, что указалъ бѣлою вельможною рукою на мѣсто, гдѣ сѣсть, прибавивъ:

— Тутъ не печетъ солнце.

Бандуристъ, выразивъ съ подобающимъ почтеніемъ свою смиренную признательность за милостивую ласку ясно-вельможнаго пана гетмана, сѣлъ на указанномъ мѣстѣ, на ступеньку, въ углу рундука *), и очутился совершенно въ тѣни; московскому боярину, довольно внимательно разсматривавшему стараго нищаго, остались видны только часть его сѣдой бо-

---

*) Смотри выноску на стр 384.

роды, могучее плечо, покрытое ветхой и грубою, но бѣлою, какъ только что выпавшій снѣгъ, полотняною сорочкой, да носокъ громаднаго сапога, являвшій выразительные слѣды постоянныхъ путешествій и по пыльнымъ, и по грязнымъ дорогамъ; вся фигура и лицо только мелькали пыльными пятнышками сквозь зеленую частую сѣть мелколистой старой груши, такъ низко раскидывавшейся надъ всѣмъ рундукомъ, что нѣкоторыя вѣтви касались пола своею блестящею зеленью.

— Надѣнь шапку, старче, сказалъ милостивый панъ гетманъ.

Московскій бояринъ, какъ бы машинально приподнявшій грушевую вѣтку, опустилъ ее опять, тоже какъ бы машинально, и обратилъ глаза на дѣвочку, спутницу стараго бандуриста.

Ее московскому боярину удобно было разсматривать: она помѣстилась какъ разъ напротивъ, да еще, кромѣ того, солнечный лучъ падалъ на нее сверху.

Бандура заиграла и пѣнье раздалось.

„Ой раю пресвітлый, ой раю прекрасный!“ пѣлъ благочестивый старецъ.

При первыхъ же звукахъ показались вельможная пани гетманша и пани братчиха, которыя тихо заняли мѣста поодаль и тоже стали слушать торжественное пѣнье псалмовъ.

Обѣ женщины сидѣли со сложенными руками, въ одинаково смиренной позѣ, съ опущенными въ землю глазами, являя собою типъ знатныхъ невольницъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда двѣ личности одного пола и почти одного возраста не представляли столь совершеннаго контраста.

Красивое барское лицо вельможной пани гетманши носило на себѣ яркую печать долгой скуки и тоски часто развивающихся при роскошной безсодержательной жизни, и кромѣ того что-то въ родѣ того недоумѣнья, какое является у дѣтей послѣ того, какъ талантливый учитель искусно объяснилъ имъ непонятный, дотошъ казавшійся несноснымъ, но внезапно, неожиданно исполнившійся интереса, урокъ, степень того дѣтскаго, неопытнаго, непривычнаго, раздумья, которое еще не можетъ идти далѣе тревожныхъ „какъ же это?“ „неужто!“ „такъ вотъ какъ!“ и безпокойство мирной домосѣдки, нечаянно пустившейся въ неизвѣстный, преисполненный опасностями, путь.

Лицо пани братчихи отличалось спокойствіемъ, но это спокойствіе можно было сравнить съ спокойствіемъ знойнаго лѣтнаго дня, какой тогда былъ: все цвѣтеть, благоухаетъ, дышетъ тысячью жизней, нѣтъ порывовъ вѣтра, не слышно громовыхъ раскатовъ, не сверкаетъ молнія, но вы знаете, что мгновенно можетъ все кругомъ потемнѣть и можетъ разыгаться такая гроза и буря, которая многое уничтожить изъ окружающей цвѣтущей прелести.

„Ой раю пресвѣтлый, ой раю прекрасный“, пѣлъ старый бандуристъ.

— Дѣвочка, какъ тебя зовутъ? спросилъ московскій бояринъ маленькую спутницу сѣдовласаго пѣвца.

У московскаго боярина голосъ былъ вообще мягкій, но теперь, когда онъ понизилъ его, вѣроятно, не желая мѣшать прочимъ наслаждаться пѣньемъ псалмовъ, онъ сталъ совсѣмъ бархатный; лицо у московскаго боярина было вообще привѣтливое, но теперь, вѣроятно, для приданія бодрости маленькой нищенкѣ, къ которой онъ удостоилъ обратить свое боярское милостивое слово, оно превратилось въ одно ласковое добродушіе и, казалось, говорило: „коли ты умница дѣвочка, такъ ужъ у меня за пряниками дѣло не станетъ“!

Не взирая на это, ясные глаза дѣвочки обратились на московскаго боярина недоувѣрчиво; она ничего не отвѣтила на его ласковый вопросъ и, повидимому, нисколько не польстилась на великіе посулы, которые давала ей его выразительная фізіономія.

Московскій бояринъ снисходительно повторилъ свой милостивый вопросъ:

— Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

Дѣвочка опустила глаза и отвѣтила:

— Марусею.

— Марусею? промолвилъ московскій бояринъ, какъ бы желая выразить: „ну, коли Марусею, такъ это отлично и тебѣ горевать не о чемъ“.

— Изморила, Маруся, а? продолжалъ онъ.

Маруся опять не отвѣтила и онъ снова долженъ былъ повторить свой вопросъ, что, впрочемъ, его ни мало, казалось, не раздражало, потому что, получивъ, наконецъ, въ отвѣтъ: „изморила“, онъ съ тою-же благосклонностью спросилъ:

— Дорога далекая, а? Вы откуда идете?

И опять дикарка-мужичка не отвѣтила сразу, и опять онъ съ тою-же неизмѣнной милостивой благосклонностью повторилъ:

— Далекая дорога? Вы откуда, а?

— Не знаю.

Въ эту минуту голосъ стараго пѣвца смолкъ и раздавался только одинъ пріятный, звонкій ритурнель на бандурѣ.

Панъ гетманъ, до сихъ норъ всецѣло отдавшійся слушанью божественнаго псалма, какъ-бы очнулся, поднялъ голову и глаза его встрѣтились съ глазами именитаго гостя.

— Душеспасительно послушать! промолвилъ панъ гетманъ, какъ бы про себя.

— Душеспасительно, подтвердилъ именитый гость.

Затѣмъ, вставая съ мѣста и обращаясь къ бандуристу, онъ спросилъ:

— А не знаешь-ли ты, любезный человѣкъ, какъ поется стихъ про разбойника придорожняго?

— Нѣтъ, вельможный панъ, не знаю такого, отвѣтилъ бандуристъ.—Вотъ про поповича знаю, и про невольника знаю, и про вдову...

— Ты поучись про разбойника: хорошъ стихъ! перебилъ московскій бояринъ.—Славныя гусли какія у тебя! А ну-ка, дай поближе поглядѣть.

— Извольте, вельможный панъ, глядите, отвѣчалъ добродушный бандуристъ, подавая бандуру боярину.

Повертывая въ рукахъ нехитрый инструментъ, бояринъ присѣлъ около стараго пѣвца, ступенькой повыше и опять повторилъ:

— Славныя гусли! Славныя гусли!

Расхваливая гусли, онъ глядѣлъ, однако, не на нихъ, а прямо въ лицо ихъ владѣтеля.

Но владѣтель, хотя человѣкъ по всѣмъ видимостямъ чрезвычайно скромный, ни мало, однако, не смущался пристальными боярскими взглядами.

Съ подобающимъ почтеніемъ, но совершенно свободно, объяснялъ онъ любознательному боярину устройство своего инструмента, и не только не выказывалъ желанья прекратить

часто смущающій простого человѣка разговоръ съ высокопоставленной особою, но даже увлекался и вводилъ въ свою рѣчь совѣсьмъ посторонніе эпизоды, какъ изъ своей страннической жизни, такъ и изъ жизни своихъ товарищей по искусству.

— Вы не знавали Семена Бруя! добродушно спрашивалъ онъ.— Неужто не знавали? Эдакій высоченный, чернобровый старикъ, длинный эдакій носина и кривъ на лѣвое око? Такъ таки вы его нигдѣ и не встрѣчали? Дивно мнѣ. Его, куда ни пойдешь, вездѣ встрѣтишь. И не знаега его? И не слыхали про него? Онъ мнѣ встрѣтился на той недѣлѣ въ Бобрикахъ. „Э!“ говорю, „бѣса тѣшишь, Семене?“ А онъ видите, добродію, играетъ молодежи „Добру жинку“. Онъ, добродію, бѣдовый человѣкъ: на троихъ женатъ былъ... Такъ вотъ у него бандура чудовая! Изъ такого дерева, добродію, эта бандура сдѣлана, что играетъ, что хочетъ. Самъ, добродію, своими, вотъ этими ушами слышалъ (при этомъ бандуристъ дотронулся до своихъ ушей), какъ Семень говоритъ: „Спою вамъ про Ярему“—хватъ! бандура играетъ про Голоту! Колдовская бандура! Ее, говорятъ, колдунъ и дѣлалъ. И ужъ у кого совѣсть не чиста, тотъ лучше и не подходи слушать—опозорить на всю громаду! Такъ и начнетъ наигрывать: „ты воръ, ты чужихъ жинокъ обольщаешь, ты постовъ не держишь“—одно слово: что кому слѣдуетъ, тѣмъ и угостить.

— И тебѣ наигрывала эта бандура, любезный чело вѣкъ? споросилъ бояринъ, слушавшій бандуриста съ благосклоннымъ вниманіемъ.

— И мнѣ наигрывала, добродію.

— Что-жъ такое тебѣ она наигрывала? Небось: „Человѣкъ Божій, правдивецъ переходжій!“ Э?

— Нѣтъ, добродію, со вздохомъ сердечнаго сокрушенія отвѣтилъ бандуристъ:—нѣтъ! Я человѣкъ грѣшный. Дѣло тогда было въ пятницу, пришелъ я издалека, изморился, голодный такой, что меня свело въ три погибели, и попуталъ меня бѣсъ... Попуталъ, добродію, попуталъ! Захожу въ шинокъ, выпилъ чарку, осматриваюсь—колбаса лежитъ. И такая колбаса, добродію, что и не сказать! И глядитъ эта колбаса прямо на меня—ей Богу, добродію, такъ вотъ и глядитъ,

такъ вотъ и глядитъ... И слышу шепчетъ мнѣ: „сѣшь, сѣшь, отроду такой не пробоваль“ Я туда, сюда—нѣтъ! чую, ужъ по губамъ меня мажетъ, эдакъ тихонько, такъ что животъ замираетъ... И сѣлъ я, добродію. Самъ не знаю, какъ сѣлъ, а сѣлъ... И что-жъ вы думаете? Только что я подошелъ, Семенова бандура и давай нажаривать: „Колбасу ѣлъ, колбасу ѣлъ, колбасу, колбасу, колбасу...“ Такъ я и сгорѣлъ со стыда... Такъ и сгорѣлъ...

— А какъ думаешь, любезный человѣкъ, коли у кого нѣтъ колдовской бандуры, такъ тому ужъ и не узнать, что ты ѣлъ колбасу, а? съ милостивою шутливостью спросилъ бояринъ.

— Въ священномъ писаніи сказано: „нѣтъ такого тайнаго дѣла, чтобы оно, рано или поздно не вышло на чистую воду“, отвѣчалъ бандуристъ:—а все-таки, мы грѣшники (я не про васъ это, добродію, говорю) вдоволь настраиваемъ всякихъ тайныхъ штукъ! Иной такой строитель весь свой вѣкъ такія хоромы выводитъ, что бѣсъ отъ радости только за животъ хватается, а все шито и крыто. Но, прибавилъ бандуристъ докторальнымъ, торжественнымъ тономъ:—коли не на этомъ, то на томъ свѣтѣ, всякому злему дѣянію воздается должная плата!

— Платять иному и на этомъ свѣтѣ, замѣтилъ бояринъ не столь докторальнымъ, какъ значительнымъ тономъ.

— Платять, добродію, платять, отвѣтилъ бандуристъ ничуть не знаменательнымъ, но просто тѣмъ довольнымъ, торжествующимъ тономъ, какимъ благочестивые люди предсказываютъ кару язычникамъ и грѣшникамъ.

— Платять, платять, повторилъ бояринъ.

Казалось, боярина, празднаго и скучающаго, очень занялъ странствующій пѣвецъ и бесѣда съ нимъ забавляла капризнаго въ своихъ благосклонности и презрѣніи вельможу.

Панъ гетманъ, сидя, попрежнему, съ сложенными руками, однако, не представлялъ уже человѣка, унесшагося въ міръ горній—совершенно напротивъ: его, казалось, обуяла страшная тревога, и отъ времени до времени, пользуясь тѣмъ, что именитый гость стоялъ къ нему спиною, онъ обращалъ, какъ бы взывая о помощи, испуганные глаза на пана братчика, тихо вышедшаго тоже на рундукъ и спокойно, повиди-

тому, слушавшаго бесѣду боярина въ бандуристомъ, и своимъ спокойствіемъ какъ-бы говорившаго пану гетману;

— Пока еще ничего, пока еще нечего пугаться. Увидимъ, что дальше будетъ.

Но еще чаще панъ гетманъ обращалъ взывающіе о помощи глаза на пани братчиху и, получая на свои десять потерянныхъ взглядовъ одинъ, приводящій его мгновенно въ себя, тихонько вздыхалъ, потиралъ лобъ рукою и старался принять видъ, приличный мужу высокаго сана.

Пани гетманша, видимо не разумѣющая, но инстинктивно чувствующая, что всѣ тайно заняты чѣмъ-то важнымъ, что гдѣ-то кроется близкая опасность, нѣкоторое время наблюдала за всѣми, но потомъ, какъ-бы сознавъ тщету своихъ наблюдений, снова погрузилась въ смиренную задумчивость, представлявшую большое сходство съ дремотой.

Неизвѣстно, долго-ли еще продлилась-бы бесѣда боярина съ странствующимъ пѣвцомъ, если-бы пани братчиха не встала съ своего мѣста и, проходя въ садъ, не потревожила боярина, который какъ разъ помѣстился на дорогѣ.

— Позвольте пройти, сказала пани братчиха съ почтительнымъ низкимъ поклономъ.

Бояринъ поспѣшно, даже стремительно далъ ей дорогу, красивое лицо его очень замѣтно вспыхнуло и онъ, какъ-бы застигнутый врасплохъ чѣмъ-то неожиданнымъ, долго смотрѣлъ вслѣдъ стройной фигурѣ, спокойно исчезавшей въ густой зелени цвѣтущаго сада.

Затѣмъ онъ снова обратился было къ бандуристу, но только взглянулъ на него, а ужъ не вымолвилъ ни слова.

Находчивымъ, смѣтливымъ, безпечнымъ бояриномъ вдругъ овладѣла какая-то неотступная забота, но нельзя сказать, чтобы забота только тяжелая, потому что лицо его не разъ вспыхивало и оживлялось чѣмъ-то радостнымъ.

— А что, давно ты былъ въ Чигиринѣ? спросилъ онъ бандуриста, обративъ на его лицо тотъ неопредѣленный взглядъ, которымъ смотреть люди, всецѣло занятые своими дѣлами и только машинально произносящіе какія-нибудь, утратившія для нихъ интересъ, слова.

— Э, въ Чигиринѣ теперь трудно пробраться, добродію, отвѣчалъ бандуристъ:—повсюду войско, лахи, татарва... По всему шляху такъ и зыгзають пули... Кому бѣлый свѣтъ опостылѣлъ, тотъ пусть только туда двинется—его дѣло справлено. Я, признаться, и то перетрухнулъ порядкомъ. Наслушался всякихъ такихъ разсказовъ про тамошнюю рѣзню отъ одного земляка, Ивана Дудника, иду и раздумываю: „а что, коли на меня наскочить какой-нибудь нехристь“? И вдругъ слышу, земля гудеть. Глядь, прямо на меня несется что-то черное А я шель степнымъ шляхомъ, кругомъ только степь безъ края. Вижу я, несется что-то черное, а за нимъ другое, за другимъ третье, пятое, десятое—мнѣ померещилась цѣлая орда. Ну, думаю, пришелъ мой конецъ! А, все-таки, присяду въ траву--можетъ, пронесетъ ихъ дидько*). И пластомъ, эдакъ, на землю растянулся и лежу—не дышу, а самъ думаю: „а ну, какъ растопчуть?“ И вотъ слышу храпѣть что-то около самага моего праваго уха и траву рветъ, и все ближе, и ближе, ближе. Я такъ и замеръ... Только что я выговариваю: „Господи! отпусти мои согрѣшенія!“ какъ меня кто-то рванетъ за чубъ. Я рывкнулъ на всю степь... Что-жъ вы думаете, добродію? Это какая-то проклятая телка такого страху мнѣ задала и чуть чубъ не откусила. Изъ погорѣлыхъ хуторовъ весь скотъ загнали въ степь и скотъ этотъ тутъ одичалъ. Телки затѣяли игру, побѣгали себѣ, да и стали пастись, и одна вотъ чуть не попалась моимъ чубомъ... Перетрухнулъ я тогда! Вотъ ужъ правду-то говорятъ, что у страха очи по яблоку! Да какъ его не испугаться, коли страшно? И не хочешь, да испугаешься. И самые храбрые храбры только до поры, до времени. Вотъ былъ у меня землякъ—онъ ужъ теперь умеръ, царство ему небесное, мѣсто покойное, пускай его душенька тамъ прохладждается между райскими цвѣтами да сладкими медами!—и землякъ этотъ ничего на свѣтѣ не боялся. Только разъ...

Тутъ бояринъ, слушавшій всю предыдущую рѣчь разсѣянно, перебилъ стараго бандуриста.

— Дѣвочка твоя изморила, промолвилъ онъ.

— Изморила, добродію, отвѣтилъ бандуристъ.

---

*) Дидько--лѣшій, чортъ.

— На тебѣ грошикъ, купи себѣ пряникъ, сказалъ бояринъ дѣвочкѣ.

Онъ протянулъ ей нѣсколько монетъ.

— Что-жъ ты не берешь? Ты живая, или каменная, а?

Дѣвочка сидѣла все время такъ тихо и неподвижно, что ее въ самомъ дѣлѣ можно было принять за каменную, если бы не ея ясные глаза, да не живой, ярко вспыхнувшій на загорѣлыхъ щекахъ румянецъ.

— Благодари, Маруся, благодари пана, сказалъ бандуристъ. — Она у меня застѣнчивая, добродію, глупая; вы ее простите... Благодари, Маруся, пана, благодари!

Маруся встала и поклонилась.

Но благосклонный вельможа, наградившій ее щедрымъ подаянiемъ, уже не видалъ этого благодарственного поклона.

Какъ бы движимый какою-то непреодолимою силою, онъ направился къ дверямъ во внутреннія свѣтлицы.

На порогѣ онъ, однако, остановился, оглянулся на пана гетмана, ясно увидѣлъ на его лицѣ то выраженіе, какое бываетъ у человѣка, наконецъ, освободившагося отъ душившей его петли, отлично уразумѣлъ это выраженіе, взялся рукой за при толку, какъ бы желая удержаться этимъ искусственнымъ средствомъ на своемъ посту, и на губахъ его появилась улыбка, выразительно говорившая:

— Эхъ вы! вамъ ли обморочить меня?

Но въ это время изъ глубины сада донеслось пѣніе. Мягкій, низкій голосъ пѣлъ украинскую пѣсню:

Тиха вода берега поймае,
Великій панъ до мене прибуває.

А у мене думу
Якъ на морі шуму...

При первыхъ же звукахъ этого голоса боярскіе пальцы, сначала такъ крѣпко ущипнувшіеся за при толку, что совершенно побѣлѣли, вдругъ ослабѣли, разжались, на боярскомъ лицѣ мелькнуло: „Пропадай все на свѣтѣ, а я упыюсь этимъ хмелемъ!“ и, тряхнувъ своими роскошными русыми кудрями, бояринъ скрылся.

XXI.

— Что, далеко еще итти? спросила Маруся.

— Утомилась, ясочка? спросилъ сѣчевикъ.

— Нѣтъ, не утомилась. Я только хочу знать, далеко ли еще идти.

— Не далеко. Вонъ, видишь впереди, направо, лѣсъ? Въ этомъ лѣсу мы и отдохнемъ. Да, можетъ, утомилась, а?

— Нѣтъ, нѣтъ, право, нѣтъ!

Но онъ, все-таки, наклонился и заглянулъ нѣжно и заботливо въ загорѣлое личико.

— Не утомилась? повторилъ онъ.—Кто лукавить, знаешь, что тому бываетъ на томъ свѣтѣ? Не доведется тебѣ горячую сковородку лизать, а?

— Не доведется, отвѣтила Маруся и бѣлые ея зубки сверкнули изъ-за свѣжихъ устъ.

Подумавъ съ минуту, она обратила свои темные сіяющіе глаза на спутника и прибавила:

— Да я лучше лизну, чѣмъ останавливаться!

— Я полагаю, лучше вотъ такъ сдѣлать! отвѣтилъ онъ.

И, наклонившись, поднялъ юную софистку на рукахъ и понесъ ее, какъ легкое перышко.

— Нѣтъ, нѣтъ... вскрикнула она. Я сама пойду, я сама...

Но могучія руки крѣпко ее придержали и тихо сказанные слова: „сиди смирно, моя ясочка!“ уничтожили всякое сопротивление. Она обняла смуглую, какъ темная, полированная бронза, и, казалось, какъ бронза крѣпкую шею и прилегла головой къ богатырскому плечу.

День начиналъ клониться къ вечеру, и не было уже полдневнаго палящаго зноя; дорога, или, правильнѣе говоря, тропинка, шла то по полю, по узенькимъ межамъ, между высокимъ, густымъ, какъ очереть, житомъ, то по небольшимъ дубравкамъ, преисполненнымъ цвѣтовъ, гнѣздъ, благоуханій, разногласныхъ и разноперыхъ птицъ, радужныхъ бабочекъ, дикихъ пчелъ, изумрудныхъ кузнечиковъ, золотыхъ иглъ солнечныхъ лучей и прохлады. Время отъ времени, гдѣ-нибудь вдали показывалась колокольня сельской цѣркви, сверкало озерцо, рѣчка или прудъ, разстилался, какъ темный бархатъ, широкой лугъ, виднѣлась деревня, блистающая бѣлыми хатами, пестрѣющая цвѣтущими огородами, зеленѣющая сади-

ками, или бѣлѣлъ изъ-за деревьевъ одинокій хуторъ.

— Видишь, сколько *волошекъ* и *куколоу* въ житѣ? ска-
заль сѣчевикъ.

И несказанно мягко было выраженіе его закаленного и непогодами и суровою жизнью лица, когда онъ пріостановился и показывалъ уютившейся на его сильныхъ рукахъ дѣвочкѣ бархатистыя чашечки синихъ васильковъ и малиноваго куколоу, мелькающія между сплошными, прохваченными солнцемъ, блѣднозелеными колосьями ржи.

— Знаешь что, Маруся? Здѣсь стоитъ присѣсть да вѣнокъ сплести! продолжалъ онъ.—Славный вѣнокъ будетъ! Такой славный, что и не сказать!

Говоря это, онъ бережно спустилъ дѣвочку на землю, тихонько посадилъ ее на темную мураву межи и, протянувъ свою длинную, могучую руку въ жито, началъ рвать васильки и куколь, оглянувшись на нее съ улыбкой и промолвивъ:

— Ты сиди смирно, Маруся!

Маруся сидѣла смирно и слѣдила за каждымъ его движеніемъ, а онъ, время отъ времени, оборачивался къ ней и, показывая цвѣтокъ, вырванный съ корнемъ непривычною къ такому деликатному занятію рукой, смѣялся и весело критиковалъ свое неуклюжество.

— Вотъ оно! говорилъ онъ:—заставь дурня Богу молиться, такъ онъ и лобъ расшибетъ! Ловкій я молодецъ! Другого такого ловкача и не найти! Пошли медвѣдя гоняться за перепелками, такъ и медвѣдю, пожалуй, до моей легкости и до моего проворства далеко...

— Довольно, довольно, сказала Маруся, собирая обсыпавшіе ее со всѣхъ сторонъ цвѣты.

— А можетъ еще? возразилъ сѣчевикъ. Вотъ славный цвѣточекъ—пышный такой, что диво!

Онъ протянулъ ей василекъ, въ самомъ дѣлѣ отличающійся особою величиной и свѣжестью, а затѣмъ сѣлъ съ нею рядомъ и съ большимъ вниманіемъ и интересомъ началъ слѣдить то за работою загорѣлыхъ ручекъ, быстро и искусно сплетающихъ цвѣты въ вѣнокъ, то за измѣненіями личика, наклоненнаго надъ этою работою.

— О чемъ задумалась, Маруся? спросилъ онъ.—Что вспомнила?

Или онъ былъ очень хорошій чтець фizioномій, или хорошо изучилъ эту фizioномію, только онъ не ошибся.

— Я вспомнила, какъ мы плели вѣнки дома, отвѣтила Маруся.

— Тоскуешь по своимъ?

— Нѣтъ, ничего...

Но плетенье вѣнка внезапно пріостановилось, потому что большіе темные глаза застлались слезами.

— Очень тоскуешь, мое сердце?

Слезы крупныя, обильныя быстро покатались по щекамъ, ручки выпустили цвѣты и быстро закрыли личико, изъ груди вырвалось тихое рыданье.

Однако, она скоро побѣдила это, застигнувшее ее врасплохъ, волненіе и, отирая рукавами слезы, обратила влажные глаза на спутника и повторила еще дрожащимъ голосомъ, но уже съ улыбкой:

— Нѣтъ, ничего...

Чувствуя, однако, что слезы опять набѣгаютъ, она, вса-таки, улыбаясь, прибавила:

— А очень горяча сковорода, которую даютъ лизать на томъ свѣтѣ?

Не получая отвѣта и видя, что лицо его омрачилось, она тихонько дотронулась до его плеча.

Онъ сказалъ тогда:

— Тяжко тебѣ, Маруся?

— Вѣдь и тебѣ тяжело, отвѣтила она:—и всѣмъ?

— Да, всѣмъ.

— Пойдемъ.

— Пойдемъ.

Они взялись за руки и пошли дальше.

Скоро въ сторонѣ показалось селеніе, къ которому вела узкая ѣзженная дорога, пересѣкавшая межу, по которой шли наши путники.

— Видишь, Маруся, село?

— Вижу, отвѣтила Маруся.

— Большое село?

— Большое.

— Ну, чѣмъ больше село, тѣмъ больше въ немъ женъ, матерей, сестеръ и невѣстъ, которыя плачутъ, потому что по этой дорогѣ много ушло мужьевъ, братьевъ, жениховъ и отцовъ на битву и никто не знаетъ, сколько изъ нихъ воротится. Времена тяжкія, Маруся; понимаешь?

— Понимаю, отвѣтила Маруся.

Нѣсколько времени они шли молча.

Синѣвшій лѣсъ, на который указалъ сѣчевикъ, какъ на мѣсто отдыха, по мѣрѣ приближенія къ нему, переходилъ въ зеленый цвѣтъ, затѣмъ обозначились темные листья дубовъ и кудрявая зелень березъ на опушкѣ.

— Вотъ мы и пришли, сказалъ сѣчевикъ, разводя вѣтки и проникая въ чащу.

— Какая тутъ прохлада! продолжалъ онъ.—Сейчасъ отыщемъ уютное мѣстечко и отдохнемъ.

Пришлось, однако, отыскивать такое мѣстечко долже, чѣмъ думалось: гущина была такая, что нельзя было ступить шагу свободно; кромѣ древесныхъ вѣтвей, которыя хлестали въ лицо, кромѣ шиповниковъ, которыя вцѣплялись въ волосы и въ платье, и царапали острыми шипами, кромѣ повалившихся деревьевъ, которыя преграждали путь, передъ ними еще разстилались повилики снизу и сѣти хмѣлю сверху.

Но сѣчевикъ, вѣроятно, зналъ, куда идетъ, потому что не разъ пріостанавливался, смотрѣлъ по сторонамъ, соображалъ и снова принимался раздвигать вѣтви и рвать плетеницы вьющейся зелени.

Наконецъ, они выбрались на такое мѣсто, гдѣ можно было свободно стать и сѣсть.

— Отдохни, Маруся, сказалъ сѣчевикъ:—такихъ аксамитовъ *) и у самого вельможнаго пана гетмана не имѣется, какіе вырастаютъ подъ этимъ дубомъ! Вотъ иди-ка сюда... И самъ дубъ ничего себѣ деревцо!

„Ничего себѣ деревцо“ далеко раскидывало величественныя вѣтки и образовало что-то въ родѣ зеленого храма, гдѣ

---

*) Аксамитъ—бархатъ.

было тихо, темно и прохладно. Лучи солнца сюда не проникали и только видно было, какъ они пронизывали листву окружающихъ деревьевъ или падали свѣтлыми пятнами и полосами на ихъ корни и стволы.

Неподалеку отъ дуба стоялъ высокій старый пенъ, совершенно потемнѣвшій, не являвшій никакихъ признаковъ жизни, а между тѣмъ, на одномъ сгнившемъ его боку зеленѣло что-то.

Марусины глаза очень скоро усмотрѣли необычайное явление; но Маруся, повидимому, сдѣлала замѣчательные успѣхи въ сдержанности послѣ того, какъ мы видѣли ее въ погорѣлой деревнѣ, у колодца, гдѣ ее поразили видъ свѣжей зелени, плавающей въ засоренной криницѣ, потому что теперь она не только не вскрикнула, но даже слова не промолвила, даже недолго глядѣла на обратившій ея вниманіе предметъ.

Все это не укрылось отъ зоркаго сѣчевика.

Взявъ съ верхушки сухого пня еще не завядшую вѣтку калины, онъ бросилъ ее Марусѣ на колѣни и сказалъ съ улыбкой:

— Съ тобою, Маруся милая, можно дѣла вести. Э! кабы всѣ-то такіе дѣлцы были, какъ ты!

Въ эту самую минуту откуда-то изъ глубины лѣса донеслось что-то, похожее на крикъ пугача *).

— Рано пугачъ закричалъ, такъ и голоса не выводить, замѣтилъ сѣчевикъ.—Добрые пугачи вотъ какъ пугаютъ!

Онъ приложилъ два пальца къ губамъ и изъ его устъ раскатилось такое „пугу“, котораго-бы не постыдился самый голосистый изъ кровныхъ пугачей.

И это „пугу“ подѣйствовало: съ трехъ сторонъ раздались отвѣтные крики птенцовъ.

— Посиди тутъ, Маруся, сказалъ сѣчевикъ:--я скоро ворочусь.

— Хорошо, отвѣтила Маруся.

Сѣчевикъ раздвинулъ вѣтви и тиснулся въ чащу, но вдругъ остановился, обернулся къ Марусѣ и проговорилъ:

— Не скучай, Маруся!

— Не буду, отвѣтила Маруся.

Они обмѣнялись улыбками, которыя стоили всевозможныхъ словъ и ласкъ, и сѣчевикъ скрылся.

---

*) Пугачъ—филинъ.

XXII.

Маруся прислушивалась къ тихому треску сучьевъ и шелесту вѣтокъ до тѣхъ поръ, пока они совершенно замерли, затѣмъ опустила голову и раздумалась.

Ей было о чемъ призадуматься: столько неожиданнаго и таинственнаго случилось съ ней въ послѣднее время, столько важныхъ, всемогущихъ людей она перевидала!

А главное, столько во всемъ этомъ было для нея, все-таки, темнаго и непонятнаго!

Она все время точно ходила по краямъ какихъ-то невидимыхъ, но живо чувствуемыхъ пропастей.

— И отчего это люди бываютъ такіе недобрые? думала она.

И въ дѣтскомъ, не развившемся еще умѣ возникалъ цѣлый рядъ тѣхъ общественныхъ вопросовъ, отъ которыхъ нерѣдко ломить головы самыхъ опытныхъ мыслителей.

Время отъ времени, измученная этими тяжелыми мыслями, на которыя не находилось у нея другихъ отвѣтовъ, кромѣ „воля Божія“, „попущенье Божіе“, она поднимала голову и оглядывалась кругомъ.

Удивительная лѣсная тишина и прохлада освѣжали и нѣжили ея, до нельзя измученное, усталое долгими странствованіями и непрерывными душевными тревогами, тѣло, но, въ то же время, при ея смятенномъ состояніи духа, были для нея чѣмъ-то въ родѣ пытки.

Никакого отвѣта не давала эта спокойная, равнодушная природа.

Если сравненіе юной, свѣжей, терзаемой заботами души съ цвѣтущей розой, угнетаемой терніями, подходило къ кому-нибудь, такъ это къ спутницѣ бандуриста, которая сидѣла теперь подъ наметомъ стараго дуба, чуть видная изъ-за зелени.

Въ лѣсу мало-по-малу темнѣло, словно чья-то невидимая рука надвигала на него шапку. Свѣтлыя полосы и пятна, падавшія на древесные корни и стволы, исчезли; только пронизывались еще тонкія стрѣлки пурпуроваго заката.

Маруся вдругъ вышла изъ-подъ дуба, живая тревога настоящей минуты поглотила всѣ остальные тревоги, заботы и недоумѣнья.

— Сказаль: скоро ворочусь! проговорила она.—И ничего не слышно!

Да, ничего не было слышно, какъ она ни прислушивалась. Зеленый лѣсъ стоялъ кругомъ стѣною; даже птичій крикъ не нарушалъ безмолвія этой чащи, даже вѣтеръ не шелестилъ листвою.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, одинъ, другой...

Маруся выпрямилась, какъ подъ вліяніемъ электричества.

Еще выстрѣлъ.

И все тихо и глухо. Напряженный слухъ ничего не улавливаетъ.

Такъ прошло еще нѣсколько времени, сколько именно—неизвѣстно, но Марусѣ оно стало за долгое.

Сначала она часто вставала, ходила, прислушивалась, потомъ, утомившись этими волненіями, осталась на старомъ мѣстѣ, подъ дубомъ, неподвижно, какъ изваянная.

Она даже и тогда не поднялась, когда очень явственно послышался порохъ, только щеки у нея вспыхнули и глаза тоскливо устремились въ ту сторону.

На этотъ разъ надежда была не напрасная; вѣтки раздвинулись и знакомое лицо показалось между ихъ заколебавшеюся зеленью.

Но это лицо было до того блѣдно, что радостный крикъ замеръ на устахъ дѣвочки.

— Маруся, сказалъ сѣчевикъ:—вотъ видишь ты, червоная хустка, видишь?

— Вижу, отвѣтила Маруся.

— Я выведу тебя на дорогу...иди по этой дорогѣ все прямо... Прямо, черезъ дубровку, пока дойдешь до мостика... За этимъ мостикомъ будетъ другая дубровка... и дорожка... ступай по дорожкѣ въ эту дубровку... Встрѣтитя тебѣ человѣкъ, скажетъ: „помогай Боже, Маруся“! Ты отдай ему эту хустку и скажи: „Богъ помогаетъ“!.. Слышала?.. Будешь помнить, Маруся?..

Онъ говорилъ все это внятно, но съ чересчуръ уже большими разстановками; лицо его становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, крупныя капли пота капали со лба и стоялъ онъ не такъ, какъ всегда, не прямо, а прилегая плечомъ къ дереву.

— Иди, Маруся! Ты пойдешь?

— Пойду, отвѣчала она.—Что у тебя болитъ?

— Ничего, Маруся, заживетъ, мое сердце! иди...

Онъ взялъ ее за руку.

— Какая у тебя холодная рука! вскрикнула она.

— Не до моей теперь руки, моя ясочка. Спѣши скорѣе...

Отдай хустку... Сюда... Иди... сказалъ онъ такъ убѣдительно и серьезно, что она уже больше не посмѣла спрашивать.

Онъ хотѣлъ раздвинуть вѣтки, но не могъ. Видѣ такой слабости въ человѣкѣ, на котораго она привыкла смотрѣть, какъ на олицетвореніе всѣхъ силъ физическихъ и нравственныхъ, поразила Марусю. Она сама страшно поблѣднѣла, но, свято исполняя выраженное имъ желаніе, ничего не сказала.

Чьи-то другія руки—мускулистыя и грубыя—свои, рабочія, какъ тотчасъ-же признала Маруся, вдругъ вытянулись и раздвинули сучья.

— Не бойся, Маруся, проговорилъ сѣчевикъ,—это мой товарищъ... Онъ только чужихъ кусаетъ... Правда, Иване?

— Разумѣется, правда, отвѣтилъ густой басъ, судя по которому было легко повѣрить, что обладатель его, коли захочетъ, то укусить можетъ.

Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ, Маруся увидала сначала, высоко между листьями, небольшую голову, смуглое лицо съ свѣтлыми усами и пару блестящихъ глазъ, а потомъ длинную, мужскую фигуру, которая быстро двинулась впередъ, прокладывая передъ ними путь.

— Вотъ это и есть товарищъ мой, Иванъ, сказалъ сѣчевикъ Марусѣ.—Видишь, какой: дубы въ лѣсу переросъ!

Иванъ, двигаясь впередъ, нѣсколько разъ пріостанавливался и оглядывался на товарища, какъ-бы ожидая, не понадобится ли ему какая помощь, но въ такихъ случаяхъ сѣчевикъ каждый разъ говорилъ ему:

— Иди, иди, Иване... Чего-жъ ты сталъ? Можетъ, ты задумалъ собирать цвѣтки въ травѣ, или грибовъ поискать хочешь?

И Иванъ опять двигался дальше.

Гораздо скорѣе, чѣмъ ожидала Маруся, выбрались они на опушку лѣса.

Съ этой стороны у самой опушки начались поля и

узенькая межа между цвѣтущей гречихой, надъ которой жужжалъ рой пчель, сводила на черную проселочную дорогу, которая правильными, какъ издали представлялось, вавилонами вилась къ обозначававшемуся на горизонтѣ селенію, пересѣкая по пути двѣ небольшія дубровки.

— Видишь, Маруся, вотъ дубровка... та, послѣдняя... Иди, моя ясочка, иди... Вотъ хустка...

Онъ показалъ ей точно такую-же хустку, какую она разъ подняла на церковномъ крыльцѣ и подала гетманской пани братчихѣ.

Маруся взяла хустку, хотѣла итти, но тихо вскрикнула и остановилась.

Сѣчевикъ, который положилъ ей ласкающую руку на голову, вдругъ зашатался и, не будь товарища Ивана, навѣрное-бы упалъ.

— Кровь! кровь! вскрикнула Маруся въ ужасѣ.

Кровь, точно, свѣжая, теплая кровь просачивалась сквозь ветхую свитку стараго бандуриста.

— Ничего, Маруся, ничего, проговорилъ сѣчевикъ.— Помнишь, что мы съ тобой говорили? Не тотъ козакъ, что за водой плыветъ... а тотъ, что противъ воды... Это заживетъ... Мы вѣдь съ тобой пустились не ягоду малину рвать... сладкаго и ждать нечего... Иди, моя ясочка... иди... Надѣнь хустку на голову...

— А ты? спросила Маруся, дрожащими ручками появляясь по его совѣту червоную хусткою.

— Я приду, мое сердце приду...

Раздались, одинъ за другимъ, три выстрѣла.

Товарищъ Иванъ прислушался и проговорилъ:

— Они!

— Иди, Маруся, иди... повторилъ сѣчевикъ.

Онъ хотѣлъ, по своему обычаю, погладить ее по головѣ, но рука не поднялась.

Онъ только проговорилъ:

— Иди, Маруся: надо!

Она пошла.

— Оглядываться можно? проговорила она, какъ бы обращаясь къ отсутствующему руководителю.

И оглянулась.

На опушкѣ уже никого не было. Лѣсъ казался сплошной зеленою стѣною.

Это не помѣшало ей еще не разъ оглянуться.

Впрочемъ, уступая сердцу, она не забывала вѣреннаго ей дѣла и шла быстро, какъ могла.

Вотъ первая дубровка, вся насквозь прохваченная пурпуромъ заката. Сколько здѣсь цвѣтовъ цвѣтеть и благоухаетъ.

Вотъ опять поля, опять цвѣтущая гречиха, жужжащій рой пчелъ. Близехонько прокричалъ перепелъ.

Вотъ и мостикъ за дубровкой.

Кто-то будто скачетъ, шибко скачетъ.

Надо поглядѣть, откуда и кто.

Похоже, какъ будто, на татарина. Да, такихъ встрѣчали они не разъ по дорогамъ и всегда отъ нихъ прятались или въ ровъ, или въ жито.

Не спрятаться ли теперь?

Онъ скачетъ прямо къ мостику. Надо спрятаться въ очеретъ.

Но она не успѣла сдѣлать и шагу къ густому очерету, росшему около мостика, у берега мелкаго прозрачнаго ручья, въ видѣ гигантской зеленой щетки: раздался выстрѣлъ и червоная хустка заалѣла на черной дорогѣ.

Хустка эта брала только своимъ цвѣтомъ, доброта-жъ ея оказалась такая, что даже жадный татаринъ не польстился ее снять и снова ускакалъ, какъ бы обманутый въ своихъ ожиданіяхъ.

Когда все стихло, изъ дубровки, изъ той, что за мостикомъ, вышелъ какой-то поселянинъ съ топоромъ и вязанкой зеленыхъ сучьевъ за плечами и, проходя мимо, наклонился, обернулъ къ себѣ помертвѣвшее дѣтское личико, приложилъ руку къ груди, подъ которой образовалась уже лужица теплой крови, потомъ проговоривъ: „нѣтъ, ужъ не оживешь!“ пошелъ дальше своею дорогой.

Онъ, впрочемъ, снялъ червоную хустку и унесъ съ собою.

Давнымъ-давно все это случилось, но до сихъ еще поръ небольшая могила, неподалеку отъ этихъ мѣстъ, называется „Дивоча“.

Говорятъ тоже, что могилу эту насыпалъ самъ, своими руками, какой-то запорожецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Три доли.	3
Пройди-свѣтъ	108
Ледащица.	158
Не подъ пару	186
Сказки. О девяти братьяхъ разбойникахъ и о десятой сестрицѣ Галѣ . . .	197
„ Невольница	244
„ Медвѣдь	259
„ Кармелюкъ	268
Маруся	301
